ФУТБОЛ
КОТОРЫЙ МЫ ПОТЕРЯЛИ

ГЕОРГИЙ ЯРЦЕВ

БОРИС КОПЕЙКИН

ЛЕВ ЯШИН

ВАЛЕРИЙ ВОРОНИН

ДАВИД КИПИАНИ

ФЕДОР ЧЕРЕНКОВ

ЭДУАРД МАРКАРОВ

ГЕННАДИЙ ЕВРЮЖИХИН

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВ

ЕВГЕНИЙ ЛОВЧЕВ

ОЛЕГ БЛОХИН

ВИТАЛИЙ СТАРУХИН

ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ

НЕПРОДАЖНЫЕ ЗВЕЗДЫ ЭПОХИ СССР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В нынешнее время футбол превратился в бизнес, в некое шоу, в котором продается все и вся. За баснословные гонорары покупаются легионеры, которые, отыграв год-два в России, затем уезжают из страны и навсегда забывают о ее существовании. А местные футболисты кочуют из клуба в клуб в поисках заработка и боятся разве что одного — как бы не продешевить, продаваясь очередному хозяину. О чести клуба или страны такие спортсмены либо вообще не вспоминают, либо делают это крайне редко, поскольку такое нынче время — продажное. Однако были благословенные годы, когда футболисты умудрялись всю спортивную жизнь играть в одном-единственном клубе, не покупаясь даже на самые заманчивые посулы. Именно о таких непродажных футболистах и пойдет речь в этой книге.

- Федор Раззаков
  -
  - Лев в воротах
  - Футболист трагической судьбы
  - Футбольный денди
  - Бакинский «Пеле»
  - Правдоруб из «Спартака»
  - Футболист, ставший дипкурьером
  - «Копейка», равная рублю
  - «Забивала» из Киева
  - Головастый «забивала» по прозвищу Бабуся
  - Русский узбек в нападении
  - Неудержимый Дато
  - Забивной «старичок»
  - «Царь Федор», или Романтик от футбола
  - Свет погасших звезд
    - 1970
    - 1971
    - 1972
    - 1973
    - 1974
    - 1975
    - 1977
    - 1978
    - 1979
    - 1980
    - 1981

- 1982
- 1983
- 1984
- 1985
- 1986
- 1987
- 1988
- 1989
- 1990
- 1991
- 1992
- 1993
- 1994
- 1995
- 1996
- 1997
- 1998
- 1999
- 2000
- 2001
- 2002
- 2003
- 2004
- 2005
- 2006
- 2007
- 2008
- 2009
- 2010
- 2011
- 2012
- 2013
- 2014
- 2015

○ Источники

Федор Раззаков
Футбол, который мы потеряли. Непродажные звезды эпохи СССР

ЛЕВ ЯШИН

ЭДУАРД СТРЕЛЬЦОВ

ВАЛЕРИЙ ВОРОНИН

ЭДУАРД МАРКАРОВ

ЕВГЕНИЙ ЛОВЧЕВ

ГЕННАДИЙ ЕВРЮЖИХИН

БОРИС КОПЕЙКИН

ОЛЕГ БЛОХИН

ВИТАЛИЙ СТАРУХИН

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВ

ДАВИД КИПИАНИ

ГЕОРГИЙ ЯРЦЕВ

ФЕДОР ЧЕРЕНКОВ

© Ф. Раззаков, 2016
© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Лев в воротах
Лев Яшин, «Динамо», Москва

Этого человека звали «Гагариным советского футбола». И это не было преувеличением. Как и первый космонавт Земли, этот человек тоже стал олицетворением советского строя, его самым знаменитым и раскрученным брендом, известным даже в самых отдаленных уголках земного шара.

Лев Яшин родился 22 октября 1929 года в рабочей семье. В футбол начал играть чуть ли не сразу как встал на ноги и научился ходить. Мяч гонял везде: во дворе, в школе, на ближайшем к дому стадионе. Когда во время войны Яшин, как и тысячи советских подростков, пришел работать на один из оборонных заводов в Тушине (Яшин жил неподалеку — на Миллионной улице), любимым развлечением мальчишек в перерывах между работой был все тот же футбол. Причем настоящих мячей у них не было, поэтому они мастерили мяч из ветоши, перетянутой веревками.

Однажды на завод, где работал Лева, пришел тренер детско-юношеской футбольной школы Владимир Чечеров — хотел отобрать способных ребят в свою секцию. Когда отобрал, выстроил их по ранжиру и стал называть игровое амплуа каждого: «Ты, Коля, будешь нападающим, ты, Петя, — защитником, а ты, Лева, встанешь на ворота». Как вспоминал позднее великий вратарь, его очень огорчило это, как ему тогда казалось, несправедливое назначение. Ведь он никогда не стоял в воротах, больше всего любил быть нападающим и забивать, забивать. А тут — вратарь. Однако спорить с тренером не осмелился. Как показали дальнейшие события, перстом тренера водило само Провидение.

После войны Яшин продолжал играть в футбол, теперь он защищал спортивную честь родного завода во взрослой команде. Стоит отметить, что на заре своей футбольной карьеры Яшин не производил большого впечатления на болельщиков. Играл он неровно — мог весь матч отстоять «сухим», демонстрируя феноменальную реакцию, а мог напропускать таких «бабочек», что трибуны буквально ревели: «Дырка!», «Решето!». Да и внешне Яшин выглядел в воротах не очень картинно: долговязый увалень (рост у него был 184 см), худой, с длинными руками и ногами.

В 1949 году Яшина призвали в армию, однако он пошел служить не в войска, а был взят вратарем в дублирующий состав футбольной команды столичного «Динамо» (до этого он какое-то

время играл в динамовской молодежке у тренера Аркадия Чернышева). И стоял, мягко говоря, не блестяще. Однажды в матче со сталинградским «Трактором» на поле соперника пропустил гол от своего коллеги — вратаря. Смешно? Но так оно и было. Вратарь «трактористов» выбил сильным ударом мяч в поле. Тот взмыл в небо и, подхваченный порывом сильного ветра с моря, полетел к воротам москвичей. Яшин решил его поймать, выбежал навстречу, но внезапно столкнулся со своим защитником и упал на землю. А злосчастный мяч легко вкатился в его ворота. Говорят, трибуны чуть не рухнули от дружного хохота. Вместе со всеми над незадачливым голкипером смеялись и его одноклубники, игроки первого состава — Бесков, Карцев, Блинков, Соловьев.

Однако этот курьезный случай не перечеркнул вратарскую карьеру Яшина — тренеры и дальше продолжали ставить его в ворота. А летом 1950 года и вовсе решили доверить ему место вратаря в основном составе команды. Как показали дальнейшие события, Яшин к такому повороту был совершенно не готов.

Вспоминает Л. Филатов: «2 июля 1950 года состоялся матч «Динамо» — «Спартак». За «Спартак» в ту пору я болел открыто, напускать на себя респектабельную, швейцарскую нейтральность нужды не было. А страдать в тот день мне пришлось, мои продували 0:1, исполнением всех желаний было — сквитать. За четверть часа до конца что-то стряслось с Хомичем (вратарь «Динамо». — *Авт.*), и его заменили. В воротах возник долговязый парень, который, как мне показалось, не знал, куда себя деть, либо от неумения, либо от робости. И от одного его растерянного вида в душе затеплилась надежда, что «Спартак» спасет матч. Так и произошло, долговязый парень принялся невпопад совершать странные движения и выпады и в конце концов наскочил на кого-то из своих (это был Блинков. — *Авт.*), ворота распахнулись настежь, и спартаковский центрфорвард Паршин выкатился кстати и мяч заколотил. Вместе со всем спартаковским лагерем я облегченно торжествовал и вышел на Ленинградское шоссе в приятном расположении духа. Тут во мне и шевельнулась жалость. Нетрудно представить, каково сейчас этому новенькому. У знатоков я выведал его фамилию — Яшин — и то, что он до этого отчебучил нечто подобное, играя за дублеров, поэтому, как говорили, из него вряд ли выйдет вратарь…»

Филатов был прав в своих подозрениях — Яшин после того матча был в настоящем отчаянии. Его вновь отправили в дубль, но спустя какое-то время ситуация повторилась: что-то случилось с основным вратарем Хомичем, и тренеры «Динамо» вновь позвали Яшина. И он в очередной раз отличился. При счете 4:1 в

пользу «Динамо» умудрился пропустить подряд три мяча. Взбешенный тренер отдал команду заменить «дырявого» вратаря, однако в дело внезапно вмешался действующий игрок Константин Бесков. Махнув тренеру рукой, он крикнул: «Не надо, так доиграем!» — и вскоре вывел динамовцев вперед — забил пятый гол.

Несмотря на то что победный счет динамовцам удалось удержать, Яшин чувствовал себя паршиво. Именно тогда в нем созрело решение завязать с футболом, и он сменил бутсы на коньки — стал в ворота хоккейного «Динамо». И надо заметить, зарекомендовал себя на этом поприще с самой лучшей стороны. Вот как вспоминал об этом очевидец — комментатор Николай Озеров:

«Как сейчас помню этот день — 12 марта 1953 года. В решающем матче на Кубок Советского Союза по хоккею с шайбой встретились постоянные соперники, столичные команды — ЦСКА и «Динамо». Вопреки всем прогнозам, в напряженнейшей борьбе победили динамовцы — 3:2. Во многом успеху команды способствовал молодой вратарь Лев Яшин. Помню, я спросил у одного из лучших наших хоккеистов — Алексея Гурышева:

— Что можете сказать о динамовском вратаре Яшине?

— Великолепный спортсмен, — последовал ответ. — Уверен, что он еще не раз прославится в ледяных баталиях».

Между тем этот прогноз действительно сбылся, но несколько в ином качестве. Яшин действительно прославился, но не на ледяных площадках, а на футбольных полях. Дело в том, что весной 1953 года Яшин вернулся в дублирующий состав футбольной команды «Динамо».

Второй «заход» Яшина в футболе оказался намного успешнее первого. С каждым новым состязанием он набирался необходимого опыта, мастерства, и вскоре его уверенная игра, демонстрируемая в официальных матчах, заставила забыть о его прошлых неудачах. В 1953 году Яшина вновь поставили в ворота в основном составе «Динамо». И это был уже другой Яшин. Уверенный в себе, хладнокровный, надежный. Многие специалисты удивлялись такому поистине чудесному превращению.

С приходом в команду такого вратаря «Динамо» заиграло увереннее, смелее, и хотя в чемпионате Союза в 1953 году команда заняла лишь 4-е место, однако в розыгрыше Кубка СССР динамовцы стали победителями. Но особенно драматично сложился для Яшина и его команды следующий сезон. С самого старта чемпионата они захватили лидерство и последовательно переиграли «Спартак», тбилисское «Динамо», «Зенит», «Торпедо».

Благодаря надежной игре Яшина динамовцы пропустили в первых 12 играх лишь 3 мяча (всего за чемпионат они пропустили 20 мячей). Чемпионами страны динамовцы стали досрочно — за один тур до окончания первенства. Правда, повторить прошлогодний успех в розыгрыше Кубка СССР динамовцы не сумели. И в какой-то мере вина за это лежала на Яшине, который по ходу матча был удален за то, что в азарте борьбы ударил ногой игрока соперников. В итоге динамовцы тот матч проиграли.

В 1954 году Яшин был включен в состав первой сборной Советского Союза. Тогда в команде происходила смена поколений, и сборная практически формировалась из новых футболистов (от старого состава в ней остались лишь четыре человека). Свой первый матч в том сезоне наша сборная сыграла 8 сентября в Москве со сборной Швеции и провела его выше всяких похвал. Она разгромила скандинавов со счетом 7:0. Журналисты даже поспешили назвать тот матч «второй Полтавой». Однако специалисты считали иначе. Они говорили: «Шведы — не тот соперник, победой над которым стоит так гордиться. Посмотрим, что будет в игре с более сильным противником».

Игра с сильным противником не заставила себя долго ждать. Через две недели наша сборная встретилась с командой Венгрии, которая считалась одной из сильнейших в мире (в 1952 году венгры завоевали олимпийское «золото», а два года спустя «серебро» на чемпионате мира). Тот матч закончился ничейным результатом 1:1, что для нашей молодой сборной было равносильно победе. Касаясь игры Яшина, тренер венгерской сборной Г. Шебеш сказал: «Яшин — игрок, не имеющий громкого имени, но действующий на редкость уверенно, обладающий всеми необходимыми качествами, которых требует от спортсмена его амплуа».

1954 год завершился для Яшина радостным событием — он женился. Вспоминает его супруга Валентина Тимофеевна: «С Левой мы познакомились в конце 40-х на танцах. Мы оба были тушинские. Лева работал на одном из заводов, а я училась в плановом техникуме и работала экономистом. Жила вместе с братом, а он дружил с тренером Левиной заводской команды Иваном Шубиным. Однажды мы пошли в кино, опоздали к началу сеанса и в зрительный зал попали, когда свет уже погас. На этот же сеанс Шубин привел свою команду. И Яшин, с которым мы еще официально знакомы не были, галантно предложил мне вместо стула свой фибровый чемоданчик — были тогда такие, в них футболисты носили свою форму. Прошло какое-то время. Яшина призвали в армию и забрали в дубль московского «Динамо». А это

уже кое-что. Однажды ребята в Тушине на стадионе говорят: «Сегодня Яшин приедет, можем познакомить». Приезжает: хиленький, тощенький, ножки в голенищах сапог болтаются. И забавно басит, протягивая руку: «Лев». Ну, думаю, если ты — Лев… Но симпатичный и, главное, вежливый. Подружка моя шепчет на ухо: вот кого он с танцев пойдет провожать последней — это и станет знаком судьбы. Именно меня Лева и проводил. Мы с ним несколько лет встречались. Причем не очень уж часто. Он был человек занятой — футболист. Раза три он исподволь намекал на совместную жизнь. Например, идем мимо витрины магазина, а он так мечтательно говорит: «Вот разбогатеем, купим такой сервиз!» А поженились как раз под Новый, 1955 год. Свадьбу сыграли на Маяковке, там у него комната в коммуналке была…»

В 1955 году спортивная карьера Яшина складывалась не менее успешно, чем в прошлом сезоне. Он во второй раз стал чемпионом страны (отстоял в воротах «Динамо» все 22 игры), прекрасно отыграл сезон в составе сборной (наши выиграли 6 матчей и два закончили вничью).

В следующем сезоне динамовцам не удалось совершить хет-трик (три раза подряд стать чемпионами), и они вынуждены были довольствоваться лишь «серебром» чемпионата. Однако для сборной тот год стал вехой — именно тогда наши футболисты сумели стать олимпийскими чемпионами. И немалая заслуга в этом принадлежала Льву Яшину.

Основу нашей тогдашней сборной составляли футболисты московского «Спартака» (он был чемпионом страны) — их в команде было 9 человек. От «Динамо» было всего трое — Л. Яшин, Б. Кузнецов и В. Рыжкин. Однако если двое последних выходили на поле не слишком часто, то Яшин проводил в игре львиную долю времени. Одну восьмую финала наша команда прошла легко, обыграв объединенную команду Германии, затем в четвертьфинале победила сборную Индонезии (причем в первой игре мы сыграли с индонезийцами вничью 0:0 и только со второго захода победили — 4:0). Оба нуля на нашем табло были результатом великолепной игры Яшина. В полуфинале нашим соперником была сборная Болгарии. В основное время матч закончился вничью 0:0, после чего было назначено дополнительное время. Поначалу повезло болгарам, которые «распечатали» Яшина. Но потом инициативу перехватили советские спортсмены и, хотя играли вдесятером (был удален Тищенко), сумели забить два гола (отличились Стрельцов и Татушин).

В финале наша сборная встречалась с югославской и сумела

одолеть и ее: 1:0. Как утверждают очевидцы, Яшин играл не просто хорошо, а блестяще. Это была одна из великолепнейших игр лучшего вратаря целой эпохи мирового футбола, поскольку тот спас свои ворота более пятнадцати раз.

На следующий день после этого фантастического матча на имя Яшина с родины пришла телеграмма от профессора Льва Ивановича Фаворского, который еще в 1912 году защищал ворота олимпийской сборной России. Текст телеграммы гласил: «Счастлив поздравить своего молодого коллегу и тезку с великой победой. То, о чем мечтало мое поколение спортсменов, — свершилось. Спасибо Вам за это». Эта телеграмма свидетельствовала о замечательной преемственности: советский спорт по праву продолжал традиции русского, дореволюционного.

После победы на Олимпиаде Льву Яшину было присвоено звание заслуженного мастера спорта.

В союзном чемпионате 1957 года столичное «Динамо» вновь завоевало золотые медали. Правда, в том первенстве Яшин сыграл лишь в 12 матчах, а в десяти ворота команды защищал его напарник — Владимир Беляев.

Успешно отстоял Яшин тот сезон и в воротах сборной. Наши футболисты тогда готовились к предстоящему чемпионату мира, который должен был состояться в 1958 году в Швеции, и в рамках отборочного турнира провели пять матчей: дважды выиграли у финнов (причем в Хельсинки наши победили с рекордным счетом 10:0), один матч проиграли полякам, но два матча у них же выиграли. Таким образом наша сборная завоевала себе путевку на финальный турнир в Швеции. Однако тот чемпионат сложился для наших футболистов неудачно: они так и не сумели выйти из своей группы.

Большинством наших специалистов игра сборной СССР на чемпионате была оценена как неудачная. Но, ругая команду в целом, специалисты отмечали прекрасную игру отдельных наших игроков: Л. Яшина (он был признан одним из лучших вратарей чемпионата), Ю. Войнова (он был включен в символическую сборную мира).

Что касается внутреннего чемпионата, то в сезоне 1958 года «Динамо» не сумело отстоять чемпионский титул и заняло второе место, уступив лидеру — московскому «Спартаку» — одно очко.

К тому времени Яшин уже превратился в кумира миллионов советских граждан, его знали в лицо даже люди, которые были совершенно далеки от футбола (нынешним нашим футболистам такая слава может только присниться). В то время у большинства динамовских футболистов появились первые автомобили —

«москвичи». И только Яшин приобрел себе «Волгу», но не потому, что хотел таким образом выделиться (ему это чувство было вообще чуждо), — просто в малогабаритном «москвиче» он не умещался.

По рассказам очевидцев, за рулем собственного автомобиля Яшин частенько нарушал правила дорожного движения. Однако ни разу не оказался виновником или участником какого-нибудь происшествия. Обычно, если его останавливали гаишники (тогда — орудовцы), вопрос улаживался в несколько секунд — узнав, кто за рулем, те отпускали его с миром. И лишь однажды вышло иначе. Яшина за превышение скорости тормознул гаишник, и Яшин, желая уладить дело миром, сказал: «Мы же оба — динамовцы». На что милиционер ответил: «Я болею за «Спартак». И сделал легендарному вратарю законную дырку в талоне.

В повседневной жизни Яшин был на редкость скромным человеком. Что-нибудь попросить, достать, выбить для себя он никогда не мог. В основном он просил за других. Любимым занятием вне футбола у него была рыбалка. Мог чуть ли не сутками сидеть с удочкой на берегу реки. Когда его приятель Никита Симонян спросил у него однажды: «Лева, ну какое удовольствие часами сидеть и ждать, когда клюнет?» — Яшин ему ответил: «Смотришь на воду, на блесну, от всех треволнений отключаешься — мир прекрасен».

В общении со своими одноклубниками Яшин всегда старался быть ровным, никогда не позволял себе заносчивости. Хотя однажды не сдержался. Во время одной из игр он сделал замечание своему одноклубнику, а тот послал его «куда подальше». Когда матч закончился, Яшин вошел в раздевалку и первым делом подошел к тому грубияну и отвесил ему сильную затрещину. Свидетелем этого была вся команда, поэтому скрыть инцидент не удалось. Вопрос о безобразном поведении Яшина был вынесен на общее собрание. Яшин признал свою вину, обещал больше никогда не позволять себе подобного.

Однако вернемся к футболу. В сезоне 1959 года «Динамо» вновь выступило блестяще и вернуло себе звание чемпиона. Но в следующем году им пришлось довольствоваться лишь бронзовыми медалями.

В том же году наша сборная продолжила свое участие в розыгрыше Кубка Европы. Она выиграла у сборной Польши с разгромным счетом 7:1, благополучно миновала барьер в лице сборной Испании (франкистское правительство вынудило испанских футболистов отказаться от игры с советской сборной). 6 июля в Марселе состоялся полуфинал — наша сборная играла со сборной Чехословакии. Этот матч стал новым бенефисом

Яшина, который не пропустил в свои ворота ни одного мяча (а наши забили целых три).

В финальной игре нашей сборной противостояла команда Югославии. Начало матча складывалось для наших футболистов тяжело — Яшин пропустил нелепый мяч, отлетевший рикошетом от своего же игрока. И лишь во втором тайме советским футболистам удалось собраться, и сначала Метревели сравнял счет, а затем Понедельник поставил победную точку в этом матче. Наша сборная стала первым обладателем Кубка Европы. Газета «Юманите диманш» в те дни писала: «Советский вратарь по праву возглавляет список первых чемпионов нашего континента». Стоит отметить, что именно после этого чемпионата с головы Яшина исчезла его легендарная кепка, которую он неизменно носил все эти годы. Говорят, после финальной игры кто-то в суматохе стащил ее с головы Яшина (видимо, на память), а искать ей замену он не стал.

По итогам выступлений нашей сборной в 1960 году популярный французский еженедельник «Франс футбол» поставил ее на первое место в Европе. К сожалению, с тех пор нашей сборной больше ни разу не удавалось повторить этот успех.

В отличие от игр за сборную дела в родном динамовском клубе у Яшина складывались не самым лучшим образом. В сезоне 1961 года его клуб впервые за многие годы занял во внутреннем первенстве 11-е место. Специалисты стали всерьез поговаривать о кризисе популярного клуба. Однако уже в следующем сезоне «Динамо» вновь заиграло в свойственный ему наступательный футбол и сумело занять 2-е место. Но вот вам парадокс: как только дела родного клуба Льва Яшина пошли в гору, его карьера в сборной заметно осложнилась. Что же произошло?

В 1962 году наша сборная во второй раз участвовала в финальных играх чемпионата мира. Она попала в группу, в которую, помимо нее, входили сборные Уругвая, Югославии и Колумбии. Первую игру мы играли с югославами и выиграли ее 2:0. Затем нелепо оступились в игре с колумбийцами. Ведя 4:1, наши игроки расслабились и позволили сопернику свести матч вничью: 4:4. Сборную Уругвая наши ребята обыграли 2:1, но потратили столько сил, что их уже не хватило на игры с другими соперниками. В итоге в четвертьфинале советская сборная уступила средней команде Чили (она была хозяйкой чемпионата) со счетом 1:2.

После этого поражения сборная СССР вынуждена была прекратить борьбу за мировую корону и покинуть чемпионат. И во второй раз ее вынудила это сделать команда хозяев первенства

(в 1958 году это были шведы).

Выступление нашей сборной на чемпионате мира большинством советских специалистов в области футбола было признано крайне неудачным. Однако особенно яростной критике подвергся наш вратарь Лев Яшин. Практически на него навешали всех собак, обвинив в неуверенной игре, которая передалась затем всей команде. Но это была неправда. Действительно, игра Яшина на том чемпионате была неровной, в частности, он допустил ряд непростительных ошибок в игре с Колумбией. Однако обвинять Яшина в пораженчестве, в том, что он утратил свое былое мастерство, было несправедливо. Просто у людей, писавших такое, оказалась слишком короткая память по отношению к человеку, который принес отечественному футболу столько славы. Вполне вероятно, что за этой критикой стояли влиятельные функционеры из Спорткомитета, которые давно уже мечтали убрать Яшина из сборной, считая его слишком старым для роли первого вратаря.

О серьезности ситуации, которая сложилась вокруг Яшина в дни после чемпионата в Чили, говорят хотя бы такие факты. Разъяренные болельщики несколько раз разбивали камнями стекла в квартире вратаря, угрожали ему по телефону, прокалывали шины у его автомобиля. Когда терпеть эти выходки стало невмоготу, Яшин вместе с семьей (женой и двумя дочерьми Ирой и Леной) на два месяца уехал из Москвы. Во время этого вынужденного отъезда Яшин всерьез подумывал о том, чтобы навсегда распрощаться с большим футболом. Однако тогдашний тренер «Динамо» Александр Семенович Пономарев уговорил его остаться. При этом тренер поступил мудро: он какое-то время ставил Яшина в ворота только на выездных матчах. Почему? Дело в том, что определенная часть московской публики продолжала негативно относиться к прославленному вратарю, сопровождала его действия обидными выкриками с трибун, а Яшин тяжело переносил такое отношение.

Обретение Яшиным себя шло довольно трудно. Причем этому были объективные причины. Дело в том, что если тренеры родного клуба не разуверились в нем, то про тренеров сборной этого сказать было нельзя. К примеру, в важном матче на Кубок Европы со сборной Италии в Москве Яшина в ворота не поставили. Тот матч наши выиграли со счетом 2:0. Однако спустя какое-то время (в начале ноября) должна была состояться ответная игра в Риме. Федерация футбола СССР, которая решала, кто из наших игроков поедет на эту встречу, встала перед дилеммой: брать Яшина или нет. В случае отрицательного ответа тот собирался в Лондон, где 23 октября должен был сыграть за

сборную мира. Судьбу Яшина вновь решил тренер сборной, который заявил, что справится в Риме и без Яшина.

Между тем в игре на «Уэмбли» между сборной мира и сборной Англии, посвященной 100-летию английского футбола, Яшин сыграл выше всяких похвал. Он отстоял первый тайм и не пропустил в свои ворота ни одного мяча. И только когда во втором тайме его сменил другой вратарь, англичанам удалось забить два мяча и свести игру вничью — 2:2. Все специалисты, наблюдавшие за этим матчем (а игру транслировали на многие страны мира), отметили великолепную игру советского голкипера. Поэтому, когда наша сборная приехала в Италию, перед ее руководителями снова встал вопрос, кого же ставить в ворота. Ведь теперь, после триумфа Яшина в Лондоне, не поставить его в ворота означало навлечь на себя не только гнев болельщиков, но и недоуменные вопросы многих специалистов футбола. И за час до начала игры было принято решение доверить честь защищать ворота сборной именно Яшину. И тот отстоял эту игру блестяще, взяв даже пенальти (матч закончился вничью — 1:1).

Стоит отметить, что в том же году Яшин стал первым футболистом, удостоенным нового футбольного приза — «Золотого мяча», вручаемого лучшему футболисту Европы. Это было огромным достижением не только лично Яшина, но и всего советского спорта, который сумел воспитать спортсмена подобного уровня.

Обретя уверенность в международных матчах, Яшин прекрасно отыграл и внутренний чемпионат. Во многом благодаря прекрасной игре Яшина в сезоне 1963 года команде «Динамо» удалось после четырехлетнего перерыва вернуть себе чемпионское звание. Яшин вновь стал героем. И это в 34 года! Уникальный случай не только в истории отечественного, но и мирового спорта.

Как писал спортивный журналист Л. Филатов: «Одну из загадок яшинской одаренности я вижу в его неординарной внешности, в особенностях его телосложения. По всем своим данным — росту, длине рук, широкому шагу — он словно дополнял, завершал собой ворота, если их рассматривать как скульптурную композицию. Это по внешнему виду. А едва он приходил в движение, как становилось очевидным самое ценное — его расслабленность в плечах, в поясе, в кистях рук, в коленях, та расслабленность, которая одаряет вратаря ощущением свободы, легкости, власти над мячом и в плоскости ворот, и в штрафной площадке. Яшин объяснял свою мобильность тем, что имел обыкновение выполнять всю тренировочную работу полевых

игроков».

А вот мнение другого специалиста — знаменитого игрока Н. Старостина:

«Как все спортсмены экстра-класса, Яшин был достаточно самолюбив, но он никогда не играл для трибун. Он не «подавал себя». Что можно легко поймать, он и ловил просто. Никаких утрированных бросков, поз, жестов. Все скупо, деловито и рационально. Вот почему он чаще других вратарей оставался на ногах, всегда в боевой стойке, всегда готов продолжать борьбу, не выключая себя из схваток ненужными падениями.

Мастерство его было отшлифовано так, что позволяло ему как бы без особых усилий достигнуть того, на что другие вратари тратят уйму энергии и движений. Делалось все это на удивление своевременно даже там, где счет шел на десятые доли секунды…

В чем же особенности вратарской школы Яшина? Что он реформировал и почему у него мало последователей?

Яшин первым из всех вратарей мира начал организовывать контратаки своей команды. Начал это делать еще тогда, когда ни один из защитников даже не помышлял о такой возможности, считая своей обязанностью лишь разрушать чужие атаки. В Европе утверждают, что приоритет игры по всей штрафной площадке остается за Планичкой. Пусть так, но Планичка покидал ворота, чтобы перехватывать и отбивать мячи, а Яшин не только предупреждал угрозы для своих ворот. Он, как минер, закладывал взрывчатку для атакующего натиска своих форвардов у ворот противника. Бывали случаи, когда Яшин играл даже за пределами штрафной площадки, там, где кончается вратарское право на игру руками. И тогда он действовал ногами или отлично пользовался ударами головой.

Со временем игра Яшина несколько утратила живость, страстность, но зато приобрела очень важное качество: чем значительнее встреча, тем надежнее играл маститый вратарь. Природа этого явления ясна: ответственность горячит кровь, возбуждает нервы, придает азарт, а опыт помогает выходить из критических ситуаций. «Все знаю и много еще могу» — вот девиз, с которым выходил на футбольное поле Лев Яшин».

Между тем в сезонах 1964, 1965, 1966 годов футболисты столичного «Динамо» оказались за чертой призеров чемпионата СССР — они заняли соответственно 7-е, 5-е и 8-е места. И только в 1967 году им удалось вернуть былую свежесть своей игре и завоевать серебряные медали первенства.

Что касается сборной, то ситуация в ней тоже была далека от стабильной. В 1964–1965 годах она обновилась процентов на девяносто (в 1965 году в ней дебютировало сразу девятнадцать

игроков — беспрецедентный случай). Неизменным в сборной было одно — Яшин. Хотя безоблачным его существование в национальной команде назвать было нельзя — конфликты и у него возникали. Причем даже с тренерами. Например, с Константином Бесковым, который возглавлял нашу сборную в 1963–1964 годах. Рассказывает Валерий Маслов: «У Яшина с Бесковым вышел инцидент на турнире в Чили. Играем с бразильцами. Лева от ворот мяч вводит, а защитник отвернулся. Чужой перехватил, метров с тринадцати бьет — Лева из нижнего угла вытаскивает. Бесков вскакивает со скамейки: «Старый идиот, ты что делаешь?!» Лева перчатки сбрасывает — и к нему. Витек Аничкин его на полпути перехватил. Прочитал ситуацию. Бразильцы тем временем угловой подают — а вратаря нет! Одни перчатки на земле! Но обошлось — не забили. Но на Бескова Лева долго еще злился…»

В 1966 году советская сборная участвовала в чемпионате мира в Англии и, несмотря на то что проиграла два последних матча, впервые в своей истории заняла 4-е место в мировом первенстве, а игроки сборной по решению оргкомитета чемпионата были награждены бронзовыми медалями (как и команда, занявшая 3-е место). С тех пор минуло уже 40 лет, но не то чтобы побить, даже повторить этот результат нашей сборной никак не удается. Почему? Одной из причин этого можно смело назвать отсутствие в нашей сборной настоящих звезд, таких как Л. Яшин, А. Шестернев, В. Понедельник, В. Воронин, И. Численко, А. Кавазашвили, М. Хурцилава, А. Банишевский, В. Поркуян, Й. Сабо и др.

Что касается Яшина, то он к тому времени был в сборной одним из «ветеранов» (пришел в нее в 1954 году) и по праву пользовался огромным уважением товарищей. Причем не только потому, что играл дольше всех, но и в силу своих человеческих качеств. По словам Н. Симоняна, Яшин не обижался по мелочам, умел снисходить к слабостям и недостаткам товарища, видеть сквозь них главную суть человека. Склад ума у Яшина был — мужицкий, трезвый, крепкий. Он никогда не срывался. Рассказывают, что неким антиподом Яшина в сборной был Валерий Воронин, считавшийся плейбоем. Он хорошо одевался, курил дорогие сигареты, любил Битлов. Большинство игроков сборной нет-нет да и подражали Воронину, но только не Яшин. Несмотря на то что их с Ворониным постоянно селили в одном номере, стиль жизни у них был совершенно разным. Яшин курил свой неизменный «Беломор», слушал родную эстраду и не участвовал в богемных тусовках. А если кто-то ему сильно досаждал приглашениями или лез без спросу в душу, он мог и

послать — просто и по-русски.

Свой последний (116-й по счету) матч в составе сборной СССР Яшин сыграл 16 июля 1967 года. В тот день наши футболисты встречались в Тбилиси со сборной Греции в рамках отборочного турнира чемпионата Европы. Мы выиграли с разгромным счетом 4:0.

Уйдя из сборной, Яшин целиком сосредоточился на игре в родном «Динамо», которое последние несколько лет довольно неудачно выступало во всесоюзном первенстве. В 1967 году это положение наконец удалось изменить в лучшую сторону — «Динамо» заняло 2-е место и выиграло Кубок страны. Однако год спустя команда довольствовалась уже 5-й строчкой в турнирной таблице. В том же году Яшин последний раз был включен в список 33 лучших футболистов страны под № 1 (впервые он попал в этот список в 1956 году).

Последние три сезона, в которых Яшин играл в «Динамо», его команда, что называется, скакала по турнирной таблице: в 1969 году она заняла 4-е место, в 1970-м — 2-е (и победа в Кубке СССР), в 1971-м — 5-е. В середине последнего сезона Яшин принял решение закончить футбольную карьеру.

Прощальный матч великого голкипера состоялся в Москве 27 мая 1971 года. Для участия в нем в Москву приехали практически все лучшие футболисты мира, выразив тем самым свое уважение к замечательному голкиперу и человеку. Проводы были королевскими, что вполне объяснимо: такие спортсмены, как Яшин, рождаются на свет не так часто — раз в столетие. Яшин отстоял в воротах первую половину игры, не пропустил ни одного гола и уступил место своему коллеге Владимиру Пильгую.

Отмечу, что за свою долгую футбольную карьеру Яшин провел 326 матчей в первенстве СССР и 79 — в сборной СССР. Был удостоен десяти правительственных наград, в том числе и ордена Ленина. Он был первым вратарем в советском футболе, кто провел сто игр «на ноль» (не пропустил ни одного мяча). Сотым на его счету стал матч чемпионата страны между его родным клубом «Динамо» и ЦСКА 28 октября 1962 года. Всего же Яшин сыграл 207 «сухих» матчей из 438 зачетных. Этот результат был рекордным в течение многих лет, пока его не побил в 1987 году вратарь московского «Спартака» Ринат Дасаев, поднявший рекордную планку до 235 «сухих» матчей.

Закончив играть, Яшин не ушел на покой. Чем же он занимался? Рассказывает Л. Филатов:

«После проводов и прощального матча звезд мирового футбола со сборной «Динамо» Яшин не исчез с глаз долой и не был выкинут из сердца вон. Его известность в народе, а не только

среди болельщиков была повсеместной и поголовной, фамилию его знали, как взятую из букваря. Поставили его начальником родной команды вместе с тренером Константином Бесковым. А потом что-то не заладилось. Человека с таким именем полагалось трудоустраивать. Что и делалось как в «Динамо», так и в федерации. Но посты с мудреными названиями («зампред по…»), с письменными столами наводили на Яшина тоску. Честный, он стеснялся своего вынужденного безделья.

А для начальственных верхов Яшин был одним из пропагандистских цветных стеклышек, из него пытались сотворить живую легенду, подобие Стаханова. Провели через Высшую партийную школу, после чего человек считается «своим», заставляли выступать в присутствии вождей с трибуны Кремлевского дворца, произнося написанную речь, надев через грудь широченную красную ленту со всеми спортивными медалями и орденами… Был случай, что авторитетом Яшина, как бульдозером, попытались сломить неугодного Валентина Гранаткина. Чтобы заменить его на посту первого вице-президента ФИФА, послали бумаги с ходатайством, да получили по носу — уведомление, что сотрудничеством Гранаткина ассоциация довольна.

Ничего этого Яшину не было нужно, он испытал на себе судьбу тех, кого принудительно, по разнарядке, утвержденной за толстыми стенами, выдвигали, не спрося их согласия, для разного рода показательных выдумок…»

Пока позволяли силы, Яшин вел довольно активную жизнь. Посещал школы-интернаты, принимал участие как почетный гость в соревнованиях клуба «Кожаный мяч», выезжал за границу, где проводились соревнования его имени (да, да, проводятся и такие, например в Финляндии).

Между тем с годами поездки давались Яшину все труднее. Его стало подводить здоровье. У Яшина был застарелый гастрит, который в конце концов перерос в язву. Облитерирующий эндартериит ног, сопровождавшийся сильными болями, таил в себе огромную опасность, и то, что Яшин очень много курил, никак не способствовало его выздоровлению. Яшин стал меньше двигаться, из-за чего холестериновые бляшки начали закупоривать вены на ногах. В начале 80-х он перенес инсульт, одна рука стала плохо двигаться, волочиться нога. Врачи советовали Яшину лечь в больницу, но он перенес болезнь на ногах. Но даром это не прошло. В 1984 году он отправился в заграничное турне во главе группы ветеранов советского футбола, и там у него отказала правая нога. Пришлось делать операцию. Она проходила в Венгрии, причем сделали ее неудачно. Яшин с

женой потом долго добирались до Москвы и опоздали — нашим врачам пришлось ногу ампутировать.

К сожалению, это было не последнее испытание, которое пришлось пережить Яшину. Вскоре после ампутации у него обнаружили рак. И Яшин знал, что болезнь прогрессирует стремительно. Однако виду не показывал. Лишь однажды, когда ему вручали «Золотую Звезду» Героя Социалистического Труда и орден Ленина, он не выдержал — заплакал.

В августе 1989 года было решено торжественно отметить приближающееся 60-летие великого вратаря. Торжество длилось два дня: сначала оно проходило на стадионе «Динамо», где 10 августа состоялись сразу два футбольных матча: сначала силами померились сборные ветеранов «Динамо» и ветеранов мира (матч закончился вничью 2:2), а затем — сборные «Динамо» (СССР) и звезд мира (наши победили 2:0). На следующий день торжества переместились в динамовский Дворец на улице Лавочкина. К сожалению, последнее мероприятие телевидением не записывалось. Проходило оно очень трогательно и собрало большое число известных людей. Поздравить юбиляра пришли: Е. Евтушенко, В. Гафт, М. Задорнов, А. Арканов, М. Евдокимов, В. Винокур, М. Ножкин, И. Роднина, В. Фетисов, В. Юрзинов, В. Давыдов, О. Блохин, Н. Старостин, а также футболисты всех московских команд. Кроме того, из-за рубежа приехали прославленные звезды футбола: португалец Эйсебио, англичанин Чарльтон, болгарин Колев, венгр Грошич. Но особенно растрогало Яшина, когда на сцену вышла футбольная команда олимпийских чемпионов 1956 года во главе с Качалиным и Нетто, а Людмила Гурченко исполнила песню «Команда молодости нашей».

Между тем никто из присутствующих на этом вечере даже не догадывался, что видит великого вратаря в последний раз.

Лев Яшин скончался 20 марта 1990 года. Его супруга Валентина Тимофеевна вспоминает: «Когда Лева умирал, я сидела у его кровати. Он шепчет: «Слушай, поезд уходит, давай поедем побыстрее, вон моя куртка висит». Похоронили великого голкипера на Ваганьковском кладбище.

Футболист трагической судьбы Эдуард Стрельцов, «Торпедо», Москва

В конце 50-х годов в Советском Союзе не было популярнее футболиста из плеяды молодых, чем игрок столичного «Торпедо» Эдуард Стрельцов. На футбольном поле он творил чудеса, после чего о нем взахлеб писали газеты, а толпы поклонниц буквально преследовали молодое дарование по пятам. Ему прочили судьбу «русского Пеле», но этим прогнозам не суждено было осуществиться — их перечеркнуло уголовное дело об изнасиловании.

Эдуард Стрельцов родился 21 июля 1937 года в Москве, в Перове (тогда это были задворки столицы), в рабочей семье. Его отец Анатолий Стрельцов работал столяром на заводе «Фрезер», мать Софья Фроловна — в детском саду. Как гласит семейное предание, Эдуард впервые ударил по футбольному мячу, когда ему было полтора года. Видевшие это соседи Стрельцовых тут же предрекли мальчишке блестящее футбольное будущее. И как оказалось, не ошиблись.

Когда началась война, глава семейства Стрельцовых ушел на фронт. Имея всего лишь четыре класса образования, он был призван рядовым, но уже через год боевых действий стал офицером разведки. В 1943 году приехал на побывку в Москву, и его ординарец рассказал Эдуарду и его матери, каким героем является их отец. «Сколько он «языков» на себе притащил — не перечесть, — хвалился ординарец. — И везучий чертовски. Сколько воюем — ни одной царапины». Несмотря на то что было в ту пору Эдуарду всего 6 лет, эти слова он запомнил на всю жизнь. И в последующем никогда и ни в чем не попрекал своего отца. Хотя было за что.

Дело в том, что через несколько месяцев после этого приезда Анатолий Стрельцов оставил свою семью. На фронте он познакомился с молодой медсестрой и после окончания войны уехал к ней в Киев. Поэтому Софья Фроловна вынуждена была воспитывать сына одна. Порой ей было очень тяжело. Она перенесла инфаркт, болела астмой и вскоре получила инвалидность. Однако сидеть сложа руки не могла и устроилась работать на завод «Фрезер». Туда же после окончания семилетки устроился слесарем-лекальщиком и Эдуард Стрельцов. По его же словам, есть тогда было нечего, они с матерью грызли жмых, и

одет он был как оборванец. Впрочем, в те послевоенные годы так жило большинство советских людей.

В то время самым популярным зрелищем для миллионов наших граждан был футбол. Имена знаменитых советских футболистов так же, как и имена киноактеров, знали все граждане страны, даже те из них, кто к футболу относился равнодушно. И не было в стране мальчишки, который не мечтал бы походить на Всеволода Боброва или Николая Дементьева. Не был в этом исключением и наш герой — Эдуард Стрельцов.

Стукнув по резиновому футбольному мячу в полтора года, Эдик вскоре стал самым заядлым футболистом в своем дворе. Единственные ботинки, которые мать купила ему для того, чтобы в них ходить в детский сад, он разбил за несколько дней. Но ругать его за это было бессмысленно — футбол уже тогда стал для него единственным смыслом жизни. Поэтому успехи Стрельцова поражали даже видавших виды футбольных болельщиков. В десятилетнем возрасте его взяли играть за детскую команду завода «Фрезер», а уже через три года он стал центральным нападающим в юношеской и мужской командах завода. В свободное от тренировок и игр время Стрельцов ездил на стадион «Динамо» смотреть матчи чемпионата СССР. Порой бывало так, что он по четыре часа отстаивал в очереди, лишь бы попасть на футбол. Болел Стрельцов за две команды сразу: за ЦДСА (из-за Боброва и Федотова) и за «Спартак». В последнем он мечтал когда-нибудь играть. Однако судьбе было угодно, чтобы наш герой попал в команду «Торпедо». Случилось это в середине 1953 года.

Однажды тренер юношеской команды «Фрезер» Марк Левин упросил тренера «Торпедо» Проворнова посмотреть на игру троих его подопечных: Гришкова, Кондратьева и Стрельцова. Игра всех троих понравилась маститому тренеру настолько, что он тут же предложил им место в своей команде. Те согласились и той же осенью отправились с командой мастеров «Торпедо» на сбор в Сочи. Так Стрельцов сразу попал в основной состав мастеров, минуя годы в дубле. Это было несомненной удачей для молодого футболиста, так как в те годы конкуренция среди футболистов была очень большой. И редко кому удавалось так быстро (наш герой сыграл за дубль всего лишь четыре игры) пробиться в основной состав. Но Стрельцову судьба явно благоволила.

В торпедовском нападении Стрельцов играл вместе со своим другом Валентином Ивановым. Понимали они друг друга буквально с полуслова, чего нельзя было сказать о других игроках «Торпедо». Многие из игроков команды откровенно завидовали удаче двух этих форвардов, так рано попавших в команду

мастеров. И зависть эта обуревала старших товарищей даже на поле во время игры. В результате, как ни просили Стрельцов и Иванов отдавать им побольше пасов, их коллеги по команде часто игнорировали эти просьбы. Естественно, это сказывалось на общей результативности команды.

В сезоне 1953/54 команда «Торпедо» выиграла всего 8 игр и заняла в чемпионате СССР 9-е место (из 12 команд). Торпедовцами было забито 34 гола, из которых семь забил Валентин Иванов и пять — Эдуард Стрельцов. Неплохой результат для новичков.

В самом начале 1955 года Стрельцов попал в сборную СССР. Причем кандидатов на включение в нее было человек тридцать, но тренеры отдали предпочтение нашему герою. Его первой зарубежной поездкой в составе сборной стала поездка в Индию. Затем были матчи со сборной Венгрии и Франции в Москве, со сборной Швеции — в Стокгольме. Во время последней игры Стрельцов забил хозяевам поля три (!) мяча. После этого шведские тренеры заявили: «Такого игрока мы готовы ждать в своей команде хоть пятьсот лет!»

Игра Стрельцова была действительно великолепной и имела свои, никому не присущие черты. Например, у него была прекрасная интуиция на голевые моменты. Он мог находиться в стороне от основных событий и, когда противник, «усыпленный» этим, забывал про него, сделать резкий рывок, перехватить мяч и забить гол. Правда, порой многие болельщики такой манеры игры своего любимца не одобряли. Когда он стоял, они свистели ему с трибун, называли лентяем. Однако мало кто тогда знал, что у Стрельцова было плоскостопие и после игры каждый шаг ему давался с огромным трудом и болью.

Коронным приемом Стрельцова на поле был пас пяткой, за который его чаще всего и хвалили. Делал он этот прием так виртуозно и неожиданно для соперников, что каждый раз после него трибуны стадиона буквально ревели от восторга. Впервые этот прием Стрельцов опробовал в 1956 году в игре с московским «Динамо». В результате получивший от нашего героя пас Иванов влепил красивый гол в «девятку» самому Льву Яшину.

В том году в чемпионате СССР «Торпедо» заняло 5-е место (в 1955-м — 4-е). Это был год триумфа московского «Спартака», который стал чемпионом страны. Однако в матче с «Торпедо» 2 мая он потерпел поражение. Тот матч стал одним из лучших в карьере Стрельцова. И вот почему. В нападении у спартаковцев играли сразу пять форвардов сборной СССР, в то время как у «Торпедо» в нападении были только два «звездных» игрока — Стрельцов и Иванов. Казалось, что этот численный перевес и

решит исход матча в пользу «Спартака». Однако все получилось иначе. Два торпедовских форварда переиграли своих соперников по всем статьям. Счет 2:0 в пользу «Торпедо» наглядно это продемонстрировал.

Летом того же года в Москве состоялась Спартакиада народов СССР. Стрельцов и Иванов были приглашены играть за сборную Москвы. Играли они хорошо, получили свои первые в жизни золотые медали и вошли в список 33 лучших игроков Спартакиады. А затем осенью их взяли в сборную СССР для участия в Олимпиаде в Мельбурне, где их ожидал новый триумф.

В первой же игре — со сборной ФРГ — наши победили 2:1. Второй гол в ворота немцев забил Стрельцов. Затем была победа над сборной Индонезии — 4:0. В полуфинале наши встречались со сборной Болгарии. Тот матч был одним из самых трудных и драматичных для нашей сборной. При счете 1:0 в пользу болгар у нас внезапно получили травмы сразу два игрока: В. Иванов и Н. Тищенко (у последнего была сломана ключица). И хотя с поля они не ушли, однако игра у нашей команды никак не получалась. До конца матча оставалось всего 8 минут, и болгары мысленно уже торжествовали победу. И тут случилось чудо. Травмированный Тищенко, получив мяч, точным ударом отправляет его в ноги Стрельцову. Тот совершает стремительный рывок от центра поля и мощным ударом вгоняет мяч в сетку ворот болгарской команды. 1:1. А буквально через несколько минут после этого Борис Татушин забивает и второй гол. Победа!

В финале олимпийского турнира наша сборная играла с командой Югославии. К сожалению, Стрельцов в этом матче на поле так и не вышел. Почему? Получивший травму в предыдущем матче Иванов на поле выйти также не смог, и поэтому тренер Игорь Нетто решил не выпускать на поле и его торпедовского напарника — Стрельцова. Вместо них в нападении играл спартаковский тандем Татушин — Исаев. В центре играл их же коллега по команде Никита Симонян.

Югославская сборная считалась тогда одной из сильнейших в мире. На предыдущей Олимпиаде в Хельсинки (1952) она завоевала золотые медали в драматичной борьбе, обыграв нашу сборную во второй игре. То же самое она попыталась сделать и на этот раз. И ей наверняка удалось бы это сделать, не стой в наших воротах Лев Яшин. Отразив более пятнадцати опасных ударов югославов с разных точек поля, наш прославленный голкипер сумел внести смятение в ряды противника. Этим и воспользовались наши нападающие. В один из моментов, когда шла 50-я минута матча, Анатолий Ильин вогнал мяч в ворота сборной Югославии. Этот гол стал золотым, и наша сборная стала

олимпийским чемпионом. Правда, Стрельцову золотую медаль не вручили, так как в последней игре он не участвовал. Но когда команда вернулась на родину, никого из футболистов не забыли — всех наградили орденами. Стрельцов и Иванов получили ордена «Знак Почета».

Год 1957 еще более укрепил положение Стрельцова в советском футболе. В том году его родное «Торпедо» заняло в чемпионате страны 2-е место (первое взяли динамовцы Москвы). Стрельцов забил в том чемпионате 12 голов.

Каким был Стрельцов за пределами футбольного поля? К моменту, когда на него обрушилась всенародная слава, ему было всего лишь 19 лет. Мало кто из его сверстников смог бы устоять от соблазнов, которые открывает перед ними такая популярность. Не стал исключением и наш герой. Когда он впервые перешагнул порог команды «Торпедо», на нем был старенький ватник, а в руке деревянный чемодан. К 1957 году он получил от команды отдельную квартиру в новом доме на Автозаводской улице, стал прилично зарабатывать, женился (в этом браке у него родилась дочь). Одевался Стрельцов стильно, на голове соорудил модный кок. В общем, пижонил. Футболисты в те годы считались популярными личностями, многие из них были вхожи в артистическую богему. По словам самого Стрельцова, его никогда не тянуло в эту компанию, хотя со многими популярными артистами он был знаком (например, с Петром Алейниковым, Владимиром Земляникиным, Анатолием Папановым и др.).

Как утверждают очевидцы, команда «Торпедо» в 50-х годах не отличалась большой внутренней дисциплиной. Более того, в смысле порядка там царила настоящая «махновщина». Вот как об этом вспоминает бывший футболист Юрий Севидов: «Нельзя отрицать, что по части дисциплины и Эдуард Стрельцов, и многие другие его товарищи по «Торпедо» дошли, как говорится, дальше некуда. Играла команда успешно и очень красиво, потому что в ней собрались прекрасные, талантливейшие мастера. Но эта компания была неуправляема. Футболисты могли всей командой после очередного матча крепко выпить, а могли и тренера неугодного снять, потому как ведущие игроки дружили с руководством ЗИЛа…»

По части «подвигов» вне футбольного поля Стрельцов мог дать фору многим своим коллегам. Например, в период с апреля 1957 по январь 1958 года он несколько раз задерживался милицией за хулиганство на улице. Так, 14 апреля 1957 года футболист учинил драку во Дворце культуры завода имени Лихачева. Когда его попытались утихомирить, то он еще более распоясался, ругался и кричал, что стоит ему только позвонить

директору завода Крылову…

В ночь с 8 на 9 ноября того же года Стрельцов напился и стал ломиться в дверь семьи Спицыных по адресу Крутицкий Вал, дом № 15. Испуганные соседи по телефону вызвали милицию, и дебошира увезли в 93-е отделение милиции. Но и там он не успокоился: всю дорогу ругался и грозился пожаловаться куда следует.

Наконец, 26 января 1958 года Стрельцов в состоянии алкогольного опьянения учинил новую драку: возле станции метро «Динамо» подрался с неким гражданином Ивановым. Его вновь схватила милиция, и он опять оказал ей сопротивление. За это он был привлечен к ответственности по Указу от 19 декабря 1956 года «Об ответственности за мелкое хулиганство» и получил наказание в виде трех суток содержания под стражей.

Самое удивительное, что обо всех этих проступках футболиста знали руководители команды «Торпедо», однако серьезных мер в отношении провинившегося не принимали. Почему? Здесь два объяснения: или боялись его нервной реакции на это, или просто потворствовали восходящей звезде. Его прощали даже тогда, когда он чуть ли не срывал запланированные футбольные матчи. В 1957 году они вместе с Ивановым опоздали на поезд Москва — Берлин, и сборная команда СССР без них уехала на отборочную игру с командой ГДР (тогда решалось, кто из них поедет на чемпионат мира в Швецию). Пришлось нарушителям догонять товарищей на машине. В Можайске ради них было принято решение остановить поезд и дожидаться, пока они не подъедут на автомобиле. После этого происшествия оба провинившихся чувствовали себя виноватыми перед командой и горели желанием на поле загладить свою вину. И им это удалось. Стрельцов, например, несмотря на травму ноги, умудрился сделать голевую передачу и забить один гол. Благодаря этому наши тогда и победили.

Все вышеперечисленные проступки не делали чести спортсмену, однако в какой-то мере были объяснимы: звездная болезнь для двадцатилетнего парня дело обычное. Выросший без отца, Стрельцов так и не сумел найти достойную замену ему — старшего товарища, который своим авторитетом сумел бы остановить его от скатывания в пропасть. Но до роковой развязки было еще несколько месяцев. А пока Стрельцов продолжал почивать на лаврах, нося звание одного из лучших футболистов Советского Союза.

Бывший врач сборной СССР О. Белаковский вспоминает:

«Не припомню другого такого случая, когда бы в футболе так ярко и стремительно разгоралась звезда. Стрельцов появился, как

метеор! Он сразу бросался в глаза: рослый, красивый, атлетически сложенный парень, всегда приветливый и доброжелательный…

У нас в стране появился редкостный талант, самородок. Даже мальчишкой, каким мы впервые его увидали, он прекрасно видел поле и умел мыслить тактически во время игры. Это редкостный дар! Стрельцов, без сомнения, был игрок мирового класса, ничуть не уступающий талантом Пеле. Поверьте, я видел много великих футболистов — всех кумиров спортивного мира, чья слава не меркнет с годами, и могу утверждать: Стрельцов занимает свое, особое место среди них».

К началу 1958 года Стрельцов по праву считался одним из самых лучших советских футболистов, кумиром миллионов. Видеть его в своих рядах мечтали многие сильнейшие наши команды, в том числе и московский «Спартак». Однако от предложения уйти из «Торпедо» Стрельцов внезапно отказался. Почему? Сам он позднее объяснил этот поступок боязнью обидеть прославленного спартаковца Никиту Симоняна, на место которого он мог претендовать.

Тем временем в июне 1958 года в Швеции должен был стартовать очередной чемпионат мира по футболу. Миллионы болельщиков во всем мире с нетерпением ждали его начала, мысленно уже предвкушая прекрасный футбол. Советские любители футбола ждали его с еще большим интересом: всем хотелось быть свидетелями дуэли двух восходящих звезд мирового футбола: бразильца Пеле и нашего Эдуарда Стрельцова. Однако этой дуэли так и не состоялось.

Сборная СССР должна была выехать в Стокгольм 28 мая. За три дня до этого события игроки сборной собрались в ателье на проспекте Мира, где должны были примерить специально сшитые для них костюмы. После этого игроки разошлись. Стрельцов сначала сходил в баню, затем отправился к знакомому директору магазина на улицу Горького, где у него была назначена встреча с Б. Татушиным и М. Огоньковым. Они тогда задерживались, и наш герой уже собирался было ехать домой, но тут в комнату зашел еще один знакомый Стрельцова — Сергей Сальников. Они вместе выпили, а тут и Татушин с Огоньковым подошли. Далее — слово М. Огонькову: «Мы со Стрельцовым на моей машине поехали на Пушкинскую площадь, где должен был ждать Татушин, с которым мы договорились поехать за город отдохнуть. В машине Татушина сидели незнакомый мне парень по имени Эдик (Эдуард Тарханов — летчик. — *Авт.*) и две девушки, Инна и Ира, которых я тоже не знал. Эдик предложил поехать к нему на дачу на станцию Правда, где поблизости есть водохранилище. Мы купили вино и закуску.

Приехав на водохранилище, выпили, поиграли в волейбол. По дороге на дачу остановились в Пушкине, где Татушин оставил нас, а потом привез еще двух девушек, Тамару и Марину, которых я тоже не знал. Вечером на даче еще играли в волейбол, в теннис. Сели за стол в 12 часов ночи…»

О том, как развивались события дальше, существует две версии. По одной из них (ее подтверждает следователь прокуратуры Э. Миронова), после шумного застолья молодые люди разбились на пары и разошлись по разным комнатам. Стрельцову «досталась» Марина, однако она уединяться не захотела и сказала об этом хозяйке дачи. Но та не стала ее слушать и просто затолкала в комнату, где был Стрельцов, и закрыла дверь на ключ. Марина начала плакать, на что Стрельцов ответил руганью и тумаками. Однако девушка оказалась не из робких, и, когда Стрельцов начал срывать с нее платье, она вцепилась ему в лицо и стала царапать его. Судя по всему, это окончательно вывело из себя футболиста, и он обрушил на девушку град ударов. В результате, выбив ей несколько зубов и сломав нос, он довольно быстро подавил сопротивление жертвы и бросил ее на кровать. Самое удивительное, что, слыша шум этой борьбы, к месту происшествия не пришел ни один из друзей футболиста. Если бы кто-то из них вмешался и унял пьяного приятеля, трагедии удалось бы избежать. Однако…

Другую версию на страницах газеты «Совершенно секретно» высказал еще один юрист — Андрей Сухомлинов (он получил доступ к материалам уголовного дела Э. Стрельцова). По его словам, все выглядело совершенно иначе. Как же?

Оказывается, весь вечер Стрельцов и Марина вели себя как близкие люди — гуляли, целовались, за столом ели с одной вилки. Вечером все вновь уселись за стол, и веселье продолжалось до глубокой ночи. При этом всеми было выпито довольно большое количество спиртного, в том числе и Мариной со Стрельцовым (на столе тогда стояла сорокаградусная «Старка»). После застолья все разбрелись по комнатам, причем Стрельцов и Марина ушли чуть раньше остальных. Судя по всему, именно в этот отрезок времени все и произошло.

Видимо, Стрельцов в комнате стал приставать к девушке, а та стала сопротивляться. Сама она на суде вспомнит, что Стрельцов обращался с ней грубо и ей это не понравилось. Однако ее воспоминания простираются только до того момента, когда Стрельцов толкнул ее на кровать. Что было потом, она так и не вспомнила — была сильно пьяна.

Между тем вскоре в ту же комнату на ночлег пришли еще двое: Ирина и Тарханов, которые устроились на полу. Посреди

ночи Ирина внезапно проснулась и увидела, что Стрельцов и Марина вновь занимаются любовью. Причем никакой борьбы в этом случае уже не было.

Далее — рассказ О. Белаковского:

«Наутро мы встречались на Ярославском вокзале, чтобы ехать на тренировку в Тарасовку. Эдик Стрельцов задерживался. А появился в самом плачевном виде: лицо сильно поцарапано, ноготь на пальце откушен, и вообще выглядел он, прямо скажем… Да еще под парами со вчерашнего дня… Лева Яшин его спрашивает: «Что это, Эдик, с тобой?» А тот отвечает: «Да я, Лев Иванович, был у бабушки на даче, и меня там собака покусала…» Яшин посмеялся. «Да, — говорит, — какая злая собака!»

Я подхожу к тренеру Качалину: «Стрельцов нарушил режим вчера, тренироваться не может». Качалин огорчился, конечно: «Ладно, положите его спать пока…»

Между тем, пока Стрельцов отсыпался после бурной ночи на базе в Тарасовке, Марина с довольно помятым видом вернулась домой и сообщила, что ее изнасиловали. Мать воспылала справедливым гневом и тут же повела дочь в местное отделение милиции. Той же ночью Стрельцов, Татушин и Огоньков были арестованы прямо на базе сборной в Тарасовке. Правда, вскоре двоих последних освободили, и под арестом остался один Стрельцов. Ему и было предъявлено обвинение в изнасиловании.

Вспоминая те драматичные дни, тогдашний начальник сборной СССР Владимир Мошкаркин рассказывал: «Я чувствую и свою вину за случившееся. Ведь я поддался на уговоры игроков и отпустил их за день до отъезда в Швецию со сбора в Тарасовке проститься с родными. Утром они должны были явиться к завтраку… Прояви я стойкость, не пойди на поводу у команды, Эдик в Швеции, глядишь, и Пеле затмил бы. Но я бы главным виновником этой истории назвал Б. Татушина. Кто такая пострадавшая — Лебедева? Подруга его знакомой. Татушин и свел их, увлек на дачу…»

О том, что знаменитый футболист Стрельцов арестован, стало известно москвичам уже на следующий день. Комментариев на этот счет было огромное количество, но всей правды мы не знаем даже сейчас, по прошествии стольких лет после этих событий. Но кое-какие выводы сделать все-таки можно.

Например, однозначно можно утверждать, что это дело намеренно раздувалось по указу сверху — по инициативе Н. Хрущева. Узнав о том, что молодой знаменитый игрок избил и изнасиловал девушку, он пришел в неописуемую ярость и приказал раскрутить это дело «на всю катушку». Кроме этого, ходили слухи о том, что свой зуб имели на Стрельцова и кое-кто

из окружения Хрущева. Например, Екатерина Фурцева. В свое время она мечтала выдать свою дочь за этого футболиста, но Стрельцов якобы ей отказал, заявив: «Я свою Алку ни на кого не променяю!» Этого поступка ему, видимо, не простили.

Еще одним доказательством того, что Стрельцова стремились засадить за решетку, было то, что пострадавшая через пять дней после случившегося полностью отказалась от своих обвинений. В своей записке от 30 мая она писала: «Прошу прекратить дело Стрельцова Э. А., так как я ему прощаю». Однако это заявление следствие проигнорировало. А затем потерпевшая забрала свое заявление обратно.

Далее. Многие наблюдавшие стремительное восхождение Стрельцова к вершинам славы утверждают, что это не давало спокойно спать большинству влиятельных спортивных чиновников. Конечно, с одной стороны, он приносил советскому спорту огромную славу и популярность во всем мире, но, с другой стороны, уж очень он был строптив… Не этим ли был вызван и такой эпизод, который произошел за три дня до случая на даче. В тот день в ЦК были приглашены председатель Спорткомитета СССР Романов и начальник сборной Мошкаркин. Там им сказали: «Есть мнение, что Стрельцов намерен остаться в Швеции. Поэтому брать его туда не стоит». Романов и Мошкаркин, пораженные таким заявлением, сначала растерялись, однако затем принялись горячо переубеждать высокого начальника в абсурдности этой мысли. «Откуда вы это взяли?» — вопрошали они. «А вы не помните, как три года назад шведы сами зазывали Стрельцова к себе? Вдруг он согласится на этот раз? Ведь он неуправляем», — отвечал им высокий начальник. Но защитники Стрельцова все-таки сумели переубедить его и отказаться от своих подозрений. Стрельцова в сборной оставили, но обмануть судьбу ему так и не удалось.

Буквально за месяц до начала судебного процесса, когда в народе все чаще стали звучать мысли о том, что власти специально хотят засадить в тюрьму всесоюзную знаменитость, в центральной прессе была начата кампания по дискредитации Стрельцова. Так, в газете «Комсомольская правда» был напечатан фельетон Семена Нариньяни под весьма выразительным названием — «Звездная болезнь». Прочитав эту статью, любой нормальный человек делал однозначный вывод: и правильно сделали, что арестовали этого распоясавшегося юнца. Не случайно, что вырезка из газеты с этим фельетоном была сразу же подшита в уголовное дело № 53–50, заведенное на Стрельцова.

Можно ли было спасти Стрельцова от тюрьмы? Вот что по этому поводу думает автор книги о нем Александр Нилин: «…

Пришли с ним на похороны Харламова (в августе 1981 года. — *Авт.*). Вокруг почти все в военных мундирах. Эдик огляделся: «Если б перешел в ЦСКА, не в тюрьме бы сидел, а тоже был бы майором». Им с Валей Ивановым ЦСКА даже квартиры подобрал… А самое интересное — Стрельцов болел за «Спартак»! Но перейти туда не смог. Говорил: «Мне неудобно перед Симоняном, приду-то на его место». Вопрос с армией торпедовское начальство для Стрельцова и Иванова решило. Директор завода съездил в ЦК. Эдик сказал приятелю: «Армия — армией, а ЦК — цекой…» Но вот от тюрьмы освободить не смогли. А вот «Спартак» бы смог. Он ведь себя позиционировал как «народная команда», но Старостин знал всех начальников. Своих-то, Татушина и Огонькова, отстоял. Их исключили из футбола, но в тюрьму не посадили…»

В те дни, когда Стрельцов сидел за решеткой, сборная СССР по футболу отправилась в Швецию на чемпионат мира. В ее составе не было трех игроков: Стрельцова, Татушина и Огонькова. Так как выбыли они из состава сборной буквально накануне турнира, замену им пришлось искать в спешном порядке. Все это, естественно, не могло не сказаться на игре команды. В результате сборная СССР свела вничью матч с командой Англии (2:2), выиграла у Австрии (2:0), но проиграла сборной Швеции (0:2). Последний матч и решил судьбу нашей сборной: она выбыла из дальнейшего спора за звание чемпионов мира. Думаю, вряд ли наша команда выступила бы столь неудачно, не случись то происшествие на даче. Однако история не знает сослагательного наклонения.

Суд над Стрельцовым состоялся в конце июля 1958 года в здании Московского областного суда. У большинства присутствовавших на нем в начале процесса была еще надежда на то, что правосудие будет снисходительным по отношению к восходящей звезде. Однако никакого снисхождения Стрельцов не дождался. Приговор суда от 24 июля был откровенно суров: согласно Указу от 4 января 1949 года «Об усилении уголовной ответственности за изнасилования» осудить Э. А. Стрельцова на 12 лет лишения свободы. Когда этот приговор был оглашен, подсудимый в сердцах заявил: «Предлагали мне остаться во Франции, но я не захотел. А жаль!..» Сразу после приговора его первая жена подала на развод.

Первые месяцы своего заключения Стрельцов отбывал на лесоповале в Кировской области. Однако там он не задержался. Однажды его сильно избили другие заключенные, и начальство решило перевести его в другое место — в колонию № 5 города Донского Тульской области. Здесь никаких инцидентов у него уже

не возникало. Поэтому в 1960 году срок заключения Стрельцову был снижен с 12 до 7 лет. Через год, когда зоны поделили на режимы и на строгом (в колонии № 5) стали концентрировать рецидивистов, Стрельцова, как впервые осужденного, перевели в соседнюю колонию — № 1. Тогда эта колония только отстроилась и на всю зону был всего один барак. Все зэки работали в инструментальном цехе, и Стрельцов вместе со всеми точил гаечные ключи с трещоткой. Несколько позднее (уже в Электростали) его перевели в отряд хозяйственной обслуги на должность библиотекаря. Тогда же он пошел учиться в восьмой класс.

Самое удивительное, но даже в заключении Стрельцову удавалось играть в футбол. В одном из писем матери он писал: «Уже начали играть в футбол. Играли товарищескую игру с 7-м лагпунктом, выиграли со счетом 7:1. С 1 июня начнется розыгрыш кубка по лагерям. Будем ездить на разные лагпункты. Время пойдет веселей…»

Стоит отметить, что, в отличие от футбольных матчей на свободе, игры в зоне представляли собой несколько иное зрелище. Например, в большинстве своем игроки зэковских команд были откровенными костоломами и не чурались никаких нарушений. Играть против таких футболистов было опасно для здоровья. Но Стрельцов играл и даже умудрялся демонстрировать техничный и результативный футбол. Так, во время игры с командой костоломов, когда счет был 10:0 в их пользу, Стрельцов внезапно взорвался и стал один за другим вколачивать голы в их ворота. Остановить его было невозможно. Видя все это, зрители на трибунах ревели так восторженно, что обитатели соседнего поселка подумали, что на зоне начался бунт.

После того как первая жена Стрельцова подала на развод, у него на воле осталась девушка — Галя, с которой он переписывался какое-то время. Однако затем и она вышла замуж за другого. По этому поводу Стрельцов в одном из писем матери написал: «Встретишь Галю, передай ей привет и пожелай ей счастья в семейной жизни. Правильно она сделала…»

Первые годы своего заключения Стрельцов писал просьбы о пересмотре его дела, снижении срока. Однако все его просьбы оставались без внимания. В конце концов он и вовсе перестал их писать и просил мать, чтобы она тоже зря не обивала пороги начальственных кабинетов. Читаем в одном из его писем: «Еще я могу тебе посоветовать никуда не ходить. Это, по-моему, для тебя будет лучше. А то ты со своим здоровьем доходишься, что ляжешь и не встанешь. А когда я освобожусь, то мне некуда будет ехать, никого у меня не будет…»

И еще строчки, уже из другого письма: «Мама, не ты недоглядела, а я сам виноват. Ты мне тысячу раз говорила, что эти «друзья», водка и эти «девушки» до хорошего не доведут. Но я не слушал тебя, и вот — результат… Я думал, что приносил деньги домой и отдавал их тебе — и в этом заключался весь сыновний долг. А оказывается, это не так, маму нужно в полном смысле любить. И как только я освобожусь, у нас все будет по-новому…»

Через какое-то время Стрельцова перевели в колонию общего режима и назначили там ночным дневальным. Эта должность позволяла ему ночью заниматься уроками, а днем поддерживать спортивную форму. Однако среди зэков эта должность считалась позорной, поэтому блатные откровенно презирали Стрельцова. Но он и не стремился водить дружбу с блатными.

В футбол играть Стрельцову вскоре запретили из-за досадного случая. Настоящего футбольного мяча у него не было, поэтому он смастерил самодельный: скрутил две телогрейки и обтянул их проволокой. Получился какой-никакой, но мяч. Однако весил он не менее пяти килограммов, и однажды вратарь, ловивший его после удара Стрельцова, сломал себе ключицу. После этого начальство изъяло мяч и запретило зэкам играть в футбол. Но это было уже в самом конце тюремной эпопеи нашего героя. Через несколько месяцев он наконец вышел на свободу (большую помощь в этом оказал сын тогдашнего председателя Президиума Верховного Совета СССР А. Микояна). На дворе стоял 1963 год.

Тот год изменил и личную жизнь нашего героя. Буквально через полгода после освобождения он познакомился на стадионе «Торпедо» с девушкой по имени Раиса. Она работала продавщицей в ГУМе и жила там же, где и Стрельцов, — на Автозаводской улице. В тот день вместе с подругами Рая пришла на стадион. Одну из ее подруг знал Стрельцов. Вот через нее они и познакомились. Вскоре они поженились, и в этом браке у них родился сын Игорь.

В 1963–1964 годах Стрельцов играл в футбол за цеховую команду и за первую мужскую «Торпедо». Играл неплохо и с каждым матчем набирал свою былую мощь и мастерство. Наконец в сезоне 1965 года было официально объявлено, что Стрельцов возвращается в основной состав «Торпедо». Стоит отметить, что это был беспрецедентный случай в истории отечественного футбола: еще никто из игроков не возвращался в большой футбол после шестилетнего перерыва.

Между тем возвращение Стрельцова в большой футбол не было легким. О той закулисной борьбе, которая ему

предшествовала, рассказывает бывший в те годы секретарем парткома ЗИЛа А. Вольский:

«Шла настойчивая борьба за то, чтобы Стрельцову разрешили играть. Она длилась полтора года. Не хочу ничего плохого говорить о прежних руководителях федерации футбола, но они совершенно не отстаивали Стрельцова. Бился только один завод.

Однажды мы допустили непозволительный для себя шаг. Команда играла в Горьком. Вдруг весь стадион начал кричать: «Стрель-цо-ва! Стрель-цо-ва!» Естественно, без разрешения никто его на поле выпустить не мог. Тогда люди начали поджигать газеты. Это было страшное пламя. Загорелась даже часть трибун. Почти пожар. В перерыве к нам в раздевалку пришел один из руководителей Горьковского автозавода: «Ребята, если вы не выпустите его, они сожгут стадион». И тогда я говорю тренеру Марьенко: «Знаешь что, выпускай Стрельцова. В конце концов, ничего страшного в этом нет. Ну, накажут…» Эдик вышел. Стадион принимал его стоя.

Когда мы приехали в Москву, мне позвонил тогдашний секретарь ЦК КПСС по идеологии Ильичев. Кричал: «Что вы хулиганите?! Бандита, развратника, насильника выпустили на поле. Это абсолютно недопустимо. Мы вас накажем». Я говорю: «Меня-то легко наказать. Как вы завод накажете? Тех болельщиков, которые просили его выпустить?..» Он сказал: «Мы разъясним, но уже без вас». Затем мой поступок обсуждали на бюро горкома…

Тогда мы решили действовать иным путем. Написали письмо на имя нового председателя Президиума Верховного Совета СССР Брежнева. Первая страничка полностью состояла из имен депутатов Верховного Совета СССР, РСФСР, которых на ЗИЛе было немало, орденоносцев, знатных людей… И еще сорок страниц примерно с десятью тысячами подписей рядовых рабочих. После чего нас с Александром Ивановичем Косицыным, тоже работником ЗИЛа, и депутатами пригласили в Верховный Совет. Брежнев меня просто потряс. Он сказал: «А я не понимаю… Если слесарь отбыл срок, почему ему нельзя работать слесарем?» Мы, естественно, с дрожью повскакали: дорогой Леонид Ильич, и так далее… Я попутно рассказал о звонке Ильичева. На что Брежнев ответил: «Ну, на Ильичева мы управу найдем». Не знаю, сколько потребовалось времени, чтобы Стрельцову разрешили играть. По-моему, меньше часа. Вышло постановление Федерации футбола СССР, и Стрельцов был мгновенно заявлен. При всем том, что он полысел, потяжелел, гениальность осталась…»

В сезоне 1963/64 «Торпедо» заняло в чемпионате СССР 2-е место. Это был большой успех, так как год назад команда

довольствовалась всего лишь 10-м местом. Однако теперь, с приходом Стрельцова, торпедовские болельщики всерьез рассчитывали на «золото». И наш герой не мог их подвести.

Первый матч, в котором в составе «Торпедо» на поле вышел Стрельцов, состоялся в Москве. Это была игра «Торпедо» — «Крылья Советов» (Куйбышев). Стадион был забит до отказа только по одной причине — все пришли посмотреть на Стрельцова. Но он в тот день выглядел не слишком убедительно и многих откровенно разочаровал. Было заметно, что он стал несколько тяжеловат. Однако многие продолжали верить в него и ждали, когда он наконец заявит о себе в полную мощь. И это ожидание не оказалось напрасным. Буквально матч за матчем Стрельцов стал прибавлять в скорости и начал забивать свои первые голы. (Отмечу, что первый и второй свои голы он забил в одном матче — с одесским «Черноморцем».)

Вспоминает А. Нилин: «Очень многие испытали разочарование, увидев отяжелевшего Эдика на поле, и к тому же сильно изменившегося внешне. Он и в былые годы нередко простаивал большую часть матча, но такая выключенность убедительно компенсировалась затяжным рывком, заставлявшим публику подняться со своих мест, увидев, что Эдик принял мяч на своей еще половине поля. Сейчас же он, не отказавшись от своих привычек созерцателя, ограничивался пасами, не вполне понятными новым партнерам, не привыкшим к такому игровому остроумию. Оставшийся без Стрельцова Иванов чаще требовал играть на себя — и совершенно прав был. А тут вдруг игрок, призванный завершать атаки, занят исключительно распасовкой. И совсем не забивает голов. Не хочет или не может? Боже мой, как же мы радовались первому голу Эдика… совсем, как мне тогда показалось, невыразительному, но позднее Стрельцов сказал, что вот такие голы («без звона») он и любит забивать… В той игре он и еще один мяч забил — ему дали пробить пенальти, вратарь угадал направление, среагировал, мы все зашлись от досады, но Эдик повторным ударом спокойно поднял мяч прямо под перекладину…»

В конце концов к середине сезона Стрельцов разыгрался так, что остановить его было уже невозможно. «Торпедо» уверенно шло к победе в чемпионате и, набрав 51 очко, заняло 1-е место. Стрельцов стал лучшим бомбардиром в команде — забил 12 мячей.

В 1966 году «Торпедо» вполне реально могло завоевать еще одну награду — Кубок СССР. Однако этого не случилось. В финальном матче с киевским «Динамо» торпедовцам не повезло и они проиграли 0:2.

В том же году в чемпионате СССР «Торпедо» заняло всего лишь 6-е место. Затем выбыло из Кубка европейских чемпионов. И хотя вины Стрельцова в этом не было, однако руководство сборной СССР решило не брать его на предстоящий чемпионат мира в Англию. Видимо, клеймо зэка все еще довлело над нашим героем. (Говорят, против кандидатуры Стрельцова возражал будущий министр культуры СССР П. Демичев.) На том чемпионате сборная СССР выступила очень удачно и заняла 4-е место.

И все же майку игрока сборной СССР Стрельцов надел: в 1967 году, когда наша сборная встречалась в Лондоне с хозяевами поля. Тот матч закончился вничью: 2:2. Затем было еще несколько матчей.

Стрельцов продолжал играть в родном «Торпедо», хотя мысли о переходе в другую команду его посещали все чаще. Дело в том, что в сезоне 1967 года команда заняла 12-е место, и тренер «Торпедо» откровенно обвинял в этом неуспехе ведущих игроков, в том числе и Стрельцова. Однако тренера вскоре сменили, и уходить из команды не понадобилось. В 1968 году «Торпедо» заняло уже 3-е место (Стрельцов забил 21 мяч, чего не добивался и в молодости, ему вернули звание заслуженного мастера спорта), в 1969-м — 5-е. Однако затем проблема ухода вновь встала перед Стрельцовым. И было тому несколько причин.

Свой последний матч за сборную ССР Стрельцов сыграл 4 мая 1968 года. Это была игра против сборной Венгрии в Будапеште — отборочный матч одной четвертой финала чемпионата Европы. Стрельцов был не в лучшей форме и даже за несколько дней до игры сказал тренеру сборной Михаилу Якушину: «Смотри, как бы я тебя не подвел». Тренер пропустил эту фразу мимо ушей. А зря.

Почти весь матч Стрельцов на поле… простоял. А когда в одном из эпизодов имел реальный шанс поразить ворота соперников, то как-то неуклюже распорядился мячом и тот в ворота не попал. Наши проиграли 0:2, что означало — в ответном матче в Москве нам требовалось забивать три безответных гола. Самое интересное, наши выиграют именно со счетом 3:0, однако Стрельцов на поле уже не выйдет — рассерженный Якушин «отцепит» его от сборной. Как окажется, навсегда.

В сезоне 1969 года Стрельцов сыграл за «Торпедо» всего лишь 11 игр, после чего получил травму — порвал ахиллесово сухожилие. Причем случилось это с ним, когда он играл в матче за дубль. А сделал это динамовец Сергей Никулин, которого называли Коса (та, что траву косит). Вот что рассказывает об этом динамовец В. Эштреков: «Я был на том матче. Дублеры «Динамо» и «Торпедо» играли на Малой арене в Петровском парке. Эдик

восстанавливался после травмы, нужна была игровая практика. А Серега и в юности на поле спуску не давал. Он не подлый. Просто, когда нет сильных качеств, что выходит на первый план? Зверская самоотверженность. Ломать Эдика, конечно, не хотел. Не удачно подкатился — разрыв ахилла. Это Стрельцова и добило…»

Так наш герой надолго выбыл из основного состава. Кроме этого, у Стрельцова испортились отношения с Валентином Ивановым, которого назначили одним из тренеров «Торпедо». Вернувшийся после травмы в строй Стрельцов не смог быстро набрать нужную форму, и поэтому его очень редко выпускали на поле. В конце концов ему это надоело и, не доиграв сезон 1970 года, Стрельцов ушел из большого футбола. «Торпедо» в том году заняло в чемпионате 6-е место.

Отыграв в «Торпедо» всю свою спортивную жизнь (1952–1958, 1965–1970), Стрельцов провел в чемпионатах СССР 222 матча, забил 100 голов. В сборной СССР (1955–1958, 1966–1968) провел 38 матчей, забил 25 голов (2 неофициальных матча, 4 гола). В еврокубках сыграл 9 матчей, 3 гола. Пять раз попадал в список «33 лучших футболистов страны»: № 1 (1956, 1965, 1968), № 2 (1966, 1967).

В «Футбольной энциклопедии» про Э. Стрельцова написано следующее:

«Необычно рано появившись в большом футболе, он сразу же занял место на острие атак «Торпедо». Стремительный рывок, смелость в единоборствах и в борьбе за верховые мячи, отличный дриблинг, сильные удары с обеих ног быстро создали Стрельцову славу грозного бомбардира. В паре с Валентином Ивановым они могли переиграть практически любую защиту…

В своем втором явлении на футбольном поле он предстал перед зрителями совершенно иным. Сила повзрослевшего Стрельцова была в умении видеть поле, отдать острый, удобный для приема пас партнеру. Уверенная обводка с использованием корпуса, хорошая игра головой, способность протаранить оборону соперника остались при нем. Но восхищали любителей футбола в игре зрелого мастера еще и его феноменальная игровая интуиция, коварные, направленные в самую уязвимую точку, удары по воротам, «фирменный» пас пяткой…»

Уйдя из футбола, Стрельцов налег на учебу — стал ездить в Малаховку, в филиал Смоленского института физкультуры. Через три года его вновь пригласили в «Торпедо» — на этот раз тренером, помощником к В. Иванову. Стрельцов согласился. «Торпедо» тогда играло прескверно, занимая 7–9-е места в чемпионате. С приходом Стрельцова ситуация изменилась: в 1974

и 1975 годах команда заняла 4-е место. В 1976 году и вовсе стала чемпионом страны. Правда, Стрельцова к тому времени в команде уже не было: он так и не вписался в тренерское руководство родным клубом.

Рассказывает А. Нилин: «Помню, Эдик рассказывал мне, как встретил Воронина незадолго до гибели (подробно об этом в следующей главе. — *Авт.*): «Пьет пиво с какими-то ханыгами. Говорю: «Валерка, иди домой!» — «Не пойду, делать там нечего». — «Да как же нечего?! Разогрей супчик, вытащи холодную бутылочку, включи телевизор…» Эдику действительно это нравилось. Мог дома часами разгадывать кроссворды, обложившись справочниками. А фильмы обожал детские и про войну…»

В последние годы своей жизни Стрельцов вел в основном домашний образ жизни: большую часть времени проводил с женой и сыном. Иногда играл в футбол за команду ветеранов. Один такой матч состоялся в 30 километрах от Чернобыля, сразу после аварии в апреле 1985 года. Как вспоминают очевидцы, футболист Андрей Якубик сразу после матча принялся тщательно мыть свои бутсы, опасаясь радиации, на что Стрельцов ему заметил: «Этим, Андрей, теперь уже не спасешься…»

После этого Стрельцов прожил еще пять лет. Весной 1990 года ему вдруг стало плохо, и его увезли в онкологический центр на Каширском шоссе. Именно там его застала весть о смерти его товарища — Льва Яшина. Побывав на его похоронах, Стрельцов сказал своим близким: «Теперь моя очередь». Он знал, что говорил. Врачи обнаружили у него рак легких. Но, зная диагноз, догадываясь, что жить ему осталось немного, Стрельцов никому из близких не показывал, что боится смерти. Более того, он всем сообщил, что 21 июля, в день своего рождения, обязательно будет дома. Однако именно в тот день ему стало плохо. Наступила клиническая смерть. Врачам все-таки удалось вернуть его к жизни, но утренние газеты уже успели сообщить, что «выдающийся футболист Э. Стрельцов скончался». А он в то время был еще жив. 22 июля в 3 часа дня у него случилась еще одна клиническая смерть. И вновь его удалось спасти. Но глубокой ночью того же дня смерть пришла за ним окончательно.

Похоронили Эдуарда Стрельцова на Ваганьковском кладбище.

Футбольный денди Валерий Воронин, «Торпедо», Москва

Валерий Воронин родился 17 июля 1939 года в Москве в обычной семье. Его отец в свое время работал заведующим одесской торговлей и к спорту не имел никакого отношения. Однако свою немалую лепту в его спортивную карьеру все же внес. Какую? Не будем забегать вперед.

После войны Воронин-старший угодил в какую-то передрягу по торговой линии и решил сменить место жительства — переехал с семьей (жена, дочь Валя и сын) в Москву. Здесь глава семейства устроился директором магазинчика в писательском поселке Переделкино. Знал многих именитых обитателей поселка, а с некоторыми даже вместе выпивал (например, с Александром Фадеевым). Чуть позже эта пагубная страсть передастся и его сыну.

Валерий в детстве, как и многие мальчишки, был страстным футбольным болельщиком и болел за столичное «Динамо». Азы футбола он постигал не у себя во дворе на Калужской, а в Нескучном саду, причем его партнерами были не мальчишки, а… две девочки, которые вместе с ним ходили в тот же сад. То ли они любили футбол, то ли самого Воронина, поскольку он был тот еще красавчик. А затем в 13 лет Воронин записался в футбольную секцию завода «Каучук». Спустя год (1953) перешел в юношеский состав московского «Торпедо», причем попал туда благодаря… своему отцу. Тот когда-то служил в армии с самим Константином Бесковым и на этой почве решил показать ему сына. А Бесков в том году как раз тренировал юношеское «Торпедо». Выпустив на поле юного Воронина, опытный тренер сразу определил в нем несомненный талант и взял в команду. И когда спустя год Бескова из «Торпедо» выставили, Воронин остался в дублирующем составе команды. Однако на протяжении последующих трех лет в основной состав его не брали, поскольку слишком сильна была тогда конкуренция и ветераны команды не желали уступать свои места талантливой молодежи.

И все же в 1959 году, при тренере Викторе Маслове, Воронин попал-таки в основной торпедовский состав. В том сезоне автозаводцы заняли 5-е место, но Воронин выходил на замену не очень часто. Однако со следующего сезона он уже стал основным полузащитником, выступая в связке с Николаем Маношиным,

которого многие специалисты стали прочить на позицию Игоря Нетто в сборной, дав ему прозвище Гусь-2. Начинались 60-е, которые по праву можно назвать золотым веком автозаводцев. Ведь до этого все 50-е рвались в чемпионы, но так и не смогли ими стать. Так, в 1950 году заняли 10-е место, в 1951-м — 12-е, в 1952-м — 10-е, в 1953-м — 3-е, в 1954-м — 9-е, в 1955-м — 4-е, в 1956-м — 5-е, в 1957-м — 2-е (отстав от чемпионов, столичных динамовцев, на 8 очков — 28 против 36), в 1958-м — 7-е, в 1959-м — 5-е.

Тактически «Торпедо» в те годы играло по следующей схеме. Нападающие команды постоянно искали свободное пространство и двигались, что усложняло задачу их соперникам. Торпедовцы играли по схеме 3–3–4, поскольку популярную в те годы «бразильскую» схему 4–2–4 команда не переняла — не хватало четвертого защитника. «Торпедо» играло с тремя чистыми защитниками (Александр Медякин, Виктор Шустиков, Леонид Островский), а во время обороны назад отходил Валерий Воронин, который становился четвертым защитником (позже подобную позицию называли «передний центральный защитник», «стоппер» или «опорный полузащитник»).

В сезоне 1960 года Воронин стал полноценным игроком основного состава, сыграв 29 матчей и забив 4 гола. Тот сезон стал «золотым» для «Торпедо» — команда стала чемпионом СССР, обогнав своих ближайших преследователей — киевских и московских динамовцев на три очка (14 против 11). А затем взяла еще и Кубок СССР, обыграв тбилисских динамовцев в дополнительное время со счетом 4:3. Причем торпедовская команда тогда была одной из самых молодых — самому старшему футболисту было только 26 лет (Воронину шел 22-й год).

«Торпедо» в тот период играло в следующем составе: М. Глухотко, А. Поликанов, А. Медакин, В. Шустиков, Л. Островский, В. Хомутов, В. Воронин, Н. Маношин, Н. Сенюков, Ю. Хромов, С. Метревели, В. Иванов, Г. Гусаров, Б. Батанов, О. Сергеев, Ю. Фалин, К. Доронин, В. Денисов, А. Савушкин, Н. Посуэло.

Главным «забивалой» был Гусаров — 12 мячей. Далее шли: Фалин (9), Иванов (8), Батанов (7), Метревели (6), Сергеев (5), Воронин (4), Маношин и Доронин (2), Денисов (1).

Вспоминает А. Нилин:

«Валерий Воронин образца шестидесятого года не ходил в премьерах, равнозначных Валентину Иванову (один из лучших игроков «Торпедо» тех лет. — *Авт.*). Он был не более чем боевым патроном в обойме мастеров, строго избранных Масловым (даже очень высоко ценимый в «Торпедо» Валентин Денисов, стоящий,

по гамбургскому счету, в одном ряду с великими и общепризнанными, не так-то много игр провел в основном составе).

Журналисты ухватились за сочетание Воронин — Моношин. Их непременно вдвоем фотографировали на обложки спортивных изданий, их пытались представить неразлучниками. Но противоречие в игровом союзе Моношина с Ворониным образовалось едва ли не сразу. Моношин восхищал широкую публику — к ней, правда, и годы спустя, примыкает оригинал Владимир Маслаченко, утверждающий, что Валерий скорее дутая величина, а Коля на голову его выше в своем высокотехничном обращении с мячом. Но внутри «Торпедо» его частенько называли «полотером».

Кстати, для знатоков журналистская версия о том, что столько значившая для новоявленного клуба линия полузащиты замыкается на Валерии Воронине и Николае Моношине, казалась абсурдной. Они видели, какой неслыханный объем работы совершает Борис Батанов, умевший отпахать и за Николая, которому не хватало выносливости. Единственный новичок в торпедовском составе Батанов, перешедший из ленинградского «Зенита», был и единственным, кого в сезоне 1960-го можно выделить наряду с Валентином Ивановым…

Сезон 1960-го принес Моношину популярности несколько больше, чем Воронину. Но у Валерия уже возникли стойкие почитатели. Помню, как знаменитый в будущем писатель-детективщик Георгий Вайнер, служивший тогда в скромной газете «За образцовое обслуживание» (кажется, она так называлась), взял себе журналистский псевдоним: Воронин. С настоящим Ворониным он, между прочим, и познакомился в Доме журналистов. О Валерии вне игрового поля — в сфере отдыха и развлечений — я от Вайнера впервые и услышал…

Впоследствии Николай Моношин не без обиды говорил, что со следующего сезона «Валера стал рваться вперед». Тесть Воронина — человек из артистического мира — настропалял его выйти на первый план. В моношинских словах есть, наверное, резон. Но вряд ли одним влиянием тестя объяснима большая заметность Валерия на поле. Он становился торпедовским мотором, а Николай по своим физическим особенностям мотором быть не мог — и начал выпадать из торпедовской фирменности…»

Раз уж речь зашла о тесте Воронина, то скажем, что он был женат на артистке — танцовщице из популярного ансамбля «Березка» Валентине. Это была весьма красивая женщина. Впрочем, учитывая, что и сам Воронин был похож на лондонского

денди, их пара смотрелась весьма эффектно, часто появляясь в кругах столичной богемы. Но вернемся к футболу.

В том же 1960-м Воронин впервые был приглашен в состав национальной сборной СССР. Его первая игра состоялась на выезде 4 сентября против сборной Австрии. Но дебют нельзя было назвать удачным — тот матч наша сборная проиграла со счетом 1:3. Так же неудачно сложилась и следующая игра (снова выездная) с участием Воронина — против сборной Польши (21 мая 1961 года), где наши спортсмены уступили с минимальным счетом 0:1. И только в третьей игре (это был отборочный матч чемпионата мира) нам повезло: 18 июня мы обыграли сборную Турции со счетом 1:0, причем единственный гол забил именно Воронин. Кстати, свой следующий гол в майке игрока сборной СССР наш герой забьет спустя три года — 27 мая 1964 года в матче Кубка Европы против сборной Швеции в Москве. Наши тогда победили со счетом 3:1.

Тем временем в сезоне 1961 года «Торпедо» не смогло повторить свой прошлогодний успех, заняв всего лишь 2-е место. А «золото» чемпионата взяли киевские динамовцы, сумевшие в одном матче сыграть с торпедовцами вничью (1:1), а второй выиграли (2:0). В итоге торпедовцы отстали от них на четыре очка (41 против 45).

Проиграли торпедовцы и Кубок СССР, уступив в финальной игре донецкому «Шахтеру» 1:3. За это поражение из «Торпедо» был уволен ее тренер Виктор Маслов. Что не могло не сказаться на игре его бывших подопечных, которые очень уважали своего наставника. А тут еще и шлейф «пьющей» команды, который зацепился за «Торпедо» в те годы. К тому же и интриги в высших сферах тоже не стоит сбрасывать со счетов — новый суперклуб в Москве был никому не нужен (естественно, кроме самих зиловцев).

Короче, в чемпионате 1962 года торпедовцы скатились вниз турнирной таблицы — на 7-е место (чемпионом стал московский «Спартак», обогнавший торпедовцев на 10 очков — 32 против 22). После этого в команде случился раскол — ее покинули лучшие игроки: Слава Метревели (перешел в тбилисское «Динамо»), Леонид Островский (в киевское «Динамо»), а Геннадий Гусаров (лучший бомбардир команды, забивший в сезоне 1962-го 22 мяча) влился в ряды московского «Динамо».

Вполне мог бы покинуть «Торпедо» и Воронин, благо предложений от разных клубов ему поступало предостаточно. Но он был патриотом своей команды и категорически отметал любые предложения о переходе в другую команду. Заводское начальство за это его отблагодарило — предоставило трехкомнатную

квартиру недалеко от стадиона «Торпедо», на Автозаводской улице.

Однако исход игроков не мог не сказаться на игре торпедовцев. В результате в чемпионате 1963 года, в котором приняли участие 20 команд, «Торпедо» финишировало десятым, отстав от чемпиона (московского «Динамо») на 15 очков (40 против 55). Однако в список 33 лучших футболистов вошли сразу трое торпедовцев: Воронин, Иванов и Шустиков. Причем все — под номером 1.

Перед чемпионатом 1964 года «Торпедо» пополнилось большим количеством исполнителей, которые должны были заменить прежних лидеров. С новыми игроками и тренером (Виктором Марьенко) команда снова заиграла мощно и вплоть до последних матчей боролась с тбилисским «Динамо» за чемпионство. Причем «Торпедо» имело реальный шанс обогнать тбилисцев, но фортуна от них отвернулась. В матче против киевских динамовцев, когда на табло был счет 1:1, в ворота динамовцев был назначен пенальти. К мячу подошел лидер команды Валентин Иванов. Удар — вратарь Банников отбивает мяч. В итоге «Торпедо» и «Динамо» (Тбилиси) набрали по 46 очков и должны были проводить «золотой матч» за первое место, который был сыгран на нейтральном поле — в Ташкенте, на стадионе «Пахтакор». Основное время завершилось вничью 1:1, но в дополнительное время «Торпедо» пропустило три гола — 1:4.

Валерий Воронин тогда провел один из самых своих блестящих сезонов. По словам Э. Стрельцова:

«…Он был уже по-своему даже выше Кузьмы (так одноклубники звали Валентина Иванова, у которого было отчество Кузьмич. — *Авт.*). Я бы не сказал, что Иванов стал играть с годами хуже, он и закончил выступать, на мой взгляд, преждевременно, — и взрывная стартовая скорость и хитрость игровая оставалась при нем. С Кузьмой по-прежнему трудно было кого-либо сравнивать в тонкости понимания, в тонкости исполнения в решающий момент. Он всегда точно знал, отдашь ты ему мяч или нет.

Но Воронин играл, как бы это сказать, объемистее, пожалуй. Объем высококлассной работы, им производимой, просто удивлял. Диапазон действий был громадный. А головой он играл так, как ни мне, ни Кузьме не сыграть было…»

А вот еще одно мнение — уже знакомого нам журналиста А. Нилина: «Хорошо помню Воронина в игре. В трудную минуту как бы в мгновение ока переносился в горячую точку возле своих ворот и неуловимым движением уводил мяч из-под ног атакующих. Или вдруг врывался в штрафную площадку

противника и, вытянув на себя дрогнувшую защиту, выдавал хитроумный, голевой пас своему форварду. Но более всего, как ни странно, он восхищал меня своей игрой в центре поля, когда, приняв мяч каким-то грациозным, кошачьим движением, Воронин поднимал голову, отрывая взгляд от укрощенного зверя, и, молниеносно оценив расположение перемещавшихся фигур на шахматной доске футбольного поля, так распоряжался мячом, что невольно вырывался вздох восхищения…»

Прекрасно складывались дела Воронина и в составе сборной СССР, которая на чемпионате Европы — 64 завоевала серебряные медали. Наши спортсмены выиграли три матча из шести (у итальянцев 2:0, шведов 3:1, датчан 3:0, два матча свели вничью — с теми же итальянцами 1:1, шведами 1:1). В финальной игре сборная СССР встречалась с командой Испании на поле соперника — в Мадриде (21 июня 1964 года). Стадион был забит под завязку — пришло 120 тысяч зрителей. Игра началась бурными атаками испанцев, которые уже на 6-й минуте открыли счет. Однако спустя всего несколько минут Галимзян Хусаинов восстановил равновесие. А во втором тайме, когда до конца игры оставалось всего шесть минут и зрители настроились на дополнительное время, испанец Марселино сделал простреленную передачу в нашу штрафную и Переда забил нам красивый гол. 2:1, увы, не в нашу пользу, и кубок «уплыл» к испанцам. На этом турнире Воронин забил два гола: шведам и датчанам.

В том же 1964 году впервые был проведен опрос среди спортивных журналистов страны для определения лучшего игрока СССР — большинство голосов было отдано за Валерия Воронина.

А вот еще одна история о Воронине времен его пребывания в сборной СССР. Рассказчик — Владимир Пономарев из ЦСКА:

«…В Бразилии дело было. Воронин рассказал, что побывал в местном борделе. Нам с Хмельницким любопытно, оба холостые. Берем такси — и туда. У Хмеля случилась заварушка. Уж не знаю, что он там хотел творить, но девица заартачилась. Шум, гам. Выскакиваю на лестницу, какая-то болонка тявкает. Пнул ее ногой. Хозяйка вызвала полицию. Проверили документы, обозвали «крейзи» и отпустили.

В Сантьяго еще веселее. Сыграли товарищеский матч с «Коло-Коло». На банкете каждому раздали визитные карточки. Воронин, знавший английский, разобрался — у «Коло-Коло» собственный бордель! По этим карточкам для гостей бесплатно все — девки, выпивка, еда. Поехали большой компанией. Через год снова играли в Сантьяго. После матча с карточками рванули по знакомому адресу. Обрадовались нам, как родным.

Поэт Евгений Евтушенко потом описывал те чилийские приключения и написал, что Воронин пошел со всеми, но просидел целый вечер в стороне, играя сам с собой в шахматы. Но в стороне сидел не Воронин, а Шестернев. Ни в какие шахматы не играл, водку пил. Алик — тёпа, с девушками был застенчив. Не понимал, как себя с ними вести, о чем разговаривать…»

А вот еще одна история от того же рассказчика: «…Отыграли со сборной в Швейцарии. Ужин. Морозов распорядился, чтоб на столе — никакого алкоголя. Спрашивают: «Кому первое?» Помимо меня руки подняли человек восемь. Воронин пошел на кухню и договорился, чтоб вместо супа нам разлили водку. Куда? По тарелкам. Повара и официанты обалдели. Но принесли — и мы ложками вприкуску с хлебушком быстренько все вылакали. Естественно, тут же развезло. Морозов в шоке. Вроде не пили, а полкоманды еле на ногах стоит…»

В 1965 году в «Торпедо» вернулся легендарный Эдуард Стрельцов, отсидевший в тюрьме. Однако тот чемпионат начался для торпедовцев неудачно — они проиграли в Баку местному «Нефтчи» с разгромным счетом 0:3. Однако потом игра «Торпедо» стабилизировалась. Как итог: то бакинское поражение будет единственным у «Торпедо» в первом круге и зиловцы возглавили турнирную таблицу чемпионата после первого круга. Воронин был в ударе, буквально паря над полем. Но потом случился один весьма болезненный момент.

В начале июля Воронина привлекли в сборную страны, которой предстояло 4 июля встретиться в Лужниках с «кудесниками мяча» — бразильцами, во главе с самим Пеле. Матч хоть и был товарищеский, но вызвал небывалый ажиотаж. Воронин прикрывал Пеле и, учитывая тот кураж, который владел им в играх союзного чемпионата, должен был не подкачать. Но на деле вышло иначе. В ударе оказался Пеле, который забил в том матче два гола из трех бразильских. Наши футболисты не забили «кудесникам» ни одного. Говорят, Воронин после этого матча долго ходил сам не свой. Правда, на его игре на чемпионате СССР это не отразилось — «Торпедо» продолжало лидировать. И, несмотря на то что торпедовцы проиграли своим ближайшим преследователям — киевским динамовцам (2:3), однако «Торпедо» сумело набрать на одно очко больше (51 против 50) и во второй раз стало чемпионом СССР. Дирижером атак был Стрельцов, который на удивление быстро ориентировался на поле и точными передачами выводил партнеров на ударные позиции.

Из прежнего «золотого» состава «Торпедо», ставшего чемпионом в 1960 году, в команде осталось всего пять игроков: В. Шустиков, В. Воронин, В. Иванов, Б. Батанов и О. Сергеев.

Остальные были новичками (за исключением Эдуарда Стрельцова): А. Кавазашвили, В. Марушко, В. Бреднев, В. Сараев, В. Щербаков, В. Андреюк, В. Михайлов, А. Мушковец, В. Сидоров, А. Ленев, В. Соловьев, Э. Шаповаленко, В. Мещеряков.

Из них главным «забивалой» был Стрельцов — 12 мячей. Далее шли: Воронин и Иванов (7), Михайлов (5), Бреднев и Сергеев (4), Сидоров (2), Ленев и Соловьев (1).

Благодаря этой победе «Торпедо» стало первым советским клубом — участником Кубка европейских чемпионов. И хотя тот «поход» завершился неудачей, однако проиграли торпедовцы в упорной борьбе. Уже в первом раунде жребий свел их с двукратными обладателями этого трофея — миланским «Интером». Итальянская команда славилась невысокой результативностью и крепкой оборонительной тактикой «катеначчо», которую использовал наставник Эленио Эррера. Первый матч играл ся в Милане и завершился с минимальным преимуществом хозяев — 1:0. Потом был матч в Москве, на Центральном стадионе имени В. И. Ленина, который вызвал небывалый ажиотаж — на него пришло 105 тысяч зрителей. Итальянцы заперлись у своих ворот и оборонялись практически все 90 минут игры. Торпедовцы так и сумели «распечатать» их ворота. Табло зафиксировало ничейный результат — 0:0.

Воронин тогда находился в зените своей славы, был одним из самых популярных футболистов страны. Числился по разряду богемы. Рассекал по Москве на престижном автомобиле «Волга», был завсегдатаем лучших столичных ресторанов — «Арагви» и ВТО (оба на улице Горького, поблизости друг от друга). А в 1966 году у него даже был шанс стать… киноактером, снявшись в фильме Марлена Хуциева «Июльский дождь». Но из этой затеи ничего не вышло, причем по вине самого Воронина. Вот как об этом вспоминает А. Нилин:

«Мой приятель детства пришел в бар с нашей отечественной звездой Натальей Фатеевой. И у меня мелькнула мысль — к тому времени по бутылке водки с наценкой ресторанной уже выкушали — переориентировать Фатееву, представив ей Воронина. И подозвал к нашему столику счастливого обладателя домашней звезды и осторожно спросил: увлекается ли он футболом? Он ответил, что нет. Я все же спросил: может быть, он узнает человека, который сидит рядом со мной? «Посуэло?» — предположил он. Миша Посуэло, прибывший на фестиваль, хотя в «Зените» еще, кажется, играл, находился здесь же в баре. Но сидел за другим столиком со своей возлюбленной — тоже советской кинознаменитостью Викторией Федоровой.

В баре присутствовал и человек, разбиравшийся в футболе

еще меньше спутника Натальи Фатеевой и вообще ничего не слыхавший про Воронина, — кинорежиссер Марлен Хуциев. Он, однако, обратил на Валерия внимание сразу же, как только тот вошел в зал. Хуциев готовился снимать фильм «Июльский дождь» — и нужен ему был для главной роли молодой мужчина с непривычной для нашего кинематографа внешностью. И вот в человеке, вошедшем в бар, режиссер увидел черты экранного героя, им воображаемого. Но Хуциев заранее расстроился, заподозрив в нем иностранца, а в те времена снимать в своем фильме иностранца никто бы ему не позволил. Своими сомнениями он поделился с актером, сидевшим рядом. Тот — болельщик футбола, разумеется, — утешил его, сообщив, что это не иностранец, а Валерий Воронин. Хуциеву фамилия Воронина ничего не говорила, но, захваченный идеей съемок вот такого именно нездешнего брюнета, он обратился к Воронину: «Для вас есть работа на полтора года» — и начал соблазнять его интересной ролью. «Я не альтруист, — почему-то в таких выражениях отозвался, отказываясь от предложения, Воронин, — у нас в конце лета поездка в Южную Америку, дальше Италия, а там уже и Лондон». У Хуциева голова кругом пошла от всей опрокинутой на него географии. И он, когда Воронин откланялся, поспешил спросить у соседа-болельщика: кто же по профессии молодой человек, которому чуть ли не кругосветное путешествие предстоит? И, узнав, что — футболист, изумился: никогда не думал, что они такие умные!

В фильме «Июльский дождь» он снял Александра Белявского, похожего внешне на Воронина…»

В июле 1966 года Воронин в составе сборной СССР отправился на чемпионат мира по футболу в Англию. Однако тренер Николай Морозов взял его на чемпионат вторым номером, а первым — Йожефа Сабо. В итоге в первом матче, против сборной Кореи, Воронин не играл. Наши выиграли 3:0. Потом была игра с итальянцами, где Воронина выпустили на поле. Игры он не испортил, и наши снова выиграли — 1:0. Затем сборная СССР (а с ней и Воронин) победила чилийцев (2:1), венгров (2:1). Однако в матче одной восьмой финала со сборной ФРГ наша сборная уступила 1:2. После чего встретилась с португальцами в матче за 3-е место. Воронин снова играл, однако игра у нас не задалась, и мы уступили 1:2. Итог: 4-е место. Как заявил в одном из интервью сам В. Воронин: «Мы в команде строили самые разные предположения. Я словно бы объединил все эти прогнозы, отбросив крайние. Не сомневался, что из подгруппы выйдем в четвертьфинал, не сомневался также, что становиться чемпионами нам рановато. А вот любое место со второго по

восьмое могло быть нашим. Но и четвертое место — шаг вперед…»

А вот что вспоминает о самом Воронине его партнер по торпедовскому клубу В. Шустиков:

«Валерка шустрый был. Повсюду ездил с учебником английского. Изучал язык, собирался работать журналистом-международником. Поехали как-то в Британию и даже переводчика брать не стали — все Валерка переводил. На том чемпионате в Лондоне сама королева Англии вручила ему приз как самому элегантному игроку…

Валерка водил дружбу со знаменитыми советскими актерами, поэтами, драматургами. Тогда ведь «Торпедо» было страшно популярно, за нас болела вся богема — Александр Ширвиндт, Олег Даль, Аркадий Арканов, поэт Андрей Дементьев. Олег Даль как-то позвал игроков в «Современник» и прямо во время спектакля спросил, какого числа у «Торпедо» следующий матч…»

И еще одно воспоминание — от А. Нилина:

«Однажды на сборах в Югославии зашел к нашим футболистам в гостиницу Шнеллингер (немец, выступавший за итальянский клуб) — «Шнеля», как называл его всегда Воронин, — и случайно выяснил в разговоре, какие копейки в качестве мифических для иностранца «суточных» получают европейски знаменитые футболисты из СССР вроде Яшина. «Шнеля» аж в лице изменился: «Вы же за эти деньги и сувенира домой привезти не сможете» (об изворотливости советских людей ему откуда же было знать). И на следующий день опять зашел — приятелей не застал, но оставил им хорошие подарки для семей и по толстому пакету с ассигнациями: «Мне и Леве, а суммы называть не буду», — хитро улыбался Воронин…

Валерий играл в бутсах «Адидас», за что получал от фирмы весь комплект амуниции. Но перед лондонским чемпионатом конкуренты «Адидас» — «Пума» (наши спортсмены говорили: Рита) — вручили Воронину сто фунтов стерлингов за обещание выступить в их футбольной обуви. Когда приехали в Лондон, представитель «Адидас» спросил его: «Ты, как всегда, играешь в наших бутсах?» Тут он вспомнил про задаток, выплаченный «Ритой». «Адидас» вернул «Пуме» эти сто фунтов, а Валерию тайно выдал пятьсот. И, кроме того, на таких же условиях договорился с протежируемыми Ворониным «Мухой» и «Осой» — Метревели и Численко…»

Между тем в чемпионате СССР 1966 года от былого «Торпедо» уже не осталось и следа — команда заняла 6-е место, а чемпионство досталось киевскому «Динамо». У торпедовцев после этого повесили бутсы на гвоздь два лидера — Валентин Иванов и

Борис Батанов.

В сезоне 1967 года «Торпедо» выступило провально — заняло 12-е место, отстав от чемпиона — киевского «Динамо» — почти на 20 очков (33 против 54). Для Воронина это был самый неудачный сезон. Не случайно он тогда угодил в скандальную хронику.

Как я уже отмечал, Воронина называли «денди» или «принцем советского футбола». Рано познав пьянящий вкус славы, он все чаще стал позволять себе вольности со спиртным. Гостеприимный ресторан ВТО, где собиралась богема столицы, стал его родным домом. С молодой мировой знаменитостью считали за честь познакомиться даже отпрыски влиятельных особ, включая и дочь Леонида Брежнева — Галину, работавшую в агентстве печати «Новости» (АПН). Вспоминает А. Нилин:

«В начале шестидесятых бедному и начинающему актеру Владимиру Высоцкому крайне лестным казалось познакомиться с уже известным всей стране Ворониным. Да и знаменитости не упускали случая быть ему представленными. Восьмого марта года шестьдесят седьмого, наверное, в битком набитом по случаю женского праздника ВТО мы теснились не в обиде за одним столиком с ним, со Шпаликовым и еще полудюжиной подсевших завсегдатаев — и Гена шепнул мне: «Скажи ему, кто я», а Воронин, услышав, что пьет с автором песни «А я иду, шагаю по Москве», великодушно и дружелюбно приподнял рюмку: «Уважаю…»

Или еще случай: Валерий все из того же ресторана вышел на улицу Горького — позвонить по автомату, а когда возвращался, швейцар Володя из придури, которая на него иногда находила, не захотел впускать его обратно, делая вид, что не узнает — у Володи брат в двадцатые годы играл за сборную СССР, но сам привратник Троицкий (сын священника) никогда на футболе не был. Евгений Евтушенко, не разобравшись в ситуации, выразил готовность повлиять на Володю своим авторитетом, но рекомендовал рвущемуся в ресторан молодому человеку (Воронину) запомнить день, когда провел его в Дом актера первый поэт страны. И не хотел верить, что перед ним тот самый Воронин. Тогда Валерий поспорил с ним на десять бутылок шампанского и пошел в гардероб — вынуть из кармана пальто свой паспорт. В торжественном распитии шампанского приняли участие и все официантки — засиделись, как это принято было у работников искусства, после закрытия ресторана…»

А вот еще один рассказ — от Валерия Маслова: «Однажды Численко из московского «Динамо» и Валерка в Сочи укатили. Прямо перед матчем наших клубов. Вернуться не успели. Мы

победили 1:0, я в конце «тыкву» удачно подставил. Бесков грозился выгнать Число. Но вся команда встала на его защиту: «Он же Воронина выключил из игры!» Бесков махнул рукой: «Ладно, черт с ним». А Воронина от дисквалификации спас парторг ЗИЛа Аркадий Вольский. Воронин пришел к нему каяться и неожиданно спрашивает: «Аркадий Иванович, вы когда-нибудь любили?» Тот смутился, а Воронин продолжает: «Я улетел в Сочи с девушкой, которую люблю. Советую и вам иногда так поступать…» Изумленный Вольский его простил. Хотя нам Ворона потом говорил, что от дисквалификации его спас «Адидас». Хорст Дасслер, сын владельца этой фирмы, Валерку обожал. Ездил за нашей сборной повсюду. Помню, в Австрии сидим втроем, Хорст предлагает нам сыграть в «Адидасе» и спрашивает: «Валер, долларов по четыреста ребятам за товарищеский матч — нормально?» — «Еще бы!» Так вот, Хорст поднял шум в Европе: мол, у русских единственный футболист мирового уровня, а его дисквалифицировать хотят. И наши спустили на тормозах. Если бы не это — полгода Валерка точно бы кувыркался. 400 долларов по тем временам — неплохие деньги…»

Слава явно кружила голову Воронину. Его друзья и коллеги по спорту долго взирали на «шалости» кумира, но после очередного скандала их нервы не выдержали. О перипетиях той истории вспоминает второй ее участник — тогдашний футболист столичного «Спартака» и приятель нашего героя Михаил Посуэло:

«Пришел я на матч «Торпедо» — «Нефтчи» на Валерку Воронина посмотреть. А он не играет. Вдруг вижу — откуда-то карабкается. Решили отметить встречу. Гульба шла по всей Москве. Попали в валютный бар «Националя». Сидим, пьем шампанское. И вдруг «бригадмильцы»-кормильцы. Бригада милиции то есть. «Откуда у вас валюта?» Я им разрешение показываю: для отца часто приходилось деньги менять (отец у Посуэло был испанец. — *Авт.*). Они Валерку спрашивают. Он говорит: «А я люблю валюту в кармане держать». — «Ах так?» Нас крутят, ведут к Моссовету, где-то там у них был штаб. Идем, а Валерка говорит: «Миш, давай их на скорость проверим?» И как рванем. Остановились метрах в тридцати: «Чего вы, ребята? Догоняйте». Ну, мы бегать больше не стали, пошли в участок.

Валерка как достал свое удостоверение заслуженного — они сами прощения попросили. Да еще шампанского принесли. Вышли, поехали к знакомому художнику на Таганку. Утром решили пивка выпить с сушечкой. Ларек. Пьем пиво. И дождик накрапывает. Я говорю: «Дождик идет. А в Сочи дождика нет». Валерка: «А что же мы, дураки, здесь делаем?» В машину, аэропорт — и в Сочи. Интересная эпопея. Три дня там были. А

Валерке за сборную играть. А мы на море. В гостиницы не селились — чтобы не засекли. Сняли сарай у бабки. Железные кровати, матрасы на них, и все. Днем особенно не светились. Гуляли в основном ночью. У нас все было культурно. Мы и с девчонками всегда вели себя элегантно.

Когда вернулись, договорились: ты меня не видел, я — тебя. Разбежались. Валерка — в сборную, я — в баню. Иду, навстречу Игорь Численко: «Как на море-то? Чего меня не взяли?» Я говорю: «Игорек, какое море? Ты о чем?» Он: «Да ладно, все знают, что вы на море с Валеркой были». Прихожу на работу, на завод Лихачева. «Миш, ты где был-то?» Говорю: «Болел. Консервами отравился». А Валерка еще подсказал, где справку взять. Я справку отдаю, а Вольский, парторг завода, мне на это: «Ну, ты хорошо травишься! Чем, осетриной?» Я: «Какой осетриной? Килькой в томатном соусе». А он пачку фотографий на стол. Кто-то с завода был в Сочи и заснял нас во всей красе: с шашлыком и киндзмараули. «Ну, — говорю, — извините, виноват». И пошел. В Сибирь…»

Посуэло после этого скандала действительно вынужден был ухать из Москвы в Читу, где устроился работать на шахту. Воронина тоже по головке не погладили — хорошенько пропесочили в центральной прессе. 25 августа 1967 года в «Комсомольской правде» было напечатано открытое письмо комсорга сборной СССР по футболу и коллеги Воронина по столичному «Торпедо» Анзора Кавазашвили. Письмо называлось хлестко: «Одумайся, Валерий!» Привожу его текст полностью:

«Я решил написать тебе, Валерий, хотя в общем-то странно прибегать к такому способу общения, живя в одном городе, играя в одной команде, которая всегда была для нас вторым домом. Впрочем, с некоторых пор коллектив твоих товарищей по команде, кажется, стал тяготить тебя. Образно выражаясь, ты сегодня превратился в «блуждающего полузащитника», а говоря точнее — пустился в бега от коллектива и семьи. Некогда комсомольский вожак команды, ее капитан, ты нынче забыл о чести спортсмена, о добром имени многотысячного коллектива физкультурников автозавода имени Лихачева.

Не так давно ты совершил самовольный вояж на черноморское побережье. Как и прежние твои подобного рода отлучки, сошел он тебе с рук. Еще бы, «Воронин есть Воронин» — считают иные руководители Центрального совета спортобществ, курирующие наш футбол. Подобное потакание и привело к тому, что снова фамилия Воронин, а заодно и столь дорогое и близкое всем нам имя «Торпедо» склоняются на все лады. Клуб действительно переживает трудное время: в этом сезоне нам редко удавалось показывать свою «торпедовскую игру» (на

момент появления письма «Торпедо» занимало 8-е место. — *Авт.*). Причин тому немало. И вот чтобы разобраться в каждой из них, несколько дней назад все игроки коллектива вместе с партийным, профсоюзным и комсомольским активом завода обсуждали положение дел в команде. Все без исключения ребята пришли на это собрание. Не было среди них только тебя, Валерий. А ведь к твоему слову, слову ведущего игрока, члена сборной команды страны, конечно, прислушались бы молодые футболисты.

Признаюсь, меня твое отсутствие огорчило, но не удивило. Это не единственный случай, когда ты подвел коллектив. Вспомни, что ты не явился на наш недавний кубковый матч с московским «Динамо», вынудив тем самым выйти на поле травмированного Стрельцова, которому врачи запретили пока выступать. Конечно, мы могли бы проиграть этот матч и вместе с тобой, как терпели поражения в этом сезоне, выступая в своем лучшем составе. Но сейчас речь не о потерянных очках, забитых и пропущенных голах, а о тебе, нашем товарище, сбившемся с пути. Мне долго не было понятно, чем ты руководствуешься в своих поступках. Но сегодня я знаю точно: только одним — сознанием полной своей безнаказанности.

Тебе многое прощается, Валерий. Прощали тебе прошлые твои грехи прежние тренеры. Но каждый раз, дав очередное обещание исправиться, ты вновь и вновь подводил и их, и команду. Так ты подвел сейчас и нашего наставника. Кстати, вспомни, ты был одним из первых, кто назвал кандидатуру нового тренера Валентина Кузьмича Иванова, своего недавнего партнера по «Торпедо» и сборной команды страны. И вот первым ты и наносишь ему удар.

Было время, когда мы любовались твоей игрой, гордились тобой, узнав о твоем включении в состав сборной команды Европы. Но столь громкая слава оказалась для тебя непосильной ношей.

В редакции «Комсомольской правды» мне показали немало писем любителей футбола с одним вопросом: «Что случилось с московским «Торпедо» и почему в последних матчах не выступает Валерий Воронин?»

Думаю, что лучше всего на них сможешь ответить ты сам, если сумел за это время дать правильную оценку своим поступкам».

От коллектива редакции это письмо прокомментировал Ю. Арутюнян. Приведу лишь небольшой отрывок из этой публикации: «…Я убежден, что автозаводцы найдут в себе силы не только подняться выше в турнирной таблице, но и поднять

вместе с собой тех футболистов, которые, подобно Валерию Воронину, так низко опустились. Ну а если Валерий не примет протянутой руки товарищей, от имени которых к нему обратился Анзор, то пусть пеняет на себя. Когда-то «Торпедо» вышло из прорыва, потеряв шесть игроков. Сейчас же речь идет об одном. Пусть даже таком знаменитом, как В. Воронин».

К сожалению, эта публикация так и не смогла изменить траекторию трагической судьбы Валерия Воронина. Впрочем, не будем забегать вперед.

Итак, в сезоне-67 «Торпедо» заняло позорное 12-е место, хотя в прошлом сезоне было шестым. Однако в 1968 году команда предстала перед своими поклонниками куда более сильным и слаженным коллективом и завоевала бронзовые медали первенства, отстав от чемпионов, киевских динамовцев, на 7 очков (50 против 57). На 2-м месте был столичный «Спартак», который опередил «Торпедо» всего на 2 очка. На 4-м месте расположился ЦСКА, который догнал торпедовцев по очкам, но проиграл им обе игры: 0:3 и 0:2.

Но самое печальное, что Воронин к этому успеху своих одноклубников не был причастен. Хотя тот год начался для него более чем успешно. В апреле он вновь был привлечен к играм за сборную СССР и сыграл четыре матча: против сборных Бельгии (товарищеская встреча, 1:0), Венгрии (одна четвертая чемпионата Европы, 2:0 и 3:0), Чехословакии (отборочный цикл Олимпийских игр, 3:2). Последний матч игрался в Москве 11 мая. Причем ему предшествовало ЧП на сборах в Вешняках, когда оттуда исчезли сразу трое игроков сборной СССР. Среди последних оказался и Воронин. Правда, если двое его товарищей покинули расположение сборной и уехали кутить в Москву, то наш герой выпивал с неким рабочим из обслуживающего персонала на… чердаке их вешняковского коттеджа. Однако тренер Михаил Якушин был в ярости и собирался «отцепить» всех троих из сборной. Но потом прикинул, чем это отчисление может аукнуться, и выставил штрафников на матч с чехословаками. Наши, как уже говорилось, победили.

Видимо, эйфория от этой победы вскружила Воронину голову — он продолжал на сборах куролесить. В итоге Якушин вновь застал футболиста за бутылкой и объявил ему свой окончательный вердикт: вон из команды. Чуть позже игроки сборной будут жалеть: им бы отобрать у Воронина ключи от его «Волги» и уложить спать. А они отпустили его в город. В итоге случилась трагедия.

Поскольку «Волга» Воронина находилась в Москве, он отправился в столицу на такси — занять у знакомой буфетчицы

денег и забрать свою машину. На занятые деньги футболист купил водки и вместе с той же буфетчицей отправился куролесить за город. После любовной оргии Воронин отвез любовницу домой, а сам не нашел ничего лучшего, как вновь усесться за руль своего автомобиля и отправиться на предрассветную прогулку. Поездка длилась недолго, поскольку очень скоро «Волга» футболиста на полной скорости врезалась в МАЗ с краном (видимо, Воронин заснул за рулем). Удар был настолько сильным, что руль «Волги» пробил крышу, а сама она несколько раз перевернулась и вновь встала на колеса. Жизнь Воронину спасло чудо — незакрепленное (для любовных утех) сиденье. Но удар пришелся в голову, переломанными оказались ребра и конечности. У Воронина случилась клиническая смерть, из которой его вытащили врачи. Однако к жизни вернулся уже другой Воронин — изуродованный. Даже друзья, навестившие его в больнице, не узнали своего товарища, которого совсем недавно называли «денди». Поэтому свое 29-летие, наступившее через два месяца после аварии, Воронин встретил другим человеком.

Осенью Воронин стал снова появляться на людях, пытаясь держаться браво. В одном из газетных интервью даже заявил, что думает о мировом чемпионате 1970 года, надеясь выступить на нем в составе сборной СССР. Но в это заявление мало кто верил.

Весной 1969 года Воронин вернулся на поле, начал выступать за дубль «Торпедо». А осенью Валентин Иванов ввел его в основной состав торпедовского клуба, найдя ему место для игры на «свободных мячах». И в одной из игр, с московским «Динамо», Воронин даже отметился голом — забил со штрафного самому Льву Яшину. Но в целом игра Воронина выглядела бледной копией того, что он показывал до аварии. Короче, с большим футболом ему пришлось расстаться.

Отыграв в «Торпедо» всю свою спортивную жизнь (1956–1969), Воронин провел в чемпионатах СССР 219 матчей, забил 26 голов. В сборной СССР (1960–1968) провел 66 матчей, забил 5 голов (1 неофициальный матч). В 1965 году Воронин был выбран капитаном сборной СССР. В еврокубках он сыграл 7 матчей, забил 1 гол. Пять раз попадал в список 33 лучших футболистов страны: № 1 (1961, 1964, 1965), № 2 (1960, 1966).

В «Футбольной энциклопедии» про В. Воронина написано следующее: «Атлетически сложенный, работоспособный и трудолюбивый, выделялся большим диапазоном действий, широким тактическим кругозором, тонкой позиционной игрой. Владея рациональной и надежной техникой обработки мяча и обводки, хорошим отбором мяча, умением сделать своевременную и точную передачу на любое расстояние, Воронин

отлично справлялся с любыми игровыми заданиями — от организации атакующих действий до персональной опеки соперника, был футболистом-универсалом. Хорошо играл головой, обладал поставленным ударом с обеих ног. Будучи одним из самых популярных футболистов страны 60-х, элегантный, с внешностью киногероя (по определению известного журналиста А. Нилина), он не выдержал испытания славой…»

После того как Воронин повесил бутсы на гвоздь, он числился инструктором физкультуры на ЗИЛе, а также входил в редколлегию газеты «Футбол-хоккей» и писал заметки для этого издания. От него же имел возможность попадать на разного рода важные спортивные мероприятия. Например, осенью 1972 года присутствовал в Лужниках на матчах легендарной Суперсерии между советскими и канадскими хоккеистами. Пришел он туда не один, а со своей очередной любовницей — молоденькой продавщицей из магазина «Людмила», что рядом с Курским вокзалом. Воронина многие узнавали, а Александр Якушев подарил ему в тот раз клюшку. Короче, потерянным бывший футболист не выглядел.

Однако у него было выше крыши свободного времени, которое он все чаще стал посвящать выпивке. Чаще всего он выпивал со случайными собутыльниками, перед которыми хвалился своими былыми связями с самыми именитыми людьми страны. Например, однажды рассказал им, что был знаком с самим Владимиром Высоцким, когда тот еще не был тем Высоцким, которого знала вся страна, и выпивал с ним в ВТО. Когда собутыльники подняли его на смех, Воронин тут же позвонил журналисту Александру Нилину и попросил его подтвердить по телефону рассказанное им только что про Высоцкого.

Еще про один случай вспоминает тот же А. Нилин:

«…В редакцию «Футбола» он пришел десятилетия спустя рано утром, никому не нужный и неузнаваемый в толпе после увечий, полученных в автокатастрофе, — и на удивленный вопрос молодого сотрудника «Советского спорта» Саши Владыкина, лично незнакомого с великим футболистом, ответил, что пришел к Радчуку за снимком.

Над столом ответственного секретаря Геннадия Иосифовича Радчука висела в рамке сильно увеличенная фотография, где азартно раздосадованный, стройный и красивый, как молодой бог, Валерий Воронин в майке сборной пытался догнать схожего с негритянским спринтером Пеле в белых, укрупняющих приземистую фигуру, бразильских одеждах, уводящего от него мяч внутренним разворотом стопы…

Он не дождался Радчука — и тот потом удивлялся неурочному визиту: ответственный секретарь ничего Валерию не обещал, снимок ему самому дорог. Тонкий человек Гена, прекрасно относившийся к Воронину, возможно, и не понял, что больному мозгу (а может быть, и душе) потребовалось подтверждение былого величия, в которое все реже верило новое окружение. Мрачным, похмельным утром прежняя жизнь казалась приснившейся.

В конце жизни такого рода — о близости к самым знаменитым людям страны и мира — подтверждения требовались ему все чаще…»

В 1974 году Воронин едва не сел в тюрьму за хулиганство все по той же пьяной лавочке. Как-то он выпивал в ресторане «Огонек», с кем-то повздорил и запустил в обидчика стаканом. Тот угодил в голову и нанес мужчине серьезную травму. Воронину грозил срок, но помогла его старшая сестра Валентина, у которой муж служил в органах. Они нашли хорошего адвоката по фамилии Трахтенберг, который сумел отмазать бывшего футболиста от зоны.

Между тем на почве пьянства развалилась семейная жизнь Воронина — от него ушла жена Валентина. Все чаще его домом стала психиатрическая клиника, после которой он возвращался… бодрым и посвежевшим. Воронин мечтал работать тренером в родном «Торпедо», но начальство боялось его брать на эту должность, опасаясь загулов. В итоге тренером он так и не стал.

А его родной клуб в те годы выступал весьма неплохо. Так, если в 1973 году «Торпедо» заняло в первенстве СССР 13-е место, то в следующие два года уже 4-е. Правда, в 1976-м, в весеннем чемпионате, откатилось на 12-ю позицию. А осенью случилась сенсация — торпедовцы стали чемпионами. А вот их земляки спартаковцы вылетели из высшей лиги, причем не без участия зиловцев, которым достаточно было сыграть вничью с «Араратом» (как и ЦСКА и «Локомотиву» с «Днепром» и «Зарей»), и «Спартак» остался бы в составе сильнейших. Но все московские команды, как будто сговорившись, свои матчи проиграли.

«Золотой» состав «Торпедо» в том году выглядел следующим образом: М. Зарапин, В. Круглов, С. Пригода, Н. Худиев, В. Бутурлакин, Ю. Миронов, В. Белоусов, В. Юрин, В. Филатов, В. Сахаров, В. Сучилин, А. Дегтярев, С. Петренко, С. Гришин, Е. Храбростин, А. Беленков, Ю. Сарайкин. Главные «забивалы» — Сахаров и Храбростин, забившие по пять мячей.

Радовался ли Воронин успеху своих бывших одноклубников? Естественно, радовался, хотя его тогдашняя жизнь все дальше отдалялась от футбола. По словам А. Нилина:

«В оставшиеся пятнадцать лет мы встречались несравнимо чаще — и хотя инициатива встреч оставалась по-прежнему за Валерием (я и не очень знал, где искать его: отношения мои с Валентиной не улучшились, и не было у меня отчего-то уверенности, что он много времени проводит дома и каждую ночь там ночует), мне казалось, что я еще меньше нужен ему, чем в те времена. И безысходность в его телефонных звонках отзывалась во мне отсутствием когдатошней радости. Я представлял себе перелистываемые им страницы записной книжки со множеством номеров — и вызванные строчками цифр усталые размышления: кто на другом конце провода захочет понять состояние Валерия? На каждое обращение надо себя настроить, чтобы не выглядеть просителем, не выглядеть всеми покинутым, до смертельного сжатия одиноким — и быть готовым не выразить боли разочарования, если ответ будет равнодушным или фальшивым…

Он звонил — и появлялся у меня. Но что я буду душой кривить сейчас — прежняя праздничность теперь редко проглядывала в наших совместных времяпрепровождениях, хотя мы гнали печаль изо всех сил. Только много дешевого вина часто приходилось выпить, чтобы ввергнуть себя в нужное состояние. Вино, конечно, не всегда бывало обязательно веселым. Появлялись вдруг деньги — и мы пили качественные напитки. Воронин легко восстанавливал в себе прежнюю барственность. Правда, случалось ему по старой памяти переборщить с заказом. Поставил даже как-то в очень неудобное положение Николая Моношина и Бориса Батанова в любимом ВТО — забыл, что не он угощает, забыл, что не при деньгах, — и получился конфуз: пришлось старым товарищам часы в залог оставлять, официантки Воронину больше в долг не верили, слишком уж часто приходил он теперь с пустыми карманами, а про то, что никаких заработков у него теперь нет, они знали.

Он шутил, что привыкает исходить из тех средств, какими располагает, — и не ощущает стесненности в средствах как беду. Есть рубль сорок — сумма, которую прежде и за мелочь-то не считал, — хорошо: знает, как ими распорядиться. Но и в кабаке, чуть появляется возможность, способен напомнить, как хорошо умеют гулять самостоятельные люди.

К своему положению он относился с великолепной иронией. Я никогда не слышал от него жалоб ни на судьбу, ни на бедность…»

В середине 70-х, расставшись с первой женой, Воронин закрутил роман с молодой журналисткой Людмилой. Многие тогда удивлялись этим отношениям, поражаясь тому, что особенного могла найти красавица в бывшем футболисте, у

которого от былой славы (да и внешности) уже ничего почти не осталось. Может, это была любовь? Однако долго прожить рядом с Ворониным она не смогла — у того все чаще случались припадки (травма головы, полученная в роковой катастрофе, давала о себе знать). Но без женского внимания Воронин не остался — во второй половине 70-х женился вторым браком. Его избранницей стала работница ЗИЛа Мария Тимофеевна, которая оказалась намного старше его. Она ему стала и женой и мамкой, стоически терпя его загулы. Жили супруги в доме невесты — в двушке, полученной ею от завода. От былой славы Воронина в этом доме был яркий футбольный плакат, который он повесил на стену. Демонстрируя его своим друзьям, Воронин горько шутил: «Посмотри, в какой обстановке доживает бывшая звезда». По-своему он был привязан к новой супруге и жалел только об одном — та была не обучена «светским» манерам.

А в начале 80-х Мария Тимофеевна скончалась, после чего бывший футболист вконец потерял себя. Очевидцы рассказывают, что частенько видели вконец опустившегося Воронина в день зарплаты: он дежурил у заводских ворот, «сшибая» медяки на выпивку. Некоторые из зиловцев давали ему по гривеннику, другие отворачивались.

В последние годы своей жизни Воронин буквально предчувствовал, что его ждет трагический уход. Не зря он часто повторял своим друзьям: «Я, как Володя Высоцкий, умру рано, не намного его переживу».

Рассказывает Л. Репин:

«Отчаянно трудное время начало свой отсчет в жизни Воронина. Футбольная карьера закончилась, а чем ее заместить, он не знал, не находил. Мелькал в разных местах, в разных компаниях. Веселая вроде бы жизнь, а на самом деле — пустая. Он это понимал, и оттого, что не мог ничего изменить, ему становилось лишь хуже.

Изредка, но все реже и реже возникал на тренировках. Стоял, молча смотрел, как работают с мячом его товарищи. Какие мысли возникали у него в голове, можно только догадываться.

Юрий Михайлович Степаненко, начальник команды «Торпедо» в 60-х годах, всегда относившийся к Валерию с большой теплотой, рассказывает мне у поля, на котором мальчишки под зорким присмотром тренера наигрывают комбинации: «Мы старались вовлечь его в сферу былых интересов. Но Воронин себя не находил». Глаза его на иссеченном шрамами лице смотрели настороженно и, казалось, что-то таили («Торпедо» в те годы играло неплохо: в 1983 и 1984 годах заняло в чемпионатах СССР 6-е место. — *Авт.*). Степаненко иногда

замечал, что какие-то очень сомнительные люди крутятся возле Воронина. Однажды сказал об этом ему, тот посмеялся и успокоил.

8 мая 1984 года в «Лужники» за ним заехали какие-то веселые кавказцы, Степаненко их прежде не видел. Спросил: «Валера, ты знаешь их хорошо?» Тот рассмеялся, по обыкновению, и ответил утвердительно. Они все вместе уехали. А на следующий день Степаненко узнал, что очень рано, часов в пять утра, Валерия нашли с проломленной головой в кустах, неподалеку от бань на Варшавском шоссе (футболист, находясь в коме, прожил еще несколько дней и скончался 21 мая. — *Авт.*).

Вскрытие показало, что алкоголя в его крови было очень немного, а внутренние органы, как сказал Степаненко, «были чисты, как у ребенка». Степаненко честил себя за то, что не подумал запомнить номер той «Волги». Дело было закрыто из-за полного отсутствия улик и подозреваемых…

Они все встретились на похоронах — Иванов, Степаненко, прославленные футболисты, игравшие с ним. Очень много народу собралось в тот день на Даниловском кладбище, неподалеку от автозавода, команду которого прославил и Валерий Воронин.

Кто лишил жизни Валерия, что произошло в ту далекую ночь — осталось загадкой. Сводились какие-то счеты, разборка ли произошла или пьянка с кровавым финалом — ничего никому не известно.

А мне кажется, что та катастрофа 68-го года выбросила его не только на шоссе, а на край глубокой пропасти. Он подняться сумел, но сделал несколько неверных шагов и рухнул в бездну…»

Бакинский «Пеле» Эдуард Маркаров, «Нефтчи», Баку, «Арарат», Ереван

Эдуард Маркаров родился 20 июня 1942 года в Баку в спортивной семье: его отец — Артем Агаларович Маркаров — был футболистом, мастером спорта СССР. В итоге именно Маркаров-старший и стал первым тренером для своего сына, который не только продолжил футбольную династию, но сумел с лихвой перекрыть достижения своего отца.

К четырнадцатилетнему возрасту Маркаров-младший, гоняя мяч во дворе, дорос до того, что отец взял его в бакинский «Локомотив», где был тренером. По словам Эдуарда: «Отец всей душой любил футбол, и, конечно, ему хотелось, чтобы я стал хорошим игроком. Все-таки единственный сын! Но он никогда не принуждал меня: хочешь — играй, не хочешь — твое дело. Я учился играть во дворе и до сих пор убежден, что технику можно освоить только самому. Отец был отличным техником, и все думали, что он с малых лет учил меня, открывая секреты. Но он всерьез занялся мной, только когда увидел, что я во дворе сам многому научился. Он тренировал клубные команды бакинского «Локомотива», проводил на стадионе по многу часов. Я после школы спешил на его тренировки. Первым делом отец спрашивал про уроки, но, к счастью, я хорошо учился. Он занимался с игроками «Локомотива» и на меня почти не обращал внимания, хотел, чтобы я делал то же, что и все: не дай бог кто-нибудь подумает, что он тренирует сына в ущерб делу!..»

В 1960 году Маркаров решил сменить место прописки — уехал в Армавир, где стал играть в местном клубе «Торпедо». И кто знает, сколь долго он бы там играл, если бы через год его не заметил знаменитый в прошлом игрок и тренер ЦДКА (под его руководством армейцы пять раз становились чемпионами страны) Борис Аркадьев. В те годы он тренировал бакинский «Нефтяник» и ему до зарезу нужен был быстрый и цепкий центральный нападающий. Вот он и разглядел такого в Маркарове. Тот какое-то время отыграл в дубле, а в 1962 году попал в основной состав, создав мощную связку с Юрием Кузнецовым — одним из выдающихся диспетчеров, который был наделен превосходным тактическим чутьем и совершенным пасом. Помимо них в том «Нефтянике» играли: Алекпер Мамедов, Адамас Голодец, с 1963 года — Анатолий Банишевский.

Правда, в чемпионате СССР «Нефтяник» в те годы звезд с неба не хватал, занимая места внизу турнирной таблицы: 21-е место в 1960 году, 18-е в 1961-м. Однако в 1962 году бакинцы произвели сенсацию — заняли 10-е место, а год спустя и вовсе 8-е. Впрочем, это было время, когда республиканские команды заметно прибавили в мастерстве и уверенно теснили именитые клубы: например, в 1961 году ереванский «Спартак» (чуть позже он сменит название на «Арарат») занял 8-е место, а в 1962 году ташкентский «Пахтакор» — 6-е место. У «Нефтяника» тоже будет свой спурт, но чуть позже — во второй половине 60-х.

В своем первом сезоне 1962 года Маркаров сыграл 30 матчей и заявил о себе более чем весомо: забил 16 голов, став лучшим бомбардиром чемпионата вместе с тремя другими игроками, забившими столько же мячей: Юрием Севидовым («Спартак», Москва), Борисом Казаковым («Крылья Советов», Куйбышев) и Михаилом Мустыгиным («Динамо», Минск). На волне этого успеха Маркарова тут же пригласили в юношескую сборную СССР, что было весомым доказательством того, что его талант оценен по достоинству. Глядя на его игру, мало кто сомневался, что у этого молодого футболиста впереди прекрасное будущее, где обязательно должно случиться и приглашение в первую сборную СССР. Впрочем, не будем забегать вперед.

В чемпионате СССР в 1963 году Маркаров сыграл 37 матчей, но забил чуть меньше своего прошлогоднего рекорда — 12 мячей (лучшим бомбардиром тогда стал Олег Копаев из СКА Ростова-на-Дону, на счету которого было 27 голов). В 1964–1965 годах показатели Маркарова снизились: в сезоне-64 он забил 8 мячей, в сезоне-65–10. Впрочем, тогда и «Нефтяник», возглавляемый Алекпером Мамедовым (он пришел в 1963 году), болтался внизу турнирной таблицы, занимая 12-е (1964) и 11-е (1965) места. Но затем последовал резкий рывок вверх, на вершину турнирной таблицы. А начиналось все так.

В июле 1965 года пост главного тренера «Нефтяника» покинул Алекпер Мамедов, вместо которого пришел «варяг» Василий Соколов, тренировавший до этого московский «Спартак» (1952–1954), сборную СССР (1954), кишиневскую «Молдову» (1960–1963) и другие команды. При новом тренере команда почувствовала второе дыхание, хотя костяк ее сложился еще при Мамедове. Сам Э. Маркаров причины того взлета объясняет следующим образом: «Я, наверное, не буду оригинальным, если скажу, что к тому времени в команде созрел и сложился настоящий коллектив, появились лидеры. Насколько я понимаю, лидеров выбирает сама команда. Точнее — игра, футбол. Если кто-то из игроков, не имея должного мастерства, в один

прекрасный день вдруг заявит: «А ну, расступись, я здесь лидер!» — его попросту подымут на смех в команде. Так лидером не станешь. Зато к словам того, кто не щадит себя на тренировках и в играх, своим мастерством может «вытащить» трудный матч, партнеры всегда будут прислушиваться. Мы играли вместе уже четыре года и постепенно научились неплохо понимать друг друга на поле…»

Между тем старт «Нефтяника» в сезоне-66 выглядел весьма мирно. В двух первых матчах (с минским «Динамо» и куйбышевскими «Крыльями Советов») были зафиксированы нулевые ничьи. Но затем были переиграны московские динамовцы (1:0) и донецкий «Шахтер» (2:0). Правда, затем вновь последовали две ничьи на выезде — с ЦСКА и одесским СКА. Однако в этих играх Маркаров был самым результативным игроком «Нефтяника», забивая мячи практически в каждой игре. Вот как о нем написал в еженедельнике «Футбол» С. Сальников: «…И еще один плюс «Нефтяника». Команда имеет ярко выраженного лидера — Э. Маркарова. Этот игрок быстр, особенно накоротке, очень техничен, достаточно агрессивен и при всем том обладает недюжинным комбинационным даром, что позволяет ему по праву быть подлинным организатором игры. А его легкость в обращении с мячом подчас просто виртуозна и по манере под стать бразильцам. Хочется думать, что старший тренер сборной СССР Н. Морозов, видевший этот матч (ЦСКА — «Нефтяник». — *Авт.*), не останется равнодушным к мастерству, проявленному Маркаровым».

Отметим, что в сборной СССР в тот период уже играл один игрок из «Нефтяника» — Анатолий Банишевский. Но он тоже, как и Маркаров, был центральным нападающим, поэтому с приглашением Маркарова Н. Морозов не спешил. Хотя в чемпионате СССР эта связка очень хорошо себя показывала. И многие спортивные специалисты прямо говорили, что надо брать эту связку и в сборную. Например, журналист «Труда» Юрий Ваньят после победы сборной СССР над чехословаками (2:1, оба мяча у нас забил Банишевский) написал следующее: «Желательно в конце мая видеть у игроков сборной более рациональную постановку завершающего удара. Где же плоды многомесячных тренировок? И еще. Не стоит ли попробовать «бакинский вариант» в центре атаки: Банишевский — Маркаров. Уж очень яркую игру показывает нынешней весной наш «бакинский Пеле» Эдуард Маркаров».

Видимо, игнорировать подобные предложения Морозову стало неудобно, и в начале лета 1966 года Маркаров оказался в составе сборной СССР. 5 июня он вышел на поле Лужников в

майке сборной СССР — в товарищеской игре против сборной Франции. Правда, вышел не с начала игры — он заменил на 46-й минуте Эдуарда Малофеева. Наши к тому моменту уже проигрывали 0:2, и надо было спасать ситуацию. С выходом Маркарова (а также Виктора Серебряникова, заменившего Валентина Афонина) ситуация действительно изменилась. И хотя Маркаров голом не отметился, однако это сделали другие: Слава Метревели (на 26-й минуте), его партнер по «Нефтянику» Анатолий Банишевский (на 64-й) и Игорь Нетто (на 66-й). Итог матча — 3:3.

В результате в июле 1966 года Маркаров в составе сборной СССР отправился на чемпионат мира в Англию. Однако взяли его туда не основным игроком, а запасным. Поэтому на том турнире герой нашего рассказа вышел на поле всего лишь однажды — в игре против сборной Чили 20 июля (а Банишевского на эту игру посадили на скамейку запасных, разрушив тем самым «бакинскую» связку). Тот матч советская сборная выиграла со счетом 2:1, оба мяча забил Валерий Поркуян из киевского «Динамо» (один из голов он забил с подачи Маркарова). Но общий итог выступления сборной СССР на ЧМ-66 оказался не очень неутешительным — 4-е место (в матче за 3-е место мы уступили португальцам 1:2).

На момент отъезда Маркарова и Банишевского в Англию их «Нефтяник» в чемпионате-66 занимал 3-е место. Но когда они вернулись, то он уже откатился на 7-ю позицию (из-за этого был отправлен в отставку «варяг» В. Соловьев и его место занял его помощник — бакинец А. Алескеров). С этого момента обоим форвардам пришлось засучив рукава браться за дело. И «Нефтяник» снова принялся обыгрывать чуть ли не всех подряд. Были побеждены ростовский СКА (он возьмет «серебро» в том чемпионате), тбилисское «Динамо», кутаисское «Торпедо», куйбышевские «Крылья Советов», алма-атинский «Кайрат», ленинградский «Зенит», ташкентский «Пахтакор», московское «Торпедо», одесский СКА, а также киевское «Динамо» (возьмет «золото» в том сезоне) и московский «Спартак» (4-е место). И только донецкий «Шахтер» на своем поле не без судейской помощи сумел притормозить резвый темп бакинцев. Но все равно их успех был впечатляющим: 25 набранных очков в 15 матчах! Приведем газетные комментарии к двум важнейшим играм «Нефтяника» — с киевским «Динамо» (2:1) и «Спартаком» (3:0).

А. Чупринин: «Чемпион страны — киевское «Динамо» принимал на своем поле бакинский «Нефтяник». Лучший бомбардир киевлян Бышовец забил свой очередной гол. А вот затем бакинцы не только сумели сравнять счет (Маркаров), но и

вышли вперед (Банишевский). Теперь уже чемпион страны пытался весь второй тайм уйти от поражения. Защитники «Нефтяника» действовали внимательно и осторожно, и атаки киевлян так и не получили завершения. Более того, футболисты «Нефтяника» во время контратак создали немало угрожающих моментов, и вратарю динамовцев Банникову весь тайм пришлось быть начеку. До игры в Киеве «Нефтяник» называли почти бронзовой командой, теперь у него появилась возможность теоретически претендовать на второе место».

Журналист чуть-чуть ошибся — «Нефтяник» не смог побороться за «серебро» (его на 2 очка обошел ростовский СКА), но завоевал «бронзу», переиграв московский «Спартак». Вот как это описывал М. Пейзель:

«…Надо полагать, просчет спартаковцев был и в том, что они не помешали Маркарову из глубины поля завязывать комбинации. Такая игра по душе лидеру атак бакинской команды, и он блеснул в полной мере. В этом смысле очень показателен был третий гол. Маркаров на своей половине поля получил мяч и тотчас отпасовал его Туаеву; перед двумя бакинскими нападающими находились пять соперников: Маркаров и Туаев посредством передач в одно касание, а делалось все это на большой скорости, миновали всех. Наконец Туаев под острым углом оказался перед спартаковскими воротами. Прицельный удар в правый угол ворот Маслаченко парировал ногой, мяч отлетел в центр, и тут его Маркаров отправил в сетку мимо опешившей от неожиданности защиты.

А счет открыл на 18-й минуте Банишевский. Случилось это после комбинации, начатой Семиглазовым. Мяч был направлен на правый фланг Туаеву, от него к Маркарову, в это мгновение центральный нападающий «Нефтяника» ворвался во вратарскую площадку и получил пас. Он принял мяч, стоя спиной к воротам, сзади набегал Маслаченко и по идее должен был овладеть мячом. Банишевский помешал ему, ушел с мячом чуть вправо и остался без опеки против пустых ворот. Через три минуты он же после подачи Туаева нашел мяч в воздухе и с лета пробил его в сетку. 3:0.

Счет мог быть и большим. Опасно атаковал дважды Трофимов. Чудом не поразил цель Грязев. Однажды Банишевский вышел один на один с Маслаченко и попал в него. В другой раз едва не достиг цели великолепный резаный удар Маркарова…»

А вот что по поводу «бронзы», завоеванной «Нефтяником», много позже рассказал один из участников тех событий — игрок киевского «Динамо» Виктор Серебряников:

«В 1966 году «Нефтяник» (Баку) и СКА (Ростов-на-Дону)

сражались за «серебро» чемпионата страны. Перед игрой в Киеве на базу «Динамо» азербайджанские футболисты привезли куль денег. Мы устроили собрание: брать или не брать? Все проголосовали за. Вдруг Анатолий Бышовец говорит: «Братцы, вдруг Шелест (тогдашний первый секретарь ЦК КП Украины. — *Авт.*) узнает?» Я ответил: мол, ладно, тогда деньги верну, и пошел к выходу. Так Бышовец побежал следом и схватил меня за майку с криком: «Я пошутил! Давай сюда!»

С «Нефтяником» же договорились, что они выиграют в один мяч. Так и произошло. На следующий день я понес долю тренеру Виктору Маслову — полторы тысячи рублей. Тот увидел кучу сторублевок и испугался: «Меня посадят!» Но все сошло с рук…»

5 декабря 1966 года, в День Конституции, на бакинском республиканском стадионе состоялся спортивный праздник. «Нефтяник» сыграл товарищеский матч с динамовцами Кировабада. В перерыве матча председатель Федерации футбола СССР Н. Ряшенцев вручил награды и дипломы Маркарову и его друзьям по «бронзовой» команде сезона-66.

В сезоне-67 повторить прошлогодний успех бакинцы не смогли — заняли 5-е место. Хотя игра Маркарова продолжала удивлять — голы он забивал практически в каждом матче, особенно в первой половине сезона. От его ноги пострадали: «Черноморец» (дважды), «Арарат», «Кайрат», «Динамо» (Тбилиси), «Зенит», «Торпедо» (Москва), «Крылья Советов», ЦСКА, «Динамо» (Минск), «Спартак», «Заря», СКА. Как было написано в одной из тогдашних публикаций: «Думается, бакинский «Нефтяник» вправе быть довольным своим капитаном. Маркаров может на «пятачке» обыграть сразу нескольких защитников, может выдать такой пас, что ахнут даже убеленные сединой специалисты, может, наконец, забить гол, который долго-долго живет в памяти как хрестоматийный и одновременно неповторимый по исполнению. Например, такой, что был забит им в воскресной встрече «Арарату» и принес «Нефтянику» важные два очка…»

Всего на счету Маркарова в сезоне-67 будет 14 голов. Почти до конца чемпионата он возглавлял гонку бомбардиров (до 22 октября, когда проходили матчи 31-го тура), но потом что-то «забуксовало».

Тем временем забивного бакинского форварда продолжают приглашать в национальную сборную, но на поле не выпускают. Причем в сборной сменился главный тренер — команду возглавил Михаил Якушин, однако он придерживался стратегии своего предшественника. Что за стратегия? Смысл ее: отдавать предпочтение «силовикам» — футболистам, любящим бегать по полю сломя голову. А вот романтики футбола, технари были не в

моде. Поэтому Анатолий Банишевский продолжал выходить практически в каждом матче, а его коллега Эдуард Маркаров протирал штаны на скамейке запасных. Впрочем, этот подход приносил свои плоды. В 16 официальных матчах сборной СССР, сыгранных в 1967 году, она в одиннадцатом одержала победу и только в двух потерпела поражения. В этих матчах Банишевский забил 5 мячей.

Чуть позже журналист Лев Филатов так напишет по поводу несчастливой судьбы Маркарова в составе сборной СССР: «Почему проходили мимо него, формируя сборную? Честный ответ показался бы странным, поэтому его и замалчивают, хотя он существует: ростом не вышел. Как просто — 164 сантиметра, и отказ. Права на такой отказ нет, нет и разумных доводов. Зато есть «вкус». И тут ничто не поможет. Какие доводы, примеры, аналогии ни приводи, натолкнешься на усмешку: «Все это прекрасно, но, если мы проиграем, скажут: «Кого набрали? Что за детский сад? Нам нужны атлеты. Надо лезть, давить, а не чикаться», и меня снимут за непонимание, как надо формировать команду». Так объяснит тренер. Да и далеко не все болельщики примут «малыша». В крайнем случае смилостивятся: «У нас-то ничего, пусть играет, а на международной арене ему делать нечего».

В начале 1968 года команду «Нефтяник» переименовали — теперь она стала называться «Нефтчи». Самое интересное, но именно после этого переименования начался постепенный закат замечательной команды, хотя по инерции футбольные школы Баку продолжали поставлять в главную команду республики талантливых (а в дальнейшем и знаменитых) игроков. Таких как: Виталий Шевченко, Александр Мирзоян, Рафик Кулиев и др.

А начался этот закат с сезона-68, когда «Нефтчи» занял 9-е место. Хотя начался тот чемпионат для бакинцев очень удачно и после первых туров команда занимала 1-е место. Но затем случилась беда — из строя выбыл Маркаров. Почему? Он получил множественные травмы, причем не на зеленом футбольном газоне, а совсем в другом месте. Причем история темная. По официальной версии, футболист не поладил с пьяными милиционерами и те решили его проучить — избили до потери пульса. Что на первый взгляд выглядело дикостью — ведь пострадавшим оказался кумир всего Азербайджана! Однако если копнуть глубже… Дело в том, что в этой республике всегда существовало деление элит и населения на кланы. Видимо, милиционеры были выходцами не из бакинского клана, что и спровоцировало конфликт. В итоге футболист угодил на больничную койку на полгода. А пока его не было, «Нефтчи»

благополучно скатился на дно турнирной таблицы. В те дни многие бакинцы отвернулись от своей команды — перестали ходить на матчи с ее участием. И только во второй половине сезона (в июле), когда в строй вернулся Маркаров, зритель снова стал заполнять стадион. «Нефтчи» опять стал выигрывать, а Маркарова снова пригласили в сборную.

Возвращение состоялось 1 августа, когда сборная СССР играла выездной товарищеский матч против команды Швеции (в Гетеборге). Заметим, что от услуг Анатолия Банишевского тренер сборной М. Якушин решил отказаться и вместо него вызвал Маркарова. И тот отыграл все 90 минут. Правда, голами не отметился, но игры не испортил. Матч закончился вничью 2:2 (голы у нас забили Михаил Гершкович и Муртаз Хурцилава — последний сделал это с подачи Маркарова).

Это была последняя официальная игра нашей сборной в том сезоне, после которой на тренерском мостике произошла очередная рокировка — Якушина сменил Гавриил Качалин. Однако Маркаров в сборной остался и даже был вызван на товарищескую игру с одесским «Черноморцем». В первом тайме в центре нападения сборной выступали Анатолий Пузач («Динамо», Киев) и Алексей Еськов (СКА, Ростов-на-Дону), а во втором Пузач уже играл в паре с Маркаровым. Незадолго до конца матча при счете 1:0 в пользу сборников после стремительной комбинации Метревели — Маркаров — Пузач киевлянин удвоил результат. Как ни странно, но на этом карьера Маркарова в сборной закончится.

Кстати, в том же августе по команде Маркарова — бакинскому «Нефтчи» — ударила пресса. Речь идет о статье в «Советском спорте» от 9 августа под названием «Когда вежливость вне игры». Статью предваряло письмо бортпроводника Б. Пустовалова, который волею судьбы оказался в одном самолете с футболистами бакинского «Нефтчи». В письме рассказывалось о безобразном поведении некоторых игроков команды, устроивших дебош на борту самолета, который вез их из Ташкента на родину. Предыстория этого скандала была следующей.

Накануне инцидента (20 июня) бакинцы играли очередной матч чемпионата СССР с «Пахтакором» и проиграли 1:2. Естественно, настроение у бакинцев было не ахти, а тут еще дикая жара почти под сорок градусов и задержка вылета на целых шесть (!) часов. Короче, когда лайнер поднялся в небо, обстановка на борту была накалена до предела. Требовался только повод, чтобы разгорелась буча. Этим поводом стало поведение одной из пассажирок. Не успел самолет подняться в небо, как одна из

женщин стала жаловаться, что ей плохо. Она просила воды, хваталась за сердце. Сидевшие рядом с ней несколько футболистов стали требовать у бортпроводников немедленной помощи. Но что те могли предложить: разве что воды принести и дать таблетку от сердечной боли. Остальная помощь могла быть оказана пассажирке только после приземления. Далее послушаем рассказ самого Б. Пустовалова:

«Конечно, жара делала свое дело, но ведь в самолете было еще около 80 пассажиров. Всем было нелегко, но тем не менее никто не опустился до откровенных скандалистов. Я попытался успокоить футболистов. К этому времени они уже забыли, ради чего устроили шумное состязание в грубости.

«Он еще разговаривает! Ты, сопляк, да ты знаешь, с кем говоришь?» — к голосам тех двух, кто начал скандал, присоединился третий. А потом… Реплики типа «заткнись!», «ноги переломаю!», «последний раз летишь…» были далеко не самыми крепкими.

Знаете, нашелся все же человек, попросивший у меня извинения. Он зашел к нам на кухню и сказал: «Понимаешь, жара, задержка. Да и проиграли вчера. Вот нервы и сдали. Ты уж не сердись на них». Но когда я спустя пять минут вошел в салон и вновь подвергся оскорблениям, он промолчал. Остановить расходившихся друзей у него не хватало смелости.

Вот так, в один прием, футболисты растоптали сложившееся у меня о них доброе мнение. Я сейчас думаю о том, что эти люди должны защищать честь нашего спорта, и никак не могу представить себе их корректного, без грубости отношения к сопернику. Объяснить инцидент случаем? Жарой, проигрышем, задержкой? Но ведь и потасовки на футбольном поле тоже как-то объясняются. Боюсь, что избравшие нас мишенями своего «острословия» футболисты не очень-то застенчивы и на поле».

Поскольку замолчать этот инцидент не удалось (экипаж самолета написал письмо руководству «Нефтчи», а то побоялось не дать ему ход), он стал поводом к серьезному разбирательству внутри футбольного коллектива. Было проведено собрание, где виновники случившегося — футболисты А. Рахманов, Д. Буниатзаде и Р. Кулиев — были подвергнуты резкой критике своими же товарищами по команде (хотя на борту лайнера все они почему-то молчали). Как заявил капитан команды Эдуард Маркаров: «Разбор этого неприятного инцидента должен послужить уроком для всех без исключения. Мы должны помнить, что представляем трудовой город, всю республику, что мы всегда на виду».

Все трое виновных были строго предупреждены, что в случае

очередного нарушения дисциплины с их стороны все они будут отчислены из команды.

Стоит отметить, что чемпионат СССР по футболу 1968 года стал рекордсменом по грубости за всю предыдущую историю отечественного футбола: тогда было удалено с поля 30 футболистов. Самым грубым матчем была признана игра ЦСКА — «Динамо» (Минск), когда удалили четырех игроков. Исходя из этого можно смело сказать, что самолетный инцидент с «Нефтчи» родился не на пустом месте: дух вражды, который витал над футбольными полями, мог невольно перекидываться и за пределы стадионов.

В сезоне-69 «Нефтчи» сумел подняться по турнирной лестнице — переместился с прошлогоднего 9-го на 7-е место. Пусть небольшой, но прогресс. Причем результат мог бы быть и лучше, если бы очередное несчастье с Маркаровым. После нескольких туров, с тремя голами, он возглавлял гонку бомбардиров чемпионата. Но в игре против ростовского СКА получил тяжелейшую травму — ее ему нанес центральный защитник Виктор Гетманов. В итоге следующие полгода Маркарову пришлось проводить на больничной койке, а его команда снова покатилась вниз.

Свой первый матч после болезни Маркаров проводил против московского «Спартака». Вот как об этом написал журналист «Футбола» В. Винокуров: «После долгого перерыва и сложного лечения бакинцев вывел на поле их капитан Маркаров. Его участие, бесспорно, укрепило игру команды, придало ей организованность в средней линии и остроту в передней. Маркаров действовал оттянутым центрфорвардом, но был именно форвардом, а не полузащитником. Все его качества, так хорошо знакомые партнерам и соперникам, столь приятные зрителям, были, что называется, при нем. Кроме атлетизма. «Сил не хватает», — признался он мне после игры. Это чувствовалось даже в первом тайме, когда он выглядел свежее, то и дело ускользая от присмотра Рожкова. Полузащитник «Спартака» вообще не сумел воспользоваться тем, что выступал против физически не совсем подготовленного соперника. Рожков не был опасен впереди и не справлялся с опекой Маркарова на своей половине поля…»

В тот день успех сопутствовал москвичам, которые выиграли со счетом 2:0. Впрочем, «Спартак» в том году стал чемпионом страны и выиграть у него было крайне сложно (он потерпел всего лишь 5 поражений).

В сезоне-69 Маркаров забил всего лишь 5 голов, что было вызвано его долгим, полугодовым, отсутствием на поле. Однако в

сезоне-70 он отыграл все матчи, но забил еще меньше — всего 3 мяча. А его «Нефтчи» занял 11-е место. В сборную нашего героя уже не привлекали, фактически списав его со счетов. Впрочем, со счетов его стали списывать и в Баку. А концовка того года принесла трагедию.

11 ноября из жизни ушла мама Эдуарда Берта Григорьевна. Она работала внештатным тренером «Нефтчи» и футбол понимала великолепно. Знала всех футболистов в команде и каждому могла дать дельный совет. И в вопросах режима питания, отдыха, сна она разбиралась не хуже любого спортивного врача.

Этой утрате суждено будет сыграть значительную роль в дальнейшей спортивной судьбе Маркарова — он захочет уехать из Баку и играть в другой команде. По его же словам: «Последние два сезона меня преследовали травмы, практически эти годы, как таковые, для меня пропали. Стал я слышать вокруг себя разговоры: «Слаб Маркаров, постарел» и т. д. И я понял: надо что-то менять. Или заканчивать совсем, или попытаться доказать, что есть еще порох, но уже в другой команде. Супруга, Стелла, помню, отговаривала: «Ну что ты надумал? Тебе ведь уже двадцать девять…» Но я все же решил рискнуть и новый сезон начал уже в «Арарате», где у меня было много друзей…»

А вот что вспоминает его жена Стелла: «Эдик очень тяжело перенес смерть мамы. Справив сороковины, он объявил о своем решении: «Мы должны переехать в Армению. Навсегда». Я, если честно, не хотела такой перемены, но и не имела права настаивать на своем. На следующий же день он собрал спортивную сумку, сел в машину и укатил в Ереван. Сделать такой шаг он собирался давно, но квартирный вопрос всегда в последний момент повисал в воздухе. Вскоре и я с маленькими детьми приехала к мужу. Нам выделили квартиру в центре Еревана, она была гостевым домом команды «Арарат», и до нас в ней жил тренер Александр Пономарев. Потихоньку начали обживаться. Эдику в этот период нужна была моральная поддержка. Конечно, он был рад, что ереванские болельщики приняли его как родного. Но более всего ценил отношение товарищей по команде. В трудные минуты они часто подставляли плечо, всем им спасибо, особенно Шурику Коваленко. Он всегда был с нами рядом…»

Раз уж речь зашла о супруге нашего героя, то самое время рассказать о том, как они познакомились. Это случилось в середине 60-х, когда Маркаров уже блистал в «Нефтянике», а Стелла… училась в 10-м классе. Как-то у них в школе был день открытых дверей и туда пришел Маркаров. Вся школа сбежалась

на него посмотреть, но Стелла отнеслась к этому на удивление спокойно. Дело в том, что футбол она не любила (жила возле стадиона и часто видела толпы болельщиков, которые так скандировали, что окна в их доме постоянно дрожали). Внешне Маркаров ей не понравился — маленького роста, со смешным пробором. Поэтому, когда ее сверстники бросились глазеть на именитого гостя, Стелла во всеуслышание заявила: «Что за ним все так умирают, я не пойму, дайте мне еще тыщу рублей, я все равно не пойду». Но сам Маркаров ее сразу выделил за красоту и начал подбивать клинья через директора школы, попросив его их познакомить. На что гордая девушка заявила: «Ну, понятно, голова у вас не работает, тогда, конечно, хоть ноги пусть работают». Другой бы на месте футболиста обиделся, но он стерпел. И передал ей записку: «Завтра жду на трамвайной остановке в 11 часов». Но девушка это приглашение проигнорировала.

Их следующая встреча произошла спустя год на вечере дружбы, куда была приглашена вся команда «Нефтчи». После этого Маркаров стал приходить к девушке домой с шампанским и тортом «Сказка». Но девушка по-прежнему была неприступна. Торт она съедала, а шампанское, не открывая, ставила вдоль стены. В итоге через некоторое время у нее выстроилась целая батарея этих нераспечатанных бутылок. И в один из очередных приходов футболиста Стелла заявила: «Видите вот всю эту батарею бутылок? Они в вас полетят, если ходить не перестанете». И он решил отступить — но только временно. Далее послушаем рассказ самого Э. Маркарова: «Я взял ее умом. Тактика у меня такая была. Я приходил к ней домой, сидел с ее мамой на кухне, беседовал. И они все постепенно ко мне привыкли. Потом она переехала к бабушке, я туда стал ходить и тоже беседовать, как-то позвал ее прогуляться, и она не отказала…»

Далее — рассказ Стеллы: «Я жила тогда с бабушкой, ее звали Шамирам, вот к ней он за мной и пришел. И стали мы вроде чинно-благородно прогуливаться. Как-то идем мимо Дворца бракосочетания, он мне и говорит: слушай, Стелка, давай зайдем, посмотрим. Я такая дура была, давай, говорю. А давай, говорит, документы подадим, тебя это ни к чему не обязывает. Точно не обязывает? — спрашиваю. Точно, отвечает. Ну давай, говорю. Мы подали документы, и нужно было две недели ждать. Он опять — а давай распишемся, это в твоей жизни ничего не изменит. Я говорю — точно не изменит? Он — конечно, точно. Как жила у бабушки Шамирам — так и будешь жить. Ну, я соглашаюсь. Шью себе — я все себе тогда сама шила — платьице новое с голубыми

цветами, приходим мы — а народ там его узнает, опять — Маркаров, Маркаров. Но все думают, что это он к кому-то на свадьбу пришел, уж больно я на невесту не походила, да и пришли мы втроем — он, я и свидетель. Расписались, вышли — вдруг как стали все машины бибикать, это другие, кто жениться приехал, так поздравляли любимого футболиста, — а я ушла обратно к бабушке. И мы продолжали встречаться, как бы на свидания ходить друг к другу. Походили-походили пару месяцев, а потом в один прекрасный день он мне и говорит: если ты не пойдешь жить со мной как жена, я иду налево. Я говорю — как это налево? Это же предательство. А предательства я уже стерпеть не могла. Вот так все и получилось…»

Но вернемся к переходу Маркарова в «Арарат».

В наши дни представить себе подобное уже невозможно, поскольку нет уже ни Советского Союза, ни того интернационализма, который в нем культивировался. И хотя межнациональные отношения и тогда не были идеальными, но до того, что происходит в них сегодня, им было далеко. Поэтому пребывание того же армянина Маркарова в азербайджанской команде ни у кого не вызывало удивления. Кстати, он в «Нефтчи» был не единственным армянином — там еще играл А. Мирзоян. Однако в «Арарате», естественно, армян было больше — почти вся команда (за исключением С. Бондаренко, А. Коваленко). Что помогло достаточно быстро адаптироваться Маркарову в новом коллективе. Среди этих земляков-армян было несколько проживавших когда-то, как и Маркаров, в Баку: Казарян, Андриасян, Аванесян, Погосян, Арутюнян, Карапетян. А тренировал команду «варяг» — Николай Глебов, который до этого работал в алма-атинском «Кайрате» (1960–1963), рязанском «Спартаке» (1967). По словам Э. Маркарова:

«Приняли меня в «Арарате» очень хорошо, будто сто лет в нем играл. Я пришел в команду техничную, мыслящую, боевую, чем-то родственную тому «Нефтянику», в котором я провел долгие годы. До этого перед «Араратом» больших задач не ставили (все 60-е годы команда занимала низшие места в турнирной таблице и даже успела поиграть в 1-й лиге; ее единственный успех — 8-е место в сезоне-67. — *Авт.*), хотя к тому времени команда вполне созрела для успеха: группа ведущих игроков как раз вступила в лучший футбольный возраст. В «Арарате» играли талантливые индивидуальности, но не было коллектива, по сути, не складывалась командная игра.

Вкус к коллективной игре мне привили с детства. Этому учил и Аркадьев. В заслугу себе не собираюсь ничего ставить: все устроилось само собой, без разговоров и понуканий. Андриасян,

Иштоян, да и другие ребята поняли, что защитникам легче, когда они «заводятся». А я люблю пас, «стенку» разыграть — ребята попробовали, почувствовали, насколько свободнее стало обыгрывать защитников. Возможно, я явился последним недостающим звеном, замкнувшим цепочку. Признаться, я волновался: как-то пойдут тут дела? На тренировках волнения улеглись. Когда начинаешь работать и потеть вместе со всеми, а потом в играх отдавать все, на что способен, делиться опытом, умением с товарищами, то быстро понимаешь, что тебя приняли. Если говорить об основной черте, характерной для игры «Арарата» образца 1971 года, то я бы сказал, что каждый из игроков прежде всего прибавил в футбольном мышлении. Этим во многом и объясняется успех нашего клуба. А мне снова повезло: я оказался, как и прежде, разыгрывающим, но при этом от меня ждали и голов — словом, «моей игры»…»

Свой первый гол в составе «Арарата» Маркаров забил в первом же матче чемпионата СССР 1971 года — против львовских «Карпат». На 24-й минуте Аванесян навесил мяч в штрафную площадку гостей, Бондаренко, выиграв дуэль с вратарем, переадресовал мяч под удар Маркарову, который послал мяч в сетку, приведя публику ереванского стадиона в неописуемый восторг. И что называется, пошло-поехало — «Арарат» с первого же тура взял мощный темп. Так, уже спустя несколько дней он обыграл в Москве местных армейцев (чемпионов страны 1970 года) и торпедовцев с одинаковым счетом 1:0. А затем переиграл тбилисских динамовцев 4:0. Два мяча забил Маркаров, еще два были забиты при его непосредственном участии.

Спустя четыре дня «Арарат» встречался с бакинским «Нефтчи» — бывшей командой Маркарова. Естественно, ажиотаж вокруг этой игры был огромный. И зрители увидели прекрасный футбол, а Маркаров был в ударе. Правда, только один тайм, поскольку потом он получил травму и вынужден был сесть на скамейку запасных. Но перед этим, на 19-й минуте, он успел открыть счет, добив выпавший из рук вратаря Шехова мяч. Игра закончилась победой ереванцев 2:1.

Последующие четыре матча Маркаров вынужден был пропустить. За это время «Арарат» сбавил обороты и сумел победить лишь в одной игре — с «Кайратом», в день торжественного открытия стадиона «Раздан». Но 20 июня, в день своего дня рождения, Маркаров снова был в строю и вышел на игру против донецкого «Шахтера». И вышел не зря, поскольку на 80-й минуте забил гол, который решил исход поединка, — 1:0.

В следующем матче с ворошиловградской «Зарей» Маркаров забил два гола (первый был забит уже на 6-й минуте) и с 7

мячами возглавил список бомбардиров чемпионата. А в следующем туре «Арарат» уже возглавил турнирную таблицу, обогнав киевское «Динамо». В конце первого круга на счету Маркарова было уже 9 забитых мячей и он продолжал возглавлять список лучших снайперов. Вот что писали о нем и его команде в тогдашней советской прессе: «Чем выделяется «Арарат» сегодня? В первую очередь средней линией, своеобразным штабом, где задумываются и осуществляются комбинации. Каждый из полузащитников — индивидуальность, но один дополняет другого, а вместе они целый ансамбль. Держа мяч, хавбеки часто вызывают огонь на себя, заставляя противника атаковать, и, когда соперник «раскрывается», на авансцене мгновенно возникает Маркаров. Этот футболист достаточно известен. Сейчас в команде он выполняет роль связующего между нападением и полузащитой. Ошибаются те, кто видит в Маркарове только диспетчера. Сильные точные удары, умение быстро ориентироваться в сложных ситуациях делают его опасным бомбардиром…»

Или еще: «Атакует «Арарат» широко, не задерживаясь в середине поля и отлично используя на флангах скоростников Иштояна, Заназаняна, Казаряна. У ереванцев квалифицированный диспетчер — Маркаров. В игре без мяча «Арарат», без преувеличения, пока впереди остальных участников чемпионата. Я не хочу представить «Арарат» как команду без недостатков. Не скажу, что все качества, названные мной, проявляются в каждый момент каждой игры. Но они у команды есть, она их развивает, стремится к интересному по содержанию, красивому футболу, не изменяя ему в самой напряженной борьбе с опытнейшими командами».

Однако в начале второго тура «Арарат» несколько сбавил обороты, а Маркаров прекратил забивать. На его счету к тому времени было уже 97 забитых в высшей лиге мячей (из них восемьдесят восемь он забил в «Нефтянике»/«Нефтчи») и до сотни, чтобы войти в «Клуб Г. Федотова», не хватало совсем чуть-чуть. Но голы почему-то не шли. А тут еще «Нефтчи» оказался замешан в громком скандале.

Все началось 8 октября, когда в Ростове-на-Дону «Нефтчи» встречался с местным СКА. События развивались следующим образом. В середине первого тайма бакинцы повели в счете. Однако во втором тайме ростовчане сумели сравнять счет. А еще через несколько секунд хозяева забили еще один мяч. Вратарь бакинцев Крамаренко посчитал, что гол забит несправедливо, и всю злость выместил на судье Юрии Балыкине — ударил его по лицу. А когда на помощь Балыкину прибежал один из боковых

судей, другой бакинец, Мирзоян… плюнул ему в лицо. Капитан «Нефтчи» Банишевский стал призывать своих товарищей немедленно покинуть поле.

Этот скандал стал поводом к разбирательству в СТК, которое прошло 22 октября. На следующий день результаты этого заседания до общественности довела все та же «Комсомольская правда». На ее страницах была опубликовала заметка М. Блатина и В. Скорятина под названием «Вне игры». В ней сообщалось, что СТК приняла сразу несколько решений. Так, вратарь бакинцев Крамаренко был дисквалифицирован на 3 года (это наказание в итоге сломает карьеру вратарю, которого многие называли преемником Льва Яшина), Мирзоян за плевок в судью — до конца первого круга, а Кулиев, который в сердцах забросил ногой мяч далеко на трибуны, — на год. Но главным было не это. Было вынесено редчайшее в мире спорта наказание — снятие целой футбольной команды — «Нефтчи» — с розыгрыша первенства СССР и засчитывание ей в оставшихся трех матчах поражения. Однако на турнирном положении бакинцев это решение по большому счету практически не отразилось — 9-е место их вполне устраивало. Однако сам прецедент впечатлял. Как писала «Комсомолка»:

«Футболисты «Нефтчи» привыкли считать себя этакими «баловнями судьбы», которым, мол, дозволено и простится все. Только этим можно объяснить то вызывающее пренебрежение к спортивной этике, общепринятой морали, которое продемонстрировали в нынешнем году многие футболисты бакинской команды.

Вот почему наказание, вынесенное команде, представляется хоть и суровым, но справедливым. Думается, оно послужит серьезным предостережением для всех, кто не способен с честью нести звание советского спортсмена…»

Однако недоброжелатели «Нефтчи» рано радовались. У команды имелись весьма влиятельные покровители, или, как их тогда называли, меценаты. Главным из них был первый секретарь ЦК КП Азербайджана Гейдар Алиев. Позволить, чтобы его родную команду так безжалостно и публично высекли, он, естественно, не мог. Алиев позвонил в Москву и сообщил, что собственной властью наказал провинившихся игроков, однако остальные игроки «Нефтчи» в случившемся не виноваты. А посему наказание в виде снятия команды с розыгрыша несправедливо. Когда же ему попытались возразить, Алиев как бы мимоходом заметил, что решение СТК может взорвать обстановку в республике, где «Нефтчи» считается народной командой. Последний аргумент перевесил чашу весов в пользу Алиева. В итоге из ЦК КПСС

последовал звонок министру спорта В. Павлову, после чего тот надавил на Федерацию футбола СССР и «Нефтчи» было позволено провести все три оставшихся игры. Почему СТК пересмотрел свое недавнее решение, СМИ так и не сообщили.

Как раз в эти самые дни Маркаров снова начал забивать голы. Прорвало его в матче с ташкентским «Пахтакором», где ереванцы выиграли 3:2, а наш герой забил два мяча. До заветной сотни остался один мяч, но дело опять застопорилось. И только 30 октября, на стадионе «Раздан» в присутствии 75 тысяч зрителей, Маркаров забил два мяча в игре против ленинградского «Зенита».

В последнем туре «Арарат» принимал московское «Динамо», выиграл 2:0 (один гол забил Маркаров, доведя количество мячей, забитых им в том сезоне, до четырнадцати) и завоевал серебряные медали чемпионата. Это был большой успех армянского футбола, весомый вклад в который внес Эдуард Маркаров, который всего лишь год назад жил и играл в республике-сопернике — Азербайджане. Правда, лучшим бомбардиром первенства ему стать было не суждено — его опередил игрок минского «Динамо», его тезка Эдуард Малофеев, забивший 16 мячей. Как написал тогда знаменитый футбольный статистик К. Есенин: «Эдуарда Маркарова обошли «на повороте в борьбе за приз «Труда» (как лучшему бомбардиру. — *Авт.*), но зато он успел раньше Малофеева забить свой сотый гол. Ни разу ему не удался хет-трик, вот уже пять лет как не удается (последний раз 19 мая 1966 года), но зато он сделал за сезон пять дублей — пять раз забил по два мяча».

А вот что по этому поводу сказал сам Э. Маркаров:

«Не только статистики колдуют над цифрами — мы, форварды, тоже внимательно следим за гонкой бомбардиров. Ведь сами же в ней и участвуем! На финише чемпионата у Малофеева было, если не ошибаюсь, мячей одиннадцать. Я забил больше и шел тогда первым. Ну, думаю, еще штуки две забить, и Эдик меня не догонит. Понимал, что и он, скорее всего, на достигнутом не остановится, но чтобы такое… В двух последних турах Малофеев наколотил пять мячей и вышел вперед — чудеса, да и только!

Сам Эдик — порядочный человек, если там что-то и было подстроено, я уверен: он лично к этому не имел никакого отношения. Мало что ли было у меня разочарований — пережил и это, тем более что наши болельщики за «серебро» благодарили нас так горячо, что в конце концов мы от них стали даже прятаться».

А теперь послушаем судью М. Рафалова:

«1971 год, последняя игра сезона. Московская бригада

арбитров должна судить в Ростове матч между местным СКА и минским «Динамо». Минску очки не нужны, Ростову надо было взять хотя бы одно. Тогда он остается в высшей лиге, а вылетает отыгравший все игры «Пахтакор». Приезжаем в Ростов, смотрю: нас везут к черту на кулички — аж в Азов, в дом для спецприемов. Встречает секретарь горкома партии, от икры и рыбных деликатесов столы ломятся. На следующий день прогулка на любимом катере Брежнева — кругом красное дерево, диваны с подушками, отменная кухня. Короче, в Ростов попадаем к самой игре. А пока мы отдыхали, бригады из КГБ отлавливали по всему Ростову всех, кто хоть немного смахивал на узбека. Боялись, что Рашидов послал гонцов-перекупщиков…

Началась игра. Ростовчане забивают два мяча. Потом гол забивает минчанин Малофеев, еще один — с углового — его товарищ по команде Юргелевич. 2:2. До конца игры остается 20 минут. Смотрю на футболистов и ничего не понимаю — все бегают, шепчутся, не игра, а совместное профсоюзное собрание. Позже я узнал, в чем было дело.

Ростовчанам нужно было очко. Когда они стали договариваться, минчане поставили условие: «Мы даем вам забить два гола, а вы два — нашему Эдуарду Малофееву. Он становится членом клуба Григория Федотова (туда включали футболистов, перешагнувших рубеж в 100 голов. — *Авт.*), а вы остаетесь в высшей лиге». На том и порешили… И тут случайный гол Юргелевича. Пришлось заново, на бегу передоговариваться: сейчас забьет Ростов, а потом Малофеев. Игра закончилась со счетом 3:3. Победила «дружба»…»

В сезоне-71 Маркаров впервые попал в список 33 лучших футболистов страны, который составлялся тренерским советом Федерации футбола СССР. Среди центральных нападающих он был третьим, хотя многие с удовольствием отдали бы ему 2-е место, которое занял центрфорвард ЦСКА Борис Копейкин.

В чемпионате СССР 1972 года «Арарат» не смог удержаться на 2-м месте и откатился на 4-е. Почему произошел откат? Причин было несколько. Например, команда понесла серьезную потерю — в автокатастрофе погиб один из лучших стопперов команды Фурман Абрамян. Кроме этого, у отдельных игроков «Арарата» наступило головокружение от успехов. Как заявил тренер команды Н. Глебов:

«Некоторые игроки «Арарата» переоценили свой «серебряный успех». Они не до конца прочувствовали, что второе место явилось наградой за большой труд, а не было результатом каких-то выдающихся качеств. Ведь в прошлом году все футболисты пролили немало пота для того, чтобы достичь лучшей спортивной

формы. Много усилий приложили они для развития футбольного мышления, весьма серьезно относились к теоретическим занятиям.

В самом начале сезона преобладало обольщение успехом. Как результат, неравномерная подготовка футболистов, хуже других подготовились те, кого приглашали в сборную. А затем после холодного душа, который обрушили на «Арарат» неудачи в кубковых матчах, команда поняла, что нельзя играть плохо. Тогда-то все и начали постепенно проявлять то же трудолюбие, что и год назад…»

Впрочем, некоторые специалисты видели причины отката «Арарата» и в действиях самого главного тренера команды. Например, за пять туров до окончания первенства ереванцы занимали 3-е место и могли побороться за «золото». Но в игре против «Днепра» Глебов внезапно посадил на скамейку запасных Маркарова, который перед этим забил гол и мог оформить дубль, а то и вовсе хет-трик. Но вместо этого был заменен. В итоге «Днепр» выиграл 3:2. После чего Глебов… вообще перестал выпускать Маркарова на поле. Результат известен — 4-е место (кстати, бакинский «Нефтчи» в том сезоне занял последнее место и вылетел из высшей лиги, чтобы вернуться туда только через пять лет — в 1977 году).

Чудачества Глебова не прошли для него бесследно — боссы «Арарата» отправили его в отставку, пригласив из Москвы другого тренера — Никиту Симоняна из московского «Спартака». Именно с ним «Арарат» и достигнет своего самого большого успеха.

Между тем для Маркарова приход нового наставника поначалу ничего хорошего не принес. Они не смогли найти общего языка (якобы футболист выдвинул какие-то требования, которые не понравились наставнику), и в итоге в первых матчах первенства-73 Маркаров не играл. И только спустя несколько игр, в домашнем матче против «Днепра» Симонян наконец решился выпустить на поле «бакинского Пеле». Да и то не по своей воле. Просто ереванцам никак не удавалось взломать оборону гостей, поэтому и пришлось прибегнуть к помощи Маркарова. Он вышел на поле на 65-й минуте, и буквально сразу после этого «Арарат» забивает гол — это сделал Андриасян. С этого момента наш герой был реабилитирован и играл во всех последующих матчах.

Так, в Алма-Ате он играл с первых минут встречи и ювелирными пасами способствовал победе над «Кайратом» — 4:1. После этой победы «Арарат» возглавил турнирную таблицу чемпионата. Так же удачно Маркаров сыграл и в матче против ташкентского «Пахтакора» 2 июня в Ереване в присутствии 45

тысяч зрителей. Именно там ему удалось забить свой первый гол в чемпионате-73 (ереванцы победили 4:0). Вот как об этом написал в «Комсомольской правде» А. Какосян: «Он (Маркаров. — *Авт.*) не только организовывал атаку, увлекал партнеров вперед, но и сам выходил на выгоднейшие ударные позиции. Ох, как он хотел забить 500-й гол «Арарата», но не получилось. Трижды он с выгоднейших позиций посылал головой мяч в ворота и трижды промахнулся, причем все решали сантиметры. А «юбилейный» — забил с одиннадцатиметрового Андриасян. Он забил и следующий пенальти и вышел в лидеры бомбардиров. Третий гол забил Эдик (на 73-й минуте), и, как всегда, сделал свое дело красиво. Он обманул вратаря, вышел на свою любимую позицию и головой забил гол. Мне почему-то кажется, что он рекордсмен по мячам, забитым головой… (не менее «головастым» был и игрок донецкого «Шахтера» Виталий Старухин — еще один герой нашей книги. — *Авт.*). Надо сказать, что Маркаров играл бы еще лучше, если бы Андриасян чаще снабжал его мячами из средней линии. Порой даже кажется, что Аркадия поразил вирус звездной болезни. Он, к примеру, хочет непременно играть центром нападения, как в сборной. Но в сборной его используют в этом амплуа потому, что нет другого ярко выраженного центрфорварда. А в «Арарате» даже такой мастер, как Эдуард Маркаров, не является стопроцентным центром…»

Вспоминает А. Абрамян: «Эдуард Маркаров оправдывал себя в качестве центрального нападающего. Во время первых нескольких игр он отсутствовал. Позднее Симонян счел целесообразным использовать Андреасяна в качестве оттянутого нападающего. Андреасян сначала был не в лучшей форме, и ему было сложнее выполнять работу полузащитника. Когда он восстановил свою форму, то начал блистать на позиции полузащитника, а в центре стал играть Маркаров…»

А вот что вспоминает сам Э. Маркаров: «Во время первых игр чемпионата 1973 года мне никак не удавалось отличиться. У меня был товарищ, который предложил поехать в Масис, к известному знахарю, чтобы он снял с меня порчу. Мы поехали туда, но, увидев огромную очередь, я подумал, что такими темпами мы сумеем попасть к нему на прием лишь через несколько дней. Но кто-то меня узнал, знахарю сказали, что его ждет Маркаров, и он принял нас без очереди. Должен признаться, что после этого визита я наконец стал забивать, и все встало на свои места…»

Спустя месяц (15 июля) уже ташкентцы принимали у себя «Арарат» и горели желанием взять реванш. Отметим, что накануне этого матча у тренера «Арарата» Симоняна произошла

трагедия — в Москве скончался его шестнадцатилетний сын, который был больным с детства. По словам второго тренера А. Кегеяна: «Симонян был в замешательстве. Отозвал меня в сторону и сказал, что должен отправиться в Москву, и попросил руководить ребятами в Ташкенте. В раздевалке перед игрой я сказал игрокам, что мы должны попытаться облегчить боль нашего тренера. Потом Симонян узнал о подобном настрое игроков и безустанно их благодарил…»

Несмотря на сильное желание ташкентцев, которых поддерживали 36 тысяч зрителей победить, ереванцы и в этот раз оказались сильнее. Вспоминает А. Абрамян:

«Перед игрой мы узнали, что умер сын Никиты Симоняна. Он отправился в Москву, а мы должны были играть в Ташкенте. Мы с ребятами решили, что должны победить любой ценой, чтобы посвятить победу памяти сына нашего тренера. Мы были очень удивлены, узнав, что Симонян в последний момент прибыл на матч, чтобы дать последние указания перед игрой. Мы не ожидали, что он будет присутствовать на матче, но он был так предан команде, что сделал это.

Победа далась нам очень тяжело, потому что арбитр судил предвзято. Оба мяча противник забил из положения вне игры. После первого тайма мы уступали со счетом 1:2, а Симонян был настолько разъярен, что в перерыве даже зашел в судейскую комнату…»

Во втором тайме ереванцы взвинтили темп, хотя сделать это было трудно — в Ташкенте стояла удушающая жара. Видимо, футболисты «Пахтакора» этого не ожидали. Как итог: Андреасян забил подряд два мяча — на 76-й и 87-й минутах. Победа «Арарата» 3:2.

После этого разрыв от ближайших преследователей ереванцев увеличился до пяти очков. Московские «Динамо» и ЦСКА, а также «Шахтер» в том туре потеряли очки. Зато вплотную к «Арарату» приблизились киевские динамовцы — главные конкуренты «Арарата» в борьбе за «золото».

Однако не менее грозным соперником был для ереванцев и московский «Спартак», который тоже имел неплохие шансы войти в тройку призеров. Не случайно матч с ними в Ереване 16 сентября был одним из самых драматичных. Он закончился победой «Арарата» 3:1 и запомнился громким скандалом. Вот как об этом вспоминает О. Заназанян:

«В сентябре к нам приехал «Спартак». Никита Павлович — насквозь спартаковец, Старостин ему как отец. Как же он переживал, что выведет команду против своего родного клуба! Но перед матчем нам на установке сказал:

— Ребята, очень вас прошу, выйдите, сыграйте достойно.

Мы уже на пятой минуте счет открыли, а где-то через полчаса игры спартаковцы сравнивают счет. Да как! В центре поля Папаев и Андреасян столкнулись и начали выяснять отношения, но судья Сергиенко игру не остановил, показал — продолжайте. И тут с трибуны кто-то свистнул. Мы все встали, а Редин мяч подхватил и забил гол.

Судья сначала его засчитал, потом с боковым посоветовался — отменил. На него сперва мы насели: как же так, свисток был. Потом спартаковцы: засчитал же гол! Свалка на поле — команда на команду. Бедный Никита Павлович выбежал, на него смотреть больно. Такой позор перед родным клубом!

Минут десять разбирались, вроде все утихомирилось. Гол все-таки засчитали. Доиграли тайм, Левон Иштоян даже гол забил.

В перерыве Симонян мне, как капитану, говорит:

— Оганес, пожалуйста, чтобы все было на высшем уровне. Играйте нормально, не заводитесь.

— Все сделаем, Никита Павлович, — отвечаю.

Тут меня вызывают в коридор, там стоит судья.

— Ребята, — говорит, — отдайте эмблему.

Оказывается, наши игроки, пока Сергиенко осаждали, оторвали с его формы эмблему арбитра. Доказывали рефери, что он с таким судейством не имеет права носить ее.

Захожу в раздевалку:

— Кто у судьи эмблему оторвал?

Никто не признается, не хотят отдавать в отместку за несправедливый гол. Смотрю на них и понимаю, что эмблема ведь крепко пришита, ее просто так не отдерешь. Нужны очень сильные руки. А у кого из футболистов сильные руки? У вратаря! Подхожу к Абрамяну:

— Алеша, отдай эмблему, не позорь Ереван!

Он неохотно откуда-то вытаскивает, отдает мне. Я ее Сергиенко вернул, и матч мы нормально доиграли, я даже гол забил…»

Отметим, что Маркаров в той игре не участвовал — сидел на скамейке запасных. Не выходил он и в нескольких следующих матчах. Однако на финальный матч Кубка СССР против киевских динамовцев 10 октября Симонян его на поле выпустил, хотя Маркаров был нездоров. Но тренер надеялся на его помощь, поскольку в пяти кубковых матчах Маркаров забил 7 голов. Он играл даже против своего родного «Нефтчи», хотя высшее руководство Азербайджана настоятельно просило не выпускать его на поле, чтобы не разжигать ненужные страсти. Но Симонян это мнение проигнорировал. И «Арарат» выиграл у «Нефтчи» оба

кубковых матча — 1:0 (гол забил Маркаров) и 3:1 (один из мячей снова был на счету Маркарова). Но вернемся к финальному матчу между «Араратом» и киевским «Динамо».

Это был один из самых драматичных матчей в истории кубковых игр. Большая часть специалистов отдавали предпочтение киевлянам, которые физически выглядели более предпочтительно. Они и в чемпионате буквально наступали на пятки ереванцам, и многим казалось, что они их обязательно обойдут. Короче, большинство ставок в той кубковой игре было на стороне киевлян. Об этом говорит и следующий факт. Незадолго до игры на киевском Гознаке было сделано 300 тысяч значков с надписью «Динамо» Киев — обладатель Кубка СССР 1973». А за несколько минут до конца матча руководитель Управления футбола Спорткомитета СССР Лев Зенченко отдал приказ печатать грамоты с именем победителя — «Динамо» (Киев).

К тому моменту киевляне уже вели в матче 1:0 и, уйдя в оборону, уверенно вели дело к победе. Но ереванцы не сдавались. На 73-й минуте Симонян заменил сразу двух игроков: вместо Эдуарда Маркарова на поле вышел левый крайний нападающий Николай Казарян, который был опасен для соперников своими скоростными рейдами по флангу, а вместо полузащитника Сергея Бондаренко вышел его тезка Сергей Погосов, отличавшийся сильным ударом и тем, что всегда хорошо включался в игру, выходя на замены.

Как покажет ближайшее будущее, Симонян с этими заменами не прогадал. Чего не скажешь о тренере киевлян Валерии Лобановском, который фактически угробил свою команду. Чем именно? В самом конце игры (на 87-й минуте) он тоже решил заменить двух ключевых игроков своей команды — полузащитника Леонида Буряка и нападающего Олега Блохина, выпустив вместо них молодых футболистов Валерия Зуева и Виктора Кондратова. Это была роковая замена, поскольку спустя минуту после нее Левон Иштоян сравнивает счет. После чего назначается дополнительное время. И там киевлянам предстояло полчаса играть без своих ключевых игроков — Буряка и Блохина. В итоге на 103-й минуте «Арарат» дожал соперника — все тот же Иштоян забивает решающий гол. 2:1, и Кубок СССР достается ереванскому «Арарату». Как скажет чуть позже один из виновников этой победы — Левон Иштоян: «Много лет прошло с тех пор, но эта победа не забудется. Мы были так счастливы, что нам удалось порадовать наш народ. В конце концов, у народа было не так уж много таких мгновений. По большому счету — победа Тиграна Петросяна в 1962 году и успех «Арарата» в 1973-

м…»

Судьба золотых медалей в чемпионате СССР 1973 года решилась 28 октября. В тот день киевские динамовцы уступили в Алма-Ате местному «Кайрату», а «Арарат» у себя дома обыграл ленинградский «Зенит» 3:2. Отметим, что Маркаров сыграл в этом матче ровно столько времени, сколько и в финальном кубковом, — 73 минуты. Но был одним из самых активных игроков у ереванцев, сделав дубль — забил два мяча.

А открыл счет в этой игре Заназанян — это случилось на 27-й минуте. Спустя 20 минут, в самом начале второго тайма, Маркаров удвоил разрыв в счете. Однако спустя минуту ленинградец А. Николаев сумел сократить разрыв — 2:1. А еще через четыре минуты А. Зинченко сравнял счет. Казалось, что гости перехватили инициативу и на волне душевного подъема переломят ход игры в свою пользу. И хотя эта возможная победа ничего уже не решала (чемпионами, как мы помним, досрочно стали ереванцы), однако сразу после игры в Ереване была назначена праздничная манифестация, которая должна была быть подкреплена победой «Арарата». И эту победу принес Эдуард Маркаров, который на 59-й минуте забил победный гол (его 114-й по счету гол, забитый в играх первенства СССР). В результате в опросе, проведенном еженедельником «Футбол-хоккей» среди 121 журналиста Союза для определения лучшего футболиста минувшего сезона, Маркаров замкнул пятерку сильнейших. Вошел он и в утвержденный Президиумом Федерации футбола СССР список 33 лучших футболистов сезона 1973 года. На этот раз его назвали вторым среди центральных нападающих страны.

Увы, но повторить свой успех в следующем сезоне ни «Арарату», ни Маркарову уже не удалось — ереванцы в сезоне-74 заняли лишь 5-е место, отстав от чемпиона — киевских динамовцев — на 8 очков (32 против 40). По словам самого Э. Маркарова: «Категорично утверждать, что мы могли бы взять «золото» еще раз, не буду, но в тройке, по-моему, вполне быть могли. К сожалению, после чемпионского сезона мы немного зазнались. Стали допускать больше вольностей в игре. Это не могло не сказаться на положении команды…»

В чемпионате-74 Маркаров забил пять голов. Первые два — в ворота ЦСКА, один из них — в падении с лету. Остальные три мяча в ворота московского «Динамо», «Зари» и ЦСКА (во втором круге) Маркаров забил головой (некоторые статистики утверждают, что головой Маркаров забил в «Арарате» не менее 50 % голов). Голов могло бы быть и больше, если бы не травмы. В матче первого круга с «Зарей» Маркарова так «подковали», что он вынужден был пропустить пять календарных игр. Четыре матча

Маркаров пропустил и после травмы, полученной в первом матче с ирландским «Селтиком» в одной восьмой финала Кубка чемпионов. А ведь до этого в двух играх с норвежским «Викингом» он забил 5 голов: два в первом (2:0) и три во втором (4:2). Что касается «Селтика», то его «Арарат» обыграл дважды — 2:1 и 5:0. Но в одной четвертой финала ереванцы «споткнулись» о «Баварию» (0:2, 1:0).

В сезон-75 «Арарат» вступил с новым тренером — вместо Никиты Симоняна, который ушел из-за разногласий с игроками и руководством клуба, пришел Виктор Маслов (в 1966–1968 годах он трижды приводил к чемпионству киевских динамовцев). Однако проделать то же самое с «Араратом» у опытного наставника не получилось — ереванцы снова заняли лишь 5-е место, хотя первый круг закончили вторыми. Они тогда сделали мощный рывок — выиграли подряд восемь матчей. И почти в каждом из них Маркаров забивал по голу. Как писал тогда бывший наставник ереванцев Н. Симонян: «Продолжают играть ведущую роль в «Арарате» Маркаров и Андриасян. Они сами тонко и разумно действуют на поле и умело направляют своих партнеров».

А вот что написал главный футбольный статистик К. Есенин: «Все минувшие четыре года единственным нарушителем спокойствия был «последний из могикан» Эдуард Маркаров. После 1973 года он взобрался на десятую ступень «Клуба 100», после 1973-го — на восьмую, а в минувшем сезоне — на пятую…»

В чемпионате-75 Маркаров забил 10 голов плюс 5 в играх Кубка чемпионов. Но самый важный гол наш герой забил в финальной игре на Кубок СССР, где «Арарат» встречался с ворошиловградской «Зарей». К концу первого тайма счет был ничейным, 1:1, и именно гол Маркарова, забитый на 43-й минуте, принес ереванцам победу — 2:1. И «Арарат» во второй раз стал обладателем почетного трофея.

Между тем это был последний сезон Маркарова в футболе — после него он повесил бутсы на гвоздь. Как заметил он сам: «Теперь хочу поработать с детьми в футбольной школе. Пожить дома, без этих непрерывных разъездов. 15 лет ведь виделся с семьей урывками. С нетерпением жду спокойных домашних вечеров. И с таким же нетерпением — утренних свиданий с юными футболистами. Вот проверю, в какой степени можно им передать техническое умение, какую роль играют показ и подсказ, до какого возраста они наиболее восприимчивы. По-моему, это необходимо знать. А потом… потом хочется попробовать себя тренером команды мастеров…»

Статистика по забитым голам у Маркарова выглядит

следующим образом:

«Нефтяник»/«Нефтчи»: чемпионаты СССР — 88 голов; матчи на Кубок СССР — 6; международные товарищеские встречи — 31. ИТОГО: 125 гола.

«Арарат»: чемпионаты СССР — 41 гол; матчи на Кубок СССР — 10; матчи еврокубков — 12; международные товарищеские встречи — 14. ИТОГО: 77 голов.

Он трижды входил в список 33 лучших футболистов страны: № 2 (1973), № 3 (1971, 1975).

Выступая в составе советской сборной (1966–1968), Маркаров забил пять голов, а всего на его счету оказалось 207 забитых мячей.

В «Футбольной энциклопедии» про него написано следующее: «Быстрый, ловкий и техничный, хорошо открывался для получения мяча, отлично выбирал позицию для завершения атаки, умело взаимодействовал с партнерами. Обладал диспетчерскими способностями, которые проявлялись по мере обретения игрового опыта и особенно ярко в «Арарате». При обводке использовал обманные движения корпусом, хорошо владел ударами с разворота и в падении через себя…»

В 1976–1977 годах Маркаров был главным тренером «Арарата», но под его руководством команда выступала весьма неровно. Так, в весеннем розыгрыше чемпионата СССР 1976 года она взяла «серебро», а в осеннем едва не вылетела из высшей лиги, заняв 14-е место. В сезоне-77 ереванцы снова оказались внизу турнирной таблицы — на 11-м месте. Это стало поводом к отставке Маркарова. Впрочем, «Арарат» в те годы, пережив смену поколений, уже перестал быть грозой авторитетов.

Что касается Маркарова, то он в конце 70-х уедет в Алжир, где будет тренировать местные команды вплоть до 1982 года. Затем вернется в Армению и станет вторым тренером «Арарата» (1984–1985). Но это были не лучшие годы команды: она займет 11-е (1984) и 13-е (1985) места в чемпионате СССР.

В конце 80-х Маркаров будет назначен главным тренером юношеской сборной СССР. И на этом поприще вновь ощутит радость победы: его подопечные станут победителями молодежного чемпионата Европы 1990 года, а спустя год завоюют «бронзу» на чемпионате мира.

В 1992 году в Армении был проведен опрос, который должен был выявить лучшего футболиста республики за все годы. В итоге 1-е место в нем занял Эдуард Маркаров.

В 1997 году, возглавляя клуб «Эрбуни», Маркаров привел команду к серебряным медалям чемпионата Армении. А на данный момент он является главным тренером команды «Мика», с

которой дважды (в 2000–2001 годах) выиграл Кубок Армении.

Правдоруб из «Спартака»
Евгений Ловчев, «Спартак», Москва

Евгений Ловчев родился 29 января 1949 года в поселке Крюково Московской области (том самом, что воспет в песне ВИА «Самоцветы» — в сорок первом там погибал взвод) в семье, которая не имела никакого отношения к спорту. Однако, как и большинство его сверстников, Евгений с детства стал заниматься разными видами спорта — от баскетбола до лыж. Но более всего он любил футбол, азы которого он сначала постигал в дворовых соревнованиях, а потом, летом 1961 года, узнав о том, что на Ширяевом поле (Сокольники) в Москве тренируются спартаковские мальчишки, он записался в спортивную секцию рядом с этой площадкой. Однако первое время тренер не хотел выпускать его на поле, поскольку не был уверен в том, что мальчишка надолго задержится в секции, — слишком далеко он жил. В один из таких моментов Ловчев даже расплакался. После этого тренер сжалился над ним и выпустил на поле. Но затем спартаковские ребята уехали на лето в Тарасовку, а Ловчева, как не зачисленного еще в команду, оставили дома. Но поскольку без футбола Евгений своей жизни уже не мыслил, он спустя какое-то время записался в новую секцию — на стадионе «Буревестник», что в Самарском переулке (на этом месте теперь стоит спортивный комплекс «Олимпийский»).

Уже на первой тренировке Ловчев отличился — забил два мяча. И тренер — знаменитый в прошлом защитник ЦДКА Иван Кочетков — сказал ему: «Завтра приноси документы. Заявляем тебя на первенство Москвы, будешь играть в нападении». Евгений так и сделал. На первенстве он действительно сыграл, но не нападающим, а защитником, поскольку в таковых команда испытывала явный дефицит. Это было первое крупное соревнование в жизни Ловчева. Победой оно не завершилось, но опыта будущий знаменитый футболист все-таки набрался. И с тех пор стал играть в обороне — на позиции полузащитника оборонительного плана.

Спустя несколько месяцев футбольную секцию при «Буревестнике» закрыли, и Ловчев перешел в команду ДЮСШ «Юность» Дзержинского района Москвы (тренер — Евгений Лапин), а чуть позже — в юношескую сборную РСФСР, а затем в так называемую экспериментальную сборную СССР («Буревестник»), которую тренировали Всеволод Блинков и Виталий Артемьев. Ее целью ставилось приобретение

международного опыта молодыми талантливыми ребятами. Впрочем, Ловчев оказался невыездным (он тогда закончил ПТУ в Химках и работал на закрытом заводе, связанном с космонавтикой), а потому довольствовался матчами с одесским «Черноморцем» и ворошиловградской «Зарей».

Но именно там его и заметил Николай Николаевич Алексеев, который работал в «Буревестнике» доктором, а до этого — в московском «Спартаке» (в 1962 году он ездил со сборной СССР на чемпионат мира в Чили). Ловчев с ним подружился, и они часто стали проводить свободное время вместе. И вот однажды, осенью 1968 года, пошли попариться в Сандуны. А там, на удачу, в тот же день и час парился старший тренер «Спартака» Никита Симонян. В итоге сразу после бани, когда Ловчев вышел на улицу и ждал у выхода Алексеева, к нему подошел Симонян и заявил: «Женя, мы давно за тобой наблюдаем и хотим пригласить в «Спартак». Наш герой, естественно, растерялся: «Никита Павлович, я болею за «Спартак», мечтаю о «Спартаке», но, пока существует «Буревестник», не имею права его бросать…» На этом их тогдашняя встреча закончилась.

А через неделю «Буревестник» обыграл в товарищеском матче дублеров «Торпедо» с разгромным счетом 4:0, после чего Ловчева позвал к себе в кабинет начальник торпедовской команды мастеров Юрий Золотов. И говорит те же слова, что и Симонян: мол, переходи к нам. Но Ловчев, помня недавний разговор с Симоняном, был всеми мыслями в «Спартаке». И даже потом, когда в Спорткомитете решили «Буревестник» в полном составе передать в дубль московского «Локомотива», Ловчев и Сергей Ольшанский твердо стояли на одном — только в «Спартак»! В итоге 1 января 1969 года Ловчева зачислили в состав красно-белых. Причем в основной состав он попал достаточно быстро. По его же словам:

«Игроком основного состава я стал на предсезонном сборе в Гаграх. Конкретно — после контрольного матча с днепропетровским «Днепром». Еще точнее, мою судьбу, как я теперь понимаю, решил один-единственный эпизод. Наши центральные защитники в одном из моментов провалились, и форвард «Днепра» фактически выходил один на один с нашим вратарем. Я был далеко на краю, но все равно бросился догонять. И, к изумлению всех, догнал-таки его и успел выбить мяч. До сих пор помню, как Николай Петрович Старостин, смотревший игру из-за ворот, громко произнес: «Ну и скоростина!..» У меня действительно была высокая скорость. В контрольных забегах на 30 метров мои результаты иногда были даже лучше, чем у Олега Блохина — одного из быстрейших форвардов советского футбола.

С того матча я твердо вошел в основной состав…

В «Спартаке» тогда образовалась замечательная средняя линия: Киселев — Папаев — Калинов. Как эти ребята дополняли друг друга! Папаев — технарь, Киселев — «рабочий». Калинов — импровизатор и организатор. К сожалению, они недолго играли вместе. Перед началом сезона-69 в «Спартак» пришел отличный вратарь Анзор Кавазашвили. В обороне справа остался Логофет, в центре защиты стал играть Вадим Иванов из «Динамо», последний защитник — Сергей Рожков. В Минске в игре с местными динамовцами ему сломали нос, и тогда на его место поставили девятнадцатилетнего Колю Абрамова. Это был талантище неимоверный! Но, увы, он не любил и не умел режимить… В атаке погоду делали Николай Осянин и Галимзян Хусаинов. Но самое главное — мы отлично понимали и чувствовали друг друга. Я уверен, что в «Спартаке»-69 вместе оказались футболисты, рожденные друг для друга…»

Отметим, что «Спартак» в 1962 году стал чемпионом СССР, в следующем сезоне взял «серебро», после чего откатился назад: в 1964-м и 1965-м стал 8-м, в 1966-м — 4-м (в том году ни одна московская команда не смогла войти в число призеров), в 1967-м — 7-м. В 1968 году «Спартак» снова заиграл интересно и мощно, завоевав серебряные медали. Он отстал от чемпионов, киевских динамовцев, всего на 5 очков. Киевляне тогда были сильнейшими — их тренер Виктор Маслов сумел создать из команды боеспособный коллектив, который был нацелен исключительно на победу. Выиграть у киевлян тогда было крайне сложно. Тот же «Спартак» в 1968 году так и не сумел этого сделать (сыграл вничью 3:3 и проиграл 0:1).

Однако в сезоне-69 именно «Спартак» сумел дать настоящий бой киевлянам. Команды тогда были разбиты на две подгруппы, причем «Спартак» и киевское «Динамо» попали в разное. В итоге обе команды стали лидерами: киевляне набрали 28 очков, «Спартак» — 31. А в финальных играх спартаковцы сумели дважды победить киевлян — один раз дома (2:1) и один раз в Киеве, где динамовцы не проигрывали последние два года (1:0). В итоге «Спартак» взял «золото», набрав 43 очка (у киевлян было на четыре очка меньше).

И снова послушаем Е. Ловчева: «Мы, молодые неженатые парни, играли тогда не ради денег. Ветераны прошли уже этот этап романтичного восприятия футбола. Игрой в футбол они кормили свои семьи. И требовали с нас в игре. Разумеется, между нами и ветеранами «Спартака» поначалу была определенная дистанция. Но постепенно, к середине сезона-69 (благо победы шли одна за другой), мы стали сближаться. В то время в

«Спартаке» существовал такой обычай. На следующий день после игры мы всей командой шли париться в Сандуны. Массажист Слава Иванов рано-рано утром всех обзванивал по телефону. В бане мы пили пиво, обсуждали вчерашний матч, если кто-то напортачил в игре — ему выговаривали прямо в глаза, независимо от прежних заслуг. Потом всей командой шли в ресторан «София», что на улице Горького. Случалось, там и выпивали. Но не это главное. Все это в комплексе — баня, «София», откровенные разговоры — помогло нам создать в «Спартаке» настоящий коллектив…»

«Золотой» состав «Спартака» выглядел следующим образом: А. Кавазашвили, В. Лисицын, Г. Логофет, В. Иванов, С. Рожков, Е. Ловчев, Н. Абрамов, В. Рудь, В. Петров, А. Гребнев, Н. Киселев, В. Папаев, В. Калинов, В. Янкин, В. Амбарцумян, Е. Михайлин, Д. Силагадзе, Н. Осянин, Г. Хусаинов, В. Евлентьев, Г. Князев, В. Прибылов, И. Григорьев, С. Ольшанский.

Главным «забивалой» в том сезоне у спартаковцев стал Николай Осянин с 16 забитыми мячами. Далее шли: Хусаинов (12), Логофет, Киселев и Калинов (4), Янкин, Силагадзе и Рожков (2), Иванов, Папаев, Прибылов и Григорьев (1).

И снова дадим слово Е. Ловчеву:

«Капитаном и лидером был Хусаинов. Хорош был и Осянин, но Коля молчун, и мы признавали его за класс. Он в игре все умел, все правильно делал. Даже когда в 1974 году в интересах команды Осянина перевели на место «либеро», Николай поначалу страшно мучился, но к концу сезона стал лучшим «чистильщиком» в Союзе. Как-то Никита Симонян сказал об Осянине: «В то время более классного игрока у меня в «Спартаке» не было». Коля владел удивительным по силе и точности ударом.

Коля Осянин, возможно, не был на поле очень ярок, его фамилия реже появлялась в прессе, чем, к примеру, моя, но сколько важных для «Спартака» мячей он забил. Один только «золотой» гол осенью шестьдесят девятого в Киеве чего стоит! От того матча зависело все — победитель практически обеспечивал себе первое место. Киевляне буквально «душили» нас добрых полтора тайма: навес следовал за навесом, давление мы испытывали почти запредельное, но все же держались. Тут Коля подхватил мяч в центре поля и один (!) бросился на штурм киевских ворот. Проскочил мимо Сабо. Потом обыграл Турянчика и еще кого-то из динамовцев. Перед ним остался один Круликовский, задний центральный защитник киевского «Динамо». Осянин обводит Круликовского и мимо бросившегося к нему Рудакова посылает мяч в пустые ворота. Это был настоящий супергол!..»

После этого чемпионства Ловчев впервые был привлечен в состав сборной СССР. Всего же в той команде играло четыре спартаковца (трое других: А. Кавазашвили, Г. Логофет, Н. Киселев). Остальные игроки представляли: киевское «Динамо» (пятеро), тбилисское «Динамо» (четверо), ЦСКА (трое), московское «Динамо» (один). Однако слаженного коллектива все равно не получилось. А вышла какая-то смесь московского, грузинского и киевского футбола. Совсем не то, что годом ранее было в «Спартаке»: игроки сборной не разговаривали на поле на одном языке. Киевлянин Владимир Мунтян стремился играть роль дирижера. То же самое пытался делать и тбилисец Кахи Асатиани по прозвищу Князь, но они не дополняли друг друга, как Киселев, Папаев и Калинов в «Спартаке».

В составе сборной СССР Ловчев в 1969 году сыграл 7 матчей, из которых в четырех наши ребята одержали победу (над югославами, турками — дважды, ирландцами), один проиграли и две встречи свели вничью. Ни в одной из этих игр Ловчев голами не отметился.

Отметим, что жил он тогда в Алабушеве и домой после игр добирался на электричке вместе с болельщиками. И часто слушал, как они обсуждают игру спартаковцев. Один раз он не выдержал, подсел и начал расспрашивать об игре… Ловчева. И услышал нечто его поразившее: «Женька-то ничего, но вот есть у него брат Славка, играет раз в пять лучше, но пьет сколько!» Так Ловчев узнал, какие легенды ходят о спартаковцах. Кстати, сам он спиртным не злоупотреблял и даже не курил.

Тем временем летом 1970 года в Мексике состоялся очередной чемпионат мира по футболу. Группа у нас была нетрудной, и нашими соперниками были сборные Мексики, Бельгии и Сальвадора. Главными нашими соперниками считались бельгийцы, которых мы победили 4:1. Блестящий гол тогда забил Анатолий Бышовец. А вот игрой Ловчева тренер сборной СССР Гавриил Качалин остался недоволен, поэтому на игры с сальвадорцами и уругвайцами его не выпустил, предпочтя ему армейца Валентина Афонина.

Сборную Сальвадора наши футболисты прошли легко — 2:0. А вот с уругвайцами 14 июня 1970 года вышла осечка. Вот как об этом вспоминает Е. Ловчев:

«На матч с уругвайцами был выбран откровенно оборонительный план игры — с пятью защитниками (и это при том, что сборная Уругвая в предварительных играх забила всего два гола, причем оба в ворота аутсайдера своей группы и в четвертьфинал вышла только благодаря лучшей разнице мячей. — *Авт.*). Вязкая, тягучая игра шла до 116-й минуты.

Потом произошло нечто такое, что я и сейчас объяснить не могу. На нашей половине мяч уходит за лицевую линию. Его «страхует» Афонин. Рядом — форвард уругвайцев Кубилла, но позиция у него практически безнадежная. Внезапно Кубилла ложится на бок и фантастическим образом выгребает мяч в поле с линии ворот… У нас все, включая комментаторов и журналистов, решили, что мяч покинул пределы поля, но я честно скажу: момент был исключительно спорный, и неправильно будет думать, что судья тогда «сплавил» сборную СССР.

Недавно я просматривал видеозапись того матча и был просто ошарашен. До конца дополнительного времени — четыре минуты. Играют за выход в четверку. За медали играют, черт возьми! Но вот Кубилла завладел мячом, и что же? Афонин останавливается и поднимает руку! Капличный поднимает руку, Кавазашвили выключается из игры. Кубилла тем временем подает в нашу штрафную, и Эспарраго ударом головой поражает фактически беззащитные ворота…»

А вот что вспоминает другой свидетель тех событий — судья Марк Рафалов: «Шла 117-я минута. 0:0. Оставалось играть всего три минуты добавленного арбитром времени. На левом фланге форвард уругвайцев Кубильес обыграл нашего Афонина, послал мяч в штрафную, и Эспараго вколотил его в ворота Кавазашвили. Но за мгновение до этого, по мнению наших футболистов, Кубилла упустил мяч за линию поля. Мы наблюдали за игрой, сидя на трибуне у средней линии, и, разумеется, видеть ничего не могли. Но видели другие… Наши руководители и многие журналисты метали громы и молнии в адрес голландского рефери Ван-Равенса, обвиняя его в предвзятости. Их огорчение понять нетрудно: сборная СССР вынуждена была покинуть Мексику. Но ведь при здравом размышлении и так ясно: обладай арбитр даже скоростью гепарда, он физически просто не мог успеть к кромке поля, чтобы разглядеть, на сколько сантиметров мяч пересек (или не пересек) линию. Речь следовало вести не о судейских кознях, а о беспомощности рефери в подобной ситуации…»

Стоит отметить, что на том чемпионате судьи вообще ошибались слишком часто, что вызывало возмущение у многих спортсменов и журналистов. Тот же М. Рафалов вспоминает, что в отеле «Мария-Изабель», где дислоцировался директорат, было зафиксировано несколько случаев, когда разгневанные люди прижимали к стенке бывшего тогда президентом ФИФА Стэнли Роуза. Эти наскоки чрезвычайно его раздражали, поскольку он не считал себя виноватым в ошибках рефери. Он отвечал так: «Права и полномочия судьи определены интересами игры, причем

возможность той или иной ошибки включена в сферу этих интересов».

Таким образом, сборная СССР в третий раз завершила борьбу за мировое первенство на стадии четвертьфиналов.

Тем временем в чемпионате СССР 1970 года «Спартак» не мог похвастаться стабильной игрой. Казалось, команда сможет рассчитывать только на место в середине турнирной таблицы. Однако во втором круге последовал ряд удачных матчей, и красно-белые возглавили чемпионскую гонку. Но затем последовала провальная концовка чемпионата, которая позволила спартаковцам завоевать лишь бронзовые медали («золото» взял ЦСКА, обогнавший «Спартак» на 7 очков — 45 против 38, «серебро» — московское «Динамо»).

В Кубке СССР красно-белые тоже выступили неудачно, проиграв в четвертьфинале бакинскому «Нефтчи» (0:1).

Кроме этого, в сезоне-70 «Спартак» дебютировал в розыгрыше Кубка европейских чемпионов. В одной шестнадцатой финала красно-белые встретились со швейцарским «Базелем». В первой игре в Москве спартаковцы выиграли 3:2, причем вели после первого тайма 3:0, но потом успокоились и едва не упустили победу. А затем последовал провал на выезде, когда швейцарцы добились нужного им результата 2:1 и оставили «Спартак» за бортом престижного европейского турнира.

В 1971 году «Спартак» в первенстве СССР был уже шестым. На протяжении всего сезона «Спартак» не мог похвастаться хорошей игрой. Подкачали и новобранцы команды: Мирзоев, Егорович, Пискарёв, на которых возлагались большие надежды.

В Кубке СССР «Спартак» выступил гораздо лучше, хотя Ловчев тогда едва не сорвался. Это было после матча с алма-атинским «Кайратом», где красно-белые победили 1:0 в дополнительное время. У Ловчева в том сезоне стряслась одна напасть — стало ноги сводить. К концу матча так, бывало, прихватит, хоть зубами их отгрызай. И вот в том матче с «Кайратом» два тайма Ловчев еще продержался, а на дополнительный тайм сил уже не было. И он попросил Николая Киселева прикрыть его место на левом краю обороны. Сам же в середину пошел. А Киселев полузащитник и по привычке своей все вперед убегал, а в брошенной им зоне тут как тут появлялся Олег Долматов и с душой бомбил спартаковские ворота. Однако «Спартак» в итоге все-таки победил.

Но после игры в раздевалке к Ловчеву подошел Никита Симонян и выдал ему по первое число. Футболист молчал-молчал, а потом вскочил и бутсы в стену хрясть! Все! Больше в футбол не играю! Через день вся команда собралась в Тарасовке,

а Ловчев остался дома. На следующую игру, правда, приехал. Купил в кассе билет и весь матч просидел на противоположной от раздевалок трибуне. И к своим так и не зашел. Ночью не спал — ворочался. Думал. Вдруг звонок. Снимает трубку — Старостин: «Женя. Извини, что тревожу так поздно. Не спишь? Меня вот тоже сон не берет. Женя, скажи, известно тебе, что такое «Спартак»?» — «Известно, конечно, раз я в нем играю». — «Спешишь, Женя, спешишь, не все так просто. Вот послушай, что я об этом думаю…»

Спокойно, с расстановкой тренер толковал игроку о сути «Спартака», о том, сколько значит команда в жизни простых людей. И в конце сказал буквально следующее: «Ты можешь обидеться на Симоняна, на меня. Но пойми: Симонян и Старостин — это еще не весь «Спартак». «Спартак» — это значительно больше и глубже».

В итоге на следующее утро Ловчев взял вещи и поехал на тренировку в Тарасовку.

А тот Кубок СССР в 1971 году «Спартак» все-таки выиграл. В финале он играл с ростовским СКА. Тот матч выдался тяжелым для «Спартака». Проигрывая 1:2, спартаковцы смогли отыграться лишь на последней минуте (Геннадий Логофет). Матч закончился со счетом 2:2, что означало переигровку. Во втором матче «Спартак» одержал победу (1:0), став обладателем Кубка СССР 1971 года.

А вот в розыгрыше Кубка УЕФА со «Спартаком» случилась иная история. Начали они хорошо: в одной тридцать второй финала по сумме двух матчей переиграли чехословацкий клуб ВВС. Но в следующем раунде соперником «Спартака» стала португальская «Виктория», с которой он сначала сыграл вничью 0:0, а потом уступил с разгромным счетом 0:4. И вылетел из розыгрыша Кубка УЕФА.

По словам Е. Ловчева:

«Выигрывали мы в основном на эмоциях. Но я уже тогда чувствовал: из команды уходит дружба. Проверку на прочность поражениями мы не выдержали: каждый искал причины неудач в партнерах, а не в себе. Ну а в декабре 1971 года «Спартак» фактически развалился. Каким образом? Не секрет, что в то время многие советские футболисты подрабатывали тем, что продавали привезенные из-за рубежа вещи. Если в динамовских и армейских командах игрокам доплачивали за звание, если во многих профсоюзных командах тоже ухитрялись находить источники дополнительного финансирования, то в «Спартаке» была только ставка да премиальные. Вот почему поездки на матчи за границу были такими желанными. И вокруг многих ребят здесь, в Союзе,

уже крутился целый рой фарцовщиков. Они скупали оптом привезенный дефицит и не без выгоды перепродавали его дальше. Например, был хороший бизнес на грампластинках. За границей, особенно в Южной Америке, они стоили дешево — доллара три, а в Москве их можно было продать меломанам за 50 рублей и дороже. Что везли? Грампластинки Битлов, быстро ставшей популярной рок-группы Uriah Heep, Джими Хендрикса… Для себя большинство ребят привозило Тома Джонса. Товар номер два в мои игроцкие годы — мохер, пряжа такая. В Союзе в те годы она была чрезвычайно дефицитной.

Вот каким был наш бизнес-план. В Москве покупали доллары (он стоил четыре рубля, а в долларе было пять франков), в Париже меняли их на франки, затем на местной фабрике покупали мохер по цене один франк за моток, а в Москве сдавали оптом моток по 15 рублей, и за доллар выручали, получается, уже 75 рублей. Запутались в обмене валют? А у нас от зубов все эти подсчеты отскакивали! А ведь калькуляторов в те годы не было…

Со шмотками я не связывался, а пластинки иногда привозил. Но после 1972 года, когда меня признали лучшим футболистом страны, оставил это дело. Не хотел, чтобы трепали мое имя…»

Так называемый «мохеровый скандал» случился 7 декабря 1971 года. Именно в тот день «Спартак» вернулся в Москву из Парижа, где проводил серию товарищеских матчей. Некоторые спартаковцы решили совместить служебную командировку с нелегальным бизнесом и накупили в Париже мохера, чтобы на родине выгодно его продать. Судя по всему, спартаковцы делали так неоднократно и всегда подобное сходило им с рук (власти прекрасно были осведомлены о подобной практике и предпочитали закрывать на нее глаза). Однако периодически спекулянтов все-таки «трясли», дабы те не слишком «зарывались». Судя по всему, именно это и произошло в декабре 1971-го.

В Париже футболисты жили в гостинице вместе с музыкантами ансамбля под управлением Игоря Моисеева, и, вполне вероятно, именно кто-то из музыкантов донес на футболистов куда следует. В итоге на шереметьевской таможне спортсменам был устроен осмотр багажа с особым пристрастием. Первым вскрыли чемодан двадцатитрехлетнего хавбека Василия Калинова, а там мохеровые мотки были так плотно набиты, что они аж повылетали на пол. Та же картина обнаружилась и в чемоданах других футболистов.

В итоге скандал вышел грандиозный: в Спорткомитете решили не спускать это дело на тормозах и устроить выволочку по первому разряду. Было собрано партийное собрание, на котором провинившихся футболистов заставили дать объяснение

своему вопиющему поступку. Все начали каяться, юлить (мол, везли мохер женам, сестрам и т. д.), и только Калинов, простая душа, не стал лукавить и выложил как на духу: «Скоро же отпуск, деньги нужны будут, вот и хотел подзаработать…» В итоге его сделали невыездным, а через год он и вовсе вынужден был покинуть команду.

Позже будут ходить слухи, что инициаторами этого скандала были люди из московского спортобщества «Динамо», которые имели большой зуб на «Спартак». Якобы в прошедшем чемпионате СССР по футболу судьи специально засуживали столичное «Динамо» и таким образом отняли у него 7 очков, из-за чего команда не попала в тройку призеров. А поскольку в Федерации футбола СССР тогда было засилье спартаковцев и они могли влиять на судей, динамовцы именно красно-белых обвинили в своих бедах. И в декабре с лихвой отыгрались на них, разыграв «мохеровый скандал».

Итак, в сезоне-71 «Спартак» занял 6-е место, а год спустя — и вовсе провальное 11-е. Почему же это произошло? В начале того сезона из команды ушли сразу 11 футболистов, а на их место были приглашены новые игроки, среди которых было очень много молодых воспитанников клуба. Увы, но заиграть слаженно им не удалось, в результате «Спартак» вступил в полосу поражений, как дома, так и на выезде. Отсюда и такой удручающий результат, который у «Спартака» еще ни разу не случался. Правда, Евгений Ловчев именно в 1972 году был назван лучшим футболистом СССР.

Между тем у «Спартака» был шанс реабилитироваться в Кубке СССР. Он дошел до финала, где встретился с московским «Торпедо». Игра была упорной. Основное время матча закончилось вничью 1:1, после чего были назначены пенальти. Здесь удачливее были автозаводцы — 5:1. Короче, очередное поражение.

И все же спартаковцы сумели порадовать своих болельщиков в играх на Кубок кубков. Красно-белые прошли голландский клуб «АДО Ден Хааг» и испанский «Атлетико», но в четвертьфинале уступили итальянскому «Милану» (0:1 и 1:1). Однако победа над испанцами и равная игра с итальянскими футболистами были достойными результатами для москвичей.

В 1973 году в чемпионате СССР красно-белые сумели рвануть вверх. В том сезоне в регламент чемпионата были внесены изменения — отменили ничьи. Команды, сыгравшие матч вничью, должны были пробить серию пенальти, победителю в которой начислялось 1 очко, а проигравшему 0. Это придало чемпионату дополнительную интригу. А Ловчева довело до… скандала.

Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

В новом сезоне вместо Никиты Симоняна к рулю «Спартака» встал Николай Гуляев, бывший уже однажды тренером красно-белых. При новом тренере в составе уверенно заиграли молодые, перспективные игроки: Прохоров, Булгаков, Минаев. Вместе с этим уверенную игру демонстрировали ветераны команды: Ловчев, Папаев, Ольшанский, Киселев.

Скандал с Ловчевым произошел в разгар сезона. Вот как он сам об этом вспоминает:

«Умные головы, сидящие в Федерации, взялись найти противоядие договорным матчам. Думали-думали, наконец осенило: если основное время завершилось вничью, значит, дальше надо бить пенальти. Кто больше забьет — тому очко. На следующий год этот вердикт был усовершенствован до полного абсурда: если ничья, то бить по пять пенальти, если снова ничья — каждому по очку. Первая игра была у нас в Донецке с «Шахтером». Я — капитан. Закончили по нулям. Анатолий Коньков подходит: «Ну что, как бить будем?» — «Забиваем по три». Вот тут я договорник, да. Подхожу, значит, к ребятам: «Так, ты — забиваешь, ты — нет…» Гена Логофет бил последним — мимо, как и надо. Хорошо, по очку получили. В мае выходим на тбилисцев. Опять — 0:0. Опять пенальти. Кахи Асатиани подходит: «Как бьем?» — «По три в цель». — «Лады». Возвращаюсь к ребятам: «Так, ты — забиваешь, ты — нет. Гена, ты мимо». — «Жень, я в прошлый раз уже не забивал — все, хватит». Хватит так хватит, сам пробью последним.

Выхожу на точку: вот мяч, там — ворота, и надо сделать так, чтобы он в них не попал. Неприятное, скажу вам, ощущение. Не по себе как-то. В конце концов плюнул, разбежался и пульнул мяч к угловому. Стою, улыбаюсь, а все это крутят по телевизору — крупный план на всю страну… Кошмар! Скандал вселенский! В экстренном порядке собралась спортивно-техническая комиссия Федерации. Сидели, решали, какую бы кару Ловчеву дать. Большинство склонялось к дисквалификации. Старостин в Тарасовку приехал: «Дела скверные, очень!» — «Ладно, — говорю, — я им тоже жизнь устрою. В суд подам: нервный срыв на почве пенальти. Пусть расхлебывают». Но обошлось… А пенальти эти идиотские были отменены…»

В итоге по сравнению с предыдущим сезоном в чемпионате-73 «Спартак» выступил удачно, заняв 4-е место и обеспечив себе участие в еврокубках. А чемпионами тогда стали футболисты ереванского «Арарата», набравшие 39 очков.

Ловчева продолжали привлекать и к играм за сборную СССР. Так, если в 1971 году это произошло трижды, то в 1972-м он

одиннадцать раз надевал майку сборной СССР, в 1973-м — десять раз. Правда, голами наш герой так и не отметился. Зато он стал бронзовым призером летних Олимпийских игр в Мюнхене (3-е место заняли сборные СССР и ГДР), а также сыграл в прощальном матче знаменитого игрока сборной Бразилии Гарринчи на стадионе «Маракана». Это случилось в декабре 1973 года, когда сборная СССР совершала турне по Южной Америке.

Вспоминает Е. Ловчев:

«После игры в Натале мы переехали в Рио-де-Жанейро, где бразильцы как раз завершали подготовку к прощальному матчу Гарринчи. Там, в Рио, я познакомился с Игорем Горанским, корреспондентом Гостелерадио по странам Латинской Америки. Он-то мне и сказал, что организаторы праздника хотят пригласить в сборную мира, которой предстояло сразиться на «Маракане» со сборной Бразилии, и нескольких советских футболистов. Так и случилось: в сборную мира включили Сергея Ольшанского, Володю Онищенко и меня. Правда, за сборную мира, кроме советской «тройки», играло мало европейцев, но команду подобрали неплохую из латиноамериканцев. Тот матч оставил у меня не менее яркие воспоминания, чем мое участие в чемпионате мира 1970 года и двух первенствах Европы.

Чествование Гарринчи продолжалось около шести часов. После этой трогательной церемонии судья возобновил матч. Первый тайм сборной мира противостоял чемпионский состав бразильцев образца 1970 года. А в нападении за «мировую» команду действовал, и очень неплохо, Владимир Онищенко. Вот он как раз и вышел на поле против Пеле и Гарринчи. «Великий хромой», как величали бразильца, конечно, был тогда далек от своей лучшей игры, которой поразил весь мир в 1958 и 1962 годах. Действовавший против него левый защитник из Аргентины специально действовал неплотно, чтобы кудесник мог показать зрителям хоть что-то из своего арсенала. Но когда Гарринчу на 20-й минуте проводили, игра стала по-настоящему азартной и упорной… Потрясающий гол забил Пеле. Он обыграл пятерых в нашей штрафной и сравнял счет.

В перерыве мы с Ольшанским пошли переодеваться — мы выходили на поле во втором тайме. Я обратил внимание, что в раздевалке на шкафчиках для одежды наклеены изображения «Золотой богини». Так на «Маракане» метят шкафы, в которых переодевались в свое время чемпионы мира. Мне достался шкаф с двумя богинями — раньше он принадлежал легендарному Диди, двукратному чемпиону мира. Во втором тайме против нас играл уже более молодой состав бразильцев — тот, что выступал на чемпионате мира 1974 года. Там тоже были великолепные

исполнители. Бразилец Жаирзиньо забил в ворота сборной мира еще один мяч, и мы проиграли — 1:2…»

В том же 1973 году в еженедельнике «Футбол-хоккей» появилось большое интервью Ловчева, которое он дал журналисту Е. Шмитько. Приведем из него некоторые отрывки.

«**Шмитько.** Расскажите, пожалуйста, подробнее, что значит «разрушить»?

Ловчев. Я много работаю над скоростью, считаю, что скорость — мой конек. Я просто бегу чуть сзади крайнего нападающего, не пускаю его в центр, думаю: «Беги себе по краю, я всегда тебя догоню… или в крайнем случае выбью мяч в аут». Тут моя задача — просто выбить мяч.

А при аутах, когда мяч летит вдоль бровки, стараюсь сыграть наперехват, иду на опережение. За что и достается от соперников в каждой игре. Опередил — и сразу чувствуешь толчок сзади или что-нибудь похуже. А что делать, если моя игра в основном на перехвате? Вот говорят: тактика мелкого фола. Я глубоко убежден, что мне от нападающих перепадает значительно больше, чем им от меня. Приходится терпеть. Пока в высшей лиге ни один судья ни разу не показывал мне желтую карточку. Но, честно говоря, когда бьют, сдерживаться становится все труднее и труднее. Иной раз требуется огромное усилие воли, чтобы не вспылить и не ответить футбольному хулигану. Особенно когда при явной грубости почему-то молчит судейский свисток…

Шмитько. А как вы решаете задачу создания ответной атаки?

Ловчев. Что такое создание, или, как принято говорить, созидание, атаки? Это когда защитник получил мяч и быстро отдал его своему полузащитнику или сразу нападающему. В принципе так оно и должно быть. Но вот нападающие разобраны, их плотно опекают. Есть ли смысл отдавать им пас? Увидев, предположим, что Редин освободился от опеки, я ему, конечно, тут же обязан отдать мяч. Но защитник, глядишь, снова рядом. Можно ли такой мой пас считать созиданием? Вот почему стараешься пройти с мячом это же расстояние на скорости. Появляется, во-первых, лишний игрок, во-вторых, Редина не цепляют, и, в-третьих, выиграно время. Конечно, тут все зависит от ситуации, и подключаться в атаку нужно обдуманно.

Сейчас у большинства крайних защитников вошло в привычку эпизодически превращаться в крайних нападающих. При все возрастающей универсализации крайних защитников этого требуют обстоятельства, и в большинстве других клубов так и поступают. Иное дело у нас, в «Спартаке». Попробую объяснить. Защитник впереди обязан быть нападающим и атаковать без оглядки на свои ворота. Здесь взаимозаменяемость играет

решающую роль. Я не должен волноваться, что сзади на моем фланге пусто. В этом отношении может служить примером полузащитник «Зари» Виктор Кузнецов. Как только защитник идет вперед, он сразу же занимает его фланг. В «Спартаке» же все любят атаковать. Булгаков, Папаев больше думают о наступательных действиях, чем об обороне. Даже Киселев не всегда находится в зоне Логофета, когда правый защитник уходит вперед.

В последнее время меня нередко упрекали и тренеры и обозреватели, что я слишком увлекаюсь вылазками вперед. Называли это чуть ли не самоуправством. Не могу с этим согласиться. Сегодня у «Спартака» не такое уж мощное нападение, и, когда впереди «не клеится», считаю, что своими рейдами через все поле к чужим воротам могу помочь нападающим. Ну скажите, как же еще зажечь в них желание играть острее, злее?! Не могу забыть прошлогодний ответный кубковый матч с «Атлетико», когда мне удалось дойти почти до углового фланга и сделать подачу во вратарскую площадку испанцев. И я горжусь, что именно с моей подачи Хусаинов тогда забил гол, который был так нужен «Спартаку».

Шмитько. По-моему, вы и сами забили несколько мячей в играх на первенство и Кубок страны?

Ловчев. Кому же из игроков не приятно забивать голы? Но в завершении атак я, к сожалению, еще не все использую. Вот если бы у меня был удар как у Осянина… Но я все же стараюсь приблизиться к чужим воротам, проникнуть в штрафную за счет «стенки», которую мы всегда разыгрываем с Володей Рединым. Мы с ним вообще очень хорошо чувствуем друг друга. Но чаще бывает так: сыграв с ним в «стенку» и выйдя вперед, создав у соперника уверенность, что буду бить по воротам, в последний момент отдаю вновь мяч Редину.

Шмитько. Как вы перенесли бремя звания лучшего футболиста года, что хотели бы пожелать друзьям-соперникам?

Ловчев. Счастливыми были для меня те новогодние дни, когда вышел еженедельник с этим радостным известием. И все принялись хвалить, поздравлять. Зато потом уж не простили ни одной ошибочки… А что касается пожелания, то могу сказать, что мне очень понравился ответ на этот же вопрос лауреата 1969 года Владимира Мунтяна. Он пожелал тогда друзьям-соперникам быть немного доброжелательнее друг к другу.

Вот и я хочу еще раз пожелать это».

Сезон 1974 года «Спартак» начал более чем уверенно, обыграв сразу нескольких фаворитов: тбилисское «Динамо» (1:0), действующего чемпиона ереванский «Арарат» (1:0) и киевское

«Динамо» (2:0). Однако именно последние в итоге сумели перебежать дорогу красно-белым. В повторном матче киевляне победили спартаковцев 1:0, и эти очки оказались решающими. Чемпионом стало киевское «Динамо», обогнавшее «Спартак» на одно очко (40 против 39).

Кстати, «Спартак» в том сезоне пропустил меньше всех мячей — 23 (у тех же киевлян значились 24 пропущенных мяча), за что вратарь красно-белых Александр Прохоров был назван лучшим вратарем первенства.

Кроме «золота» чемпионата СССР спартаковцы упустили Кубок страны, проиграв на подступах к финалу ворошиловградской «Заре». А также неудачно выступили в Кубке УЕФА, уступив уже в первом раунде югославскому «Вележу».

В сборной образца 1974 года Ловчев провел всего лишь три игры: против югославов (1:0), чехословаков (0:1) и ирландцев (0:3). Голами герой нашего рассказа в этих играх не отметился. Впрочем, неудачной можно было назвать игру всей нашей сборной в том сезоне. В последних матчах 1973 года она ни разу не добилась победы и лишь дважды сумела завершить матчи вничью. Таких провалов у нашей сборной еще не бывало. В итоге пришлось менять старшего тренера — вместо Е. Горянского пришел К. Бесков из московского «Динамо». Однако и этому высококлассному специалисту не удалось переломить ситуацию к лучшему, о чем свидетельствовали три упомянутых выше матча, где сборная СССР сумела одержать всего лишь одну победу. Кстати, именно тогда между Ловчевым и Бесковым впервые пробежала черная кошка, которая чуть позже сыграет свою роль в их взаимоотношениях.

Вспоминает Е. Ловчев:

«Бесков еще в 1972 году приглашал меня в «Динамо». Я отказался. Через два года, когда он уже работал со сборной СССР, мы проиграли Чехословакии (0:1) в Одессе, и у нас с ним был на базе очень резкий разговор. Я тоже вспылил: «Больше прошу вас меня в сборную не вызывать. Считаю, что еще не дорос до ее уровня». А он вывернул все это так, будто я отказался защищать честь советского футбола на международной арене. Тогда я поклялся (сам себе): в чемпионате страны буду играть за «Спартак» так, что они сами пригласят меня в сборную на октябрьский отборочный матч первенства Европы с ирландцами в Дублине. Пахал в тот год на тренировках, как никогда! И добился своего — вернули в сборную, а ребята в пику тренеру выбрали меня ее комсоргом.

Но после одного эпизода в Дублине я Бескова, честно говоря, даже зауважал. Со сборной тогда на матч с Ирландией поехал

начальник Управления футбола Зенченко. Мерзкий тип! Помню, вечером, после нашего проигрыша (0:3), он, пьяный, валялся в гостинице и кричал: «Ребята, в Москве сходите в Спорткомитет! Попросите, чтобы меня не выгоняли…» А на следующий день он выдавал футболистам суточные и Володе Пильгую, который накануне пропустил три мяча, швырнул банкноты по-хамски, дескать, на тебе, как и ты вчера отстоял. Видя такое, я пошел к Бескову: «Константин Иванович, что этот человек себе позволяет?» Бесков тут же зашел в номер Зенченко и поставил хама на место…»

В чемпионате СССР 1975 года «Спартак» выступил провально — занял 10-е место (из 16 команд), набрав 28 очков (у чемпионов страны, киевских динамовцев, было 43 набранных очка). А также упустил Кубок страны, проиграв на подступах к финалу ташкентскому «Пахтакору».

Гораздо лучше красно-белые проявили себя на международной арене — в Кубке УЕФА. Победив шведский АИК, они дважды обыграли западногерманский «Кельн» (2:0 и 1:0) и в одной восьмой финала встретились с итальянским «Миланом». И в первой же игре (на выезде) были разгромлены со счетом 4:0. В итоге, чтобы пройти дальше, спартаковцам надо было у себя дома забивать пять безответных мячей, что было делом практически невыполнимым. В результате «Спартак» сумел забить только два «сухих» мяча и вылетел из розыгрыша. Как показало будущее, этот вылет был предвестником другого вылета — из чемпионата СССР.

Несмотря на неровную игру «Спартака» в том году, из него продолжали вызывать игроков в сборную. Правда, игрок был один — наш герой Евгений Ловчев. К тому времени на тренерском мостике национальной команды произошла очередная пертурбация — вместо Константина Бескова пришел Валерий Лобановский из киевского «Динамо». Он укомплектовал команду на 90 % игроками своего клуба. Из других команд более или менее регулярно в сборную призывались герой нашего рассказа Ловчев («Спартак»), Владимир Федоров из ташкентского «Пахтакора», Леонид Назаренко из ЦСКА. По словам Ловчева:

«Лобановский потому меня и вызывал, что я подходил под его концепцию игры, включавшую в себя быстрых мобильных крайних защитников, часто подключающихся в атаку. А психологически… Ответственность чувствовал огромную. Ведь понимал, что в Москве, например, многие болельщики настроены против киевлян, а потому в играх сборной СССР болеют лично за меня. Значит, подкачать права не имею. И помню, когда мы выиграли в конце 1975-го в Швейцарии и я организовал

решающий гол Мунтяна, с какой гордостью спартаковские болельщики потом об этом говорили…

К знаменитым нагрузкам Лобановского я привык, хотя однажды все-таки потерял сознание. Это было в горах. Мы в очень жестком режиме занимались на тренажерах, и в какой-то момент мне, видимо, не хватило воздуха. Слава богу, обошлось без последствий…»

Ловчев в сезоне-75 сыграл за сборную в восьми матчах. Результаты у нашей команды были более чем блестящие — семь побед и одна ничья (с югославами). Правда, голами наш герой не отметился (все мячи забивали киевляне).

В 1976 году, в связи с переходом всесоюзного чемпионата на схему осень — весна (чтобы учесть интересы сборной, готовящейся принять участие в четвертьфинале первенства Европы, а также в футбольном турнире XXI Олимпийских игр), было проведено два усеченных чемпионата. Весенний розыгрыш «Спартак» начал с пертурбаций на тренерском мостике: был снят со своего поста главный тренер Николай Гуляев, а на его место пришел Анатолий Крутиков (его помощником стал Галимзян Хусаинов).

Как вспоминал Н. Старостин: «Более всего подводила Крутикова чрезмерная самоуверенность. Создавалось впечатление, что он решительно настроен произвести реорганизацию с помощью одного лишь топора. И началась обычная в подобных случаях чехарда с составом, что дается всегда легче. Пошли рискованные замены и перестановки без необходимых в такой ситуации осторожности и такта. Казалось, что старший тренер, не желая никого слушать (вот он, диктат!), вознамерился одним махом преобразить «Спартак», сотворить что-то вроде чуда, благодаря чему сразу показать себя сильной личностью, утвердиться в числе лучших тренеров страны. «Спартак» сделался как бы ставкой азартного, слепо верящего в удачу человека. И ставка эта была бита…»

Кстати, с назначением новых тренеров закатилась звезда самого Николая Старостина, которого заставили уйти с поста начальника команды, назначив вместо него Ивана Варламова (и это притом, что Николая Петровича в команде называли не иначе как Чапай, за то, что он мог, как и легендарный комдив, повести за собой коллектив). Причем «ушли» Старостина со скандалом. Случилось это сразу после игры «Спартак» — «Милан» на Кубок УЕФА. Перед полетом в Италию, в аэропорту, три спартаковца были задержаны на таможне с валютой. Старостин бросился улаживать конфликт, взял всю вину на себя и добился-таки, чтобы всех трех «валютчиков» выпустили из страны. Однако

«Спартак» бездарно проиграл игру со счетом 0:4, и это поражение дорого стоило Старостину, у которого было достаточно врагов в профсоюзах. В итоге Чапая отправили в отставку. Часть игроков команды попыталась заступиться за него перед секретарем ВЦСПС Богатиковым (это были «старики» во главе с Евгением Ловчевым), но их поход завершился неудачей. Тогда Ловчев предложил всем «старикам» написать заявления об уходе. Но те испугались (смелыми оказались только сам Ловчев и Михаил Булгаков).

Кроме тренерских перестановок были внесены изменения и в игровой состав «Спартака». Ушли два вратаря, завершил карьеру ключевой защитник Геннадий Логофет, ушел Николай Писарев, а Николай Осянин надолго выбыл из строя из-за травмы. Вместо ушедших игроков в «Спартак» были приглашены новички: Олег Романцев и Вагиз Хидиятуллин. Но замены оказались неравноценными.

В весеннем чемпионате 1976 года «Спартак» с самого начала плелся в самом хвосте, поражая своих болельщиков необыкновенно тусклой игрой. Расплата не заставила себя ждать: на игры команды стало приходить минимальное количество зрителей (например, за матчем против «Зари» наблюдала всего лишь одна (!) тысяча зрителей). И уже в весеннем розыгрыше «Спартак» опозорился, заняв 14-е место (из 16 команд) и едва не вылетев в низший дивизион, опередив двух других аутсайдеров всего на несколько очков: «Локомотив» на одно очко, ворошиловградскую «Зарю» на два очка.

Помимо этого, «Спартак» вылетел из Кубка СССР, проиграв команде из первой лиги — симферопольской «Таврии». Это были серьезные «звоночки» для красно-белых, которые они, как покажет уже ближайшее будущее, не услышали.

Много шишек в ту пору свалилось на голову Ловчева, который был капитаном команды. Дело дошло до того, что тренер Крутиков принял решение лишить Ловчева капитанской повязки, для чего созвал общее собрание команды. Но вышла неувязка. Внезапно встал человек, которому больше всех от Ловчева доставалось, — нападающий Юра Пилипко, и говорит: «За что вы его так, он же хочет как лучше!» И все спартаковцы один за другим стали высказываться в поддержку капитана. Воспитательное мероприятие было сорвано, а Ловчев был растроган до слез.

Между тем, несмотря на трудности, которые выпали на долю «Спартака», у большинства его поклонников и в мыслях не было, что в осеннем первенстве все обернется для их любимой команды подлинной катастрофой. Тем более что в межсезонье «Спартак»

сумел реабилитироваться. Он умудрился выиграть международный турнир в Пальма-де-Майорке, где победил английский клуб «Куинз парк рейнджерс» (3:0) и сгонял вничью с самой «Барселоной» из Испании (2:2). Но, вернувшись домой и вступив в чемпионат, вновь стал не похож сам на себя. Обстановка в команде ухудшалась с каждым днем. О том, какой она была, наглядно показывает случай с Олегом Романцевым. Как мы помним, он был приглашен в «Спартак» летом 76-го из красноярского «Автомобилиста» и был на хорошем счету у тренеров. Во всяком случае, А. Пискарев в своем интервью «Вечерней Москве» за три дня до начала осеннего первенства сказал: мол, мы верим в Романцева и других молодых игроков. Как вдруг вскоре после начала чемпионата Романцев принимает решение покинуть именитый клуб. Много позже он сам раскроет тайну этого ухода:

«Коллектив в «Спартаке» был не таким хорошим, как мне бы хотелось. Он очень сильно отличался от тех, в которых я играл в Красноярске как в баскетбольной, так и в футбольной команде. В то время в «Спартаке» было два лидера, фамилий называть не буду (один из них герой нашего рассказа — Евгений Ловчев. — *Авт.*), да это и не нужно. Они ненавидели друг друга, даже по утрам не здоровались, и каждый из них пытался перетянуть в свою группу большинство игроков. И, как назло, поддерживающих ту и другую кандидатуру, оказалось равное количество. На тренировках иногда доходило до того, что противники, если так можно назвать, уходили в крови. Эта атмосфера мне ужасно не нравилась, поэтому я запирался в комнате и читал. Но покоя практически не было, так как и я должен был принять чью-либо сторону. Соответственно, то одни приходили и приглашали посидеть чаю попить, то другие — музыку послушать. Но я говорил: «Нет, ребята, мое дело — тренироваться и хорошо играть, а вы уж сами в этой ситуации разбирайтесь». В общем, я не общался ни с теми ни с другими. А потом взял и уехал…

Проснулся в шесть утра, разбудил Витю Папаева (мы жили с ним в одном номере), попросил его передать бутсы, которые я получил в «Спартаке», собрался и уехал. А чтобы меня где-нибудь не перехватили и не вернули назад, купил билет на поезд. Трое с половиной суток я ехал домой. С какого-то полустаночка отправил матери телеграмму, в которой сообщил, что жив-здоров, еду домой на поезде, но ты всем говори, что не знаешь, где я. Пока ехал, в Красноярск прилетали из «Спартака», чтобы забрать меня обратно, но не тут-то было! Возвратившись домой, стал играть в «Автомобилисте». Ну и естественно, когда звонили из

«Спартака», говорил, что не вернусь, что мне хватит высшей лиги, что могу играть только в команде. В тот момент мне не показалось, что «Спартак» был командой в полном смысле этого слова. Но не подумайте, что я сбежал из команды, как крыса с тонущего корабля. За «Спартак» я играл в первом круге, команда шла где-то пятой, так что и речи быть не могло, что она вылетит из высшей лиги…»

А теперь послушаем Е. Ловчева:

«Старостин и Бесков не любили друг друга. Бесков нехорошо относился к «Спартаку». И вот играет олимпийская сборная в Югославии. Прилетели в Белград, пошла отоварка — а что-то не так пошло, и сыграли 0:0. Бесков на разборе распалился и вдруг начал: да вы, спартаковцы, рвачи, а вот у меня в «Динамо» такого никогда… И тут Николай Петрович говорит: что ты несешь? Что плохого в том, что ребята пойдут, своим женам, детям, родным купят вещи, которых нет у нас в стране? Назрел конфликт. Никита Павлович Симонян увел нас: ребята, свободны.

В тот же год у нас турне. В Германии вратарь Елизаров из «Торпедо» и Валерка Андреев идут с пакетами в гостиницу — а был закон в день игры по магазинам не ходить. У входа сидят Бесков, Старостин и Гуляев. Все, попались. Бесков говорит: «Николай Петрович, я же вам говорил. Вот так они готовятся к играм». Чапай (Старостин) встает и говорит: «Валерий, куда ходили? Что купили?» — «Часы». — «Ого! Хорошие часы! Покажи, где купил»…»

К ноябрю 1976 года ситуация в «Спартаке» стала по-настоящему аховой. И спасти команду от вылета могло лишь чудо. Но оно не случилось, поскольку враги команды сделали все возможное, чтобы отправить именитый клуб в низший дивизион. О том, что это был настоящий заговор, говорят результаты последнего тура чемпионата, состоявшегося 13 ноября. В тот день «Спартак» встречался в Киеве с лидером чемпионата — тамошним «Динамо» — и проиграл 1:3 (набрал всего 13 очков и занял 15-е место). Однако шансы остаться в высшей лиге у него еще были, если бы из пяти его оппонентов проиграл хотя бы один или кто-то из трех сыграл вничью. Но ничего подобного не случилось. Даже земляки не помогли красно-белым. «Торпедо» (чемпион осеннего розыгрыша в 1976 году) и «Локомотив» играли на выезде — первый против ереванского «Арарата» (ему тоже грозил вылет в случае поражения), второй — с донецким «Шахтером» — и, как будто нарочно, проиграли с минимальным счетом 0:1 (торпедовцам достаточно было сыграть вничью и тем самым спасти «Спартак» от вылета). Другой столичный клуб — ЦСКА — проиграл «Днепру» и тоже спас его от вылета. Хотя этот результат

вполне закономерен: армейцы издавна считались принципиальными врагами «Спартака».

О причинах того провала рассказывает сам Е. Ловчев:

«Из всех этих «перспективных ребят» только один Саша Минаев стал потом в футболе заметной фигурой, играл за сборную. Кстати, к тому времени он уже перешел в «Динамо». Понимаете, закончили играть Хусаинов, Осянин, Логофет, а им на смену пришли футболисты невысокого уровня. Я имею в виду не только то, как они били по мячу, а их характер. Они не способны были «рвать» за «Спартак»! А тут еще, к нашему несчастью, из команды убрали Старостина…

Это был странный чемпионат. Еще за четыре тура до финиша журналисты вывели алгоритм договорного футбола, кто кому может отдать очки. Тогда стало ясно: если несколько команд договорятся друг с другом — «Спартак» вылетает. В последнем туре московские торпедовцы, обеспечившие себе уже чемпионское звание, играли в Ереване, «Спартак» — в Киеве. Мы опережали тогда «Арарат» на очко, и, если бы автозаводцы сыграли даже вничью, «Спартак» оставался в высшей лиге — при равенстве очков с «Араратом» наши показатели были лучше. Но «Торпедо» отдало матч в Ереване. Я знаю, что говорю, убежден: торпедовцы «сдали» тогда «Спартак». И мы вылетели…»

Между тем страсти после вылета «Спартака» разгорелись нешуточные. Поскольку армия болельщиков у этой команды была чуть ли не самой большой в стране (команду не случайно называли народной), этот вылет не мог никого из них оставить равнодушным. В Спорткомитет СССР со всей страны посыпались письма, в которых люди буквально умоляли вмешаться в ситуацию и позволить «Спартаку» остаться в высшем дивизионе. При этом выдвигались вполне резонные аргументы. Чемпионат в этом году носил экспериментальный характер: был разбит на два турнира — весенний и осенний, причем команды, проигравшие первый турнир, высшую лигу не покидали, а те, кто занял два последних места в осеннем, — вылетали.

Кроме этого, в весеннем чемпионате большие уступки были сделаны киевскому «Динамо» и ряду других команд, которые делегировали своих игроков в национальную сборную и участвовали в еврокубках, а остальные команды вынуждены были играть без каких-либо поблажек. Поэтому болельщики «Спартака» и просили пойти их команде навстречу и позволить остаться в высшей лиге. Конечно, народная команда во многом сама была виновата в случившемся, но несомненно, что случись нечто подобное с другими столичными командами — ЦСКА или «Динамо», — их бы стопроцентно «отмазали» от участи играть в

низшем дивизионе. А все потому, что за их спинами стояли весьма влиятельные люди: генсек Л. Брежнев поддерживал ЦСКА и «Днепр», глава МВД Н. Щелоков — «Динамо». «Спартаку» же помочь было некому, поэтому тысячи писем, которые обрушились на Спорткомитет, так и не принесли положительного результата — гранд отечественного футбола, который девять раз становился чемпионом страны, вынужден был покинуть высшую лигу.

Из-за неудачной игры «Спартака» Ловчев потерял место в сборной СССР. Правда, в начале сезона его еще вызывали, и в период с марта по май 1976 года он сыграл за сборную СССР четыре матча. В них наша команда потерпела два поражения, одну игру выиграла и одну свела вничью. Летом сборная СССР приняла участие в летних Олимпийских играх в Канаде (наши футболисты взяли «бронзу»), но Ловчева туда не взяли. Почему? Вот как он сам вспоминает об этом:

«Тот 1976 год получился необычным. Первенство разделили на весеннее и осеннее, причем киевляне в первом участвовали вторым составом, а основной под флагом сборной играл в международных соревнованиях. Я тоже был в его числе. Никакой пользы все это не принесло — и киевляне, и сборная проиграли все, что могли. Одновременно в весеннем первенстве начал валиться «Спартак». Я не мог себе позволить смотреть на это со стороны и в один момент подошел к Лобановскому и попросил отпустить меня в клуб, где я и подготовлюсь к Олимпиаде. Он, наверное, такую постановку вопроса не воспринял и потихоньку начал меня от сборной оттеснять.

О том, что не еду в Монреаль, узнал за три дня до вылета от… болельщиков. Вместо меня был взят Давид Кипиани, которому, в свою очередь, тоже ни разу не дали выйти на поле…»

Когда осенью 1976 года «Спартак» вылетел из высшей лиги, в редакции газеты «Неделя» состоялся круглый стол, куда были приглашены все футболисты «Спартака», однако пришли лишь пятеро: капитан команды Евгений Ловчев, Виктор Папаев, Михаил Булгаков, Владимир Букиевский и Александр Кокорев. Приведем эту беседу в несколько сокращенном варианте.

«**Ловчев.** Двадцать четыре часа в сутки каждый из нас думает: доигрались… Как жить, как играть дальше?!

Булгаков. Стыдно на улицу выходить. Сразу окружают несколько человек, спрашивают: «До чего же вы довели «Спартак», как могли уронить славу и честь клуба?»

Ловчев. Справедливо спрашивают. То, что произошло, закономерно. Все к этому шло. Было сперва десятое место, затем четырнадцатое, а теперь и пятнадцатое… Все абсолютно справедливо. Мы это заслужили. «Спартак» жалко. Игроков —

нет!

Папаев. А ведь мы могли одно время бороться даже за призовое место. Одна победа — и мы попали бы в десятку команд. Моментов взять эти спасительные два очка у нас было предостаточно. И если бы не проиграли тот злополучный матч с «Черноморцем», когда почти в самом конце игры Николай Осянин поскользнулся, упал, упустил мяч и нам забили гол… Вообще, этот чемпионат каким-то странным получился, у одних команд семь игр на чужих полях, у других — восемь. Но и не это главное. Вспоминаю наше мажорное турне по Испании: у английского «Куинз парка» выиграли 3:0, с «Барселоной», за которую выступали Круифф и Неескенс, сыграли вничью. После этого, после побед над ЦСКА и «Локомотивом» у нас было прекрасное настроение.

Булгаков. Нет, ты не прав! Ты и сейчас пытаешься себя успокоить: мол, и там выиграли, и тут неплохо шли, календарь виноват: у одних семь игр на чужом поле, у других — восемь… Смешно слушать! «Мы могли бы бороться за призовое место»? Ты что, в самом деле не заметил, как у нас в этом сезоне только пять-шесть человек по-настоящему играли? А остальные только подыгрывали! Не горели, не волновались, не болели за общее дело. Эти остальные, по существу, не спартаковцы! Им, этим остальным, бороться за победу было неохота, хлопот много. А в современном футболе так нельзя: если хоть один выпадает из ансамбля, прочим десяти трудно приходится. Так что будем-ка самокритичны. Игры, особенно последние, «Спартак» проводил безвольно, кое-как, спустя рукава.

Ловчев. Почему, например, мы проиграли в Киеве? Потому что многие игроки у нас больше о себе думали, чем о «Спартаке». Например, Гладилин встал в «стенку», которую выстраивают для защиты от штрафного удара. Встать-то он встал, но в момент удара отвернулся от мяча: как бы в лицо не попал, больно будет. Отвернулся, и мы из собственной «стенки» получили гол. Игрок высшей лиги такое делать права не имеет.

Папаев. Да, положа руку на сердце, это так. Как у нас многие относились к тренировкам? «Хи-хи, ха-ха». Побывали бы вы у нас в Тарасовке, увидели бы: чтобы после тренировки кто-нибудь остался на поле поработать с мячом, как это раньше делали Осянин, Киселев, Кавазашвили… Они оттачивали технику, разыгрывали комбинации, били по воротам. А в сезоне семьдесят шестого — кончалась тренировка, и через минуту никого на поле не оставалось.

Ловчев. Многие молодые ребята, пришедшие недавно в команду, равнодушны к ее доброму имени, к ее славе. И ни

тренеры, ни старожилы «Спартака» повлиять на них были не в силах. Кого только набрали под прославленное красно-белое знамя…

Букиевский. Зрители видели на поле во время матчей игроков в спартаковских футболках, но это не была команда «Спартак». Бесконечно варьировался состав, выступали то на одних, то на других местах. Полная неразбериха с составом. Часто из-за этого готовы были к поражению еще до начала матча. Такая чехарда не могла не сказаться на игре и ее результатах…

Булгаков. Опыт тренеров Крутикова и Хусаинова невелик и невесел. Команда нальчикского «Спартака» была под их водительством доведена до грани вылета из первой лиги, а затем под именем «Эльбрус» эту грань все-таки пересекла вполне закономерно. Так логично ли тренерам, только что провалившим одно дело, сразу же поручать другое, более сложное и ответственное? Крутиков и Хусаинов, безусловно, любят «Спартак». Но это, так сказать, «странная» любовь. От игроков их, особенно старшего тренера, словно стена отделяла. Возражений Анатолий Федорович не терпел, крут и грубоват, прямо скажем, чересчур. Мы для него были фигурками на зеленой доске: захотел — снял фигурку, захотел — выставил куда вздумалось…

Папаев. И все же я считаю, что в нынешнем провале команды виноваты прежде всего игроки. При любых тренерах, хороших или не очень, мы обязаны были играть в полную силу. Конечно, у тренеров наших не было постоянства во взглядах, даже к одному и тому же игроку их отношение менялось по нескольку раз, что уж тут говорить о концепции игры, которой, по-моему, просто не было как таковой…

Ловчев. Главное, что должны были сделать тренеры, — это организовать игру. И настраивать игроков на каждый матч как на решающий. Этого-то они и не делали. Педагогика — искусство, доступное далеко не каждому. Сколько нервов испортили команде неуверенность, непоследовательность, неопределенность в решениях наших менторов 1976 года! Поймите, я, как и другие наши футболисты, совсем не против них лично. Они хорошие люди, они желают добра «Спартаку», искренне ему преданны, они хотели как лучше. Но должно же быть в тренерах команды мастеров что-то действительно тренерское, педагогическое, стратегическое…

Папаев. Мы откровенно завидуем торпедовцам. За ними — многотысячный коллектив известного всей стране объединения Автозавод имени Лихачева. ЦСКА — команда Вооруженных сил. «Динамо» — МВД, КГБ. У «Шахтера» шефы — весь Донецкий угольный бассейн, у «Зенита» — Ленинградское оптико-

механическое объединение, у «Черноморца» — морское пароходство. Словом, у каждой команды есть заботливые хозяева, только не у «Спартака».

Ловчев. Вот послушайте, что написано в справочнике: «Общество «Спартак» объединяет работников коммунальных предприятий, бытового обслуживания, гражданской авиации, медицинских учреждений, полиграфических предприятий и др.». Особенно «вдохновляет» это «и др.». У семи нянек дитя… плохо играет в футбол.

Папаев. Поэтому и база наша в Тарасовке — памятник футбольной старины, со скрипучими лестницами, с единственным полем, на которое мы до середины мая даже ступить не решаемся: надо же дать траве взойти. А в октябре его уже ледок покрывает. И нередко нам приходилось тренироваться в хоккейной коробке, предварительно уговорив местных, тарасовских парней: «Ребята, уступите Христа ради площадку, у нас плановая тренировка!..»

Кокорев. У киевских и у московских динамовцев — по два поля в распоряжении. На одном команда тренируется, другое целый год отдыхает. А у торпедовцев в Мячкове? Просто первоклассная база! Стыдно говорить: нищенствующий «Спартак»…

Ловчев. Да, наступил самый горький час московского «Спартака». Но мы не хотим, чтобы нас «прощали», оставили в высшей лиге, учтя былые заслуги команды. Как сказал Никита Павлович Симонян, «Спартак» должен вернуться в высшую лигу с гордо поднятой головой, пройдя сквозь все испытания первой лиги. Как говорится, все потеряно, кроме чести! Чести тех, кто остается в низверженном «Спартаке» и жаждет бороться за его возвращение в «высшее общество»…»

Сезон 1977 года «Спартак» начинал в первой лиге. Причем перед командой была поставлена четкая цель — вернуться в элитный дивизион. Для этого в «Спартак» был возвращен Чапай — Николай Старостин, который решился пригласить на должность главного тренера динамовца Константина Бескова. Новый тренер провел «чистку» рядов. Николай Осянин завершил карьеру, ушли из команды Абрамов, Пилипко, Редин, Папаев и др. В команду пришли шесть новых игроков, вернулся Михаил Булгаков, Александр Прохоров стал вновь основным голкипером. Также удачными приобретениями стали Сергей Шавло, Георгий Ярцев, Вадим Павленко.

Первые игры для «Спартака» получились трудными, поскольку практически все соперники с максимальным настроем играли против девятикратного чемпиона страны. В итоге красно-

белые потерпели поражения от «Нистру» и «Кузбасса», после чего задача выхода в высший дивизион осложнилась. И после первого круга «Спартак» занимал лишь 5-е место. Нужно было переломить ситуацию, в противном случае можно было «куковать» в первой лиге не один сезон. И спартаковцы взяли себя в руки. Во втором круге они одержали блестящие победы над главными своими конкурентами — «Пахтакором» (3:1) и «Нистру» (5:3), а также легко разобрались с остальными. И за два тура до окончания чемпионата досрочно обеспечили себе 1-е место. Лучшими бомбардирами «Спартака» стали: Г. Ярцев (18 голов), В. Павленко (15), М. Булгаков (11), Е. Ловчев (7).

Ловчев снова был вызван в расположение сборной СССР и в весенний период (март — апрель) сыграл четыре матча. В трех из них наши ребята одержали победы и только один проиграли (венграм на выезде).

Несмотря на то что «Спартак» выполнил поставленную перед ним задачу и вернулся в высшую лигу, обстановка в команде была далека от идеальной. Особенно обострились отношения между молодыми игроками и ветеранами, лидером среди которых был Ловчев. В этой ситуации Бесков принял сторону молодых, на которых он собирался опираться в будущем. А Ловчеву он намекнул, что его время в футболе уже прошло. Вот как об этом вспоминает сам Ловчев:

«Назначение Константина Ивановича в «Спартак» в 1977-м стало началом моего конца в команде. Конфликты шли один за другим. Ладно бы страдал только я. Но щепки от этой рубки леса попадали в конкретных людей.

В середине 70-х я перешел в центр полузащиты, но перед матчем с грозненским «Тереком», где играл забивной Виктор Колядко, Константин Иванович захотел разменять нас, чтобы я сыграл персонально против него. Я уперся, и Бесков на собрании в присутствии нескольких игроков стал выяснять мнения. Получилось где-то поровну, и в итоге Константин Иванович обращается к своему помощнику, олимпийскому, между прочим, чемпиону Исаеву Анатолию Константиновичу: «Ты как думаешь?» И тот говорит: да думать нечего, Женька знает, где ему лучше. Меня оставляют в центре, а прямо перед выходом на поле ко мне подходит председатель общества «Спартак»: дескать, Жень, тебе надо хорошо сыграть сегодня, Бесков там на тебя бочку катит. Мы крупно выиграли, я забил гол и отдал две результативные передачи. А спустя некоторое время Исаева из команды убрали. И каждый раз Анатолий Константинович мне при встрече говорит: «Я, Женька, из-за тебя пострадал». Чистая правда.

В конце сезона 1977 года «Спартак» набрал отличный ход —

было ясно, что возвращаемся в высшую лигу. Тогда же, осенью, у меня случился последний конфликт с тренером, после которого из «Спартака» пришлось уйти.

Обычная вроде зарядка, после которой — душ. Там сталкиваюсь с Бесковым.

— Что-то вы, ветераны, — а в душе был еще и наш полузащитник Миша Булгаков, — не очень помогаете команде…

Что тут ответишь — это ж не разбор, вроде шуточная беседа, потому как в душе серьезных бесед обычно не ведут. Отшучиваюсь:

— Вы знаете, как бывает. Команда в форме, ты не в форме. А потом ты в форме, а команда — не очень… Мы ж не специально!

Бесков всегда подозрительно относился к ветеранам, я знал, что он всегда помнил и вспоминал историю, когда ряд игроков «Динамо», по его мнению, якобы продали дополнительный матч за звание чемпиона СССР 1970 года.

— О, вон как ты заговорил!

Я понимал, что эта фраза сказана неспроста, что он ждет конфликта. Миша Булгаков благоразумно ушел, а мы довольно долго ругались.

Это стало последней каплей, побудившей к уходу. И в начале следующего сезона я поехал к тренеру «Динамо» Сан Санычу Севидову и сам фактически попросился в команду…»

Ловчев решил покинуть ряды «Спартака», в котором отыграл девять сезонов. Причем перейти он решил в московское «Динамо», которое издавна считалось принципиальным конкурентом «Спартака». По словам футболиста:

«В «Динамо» я пошел назло Бескову. И еще потому, что там тренером работал тогда Сан Саныч Севидов, да и ребят знал, Саша Минаев, Олег Долматов — мои друзья… Хотя теперь понимаю, что в глазах Старостина после этого перехода, видимо, многое потерял. Председатель российского совета «Спартака» Борис Николаевич Иванов вызывал, предлагал поехать играющим тренером в орджоникидзевский «Спартак», но я уперся. Хотел вернуться в сборную, а из «Динамо» это было сделать куда проще, чем, например, из «Зенита», куда меня настойчиво звал Морозов.

Первую официальную игру за «Динамо» я провел на Кубок весной 79-го против… «Спартака». И мы выиграли — 3:0! Помню, на следующий день с Пильгуем, Гершковичем и еще несколькими ребятами пошли в зону выступать перед зэками. И меня спросили: «Как же так, вы всю жизнь говорили, что преданы «Спартаку», а вчера взяли и его разгромили?» И я ответил: «Потому что иногда ты что-то делаешь не по своей воле. Вы же здесь тоже сидите не по своей воле?»…»

Однако, несмотря на то что Ловчев неплохо показал себя в игре против своих недавних одноклубников, в дальнейшем тренеры «Динамо» ему много играть не давали из-за неудовлетворительной физической формы (кстати, динамовцы заняли в том первенстве 4-е место, а «Спартак» расположился на ступеньку ниже. — *Авт.*). В следующем сезоне Ловчев необходимую форму набрал, и Никита Симонян снова пригласил его в сборную — 5 мая 1979 года должна была состояться игра с чехословаками. Но 2 мая в Донецке в матче с «Шахтером» Ловчев получил травму — порвал мышцу.

Вспоминает Е. Ловчев: «Знаете, по молодости лет мы думаем: «Эх, кабы не травма, я бы сыграл! Доказал бы всем!» Ерунда все это… Очень мудро в свое время сказал Валера Харламов. Хоккейную сборную тогда чествовали после ЧМ-78 в Праге, и мы встретились в Доме кино. Он подошел ко мне: «Женя, я слышал, у тебя проблемы?» Я рассказал про нелады с Бесковым. Он помолчал и грустно так произнес: «Скоро у всех у нас проблемы пойдут. Ничего не попишешь, время пришло. Возраст…»

Харламов оказался прав. Его проблемы начались в 1980 году, после того как сборная СССР упустила олимпийское «золото» в Лейк-Плэсиде и легендарная тройка нападения Михайлов — Петров — Харламов прекратила свое существование. В том же году повесил бутсы на гвоздь Евгений Ловчев. Но не будем забегать вперед.

В 1979 году родной клуб Ловчева «Спартак» стал чемпионом СССР. А его тогдашняя команда — московское «Динамо» — заняла 5-ю строчку в турнирной таблице. Год спустя спартаковцы были вторыми («золото» досталось динамовцам из Киева), а столичные динамовцы заняли… 14-е место (из 18 команд). Но Ловчев тогда уже не играл за «Динамо». Почему? На тренера динамовцев написали донос, после чего его сняли с должности. Поэтому весной 1980 года Ловчев подошел к тогдашнему главному тренеру Евгению Горянскому и попросил его отпустить. Тот согласился.

Несколько месяцев Ловчев сидел дома и иногда ездил играть за ветеранов. А потом из Куйбышева ему позвонил тренер Федоров (звонок пришелся на 25 июля — день смерти Владимира Высоцкого), который когда-то в «Спартаке» стажировку проходил, и предложил помочь — его «Крылья Советов» были на последнем месте в первой лиге. Недолго думая Ловчев взял билет и вылетел по вызову. В Куйбышеве он встретился с первым секретарем обкома, который назвал ему условия. Ловчева они устроили. Правда, их в итоге не выполнили.

Именно в «Крыльях» Ловчев заработал свой второй в жизни

«горчичник» (желтую карточку) за грубость (в первый раз это случилось с ним на чемпионате мира в 1970 году в Мексике). Дело было так. Соперник в открытую ломал Ловчева весь первый тайм, и в какой-то момент тот не сдержался. Судивший тот матч Эдуард Шкловский показал герою нашего рассказа желтую карточку, но в перерыве зашел в раздевалку соперников и предупредил, что, если они не заменят опекуна Ловчева и он будет продолжать в том же духе, получит красную. И на второй тайм грубиян не вышел.

Вспоминает Е. Ловчев:

«Сыграв 21 игру на позиции «под нападающими», я забил 15 голов. Но все-таки команда вылетела во вторую лигу, чуть-чуть ей не хватило. А если бы меня удалось окончательно втянуть в договорное болото, то, наверное, остался бы. Что за «болото»?

Так сложилось, что к концу сезона я стал играющим старшим тренером. Предстоял решающий выезд — в Орджоникидзе и Нальчик. Руководство к Дню физкультурника выписало вроде бы игрокам премию. Но на деле все эти деньги, не розданные команде, предназначались для соперников — чтобы обеспечить нужный результат. Меня попросили эти деньги им отдать. Я даже начал выходить на этих людей, но в какой-то момент у меня в мозгах «щелкнуло» — и я раздал деньги своим ребятам. А потом, в межсезонье, когда мне окончательно стало ясно, что и меня, и ребят обманули с условиями, написал заявление об уходе. Узнав об этом, заявления написали еще несколько игроков. Меня вызывали к местному начальству, угрожали, а я ответил: «Я от бабушки (из «Спартака») ушел, я от дедушки («Динамо») ушел, а от вас и подавно уйду».

Но они слов на ветер не бросали, написали в Москву «телегу», где обвинили меня во всех смертных грехах — мол, машину получил и перепродал, доплаты получал. Весь наш тогдашний фальшиво-любительский футбол строился на доплатах. Твоя официальная ставка составляла 160 рублей, а на трех заводах выписывали еще по сто. И получались нормальные деньги. У всех так было. А когда надо было наказать Ловчева, всплыли именно эти доплаты. Как будто раньше о них никто ничего не знал. В итоге, когда меня пригласили возглавить «Металлург» (Златоуст), я узнал, что решением из Москвы с меня снято звание мастера спорта международного класса и запрещено работать с командами мастеров.

Однако дисквалификацию с меня все равно сняли. Чувствуя, что спорткомитетовскую стену не прошибешь, уроженка Златоуста Лидия Павловна Скобликова, олимпийская чемпионка, пошла напрямую в ЦК. И в итоге было признано, что предлог для

моей дисквалификации был явно надуманным…»

Итак, в 1980 году Ловчев закончил игровую карьеру. За эти годы он сменил три команды: «Спартак» (Москва, 1969–1978, капитан в 1975–1978), «Динамо» (Москва, 1978–1980), «Крылья Советов» (Куйбышев, 1980). В чемпионатах СССР он провел 236 матчей, забил 23 гола. В сборной СССР (1969–1977) провел 52 матча, забил 1 гол, в олимпийской сборной (1975, капитан команды) — 6 матчей. В еврокубках Ловчев сыграл 21 матч, забил 2 гола. Семь раз попадал в список 33 лучших футболистов страны: № 1 (1969, 1972, 1973, 1975), № 2 (1970, 1974), № 3 (1976).

В «Футбольной энциклопедии» про Е. Ловчева написано следующее: «Вошел в историю футбола как первый, кому за предупреждение была предъявлена желтая карточка (на ЧМ-70 в матче СССР — Мексика). Один из лучших футболистов страны 70-х. Пользовался большой популярностью у поклонников «Спартака». Быстрый, инициативный, хорошо взаимодействовал с партнерами, часто подключался к атакам, обладал качествами лидера…»

В Златоусте Ловчев проработал до 1983 года, наивно полагая, что ему удастся вывести команду с первенства области на большие высоты. Ничего не получилось. В итоге Ловчева оттуда выгнали, но он через суд восстановился в тренерской должности. Правда, тренировать стал уже не «Металлург», а челябинский «Локомотив», куда он поехал в 1986 году, закончив перед этим Высшую школу тренеров (и там же вступив в ряды КПСС). Но и там легкой жизни не получилось. Уволенный им за пьянство начальник команды в его отсутствие подбил игроков написать на нового тренера очередную кляузу. На подмогу был вызван корреспондент «Советской России», на которого Ловчев потом подал в суд и процесс выиграл. После этого Ловчев принципиально целый год не уезжал из Челябинска, ожидая, пока его официально не восстановят в должности. Восстановили. Но за это время «Локомотив» успел вылететь из второй лиги в низшую. Тогда Ловчев вернулся в Москву.

На тот период у него приходится уникальная запись в трудовой книжке: «Артист вспомогательного состава ВИА «Зодчие» (постарался его друг — музыкант Юрий Давыдов). Конечно, никаким артистом наш герой отродясь не был — просто играл за ветеранов и пару-тройку раз выезжал с ВИА «Зодчие» на гастроли отдохнуть. Короче, в артисты он не пошел и снова стал тренером — в 1989 году принял к руководству команду «Дружба» из Майкопа. И эта одиссея ни к чему хорошему не привела. Почему? Вот как об этом говорит сам Е. Ловчев:

«Я принципиально отказался от «работы с судьями». Ведь все эти сказочки хороши только для тех, кто не знает изнанки игры. Я ее тоже не знал, пока смотрел на футбол из окна спартаковского автобуса. Я любил игру — до одури. Игра тоже платила мне взаимностью. Казалось, что благостный этот союз не закончится никогда. Но идиллия хрустнула, как только, закончив играть, я вернулся туда уже тренером. Футбол мне открылся тогда как бы с черного хода, где в порядке вещей было пьянствовать с судьями. Или, шаркая ножкой, встречать их в аэропорту, где вместо «здрасте» с тебя открытым текстом требуют бакшиш. В нагрузку к заявке — таскать в Федерацию деньги с продуктами, лебезить перед кем-то… Но я так не мог — на лапу никому не давал. И сам не брал. А меня за эти принципы долбали… Но всему есть предел…

Однажды в Майкопе, перед игрой со «Спартаком» из Октемберяна, приехал арбитр, которого встретил член правового (!) отдела обкома партии и полночи с ним пьянствовал. Стоимость — два пенальти в ворота гостей. Он таки эти две «точки» поставил. Я был взбешен. Пошел даже в раздевалку соперника и извинился за такое судейство. Это, естественно, было сообщено кому следует, и пошли угрозы: мы, мол, тут стараемся, понимаешь ли, а этот москвич… Я пришел к большому спортивному начальнику, в кабинет с вертушкой. Говорю: «По трухлявой морали существовать не хочу. И не буду. А по-честному не дают». Выслушал он мою исповедь и говорит: «Если так допекло, уходи, Жень, не мучайся. Все равно не приживешься». И я ушел…»

В 1990 году Ловчев все же вернулся к тренерской работе. Правда, это был уже несколько иной футбол — он стал президентом футбольных клубов звезд эстрады «Фортуна». По его же словам: «С «Фортуной», где люди, конечно, хуже играют в футбол, мне работать куда милее. Мы просто друзья — с Газмановым и Малежиком, Лозой и Боярским, Казаченко и Салтыковым, Куприяновым и Зинчуком… Они искренне любят этот футбол, между собой обсуждают уже не то, кто у кого музыку слямзил, а как вчера сыграл Баджо и так далее. Я словно вернулся в детский дворовый футбол, когда мы думали только об игре и не понимали, как это за нее можно получать деньги…»

На этой должности Ловчев проработал около года. А потом рухнул СССР и команда «Фортуна» переименовалась в «Старко». Ловчев вышел из рядов КПСС, но со звездами не порвал — руководил «Старко» до 1996 года. А три года спустя стал президентом и главным тренером московского мини-футбольного клуба «Спартак» (до этого — «Минкас»). В сезоне 2000/01 стал с

ним чемпионом России, прервав девятилетнюю чемпионскую гегемонию «Дины», а также в разные годы брал с ним Кубок (2002) и Суперкубок (2003).

На волне этого успеха Ловчева назначили главным тренером сборной России по мини-футболу (2001–2003). С ней он ездил на чемпионат Европы по мини-футболу 2003 года. Однако наши ребята выступили там неудачно, не сумев выйти в плей-офф.

В 2008 году мини-футбольный клуб «Спартак» прекратил свое существование. С тех пор Ловчев ушел в журналистику: он стал штатным обозревателем газеты «Советский спорт», частым гостем различных футбольных передач, таких как «90 минут плюс» на НТВ-плюс, «Футбол России» на канале «Россия-2» и др. Кроме этого, он ведет по воскресеньям программу «Команда Ловчева» на радио «Комсомольская правда», а также «Полевая кухня» на радиостанции «Вести-ФМ». Его аналитические обзоры последних спортивных событий пользуются большим успехом у слушателей, поскольку Ловчев любит «рубить правду», невзирая на авторитеты. Например, так:

«Знаете, развалился Советский Союз, возникли другие экономические условия. И вдруг все богатство «Спартака» — не только финансовое — оказалось в руках одного человека, Романцева. Футбольный «Спартак» был приватизирован. Там начали появляться в руководстве все менее спартаковские люди. И власть заимели Червиченко и ЛУКОЙЛ, но не сам ЛУКОЙЛ, а некие люди ЛУКОЙЛа. Теперь это частная контора.

Название «Спартак» — это лейбл, который раскручен, это зритель, это поколения болельщиков, это рубли в кассу, если уж на то пошло. Имидж обществу создавали много поколений. Ну, называйтесь вы «Заря» или еще как-то — так нет, они «Спартаком» хотят быть. Я думаю тогда, что схема простой должна быть. 51 % акций должен быть у общества, чтобы никто никогда единолично не решал, что делать с клубом. Ведь как происходит в «Барселоне» или «Реале»? Приходит президент, он приводит за собой деньги, он имеет какой-то пакет акций, но он не может продать команду. А сегодня хозяева могут закрыть команду — и все!

Помните, было письмо ветеранов «Спартака»: мы поддерживаем это руководство? Кого вы, Червиченко поддерживаете? Который, зная, что в стране идет разговор о том, что «Спартак» отдаст игру «Торпедо-Металлургу», уехал в Дубай отдыхать. Николай Петрович Старостин ежесекундно напоминал бы игрокам об истории «Спартака», об имидже клуба.

Не имея фактов, я не могу обвинять игроков, что они получили деньги. Но если бы они хотя бы знали, что в 1976 году,

когда мы вылетели в низшую лигу, «Торпедо» нас продало. Продало! И мы вылетели из-за этого. «Торпедо» в очной встрече дало забивать голы Протасову, чтобы великий Симонян находился на втором месте в истории по забитым голам. Это тоже «Торпедо»!..»

Заметим, что многие из тех, с кем Ловчев в конце 60-х играл в «Спартаке», сейчас уже забыты. А кого-то уже нет в живых. По словам самого Е. Ловчева, сказанным им в начале 2000-х:

«Анзор Кавазашвили сейчас бизнесом занимается. Гена Логофет был в футбольном клубе тренером, при клубе команда ветеранов была, он руководил ею (Логофет скончается 5 декабря 2011 года на 70-м году жизни. — *Авт.*). Вадим Иванов в Вологду уехал, там женился, родился ребенок, но, говорят, он попивать стал… он умер уже (6 ноября 1996 года, ему было 53 года. — *Авт.*). Киселев год назад тренировал «Орел», который недавно вышел в высшую лигу. Вите Папаеву вот сейчас операцию делали на ногах, он тоже в мини-футболе много работал, хотя душа у него не лежала к мини-футболу.

Вася Калинов — это особая история. Он выпивал. Он ко мне в офис приезжал, и я давал ему денег, давал вещи. А потом его не стало, и никто не знает, где, и что, и как. Может быть, убили, может быть, в братскую могилу положили. Он пропал, короче говоря (это случилось в январе 1996 года, Калинову было 47 лет. — *Авт.*). Коля Осянин играет за ветеранов. С Гилей Хусаиновым и его женой Любашей я часто встречаюсь, они ходят на мини-футбол. С памятью у Гили немножко плохо стало. Жена его выхаживает (Хусаинов скончается 5 февраля 2010 года на 73-м году жизни. — *Авт.*). Джамал Силагадзе погиб. Он тренировал смоленский «Кристалл», они были в Петрозаводске на играх и ехали оттуда автобусом, автобус столкнулся с КамАЗом. Джамал спал на переднем сиденье… Витя Евлентьев тоже умер, дома скончался, в Измайлове. У меня была своя фирма, малое предприятие «Спартак», и я похоронами его занимался на Митинском кладбище…

Миша Булгаков трагически погиб: выбросился из окна… Володя Редин тоже мертв. Он пропустил момент воспаления легких, и, когда уже с пневмонией пришел в больницу и сидел еще в приемном покое, ему стало плохо — и он умер…»

К этому скорбному списку добавим: Александра Прохорова, который ушел из жизни 7 января 2005 года в возрасте 58 лет, Николая Абрамова (6 августа 2005 года, 55 лет), Вячеслава Амбарцумяна (4 января 2008 года, 67 лет), Валерия Николаева (14 сентября 2010 года, 57 лет).

И снова слова Е. Ловчева: «Я люблю сегодняшнее время!

Сейчас талантливый человек может и заработать, и судьбу свою построить. Но все равно я свое время вспоминаю. Я ведь из Крюкова, того самого, из песни. В футбол маленьким начал играть с большими ребятами. К нам тренер приехал, взял меня на лыжи. А я всем занимался! Он же посоветовал футболом заняться. И ведь ездили такие вот мужики, искали, тренировали… Покойный Валерка Васильев, вспоминая своего первого тренера, говорил — хороший дядька! И не вспоминал, чему там его учили. Вот такие хорошие дядьки и были тогда социальным лифтом. А сейчас первое, что говорят детские тренеры, — как за такие деньги можно работать… Мне футбол дал возможность стать известным, мир посмотреть, квартиру в Москве…»

Что касается личной жизни Ловчева, то он был трижды женат. В первый раз женился в молодости — жену звали Татьяна. В этом браке родились дети: дочь Катя и сын Евгений (он тоже стал футболистом, играл в алма-атинском «Жанисе» и сборной Казахстана). Потом был второй брак, причем венчанный. Но и он распался. По словам Е. Ловчева:

«Первая жена говорила мне: будешь возить Женьку на тренировки. Я подчинился. Но однажды сын сказал: другие сами приезжают, а ты меня возишь, неудобно мне. Мы сделали так: садились в машину, заезжали за угол. И я его отпускал, затем ждал 20 минут. После этого возвращался домой. Мол, не волнуйся, дорогая, я парня отвез. Через полгода проговорились и, конечно, по балде оба получили!..

Кстати, моим первым тестем был человек по фамилии Яшин. Когда я с ним познакомился, он мне сказал: «Я болею за «Спартак». Я подумал: «Как же с такой фамилией можно болеть за «Спартак, а не за «Динамо»?» А он говорит: «Меня менты на Курском вокзале поймали, избили…»

Тот брак я сохранить не сумел, хотя мы прожили 20 лет… Со второй женой тоже разошелся. Да, влюблен был, конечно. Она, думаю, нет. С самого начала чувствовал: что-то не так у нас. Короче, сомнения были, но уже объявил, друзья готовились. Отменить? Хорош я тогда бы был перед ними… Под венец нас вели с коронами Славка Малежик и его жена, и на невесте загорелась фата. Все сразу сказали — плохая примета, и через полгода я попросил у церкви отмены венчания… Жили, мучились — то уходил, то возвращался. Потом все рухнуло окончательно…

С детьми у меня полный контакт, а с женами… Вот Рейнгольд с супругой 50 лет прожил! Как с ним можно прожить 50 лет? Или со мной? Мы же бешеные! Думаю, тут все зависит от мудрости женщины, от ее умения раствориться в муже, вот тогда все будет. Во времена мини-футбольного «Спартака» я брал семью на сборы.

И был уверен — они со мной, я все для них делаю. А потом жена сказала: ты думаешь, нам это надо было? Ты же с командой был…

Потом я в третий раз женился, но тут, видимо, сработала разница в возрасте — все-таки 25 лет. Поначалу, пока она девчонкой была, все вроде нормально, а уже со взрослой самодостаточной женщиной стало сложнее. Вот это в моей жизни минусы. Остальное — только плюсы! Но в шестьдесят пять понимаешь, что до конца жизни остаться одному — вещь не очень хорошая… Зато я щедрый человек — все отдал женам!..

Вот что такое счастье? В разное время — по-разному. Когда я играл в «Спартаке», счастьем была победа. Когда жена тебя понимает — тоже, наверное, счастье. Дети. У меня же классные дети!

Деньги? Для второй жены — это было счастье. Мне же дороже иное. Однажды с девушкой иду по Арбату в час ночи. Вдруг меня догоняет парень какой-то: «Извините, вы, случайно, не Ловчев?» — «Ловчев!» — «Тогда я спасибо хочу вам сказать за игру вашу в «Спартаке». Я гляжу на него: парнишка-то молодой совсем, чуть за двадцать. И моей игры он живьем, стало быть, не видел. Значит, рассказывал кто-то. Разве это не счастье?..»

Футболист, ставший дипкурьером Геннадий Еврюжихин, «Динамо», Москва

Геннадий Еврюжихин родился 4 февраля 1944 года в Казани. Рос в одном дворе с Николаем Осяниным — будущей звездой московского «Спартака». Правда, Осянин был на три года старше Геннадия, однако это не мешало им играть за одну дворовую команду. Потом они поступили работать на один и тот же завод, играли и там в футбол, но уже за разные возраста. Правда, если Осянин любил футбол до самозабвения, то про Еврюжихина такого сказать было нельзя. Нет, играть ему нравилось, футбол он любил, но имел о нем смутное представление. В каком смысле? Тренировки у них были примитивные — только били по воротам. Подсказать что-нибудь, объяснить или прием показать какой-нибудь было некому. Телевидение в ту пору футбол еще широко не показывало, а на игры казанской команды класса «Б» им, мальчишкам, попасть было трудно — жили Еврюжихины в 12 километрах от центра города. Так продолжалось до лета 1963 года.

Именно тогда Геннадий поступил в Ленинградский институт точной механики и оптики. Стал студентом, жил в общежитии. Как отличник, получал повышенную стипендию. В футбол играл в основном зимой, на деревянной баскетбольной площадке. В итоге за один сезон этих импровизированных игр у него резко улучшились скоростные показатели. Если осенью он пробегал 100 метров за 13,5 секунды, то весной в кедах — уже за 12,2 секунды. Короче, он мог податься в легкоатлеты и достиг бы там неплохих результатов. Но к тому моменту футбол уже накрепко завладел всеми его помыслами.

В 1964 году Еврюжихин попал в состав ленинградской молодежной команды «Локомотив» (его пригласил туда один из его тренеров, увидевший игру Геннадия на деревянной площадке) и выступал на первенство города во второй группе. Причем играл он как бог — каких только голов не забивал! Один раз даже с центра поля с лета послал в сетку мяч, выбитый перед этим вратарем. В том же году Еврюжихин был включен в молодежную сборную Ленинграда и участвовал в «Кубке надежды». А в следующем году его уже пригласило в свой состав ленинградское «Динамо», игравшее в первой лиге. А уговорил его перейти туда известный в прошлом футболист, судья всесоюзной категории

Аркадий Иванович Алов. Он и стал первым настоящим тренером Геннадия. Учеба шла своим чередом, и парню очень хотелось попробовать свои силы в команде мастеров. Он провел поначалу два матча за дубль, а потом наконец сбылась его мечта — стал основным игроком. Удачным для него был сезон дебюта. Забил он в чемпионате второй группы класса «А» 15 голов, успешно играл и в Кубке СССР. Именно на матчах последнего на Еврюжихина обратили внимание тренеры ведущих советских клубов. Причем сразу четырех: одного ленинградского — «Зенита», и трех московских — «Спартака», «Динамо» и ЦСКА. Вот как он сам вспоминал об этом:

«…По инициативе Коли Осянина, который уже в Москву перебрался, приезжали гонцы из «Спартака». Потом из ЦСКА. Председатель КГБ Семичастный, который в ту пору был шефом московского «Динамо», в армию хотел меня призвать, да не тут-то было: институтская военная кафедра от подобных происков меня надежно защищала. Ну и, само собой, «Зенит» в стороне не остался. Откровенно говоря, последний вариант меня больше всего бы устроил — не хотел никуда уезжать из Ленинграда, душой к нему прикипел. Но там такой ленинградский междусобойчик получился: динамовцы хотели, чтобы я доиграл сезон за них, а «Зенит» тянул одеяло на себя. Я с зенитовскими футболистами, среди которых тогда были Бурчалкин, Садырин, даже с месяц уже тренировался, на календарные матчи выезжал. Но разрешения на переход не было. Этот конфликт двух питерских клубов дошел до товарища Толстикова, первого секретаря обкома партии. Вызвал он меня на беседу в Смольный. Но я не выдержал, вспылил на приеме у первого: дескать, оставьте вы все меня в покое, я приехал в ваш город учиться и готов хоть сегодня вообще завязать с футболом. В итоге мне разрешили спокойно, без нервотрепки, доиграть сезон за «Динамо». А на следующий год я оказался уже в «Динамо» московском. Почему именно там? Динамовцы, во-первых, были одноклубниками. Во-вторых, мне почему-то всегда хотелось играть в команде вместе с Численко. Помню, что первым, кого я встретил из динамовцев, был Яшин. Ну, и в-третьих — меня купили. Правда, не совсем обычно: они сделали так, чтоб моим родителям, жившим в сыром подвале, дали наконец в Казани квартиру. Тут уж я устоять не смог.

Я переехал в столицу и перевелся в московский вуз, где был оптико-механический факультет. Учеба по-прежнему оставалась делом святым, занимался, как и в Питере, на дневном отделении. Потому что на футбол тогда смотрел как на хобби и делать серьезную карьеру в нем не собирался. Но в итоге втянулся.

Так получилось, что тренер динамовцев Вячеслав Дмитриевич Соловьев готов был с первого дня поставить меня в состав. Но не удалось. Заявляли меня в Федерации футбола недели три: теперь уже козни строил не только «Спартак», но и едва не ставший родным «Зенит». Хотя никаких формальных претензий ко мне быть не могло: правила перехода нарушены не были. Впрочем, что я засиделся на старте — даже к лучшему вышло. Ведь московское «Динамо» крайне неудачно — с двух тяжелых поражений — начало чемпионат страны 1966 года. Играй я, новичок, в этих матчах, неизвестно, как дальше бы все сложилось, отправили бы, чего доброго, в дубль. А так — вышел, когда разрешение подоспело, «незапятнанный»…»

В тот период столичное «Динамо» переживало не самые лучшие времена. А ведь совсем недавно все было иначе. В 1962 году старшим тренером команды стал Александр Пономарев, который резко увеличил объем тренировочной работы и выстроил игру по схеме 4–2–4. В итоге в 1963 году клуб стал чемпионом страны по футболу. Правда, в последующие два года команда сдала свои позиции: в 1964-м заняла 7-е место, в 1965-м — 5-е. Пономарева сняли и на значили Вячеслава Соловьева, к которому и перешел Еврюжихин. Причем он мог долго «мариноваться» в дубле, если бы не случайность. Какая? Два динамовца — Валерий Фадеев и Владимир Глотов — нарушили режим и оказались в глухом запасе. Вот тогда и было решено выпустить на поле Еврюжихина. А вот как об этих событиях вспоминает В. Фадеев: «В начале 1966 года Вячеслав Соловьев — тот, что брал меня в олимпийскую сборную, а потом сменил Александра Пономарева в «Динамо», — требовал, чтобы я ехал на предсезонный сбор. А у меня преддипломная практика в Плехановке — и так два академических отпуска брал. Декан Рубен Тарасьян говорит: больше нельзя, отчислим. Говорю Соловьеву: «Другие по полгода мениск залечивают, я-то меньше буду отсутствовать». В общем, сначала вышло по-моему, но после аукнулось. С апреля я постоянно был в составе, но после поражения от киевского «Динамо» (0:2) Соловьев устроил собрание, на котором заявил, что мы с Володей Глотовым разложили команду. Яшин с Численко готовились в сборной к чемпионату мира, и за нас вступился только другой Вячеслав Соловьев — знаменитый игрок в русский хоккей, в том сезоне выступавший за «Динамо» и в футбол. И поехал я играть в Донецк за «Шахтер». Потом «Политотдел», Махачкала, Целиноград — это уже не футбол был, дом отдыха…»

В итоге Фадеев вынужден будет уйти из футбола в 1971 году (ему было 32 года). Он устроится старшим инженером в ОКБ

«Автоматика», гендиректором которого был не кто иной, как Юрий Михайлович Лужков — будущий мэр Москвы.

А что касается Глотова, то он уйдет из большого футбола еще раньше и закончит жизнь трагически — погибнет в 1981 году в местах лишения свободы. По словам Валерия Маслова: «Глотов сел в тюрьму. За что — не знаю. Там кто-то из уголовников его и убил. Доску с гвоздем воткнули в сердце. Тело обнаружили утром…»

Но вернемся к Геннадию Еврюжихину.

Его первый выход на поле в официальной игре случился 27 июня 1966 года в матче против команды СКА (Ростов-на-Дону). Игра проходила на стадионе «Динамо» в Москве в присутствии 30 тысяч зрителей. Тот дебют оказался громким — наш герой отметился голом. Это случилось на 55-й минуте, когда динамовцы уже вели 2:0 (голы забили Вшивцев и Авруцкий). Так что гол Еврюжихина, по сути, не оставил ростовчанам шанса отыграться. А затем все тот же Авруцкий забил четвертый мяч и окончательно похоронил надежды гостей. Правда, на тот момент ростовчане занимали в турнирной таблице 4-е место (17 очков), а динамовцы притулились на 12-й строчке (12 очков).

В следующий раз Еврюжихин отличился спустя… пять дней. Динамовцы принимали у себя дома ереванский «Арарат» и разгромили его в пух и прах — 7:2, хотя поначалу проигрывали 1:2. Еврюжихин стал автором одного из голов — на 63-й минуте. После этого динамовцы повели 4:2 и уже не упустили победы из своих рук.

Минуло всего лишь 12 дней, и Еврюжихин снова отличился. В гостевой игре против одесского СКА при счете 1:0 в пользу москвичей он забил на 9-й минуте второй гол и обеспечил своей команде победу со счетом 2:0.

Но настоящий фурор среди своих болельщиков дебютант Геннадий Еврюжихин произвел 19 августа. В тот день на стадионе «Динамо» его команда принимала столичный «Спартак». Это был принципиальный поединок, настоящее дерби двух именитых клубов. В первом круге динамовцы уступили 0:1 и перед повторной игрой занимали 7-е место (21 очко), а «Спартак» был третьим (28 очков). Естественно, большинство болельщиков были уверены, что победить красно-белых и в этот раз не удастся. А что получилось? Динамовцы буквально смяли оборону спартаковцев, а героем поединка стал Еврюжихин, который сотворил хеттрик — забил подряд три мяча. Причем команде, в которой тогда играл его друг детства Николай Осянин (вышел он на поле и в том матче).

А открыл счет в игре динамовец Игорь Численко. Это

случилось на 27-й минуте. После чего в дело вступил Еврюжихин, забивший на 38, 48 и 86-й минутах матча. В итоге динамовцы победили со счетом 4:0. Именно после этого весь футбольный мир и заговорил по-настоящему о Геннадии Еврюжихине, поскольку все его голы были один краше другого.

До конца сезона Еврюжихин отметился голами еще в трех матчах. Так, 8 сентября в игре против столичного «Локомотива» он спас свою команду от поражения, сравняв счет на 58-й минуте (1:1). А 6 ноября он открыл счет в домашнем матче против ленинградского «Зенита» (2:0, второй гол забил Численко). Наконец, 20 ноября в игре против кутаисского «Торпедо» (она проходила в Фергане) Еврюжихин опять спас свою команду от поражения — при счете 0:1 сравнял счет за три минуты до финального свистка (1:1; это был 9-й гол Еврюжихина в том сезоне). Благодаря этому динамовцы, набрав 38 очков, заняли в том чемпионате 8-е место. Причем в последних девяти тура динамовцы умудрились пять раз сыграть вничью 0:0. Скажем прямо, странные результаты, учитывая то, что до этого (в первом круге) у них было только три таких результата. Такое впечатление, что они либо специально раздавали очки нуждающимся («Крылышкам» из Куйбышева и одесскому СКА, которые, кстати, так и не удержались в высшей лиге), либо сами остро в них нуждались и получали (от тогдашнего чемпиона киевского «Динамо» и серебряного призера ростовского СКА).

В том же сезоне Еврюжихин дебютировал и в составе национальной сборной СССР. А иначе и быть не могло, учитывая тот ажиотаж, который возник тогда вокруг его имени. В итоге 23 октября Геннадий дебютировал в играх за сборную СССР, сыграв домашнюю товарищескую игру против команды ГДР (это был прощальный матч Виктора Понедельника за сборную СССР). Правда, вышел он не с первых минут, а только на 46-й, сменив Поркуяна. К тому времени на табло значился ничейный счет 1:1 (у нас гол забил Численко). Он же вывел нашу команду вперед на 52-й минуте, однако Нёльднер на 68-й восстановил равновесие. Матч так и закончился — 2:2.

Скажем прямо, это была не самая лучшая игра нашей сборной. Особенно ее концовка. Как писал В. Понедельник:

«…В дальнейшем гости прочно оседлали все ключевые позиции в центре поля и повели планомерную осаду наших ворот. Дважды Яшин ликвидировал выходы к воротам немецких нападающих. У нас же была потеряна связь между обороной и нападением. К тому же получил травму и выбыл из игры Хурцилава (его сменил В. Афонин), а затем и Численко (его сменил А. Банишевский).

Сборной СССР крайне необходим диспетчер, игрок умный, трудолюбивый, с широким диапазоном действий, умеющий руководить своими партнерами. Пока такого игрока в сборной (типа И. Нетто или В. Иванова) нет. «А В. Воронин?» — спросите вы. Да, это великолепный мастер. Но я, право, затрудняюсь сказать сейчас, каково же его игровое амплуа. В последнее время идет множество разговоров об универсализации футболистов. Причем многие рубят сплеча. Все в обороне — все в атаке (почти как в баскетболе?!). Не нужна эта крайность. Прелести футболу она не прибавит…»

Видимо, игра Еврюжихина не слишком впечатлила нашего тренера Н. Морозова, и в следующем матче, против команды Италии (1 ноября), он его на поле не задействовал. Тот матч сборная СССР проиграла 0:1.

Между тем после 8-го места столичных динамовцев в сезоне-66 было принято решение об очередной тренерской ротации. И вместо В. Соловьева к руководству командой пришел Константин Бесков. И при нем «Динамо» начало сезон-67 более чем превосходно — были одержаны три победы подряд. Причем одна из них была особенно ценной: они обыграли тогдашнего и будущего чемпиона СССР киевское «Динамо» — 3:2. В то время, когда киевляне уверенно шли от одной победы к другой, это было непросто сделать.

Что касается Еврюжихина, то он стал забивать с первой же игры. А именно — 7 апреля динамовцы играли в Луганске против местной «Зари» и выиграли 1:0. Так вот единственный гол забил на 58-й минуте Еврюжихин. А спустя пять дней, уже в Одессе, где динамовцев принимал «Черноморец», герой нашего рассказа «заколотил» сразу два мяча. Итог игры — 3:0 в пользу москвичей.

Однако, резво начав, затем более двух месяцев Еврюжихин голов не забивал. И возобновил он это дело только 15 июня, когда динамовцы принимали у себя дома ташкентский «Пахтакор» (на матч пришло 40 тысяч зрителей). Москвичи победили 4:0, и Еврюжихин забил первый гол (на 2-й минуте) и последний (на 81-й). К тому моменту подопечные Бескова занимали 2-е место (17 очков), отставая от лидера, киевского «Динамо», всего лишь на одно очко. А следом шли еще две динамовские команды: из Тбилиси (16 очков) и Минска (14 очков).

Свой очередной гол Еврюжихин забил 27 июня. И этот гол был важнейшим. Москвичи принимали у себя ленинградский «Зенит» и проигрывали 0:1. Игра неумолимо катилась к концу, и до финального свистка оставалось пять минут, когда точный удар Еврюжихина помог динамовцам избежать поражения.

Отличился наш герой и 4 июля в гостевой игре против одноклубников из Минска. Именно Еврюжихин открыл счет в этом матче (на 12-й минуте), а в итоге его команда победила 2:1. И вышла на 1-е место, набрав 22 очка (у киевлян было на два очка меньше).

В июле Еврюжихин отличился трижды. В игре против кутаисских торпедовцев он забил один гол (6:1 в пользу «Динамо»), а в матче против бакинского «Нефтяника» сделал дубль — забил два гола (2:0).

А в августе динамовцы играли финал Кубка СССР против ЦСКА и выиграли 3:0. Это был первый Кубок Еврюжихина (второй он завоюет спустя три года).

Еще один дубль в сезоне-67 Геннадий сотворит в октябре — в игре против алма-атинского «Кайрата» (2:0). А в сентябре поможет своей команде уйти от поражения в игре против ростовского СКА (1:1).

Но финиш у московских динамовцев получился смазанным. Они отняли у своих главных конкурентов — одноклубников из Киева — три очка из четырех и вполне обоснованно претендовали на золотые медали. Не получилось — в семи последних матчах подопечные Бескова сумели выиграть лишь одну игру, в четырех уступили, и три встречи завершились вничью. Причем среди поражений было и крупное — 1:5 в игре с одноклубниками из Тбилиси. Но та игра (она проходила в Тбилиси 16 ноября) была из категории нечистых. Вот как об этом рассказывает Валерий Маслов: «…В первом круге мы играли дома. После матча меня и Хурцилаву позвали в кабинет к председателю Московского городского комитета «Динамо» Дерюгину. Заходим, там Бесков и Соловей (Вячеслав Соловьев, главный тренер тбилисцев). «Валера, — слышу, — во втором круге разберетесь, кому очки нужнее будут». Мы с Хурци смеемся: «А то без нас не разобрались бы. Но раз так — еще лучше». И вот игра в Тбилиси. Мы обеспечили себе второе место, а хозяевам, чтобы «бронзу» взять, надо побеждать. Все уже решено — игру отдаем. А с утра Бесков огорошил: «Проигрывать не будем. Передай грузинам — согласны только на ничью». — «Константин Иванович, вы что? Тогда играть не буду». — «И я не буду», — говорит Число. Анюта (Аничкин) тоже отказался. Едем на базу тбилисского «Динамо» к Соловьеву. «Но вы-то на поле не выйдете?» — уточняет. «Вячеслав Дмитриевич, обижаете…»

Мы попали 1:5. Бесков из Тбилиси вылетел в Москву на нас жаловаться, а команда со вторым тренером Владимиром Ильиным — на игру в Ереван. «Арарату» 6-е место светило, так они деньги совали, упрашивали проиграть. Говорю Ильину: «Не

знаю, как закончим, но биться будем честно». В Ереване обожали «Спартак» — потому что там Симонян, Овивян, Амбарцумян. С нами же все время задницу рвали. А судила бригада из Баку — родного города Фальяна, главного тренера «Арарата». Арбитров этих он, конечно, знал (этими судьями были Т. Велиев, А. Балаян, Э. Кулиев. — *Авт.*). Нас, конечно, «прибивали». Два гола Численко не засчитали! Наконец, при счете 1:1 минуте на восемьдесят шестой подаем угловой. Мяч отлетает к Вадику Иванову, который метров с двадцати бьет в «девятку». Главный свистка не дает, смотрит на бокового, чтоб тот флажок поднял. Но откуда здесь офсайд? Я к судье несусь, хватаю за глотку: «Свисти, гад!» Он свистнул. Мы 2:1 выиграли. Так потом этот судья Аничкину жаловался: «То, что Маслов душил меня, ерунда. Обидно, что обозвал врагом русского народа!» А в Москве выясняем, что динамовское начальство Бескову разнос устроило: «Мы же не шпана. Раз договорились — всё!»…»

В итоге в сезоне-67 московские динамовцы взяли «серебро», а «золото» второй раз подряд досталось киевлянам. Зато московское «Динамо» забило больше всех мячей в чемпионате — 55 (из них тринадцать были на счету Геннадия Еврюжихина). В список 33 лучших футболистов страны были включены следующие игроки из московского «Динамо»: Л. Яшин, В. Аничкин и В. Зыков, Г. Гусаров и В. Маслов, Г. Еврюжихин, И. Численко и Б. Кох (перешедший затем в «Локомотив»). Годом раньше в аналогичном списке было лишь три московских динамовца: Л. Яшин, В. Аничкин и И. Численко.

В сезоне-67 Еврюжихин провел три игры в составе сборной СССР. Правда, все матчи были товарищескими, да и голами наш герой не отметился. Итак, 28 мая он вышел на поле в домашней игре против сборной Мексики (2:0), 3 июня сыграл на выезде против команды Франции (2:4). Наконец, 1 октября отыграл домашний матч против Швейцарии (2:2). Короче, будучи одним из «забивал» в родном «Динамо», в национальной сборной Еврюжихин к таковым отнесен быть никак не мог. Впрочем, у него было оправдание. Так, в двух первых играх его выпускали на поле под занавес — на 85-й минуте (с мексиканцами он заменил Бышовца, с французами — Численко). А в игре со швейцарцами Еврюжихин отыграл первые 46 минут, после чего его заменили Туаевым.

После прекрасного выступления в сезоне-67 московские динамовцы, ведомые все тем же К. Бесковым, были настроены не только на повторение успеха, но и на улучшение результата — взять «золото». Но этим мечтам не суждено было осуществиться. Если в сезоне-67 динамовцы выглядели целеустремленными и

собранными, то в сезоне-68 (особенно в первом круге) от этих устремлений мало что осталось. Уже после первых же поражений они фактически «поплыли». Это внесло в их ряды некоторую растерянность. В тот период многие специалисты решили, что динамовское руководство посчитает за благо снять Бескова с его должности и он снова окажется у разбитого корыта, сменив за это десятилетие уже пять команд (включая и сборную). Но этого не произошло. Во втором круге Бескову удалось перенастроить своих подопечных, и они вошли в пятерку сильнейших команд — заняли 5-е место, потерпев всего четыре поражения, но сыграв семь ничьих, что отняло у них добрую половину так необходимых очков.

Не ладилась игра и у Еврюжихина. Выходил он на поле не всегда и редко забивал. Его первый гол случился спустя почти четыре (!) месяца после начала первенства — 14 августа, когда динамовцы принимали у себя дома ленинградский «Зенит». Москвичи победили 3:0, и второй мяч у них забил герой нашего рассказа. Динамовцы тогда занимали скромное 9-е место (24 очка). А в лидерах шли их одноклубники из Киева (37 очков).

Даже когда московское «Динамо» побеждало с крупным счетом, Еврюжихин не забивал, предпочитая быть распасовщиком. Так было, например, в играх против куйбышевских «Крыльев Советов» (5:1) и ереванского «Арарата» (3:0).

И лишь только под занавес первенства Еврюжихин «проснулся»: забил по голу в играх против ростовского СКА (3:0) и московского «Торпедо» (2:1). Таким образом, в сезоне-68 он забил всего лишь три мяча. А его команда заняла 5-е место.

В сезоне-68 Еврюжихина еще чаще, чем раньше, стали привлекать к игре за национальную сборную. Таких матчей у него тогда набежало целых восемь. Причем четыре из них — матчи чемпионата Европы и два — олимпийский «отбор». Начнем с первых.

11 мая 1968 года Еврюжихин вышел на поле в игре чемпионата Европы против команды Венгрии. Мы победили 3:0. Еврюжихин голами не отметился, зато сыграл как плеймейкер. Вот как об этом писал Л. Филатов: «…Еще четверть часа спустя забит третий гол… Венгры, утратив преимущество, попытались переломить ход игры, «раскрылись», и тут контратака из двух сабельных выпадов: Еврюжихин слева дал длинный пас по диагонали на бегущего справа Бышовца, а тот нанес удар в дальний нижний угол ворот. 3:0…»

Однако это оказалась наша единственная победа. Со сборной Италии (5 июня) мы сыграли 0:0, а в матче за 3-е место (8 июня)

уступили англичанам 0:2. В итоге выступление сборной СССР на Кубке Европы — 68 было признано на родине крайне неудачным. В двух матчах финального турнира не было забито ни одного мяча. В итоге наставник нашей сборной Михаил Якушин пусть и не сразу, но был отправлен в отставку. В оправдание слабого выступления можно сказать, что накануне чемпионата сборная по разным причинам лишилась чуть ли не половины основного состава — Воронина, Хурцилавы, Яшина, Нодия, Численко, Аничкина, Стрельцова. А Ленев, Логофет, Афонин и Малофеев заменить лидеров должным образом не смогли.

Так же неудачно выступила и наша олимпийская сборная, в которой Еврюжихин тоже выступал. Сначала мы обыграли (21 мая) чехословаков 3:2, а затем в ответной игре (1 июня) уступили им 0:3. Вот как об этом вспоминает участник событий — А. Бышовец:

«Между футболистами не было большого антагонизма или какой-то вражды, но общественность постоянно нагнетала ситуацию (напомним, что в те дни в ЧССР шла «бархатная революция», которая породила у чехословаков волну антисоветизма, достигшую своего апогея в конце августа, с вводом войск Варшавского договора в Чехословакию. — *Авт.*). В связи с этим у чехословаков настрой был просто запредельным. Но помимо этого из сборной ушел целый ряд игроков, что вылилось в трагическую ситуацию с Ворониным (он попал в автокатастрофу. — *Авт.*). Когда Николай Николаевич Озеров рассказал нам об аварии Валерия, мы пришли в ужас…

В первом матче все же нам удалось победить, а вот в ответном последовало поражение и потеря сразу трех ведущих футболистов — Численко, Хурцилавы и Аничкина… Нам пришлось играть без Стрельцова и Воронина, а также отчисленного Сабо. Понятное дело, что Якушин был против сроков проведения ответного поединка, ведь он должен был состояться всего за четыре дня до полуфинала чемпионата Европы с итальянцами. Я уже говорил, что в Греции была очень грубая игра, но матч с чехословаками не идет ни в какое сравнение. Именно из-за попустительства судьи мы потеряли Численко, Аничкина и Хурцилаву. Грубость соперника переходила всякие границы. В итоге от нашей команды, являвшейся лучшей в Европе, практически ничего не осталось. Тем не менее должен признать, что Якушин был выдающимся тренером и тактиком. Он умел выстроить подготовку к матчу, учитывая малейшие нюансы. Анализ соперника был подробнейшим…»

Восьмая игра Еврюжихина за сборную СССР в сезоне-68 была

товарищеской. Она состоялась 1 августа и завершилась вничью 2:2.

Между тем в следующем сезоне (1969) Еврюжихин забьет в чемпионате СССР 7 мячей, а московское «Динамо» переместится уже на 4-е место. Однако, сбавив обороты своей результативности (особенно на фоне двух его первых сезонов, когда он забил 9 и 13 мячей соответственно), Еврюжихин стал прекрасным распасовщиком, или, как сейчас говорят, плеймейкером. Вот как об этом писала тогдашняя советская пресса (речь идет о перипетиях игры динамовцев и московских торпедовцев, где первые победили 4:2):

«…На 38-й минуте Воронин метрах в двадцати пяти от ворот сталкивает Авруцкого. Штрафной, пробитый Лариным, с трудом парирует вратарь. Еврюжихин подает с углового мяч на ближнюю штангу, и набежавший Авруцкий головой срезает мяч в дальний угол мимо растерявшегося Шехова. 2:1.

Постоянно меняясь местами, их форварды часто ставят в затруднительное положение защиту торпедовцев. Особенно удачно действует Еврюжихин, который раз за разом обыгрывает Чумакова и приковывает к себе внимание свободного защитника Пахомова, создавая оперативный простор для своих партнеров.

На 74-й минуте Зыков выводит по левому краю Еврюжихина. Тот уходит от Чумакова и точно передает мяч набегающему Ларину. Следует сильнейший удар, и мяч, попав в бросившегося под удар Шехова, отскакивает в поле.

А за девять минут до конца после очередной атаки динамовцев счет стал 4:1. Авруцкий отпасовал мяч на правый край Еврюжихину. Затем последовал быстрый проход с точной подачей в центр, и Козлов заставил вратаря «Торпедо» Шехова в четвертый раз достать мяч из сетки.

Это был сотый гол, забитый динамовцами в ворота «Торпедо» за все чемпионаты…»

А теперь послушаем самого Еврюжихина, который на вопрос о том, почему он стал меньше забивать, ответил следующее:

«…Сам не пойму, что случилось. Думаю об этом беспрестанно. Ведь моменты есть, а голов и в самом деле мало. Видно, все-таки играть по-другому стал. Раньше терзал защитников соперника, убегал от них, удачно действовал на опережение во время прострелов и забивал, забивал… Сейчас же все норовлю в пас сыграть. Несколько раз ловил себя вот на какой мысли. У крайнего нападающего есть два главных варианта игры при встрече с соперником: уйти с мячом на фланг или рисковать, обходить защитника и прорываться по центру. Так вот если раньше я, как правило, выбирал второй вариант и благодаря

этому добивался результата, то теперь чаще ухожу на край и делаю передачу партнерам. Стереотип уже какой-то выработался.

Возможно, сама манера игры московского «Динамо» сыграла свою роль. Ведь я раньше в пас вообще не мог играть. У нас же в команде не играть в пас никак нельзя, потому что главный ее принцип — коллективная игра. Обстоятельства меня и заставили уделить большое внимание игре в пас. Может быть, я и переусердствовал…»

Впрочем, Еврюжихин хотя и не забивал столь много, как раньше, однако по-прежнему многие его голы были решающими. Так, он позволил своей команде выиграть со счетом 1:0 в играх против ворошиловградской «Зари» (забил гол под занавес — на 84-й минуте) и куйбышевских «Крыльев Советов» (опять отличился в конце матча — на 72-й минуте). А в матче с земляками из «Торпедо» помог уйти от поражения, сравняв счет на 61-й минуте (1:1).

В игре против донецкого «Шахтера», при счете 1:1, забил победный гол на 76-й минуте. А в матче со «Спартаком» сравнял счет (2:2), после чего его партнер по команде Ларин забил победный гол (3:2).

А вот в договорняке с бакинским «Нефтчи» (14 июля) Еврюжихин оказался всего лишь статистом — голов не забивал. Вот что вспоминает об этой игре Валерий Маслов:

«…Матч с бакинским «Нефтяником». Если ничья — обе команды проходят в финальный турнир (чемпионат СССР — 1969 проходил в два этапа, в финальный турнир из двух групп вышли команды, занявшие места с 1-го по 7-е). Если кто-то проигрывает — мимо кассы. А у нас играл Валера Гаджиев из Баку, через него прощупали ситуацию. И решили: ничья так ничья. Зачем рисковать?

Одним из наших конкурентов был «Арарат», который тренировал Александр Пономарев. Прежде он в «Динамо» работал (как мы помним, это он привел их к «золоту» в 1963 году. — *Авт.*). Хороший мужик, игроки его уважали. Начальство перед игрой попросило меня и Аничкина поговорить с Пономаревым. Мы не стали скрывать — договорились с «Нефтяником» на ничью, обратной дороги нет. В первом тайме ведем 1:0 (гол забил Козлов. — *Авт.*), тут Сэм (Семин. — *Авт.*) издали заряжает, вратарь среагировать не успевает, и — 2:0. Я к Сэму: «Что творишь?! Нам же теперь два пропускать…» Во втором тайме расступаемся, а эти никак забить не могут. Туаев бегает злой: «Эй, когда пропускать будете?» Еле-еле сравняли. Но Пономарев на трибуне еще при счете 2:0 кому-то сказал: «Все равно ничья будет». Бесков в раздевалку заходит и в крик: «А-а, б…,

договорились!» Мат-перемат. Яшин голову поднимает: «Так вы договорились?!» Я отвечаю: «Мы-то договорились, но ты, лучший вратарь мира, чего ж два запускаешь?» Сразу утих. Ведь вся команда знала, что с Баку условились на ничью! Это Бесков и его помощники, спящие красавицы, сосчитать не могли, что результат всех устраивает. А вечером на базе мы с Аничкиным столкнулись с Константином Ивановичем. Был он, мягко говоря, не в форме. Опять затянул: «Вот, продали, туда-сюда…» Я не сдержался, ответил. Бесков накатал «телегу». И за оскорбление старшего по званию нам с Аничкиным влепили по пять суток губы.

Бесков недели две не подпускал нас к тренировкам. Начальство из МВД настроили так, чтоб убрать меня, Аничкина и заодно — Численко. Но вступились люди из КГБ, которые тоже курировали клуб: «Решать мы будем». Им объясняли: Бесков не желает этих игроков видеть в «Динамо». А в ответ слышат: «Ну и снимайте его тогда». Вскоре собрали команду, нас позвали. Обсуждают, кого тренером назначить. Я поднимаюсь: «Оставляйте Константина Ивановича». Все поразились: «Как же вы работать с ним будете?» — «Ничего, разберемся. Для команды лучше тренера не найти». И я потом ни разу не пожалел, что Бескова отстоял. «Динамо» был нужен именно он. А обиды… Я могу обижаться несколько секунд. А уж на Константина Ивановича — тем более. Да и он отходчивый…»

Чемпионат СССР в 1970 году стартовал в Международный женский день 8 Марта. Динамовцы Москвы во главе с Бесковым начали его превосходно — в шести первых матчах не потерпели ни одного поражения, да еще не пропустив ни единого гола. В итоге после первых восьми туров чемпионата «Динамо» и ЦСКА вместе возглавляли таблицу турнира. Правда, до конца турнира было еще далеко, поэтому мало кому могло прийти в голову, что финишировать эти две команды также будут вровень.

Еврюжихин свой первый гол в том сезоне забил 2 апреля, играя на выезде против ташкентского «Пахтакора». Москвичи победили с разгромным счетом 4:0, и Еврюжихин забил четвертый гол (на 72-й минуте), который уже ничего не решал.

Затем наш герой отличился 19 апреля, когда его команда принимала в Москве ворошиловградскую «Зарю». Отметим, что столичное «Динамо» тогда занимало 5-е место (6 очков), а «Заря» шла четвертой (9 очков). Поэтому матч был принципиальный. Москвичи победили 3:0. На этот раз Еврюжихин забил второй гол.

После той игры Геннадий почти два месяца на поле не выходил — был вызван в расположение сборной СССР. Вообще в сезоне-70 он сыграл семь матчей на национальную команду. И

даже забил свои первые голы в этом качестве: 5 мая он отличился в игре против команды Болгарии (3:3) и 15 октября в матче с киприотами (3:1).

А в июне Еврюжихин принимал участие в чемпионате мира по футболу, который проходил в Мексике. И сыграл во всех четырех матчах: с Мексикой (0:0), Бельгией (4:1), Сальвадором (2:0) и Уругваем (0:1). Вот как он сам говорил об этом: «… Вспоминая о том чемпионате, у нас все проклинают арбитра, который на последних минутах добавочного времени четвертьфинального матча с уругвайцами не заметил, что мяч уже побывал за пределами поля за мгновение до того, как последовал роковой прострел вдоль ворот Кавазашвили, и — гол. Но никто почему-то не говорит о том, что предшествовало этому в течение почти 120 игровых минут. Не надо было нам доводить дело до жребия. Я хорошо помню тот матч и уверяю, что уругвайцы серьезно нас боялись. Недаром же они насытили свою оборону таким количеством игроков, что нам с Хмельницким и Бышовцом втроем никак было с ними не сладить. А поддержки из глубины по большому счету не получалось, потому что наша сборная тоже играла от обороны — и в этом заключалась главная ошибка. Игры как таковой не было — все толклись в середине поля. Я знаю, что Гавриила Дмитриевича Качалина тогда уговорили опытные игроки команды действовать от обороны — и он пошел у них на поводу. Хотя по реальному раскладу сил мы могли и должны были обыгрывать уругвайцев, в этом я убежден…»

Между тем продолжается чемпионат СССР по футболу. Свой очередной гол в нем Еврюжихин забил лишь 29 июля 1970 года в домашней игре против ленинградского «Зенита», которую москвичи выиграли 2:0 (второй гол был за Еврюжихиным). На тот момент московское «Динамо» занимало 1-е место, набрав 24 очка. Их одноклубники из Киева отставали от них всего на одно очко.

8 августа московское «Динамо» играло финал Кубка СССР против одноклубников из Тбилиси. Игра собрала на стадионе имени В. Ленина в Лужниках 102 тысячи зрителей. Пришедшие на стадион не обманулись в своих ожиданиях — матч получился интересным. Уже на 17-й минуте москвичи повели в счете — гол забил Эштреков. А на 62-й минуте отличился герой нашего рассказа — Еврюжихин. Казалось, что дело сделано. Но на 66-й минуте Хинчагашвили сократил разрыв и тбилисцы воспрянули духом. И последние 25 минут игра прошла в обоюдных атаках. Однако москвичи сумели сохранить свои ворота в неприкосновенности и завоевали Кубок СССР — второй раз в течение трех последних лет.

Кстати, сразу после победы в том кубковом матче два динамовца загремели… в милицию. Это были Юрий Семин и Владимир Эштреков. Последний вспоминает: «Отмечали победу у Юры дома на Хорошевке. Пили шампанское. Не хватило. Ресторан от него метрах в двухстах, Палыч командует: «Пошли!» А заведение уже закрывалось. Швейцар уперся — и нас не пускает, и сам вынести пару бутылок не хочет. Разговаривать с ним бесполезно. Отодвинули его — и наверх. Он вызвал милицию. Наряд нас и отвез в соседнее отделение. Там что-то выясняют, записывают. Думают, что с нами делать, — и тут из кабинета выходит начальник. Сразу узнает: «Ох! Вы кого привезли-то?!» Те вытянулись. С почестями отвезли обратно в ресторан. Заставили вынести шампанское. Дождались и провезли еще 200 метров до дома…»

Тем временем продолжается чемпионат СССР. 1 октября в игре против земляков из «Торпедо» Еврюжихин сделал дубль — забил два мяча. Первый влетел в сетку торпедовцев на 39-й минуте, а второй уже под занавес игры — на 80-й. К тому моменту счет был ничейный 1:1, и гол Еврюжихина оказался решающим в концовке игры. А забил его он так. Прошел с мячом почти полполя, обманув по пути нескольких защитников соперника. Потом вошел в штрафную площадь и с ходу пробил в дальний угол.

Следующие два гола Еврюжихин забил под занавес первенства. Это случилось в играх с бакинским «Нефтчи» (2:0) и ЦСКА (3:4). Последний матч был финальным, и в нем решалась судьба золотых медалей. Матч получился скандальный, и Бесков даже обвинил ряд своих игроков (в том числе и Еврюжихина) в преднамеренной сдаче игры. Впрочем, о подробностях этой игры я расскажу в другой главе — про армейца Бориса Копейкина, поскольку «золото» того первенства завоевал ЦСКА, а динамовцы довольствовались «серебром».

В сезоне-71 Еврюжихин впервые «распечатал» ворота соперников только в четвертой игре — против ворошиловградской «Зари». Причем его гол оказался решающим. Москвичи проигрывали 0:1, и именно Геннадий сравнял счет. Игра так и закончилась — 1:1. «Заря» после этого сохранила лидерство в чемпионате (7 очков), а динамовцы занимали 3-е место (6 очков).

А в мае команда Еврюжихина выдала целую серию «сухих» ничьих (0:0) — четыре подряд: со «Спартаком», минским и киевским «Динамо», львовскими «Карпатами». Потом была игра против ростовского СКА, которую динамовцы выиграли со счетом 4:1, но Еврюжихин и там не забил. Более того. 29 июля его

команда разгромила ташкентский «Пахтакор» 8:0, но герой нашего рассказа (кстати, капитан команды), игравший все 90 минут, не забил ни одного гола. Хет-трик сделал Пискунов, дубль оформил Байдачный. Динамовцы по-прежнему занимали 3-е место, а на первом были их одноклубники из Киева.

И только 11 сентября в игре против столичного «Торпедо» Еврюжихин забил. И снова это был нужный гол, который помог динамовцам уйти от поражения, — 1:1. Вот как написал об этом журналист В. Винокуров: «…После перерыва, оказавшись в положении отыгрывающихся, динамовцы на какое-то время избавились от излишнего академизма, спокойствия, убыстрили темп и стали атаковать острее. Многоходовая комбинация привела к тому, что мяч на линии штрафной площади получил Еврюжихин и с разворота пробил в угол. От неожиданности Банников чуть запоздал с броском, мяч попал в штангу и отскочил в сетку. Динамовцы по инерции еще минут десять играли с огоньком, но затем остыли, видимо, притомились и закончили матч в минорном тоне».

В последних матчах чемпионата (16 октября — 12 ноября) Еврюжихин не играл. Всего же на его счету в том сезоне было 2 забитых гола. Скажем прямо, не густо. Но если к этому приплюсовать голевые пасы, после которых его партнеры «распечатывали» ворота соперников, то это будет впечатляющая статистика, поскольку столичные динамовцы забили в том сезоне 35 мячей. И заняли 5-е место.

Что касается игр Еврюжихина за сборную СССР, то их в сезоне-71 у него набежало шесть. И в двух из них он отметился голами: с Кипром (6:1, сделал дубль — забил два гола) и с Шотландией (забил единственный гол, который принес нашей сборной победу со счетом 1:0).

В сезоне-72 Еврюжихин снова открыл счет забитым мячам с четвертой игры. На этот раз это был матч против львовских «Карпат» (4 мая), который москвичами был выигран со счетом 3:1. Третий мяч забил Еврюжихин. Его команда в тот момент занимала скромное 8-е место, набрав 4 очка.

А в конце мая столичные динамовцы играли финал Кубка кубков, угодив на шотландское «Глазго рейнджерс». Тому финалу суждено будет стать одним из самых скандальных в истории Еврокубков. Но послушаем рассказ К. Бескова:

«24 мая 1972 года. Барселона. Знакомая средиземноморская, солнечная, зеленая столица Каталонии, где мы знавали и победы с крупным счетом. И противник был более или менее знакомым — шотландский «Глазго рейнджерс». Правда, не все игравшие в тот день за «Динамо», особенно молодые, раньше встречались с

«Рейнджерс».

Шотландцы были более чем уверены в себе. На трибунах бушевали тысячи их приверженцев, прибывших специально на эту игру. Под натиском шотландских футболистов динамовцы прижались к своим воротам и тем самым отдали инициативу. Не только защитники, но и Якубик с Сабо, и Маховиков с Байдачным, и Еврюжихин отошли назад в надежде перехватить мяч и наладить атаку.

Стихийный порыв «все на защиту своих ворот», в сущности, обезоружил москвичей. Лучшая оборона — нападение. В начале второго тайма счет был уже 0:3. В воздухе пахло разгромом…

Видя, что игра в таком варианте не клеится, я вместо Долбоносова выпустил форварда Гершковича, вместо Якубика — также форварда, Эштрекова. Четверо нападающих, поддерживаемые полузащитой и то одним, то другим игроком обороны, пошли на штурм ворот «Глазго рейнджерс». Ничего похожего на отчаяние — сознательный, последовательный, стремительный штурм. Вот и результат: Володя Эштреков отквитывает один мяч. Атаки продолжаются, Саша Маховиков забивает второй гол. Динамовцы полностью доминируют на поле. В боксе это называется «явным преимуществом». Гол, как говорится, назревает. Он буквально навис над воротами «Рейнджерс»…

Оставалось три минуты до финального свистка, который мог стать не финальным, а лишь возвестить о конце второго тайма. Добавочное время, и тогда… Динамовцы пошли в очередную атаку. 180 секунд — это очень много, когда игра, что называется, идет!

И тут произошел беспрецедентный случай.

На поле с трибун ринулись тысячи шотландских болельщиков. Эта публика «славится» на весь футбольный мир экстравагантностью поведения на матчах: накачивается знаменитым шотландским виски и устраивает потасовки. Не дождавшись финального свистка судьи, шотландцы бросились поздравлять своих игроков с еще не совсем одержанной победой. Распорядителям, полицейским и работникам стадиона с большим трудом удалось выдворить многотысячную компанию шотландских болельщиков с поля обратно на трибуны…»

У Еврюжихина на этот счет было свое мнение, которое он высказал много позже в одном из своих интервью:

«…Фаворитами в Барселону конечно же приехали шотландцы. Однако исхода матча это само по себе никак не предопределило. У нас была реальная возможность побороться с ними на равных и даже взять верх. Но увы… Серьезные просчеты

при определении состава на игру допустил, на мой взгляд, Бесков. Со свойственной ему непредсказуемостью Константин Иванович перераспределил обязанности между игроками обороны так, как никто не ожидал. Сабо, например, со своего привычного места свободного защитника был переведен в середину поля. А на его позиции вдруг оказался Долбоносов, который до этого долго вообще не выступал из-за травмы и был далек от своих лучших кондиций. А впереди, по непонятным для нас соображениям тренера, не нашлось места в стартовом составе ни Гершковичу, ни Эштрекову, от которых в решающей степени зависела атакующая мощь «Динамо».

Теоретически возразить Бескову мог бы, скажем, Лев Иванович Яшин, бывший в ту пору уже начальником команды, или Дерюгин, председатель горсовета «Динамо», ездивший с нами в Барселону. Но практически это ничего бы не изменило. Константин Иванович мог выслушать чужое суждение, но поступал всегда по-своему…

Воспользовавшись неразберихой в защитных порядках «Динамо», шотландцы после первого тайма вели — 2:0. Начинается вторая половина, неудачно сталкиваются у своих ворот Долбоносов с Долматовым, и «Рейнджерс» наказывает нас в третий раз. Только при счете 0:3 на поле наконец-то появляются Гершкович с Эштрековым. Шотландцы решили, очевидно, что дело сделано, слегка расслабились, за что дважды — Эштрековым и Маховиковым — были наказаны — 2:3. У меня тоже возник хороший момент, но вратарь удачно сыграл, проявив недюжинную реакцию. А потом произошло то, что и сделало матч одним из самых скандальных в истории европейских клуубных турниров. Минуты за две-три до конца, когда игровой перевес «Динамо» стал подавляющим и соперники помышляли только о тем, как бы отбиться, судья дал свисток, назначая свободный удар в сторону «Рейнджерс». Честно говоря, сколько продолжалась эта игра, никто точно не знает. Шотландские болельщики после каждого забитого гола в наши ворота выбегали на поле, откуда их выдворяла испанская полиция. А когда буйные, изрядно накачанные спиртным британцы ошибочно приняли обычный свисток арбитра за финальный — что тут началось, я не могу передать словами. Никакая полиция не могла удержать беснующуюся толпу, которая оккупировала поле окончательно и бесповоротно. Решив, что доиграть матч в такой ситуации невозможно, судьи ушли в раздевалку — подальше от греха. Туда же быстренько побежали и футболисты «Рейнджерс». Матч так и остался недоигранным даже по официальному хронометражу, который вели арбитры.

Нами был написан протест. Когда вся эта каша заварилась, инспектор матча (помнится, он был из Венгрии) как будто бы принял нашу сторону, возмущался по поводу случившегося. Но потом, при разборе протеста, от своих слов отказался, получив, как я подозреваю, «компенсацию» от шотландцев. Мало кто, наверное, знает, что беспорядки, устроенные на радостях болельщиками «Рейнджерс», привели после игры к трагическому финалу: 17 человек погибли в пьяных драках, десятки были ранены. Барселонцы боялись в тот вечер выходить на улицу: обезумевшая толпа крушила магазинные витрины, припаркованные в районе стадиона автомобили. В конце концов УЕФА наказал за все это клуб «Рейнджерс», отлучив его от участия в европейских турнирах на два следующих сезона. Только нам-то от этих санкций против соперников легче не стало…»

По официальным данным, во время той барселонской «заварушки» было ранено 97 человек, общий ущерб составил 2 миллиона испанских песет. И снова — слово К. Бескову:

«Эти хулиганы опозорили наш город и всю Шотландию», — заявил со страниц газеты «Гардиан» лорд-мэр Глазго Джон Мэйне.

Серебряные медали европейского розыгрыша для клубных команд, впервые завоеванные советским клубом, — неплохая награда. Но команда, которая была близка к более значительному успеху, полученным наградам не радовалась. Настроение у нас было испорчено несправедливым, по сей день убежден, решением Европейской футбольной федерации. Матч не был доигран в нормальных условиях, был прерван вмешательством извне, причем не стихийным бедствием, одинаково неприятным обеим командам, а разнузданностью болельщиков одной из них, которой и отдан международный приз.

И конечно же наше злополучное, злосчастное выступление в финале Европейского кубка восприняли в Москве как провал! Забыли, что это первый выход советской клубной команды в финал европейского клубного турнира, что счет 2:3 и обстоятельства матча подтверждают право «Динамо» считать себя не хуже «Глазго рейнджерс». Принцип «побежденных судят» вновь восторжествовал. Московские динамовцы, достойно прошедшие нелегкий международный экзамен, рассматривались как неумехи, которым далеко до европейских образцов…»

После того скандального финала Еврюжихин в чемпионате СССР забил всего лишь два мяча: столичным торпедовцам (его гол был единственным у «Динамо», которое проиграло 1:4) и столичным железнодорожникам (в этой игре динамовцы победили 3:1).

Однако, мало забивая, Еврюжихин продолжал приносить

пользу как плеймейкер. Вот как об этом писала советская пресса по поводу повторного матча динамовцев с торпедовцами, где победу уже одержали первые, причем с тем же счетом, с которым они проиграли в мае, — 4:1.

«Для «Динамо» матч начался счастливо. Первую же свою комбинацию динамовцы разыграли отменно. Маховиков на левом фланге обыграл двух соперников и дал очень расчетливый пас на Еврюжихина, вбежавшего в штрафную площадь. Тот сделал прострел, мяч пролетел почти вдоль линии ворот. У дальней штанги его настиг стремительный Эштреков и с ходу пробил. Гол!..

На 27-й минуте Дегтярев сквитал гол. Но Эштреков снова добился успеха. После перерыва Якубик, а затем — очень красиво — Сабо довели счет до 4:1. У победителей очень полезно действовал Еврюжихин».

Однако общий итог для московского «Динамо» в том сезоне был малоутешительный — 10-е место в турнирной таблице. По словам К. Бескова: «Занятое нами десятое место в чемпионате страны тем более выглядело как продолжение провала в течение всего сезона. Все хорошее, что было до этого, как-то отошло в тень. Главный сиюминутный мотив был: как вы дошли до жизни такой? Тут чиновников хлебом не корми, дай «разобраться», расследовать, «сделать выводы».

Честно говоря, я очень устал к тому моменту. Шесть лет у руля «Динамо», шесть лет, в течение которых дважды были завоеваны серебряные медали и дважды — Кубок СССР… Все перипетии, переживания, оставившая неприятный осадок история матча с ЦСКА в 1970 году, решение УЕФА с отказом в переигровке, периодически безразличная игра некоторых футболистов «Динамо» — все это легло тяжким грузом на душу. Я попросил отставку…»

В сезоне-72 Еврюжихин продолжал привлекаться к играм за сборную СССР. Причем в том году сыгранных матчей было у него больше, чем когда-либо, — десять. Из них два отбора чемпионата Европы, семь олимпийских игр и одна товарищеская. Начнем с отборочных игр.

Обе они были против сборной Югославии и закончились со счетом 0:0 и 3:0 в нашу пользу. Но на сам чемпионат Еврюжихина так и не взяли. Почему? По его же словам: «У нас получилась неплохая связка с Володей Мунтяном. Но в финальную стадию этого турнира нас не взяли. Тренеры сборной Зонин и Пономарев предпочли другую связку — Онищенко и Байдачного, а нас с Мунтяном посадили на лавку…»

На том чемпионате сборная СССР играла в финале с

командой ФРГ и уступила 0:3.

В августе — сентябре Еврюжихин в составе сборной СССР отправился на Олимпиаду в Мюнхен. Сыграл там семь матчей и забил один гол — Судану (2:1). Далее послушаем его собственный рассказ:

«…В Мюнхене наша команда снова споткнулась — в полуфинале о сборную Польши. Это тоже был по-своему памятный матч. Пришелся он на самый черный день Олимпиады, когда арабские боевики совершили террористический акт против делегации Израиля, в результате чего погибли люди. Мы узнали об этом, когда вышли на предматчевую разминку. Сразу пошел слух, будто игра вообще не состоится, да и вся Олимпиада может прекратиться досрочно. Вернулись в раздевалку, сняли бутсы. Но через полчаса ожидания объявили, что матч все-таки будет сыгран…

Начали игру мы хорошо, повели в счете: мне удался прострел со штрафного, который замкнул Блохин. Но потом стало выясняться, что физически соперники подготовлены лучше. Плюс к этому индивидуально сильных игроков, способных в одиночку решить многое, у них все-таки побольше — Любаньский, Дейна, Гадоха. Добил нас во втором тайме, уже при счете 1:1, выход на поле Шолтысека. Он был просто в ударе и накручивал оборону нашей команды как хотел. Особенно доставалось Дзодзуашвили, который еле держался на ногах. Помню, Сабо кричал тренерам: «Замените его!» Но те почему-то не решились это сделать. В конце концов именно Дзодзуашвили допустил роковую ошибку в штрафной площади, и поляки с пенальти вырвали победу…»

Итак, в конце 1972 года Бесков покинул пост старшего тренера, проработав в этой должности шесть лет. Результаты его деятельности были следующими: в сезоне 1967 года подопечные Бескова заняли в чемпионате СССР 2-е место, в 1968-м — 5-е, в 1969-м — 4-е, в 1970-м — 2-е, в 1971-м — 5-е, в 1972-м — 10-е. Именно провал в последнем сезоне и стал поводом к отставке тренера, в действиях которого руководители «Динамо» усмотрели усталость и топтание на месте. Команде вновь нужна была встряска, но у Бескова уже не было ни сил, ни идей для такого разворота. Зато такие силы найдутся у Гавриила Качалина, который примет «Динамо» в 1973 году, уйдя из другого «Динамо» — тбилисского, которое в сезоне-72 заняло под его руководством 3-е место. Самое интересное, но при Качалине московское «Динамо» в сезоне-73 тоже завоюет бронзовые медали. Хотя начнут тот сезон динамовцы с двух поражений подряд — от алмаатинского «Кайрата» (0:1) и ташкентского «Пахтакора» (0:2). Затем, правда, начнут выигрывать — дома обыграют ростовский

СКА (2:0).

Что касается Еврюжихина, то он в сезоне-73 почти все свои мячи забьет с пенальти. Почему? Дело в том, что в сезоне-73 будет введено новшество — станут пробиваться послематчевые пенальти, если команды в основное время сыграли вничью. Эти пенальти должны были стать панацеей от договорных матчей, которые тогда стали настоящим бичом советского футбола. В итоге у динамовцев Москвы в том сезоне набежит целых 10 «пенальтных» игр, из которых в восьми Еврюжихин будет бить пенальти. И начнет он этот процесс с осечки. В гостевом матче от 28 апреля против донецкого «Шахтера» (основное время — 1:1) будет бить пенальти первым и пошлет мяч выше ворот. В итоге динамовцы проиграют 3:4. Но затем «прицел» у героя нашего рассказа отладится, и он уже ни одного пенальти не пробьет в «молоко». В итоге он «заколотит» 7 мячей с пенальти: минскому «Динамо» (1:1 и 5:4), ленинградскому «Зениту» (1:1 и 5:4), алма-атинскому «Кайрату» (1:1 и 3:4; в этой игре Еврюжихин не забил пенальти с игры — вратарь отразил удар), ташкентскому «Пахтакору» (1:1 и 6:5), ЦСКА (1:1 и 5:4), «Спартаку» (0:0 и 5:3), ереванскому «Арарату» (1:1 и 5:3).

Два мяча Еврюжихин забьет с игры: в матчах против ЦСКА (3:0, откроет счет) и в последней игре сезона против донецкого «Шахтера» (2:0, забьет второй мяч). Таким образом, именно гол Еврюжихина станет последним забитым мячом столичных динамовцев в чемпионате СССР 1973 года. А всего у них будет забито 43 мяча, что позволит им завоевать бронзовые медали в этом чемпионате.

В 1973 году Еврюжихин всего лишь два раза привлекался к играм за сборную СССР. Причем обе игры — против немцев, правда из разных стран. Так, 5 сентября он вышел на поле в домашней игре против сборной ФРГ (0:1), а 17 октября в Москве — против сборной ГДР (1:0). Голами нигде не отметился. На этом его карьера в сборной завершилась. Всего он провел в сборной 8 сезонов (1966–1973), сыграл в 37 матчах и забил 6 мячей. На вопрос о том, с кем из партнеров по сборной Союза он чувствовал себя на поле наиболее комфортно, Еврюжихин ответил следующим образом: «…Вообще-то крайний нападающий как подносчик снарядов, которому положено больше думать не о собственном комфорте, а об удобствах для других, штатных бомбардиров. Клянусь вам, я получал большее удовольствие, когда забивали с моих подач, нежели когда мой собственный удар становился решающим. Что касается взаимодействия с партнерами по сборной, то мне очень нравился язык паса, которым владел Кахи Асатиани. У него были выдающиеся

диспетчерские качества. Как, впрочем, и у Володи Мунтяна, с которым у нас получалась неплохая связка в отборочных играх к чемпионату Европы — 72. Хотя в финальную стадию этого турнира нас не взяли. Тренеры сборной Зонин и Пономарев предпочли другую связку — Онищенко и Байдачного, а нас с Мунтяном посадили на лавку…»

В сезоне-74 новшество с послематчевыми пенальти будет отменено, но Еврюжихин, у которого пробивание таких штрафных хорошо получалось, останется штатным пенальтистом команды. Правда, в том году он забьет всего лишь два «пеналя» (ленинградскому «Зениту» и киевлянам) и два мяча «заколотит» с игры: львовским «Карпатам» (2:1) и ЦСКА (1:2). Но главным его коньком останется по-прежнему распасовка. Хотя делать это ему будет все труднее, поскольку и годы уже брали свое, да и соперники действовали против него предельно внимательно и жестко. По его же словам:

«В последние годы мне стало трудней играть. Меня уже все хорошо знают и опекают значительно внимательней. Раньше за игру, бывало, до десяти голевых моментов имел, а сейчас в лучшем случае два-три. Научились защитники подключаться к атакам, и нам, нападающим, стало неизмеримо тяжелей.

Мы, нападающие, игроки зависимые от партнеров — прежде всего от полузащитников. Больше всего мне по душе были Гусаров и Маслов. Оба они знали, в какой момент мне надо отдать пас. Выиграл я у защитника хотя бы полкорпуса и… получаю мяч. Гусаров особенно тонко чувствовал обстановку да и технически выполнял передачи безупречно…»

Если противнику удавалось нейтрализовать Еврюжихина, то половина дела была уже сделана. Например, в сезоне-74 в матче против одноклубников из Киева Еврюжихина опекал Владимир Трошкин. В итоге опекаемый сумел-таки забить один гол — тот самый, с пенальти. А вот снабдить своих партнеров голевым пасом так и не смог. И москвичи проиграли 1:2. И занимали скромное 8-е место, в то время как киевляне были лидерами первенства.

О том, как эффективно действовал на поле Еврюжихин, можно узнать из тогдашней прессы. Процитирую лишь некоторые из отчетов. Например, о домашнем матче динамовцев с ташкентским «Пахтакором», где москвичи выиграли 4:0. Автор — Ю. Сегеневич («Советский спорт»):

«…И все-таки гости не уберeглись от угроз. Еще спустя две минуты Павленко, в высоком прыжке выиграв у вратаря мяч, бросил его Байдачному. Правый крайний москвичей открыл счет, а через 5 минут и удвоил его после точной передачи из глубины

поля Еврюжихина.

На этом неприятности гостей не кончились. Сбить высокий темп, предложенный динамовцами, ташкентцы не смогли. И хотя индивидуальные проходы Федорова и Хадзипанагиса заставляли защитников «Динамо» быть начеку, но отодвинуть игру от своей штрафной площади, снять напряжение у своих ворот гостям никак не удавалось. К тому же защитники «Пахтакора» не отличались четкостью действий в обороне. Сразу после перерыва Корченов пропустил под ногой простреленную передачу Еврюжихина, и Павленко метров с пяти провел третий гол…»

А вот что писалось после игры динамовцев против ворошиловградской «Зари», которую москвичи тоже обыграли с крупным счетом — 5:0 (автор — И. Конов, «Советский спорт»): «Так забивал с передач Еврюжихина второй и третий голы Павленко. Оба раза Еврюжихин убегал от защитника на правом фланге и подавал закрученный мяч примерно на линию вратарской площадки. В первом случае внимание Ткаченко отвлек на себя Козлов, пытавшийся перехватить мяч в прыжке, а между Козловым и Павленко метался один лишь Малыгин. Во втором против Павленко не оказалось ни Малыгина, ни Журавлева, а помешать форварду тщетно пытался никем не подстрахованный левый защитник Абрамов…»

О действиях Еврюжихина в последней игре сезона-74 — против львовских «Карпат», которую москвичи проиграли 1:4 и помогли соперникам выйти из «зоны вылета», было написано следующее (автор — Ю. Кордияк, «Советский спорт»):

«…Дважды должен был сравнять счет Петрушин, выходивший к воротам после точных передач Павленко и Еврюжихина. Кстати, Еврюжихин провел матч очень активно. Он искал пути к воротам сам, увлекал в наступление партнеров. Словно восполняя отсутствие полноценного правого края, ветеран «Динамо» играл за двоих и дважды был близок к успеху. Но спортивное счастье в тот день было не на его стороне. Третий гол в высоком прыжке красиво забил головой Броварский, а окончательный счет установил Данилюк, хорошо использовав отличную передачу Козинкевича.

Ни Еврюжихин, ни большинство его товарищей, думаю, не заслужили в этом матче суровых оценок. Они, как настоящие спортсмены, боролись до конца. Футболисты же «Карпат» в последнем матче чемпионата были в ударе, проявив завидную настойчивость и целеустремленность, сыграв свой лучший матч в сезоне».

В том чемпионате московские динамовцы заняли 6-е место, отстав от лидера, одноклубников из Киева, на 9 очков (31 против

40).

Столь же активно начал Еврюжихин и сезон-75. Причем в первом матче (12 апреля) его команде снова пришлось встретиться с львовскими «Карпатами». И на этот раз динамовцы уже не имели права играть спустя рукава, поэтому победили 1:0. И тот же Ю. Кордияк писал: «…Много маневрируя, Гершкович и Еврюжихин постоянно держали в поле зрения Павленко, действовавшего на острие атаки. Полузащитники, ведомые капитаном команды Долматовым, успевали перекрывать подступы к своим воротам и активно участвовали в штурме чужих…»

А свой первый гол (причем с пенальти) Еврюжихин забил 17 мая в домашней игре против ереванского «Арарата». Причем этот гол был единственным в той игре и принес победу хозяевам. После этого столичные динамовцы занимали 4-е место (8 очков), отставая от лидера, киевского «Динамо», всего на 2 очка.

В июле — августе Еврюжихин не играл и вышел на поле лишь 6 сентября, да и то на замену. И в дальнейшем он тоже выходил исключительно на замену. И голами наш герой не отметился, хотя действовал весьма полезно. После матча с земляками из «Торпедо» (1:1) в одном из отчетов писалось: «…Торпедовцы больше и в целом надежнее контролировали мяч, динамовцы отвечали скоротечными атаками, возлагая главные надежды на незаурядные индивидуальные способности Шепеля, Гершковича и Еврюжихина…»

Волею судьбы, как и в сезоне-73, последний мяч столичных динамовцев в том чемпионате был послан ногой Еврюжихина. Это была гостевая игра с ташкентским «Пахтакором» (9 ноября), которому как воздух нужна была победа. Победи они, и могли бы остаться в высшей лиге. Но тогда из нее бы вылетел ленинградский «Зенит». А это для многих спортивных функционеров было неприемлемо — все-таки Ленинград был городом трех революций. Поэтому московские динамовцы в той игре бились по-серьезному и победили 2:0. Второй мяч забил Еврюжихин — на 51-й минуте. Ташкентцы могли бы переломить ход игры, если бы Михаил Ан забил пенальти, назначенный на 70-й минуте. Но вратарь этот удар отбил. В итоге счет не изменился. «Пахтакор» вылетел (вместе с ростовским СКА), а команда Еврюжихина заняла 3-е место, пропустив вперед себя донецкий «Шахтер» (2-е место) и киевское «Динамо».

Между тем следующий сезон (1976) оказался последним в карьере Геннадия Еврюжихина. В том году было сыграно два чемпионата СССР по футболу — весенний и осенний. Героя нашего рассказа выпускали на поле на замену во второй половине

игры (он в основном менял Михаила Гершковича, либо тот выходил вместо него). И в весеннем розыгрыше Еврюжихин забил всего лишь один гол. Это случилось 14 мая в игре против столичного «Локомотива». Железнодорожники вели 1:0, когда точный удар Геннадия восстановил равновесие в игре. А на 82-й минуте его заменил Гершкович, который спустя семь минут тоже забил гол. В итоге динамовцы победили 3:2 и обосновались на 3-м месте с 9 очками («Локомотив» был последним, набрав всего 3 очка).

Кстати, тот забитый Еврюжихиным железнодорожникам мяч станет последним в его спортивной карьере голом, забитым в официальных играх. Хотя еще какое-то время Геннадий будет выходить на поле в майке столичного «Динамо». И даже завоюет с командой золотые медали весеннего розыгрыша. Динамовцы победят в девяти играх, только две проиграют и только четыре сведут к ничейному результату. Набрав 22 очка (на три больше, чем у их ближайшего преследователя — ереванского «Арарата»), они займут 1-е место. Впервые после 13-летнего перерыва. Их «золотой» состав будет выглядеть следующим образом: Н. Гонтарь (вратарь), С. Никулин, А. Паров, А. Новиков, В. Зенков, А. Маховиков, А. Бубнов, А. Петрушин, А. Якубик, А. Максименков, О. Долматов, А. Минаев, Ю. Гаврилов, М. Гершкович, А. Шепель, Г. Еврюжихин, О. Крамаренко, В. Павленко. Тренер — Александр Севидов.

Главным «забивалой» у чемпионов станет А. Шепель — на его счету будет 5 голов. Далее шли: М. Гершкович и А. Якубик — по 3 гола, по одному забитому мячу числилось за Г. Еврюжихиным, А. Новиковым, А. Максименковым, О. Долматовым, О. Крамаренко.

В осеннем розыгрыше сезона-76 столичные динамовцы не сумеют отстоять чемпионский титул и займут 6-е место («золото» достанется их землякам из «Торпедо»).

Что касается Еврюжихина, то он отыграет не весь сезон и снова будет выходить лишь на замену. Так, в первой игре (22 августа, против минского «Динамо» — 2:0) он заменит Долматова (кстати, именно ему он передаст свою капитанскую повязку) на 46-й минуте (то есть сразу после первого тайма), во второй игре (против ЦСКА — 1:2) — заменит Петрушина, причем на той же 46-й минуте, третью игру наш герой пропустит, в четвертой (против киевлян — 1:0) заменит Петрушина на 80-й минуте, в пятой (против ворошиловградской «Зари» — 1:0) заменит Максименкова на все той же 46-й минуте.

На этом карьера Геннадия Еврюжихина в большом футболе закончится. Причем не по его желанию — сам он готов был играть и дальше. Но в матче с киевлянами Леонид Буряк

повредил ему ногу, и Еврюжихин вынужден был лечиться до конца сезона. А потом, когда травма была залечена, выпускать его на поле передумали. Почему? Вот как сам футболист рассказывал об этом:

«…Это Сан Саныч Севидов отшил меня от футбола. Он еще покруче Бескова с составом чудил. Павленко у нас в лучших бомбардирах ходил, но чем-то Севидову не понравился. Зато понабрал Сан Саныч людей, которые нам, с моей точки зрения, совсем были не нужны: Минаева, Максименкова, Шепеля…

В отношении меня официальный аргумент был один — возраст. Хотя в 32 года — и это при желании легко проверялось — все мое оставалось еще при мне: и стартовая скорость, и выносливость. Об опыте, накопленном за десять лет, просто не говорю. И если Севидова смущал мой возраст, то с других, полагаю, позиций: как «старик», я не был таким же податливым для тренера, как молодые игроки. Севидов, скорее всего, страховал себя от возможных недоразумений между нами, когда объявил на собрании команды, что расстается со мной. А команда на это отреагировала молча. И это меня поразило больше всего. Гершкович, Пильгуй, Долматов, Маховиков, Якубик — все словно в рот воды набрали. После собрания, правда, подходили, сочувствие выражали: мол, как же так, почему так рано? На что я им отвечал: чего же на собрании вы в молчанку играли, теперь-то уж что говорить — поздно.

В каком-то другом клубе продолжить игровую карьеру теоретически было можно. Тот же Бесков звал вызволять из беды «Спартак», оказавшийся в первой лиге. Но начать все с нуля я бы не смог нигде. Поэтому решил повесить бутсы на гвоздь…»

Еврюжихин рассчитывал, что его позовут на тренерскую работу — ведь он помимо гражданского вуза (института геодезии и картографии, что на улице Казакова — в моих родных местах) успел окончить и инфизкульт. Но никто его в тренеры не позвал, а самому навязываться — не в его это было правилах. Зато ему предложили пойти начальником физподготовки в 9-е управление КГБ, которое отвечало за безопасность наших вождей (напомним, что Еврюжихин был динамовцем, а создавали это общество в далеких 20-х годах именно чекисты, да и сам Геннадий имел звание капитана за 11 лет выслуги). Но и здесь он решил: «не мое». Почему? Не хотел эту лямку тянуть, ходить перед начальством навытяжку.

В итоге ему помог его приятель, тоже, кстати, чекист — полковник КГБ. Речь идет о журналисте и историке динамовского общества, полковнике КГБ Владимире Верхолашине (автор книги «Динамовцы», 1960). Именно он устроил Еврюжихина

дипкурьером в МИД. Вообще дипломатический курьер — это динамовская традиция, начатая Владимиром Савдуниным, знаменитым форвардом бело-голубых первых послевоенных лет. Чуть позже в дипкурьерскую службу устроятся и другие динамовцы, игравшие с Еврюжихиным: Георгий Рябов и Юрий Вшивцев. Впрочем, нельзя сказать, что эта профессия чисто динамовская. Например, начальником их управления был бывший торпедовец Владимир Бреднев, а еще одним дипкурьером был другой бывший игрок столичного «Торпедо» — Виктор Круглов.

Почему же спортсменов брали на эту службу? По словам Еврюжихина: «Дипкурьерство с его постоянными перелетами требует отменного здоровья, которое у нас, видимо, покрепче, чем у многих других. А самое главное, как мне кажется, заключается в том, что мы легче других адаптируемся к кочевой жизни: сегодня — здесь, завтра — на другом конце земли. Мы ведь и в футболе были такие — вечные странники…»

По словам супруги нашего героя — Галины Еврюжихиной: «… Однако, как ни странно, эта, казалось бы, очень престижная работа полного удовлетворения мужу не принесла. Более того, со временем он даже стал уставать от нее: почти каждый месяц командировки, сроки которых доходили до трех недель, в самолетах приходилось сидеть по 20 часов не вставая. Представляете, какая это нагрузка! Может быть, и есть в этой работе некая романтика, но для Гены, который, еще будучи футболистом, вдоволь помотался по свету, она в конце концов перестала быть интересной. Особенно в период так называемой перестройки, когда его заработки совершенно не стали соответствовать огромным физическим и нервным перегрузкам. Я в тот момент временно не работала, и Гена очень переживал, что не в силах достойно содержать семью — у нас ведь росли сын и дочь…»

Эти переживания в итоге толкнули Еврюжихина искать отдушину на дне бутылки. К тому же надо было как-то снимать стресс, который сопутствовал его профессии. Бывший боксер, неоднократный призер чемпионата СССР Борис Курочкин, много лет проработавший в отряде дипкурьеров, рассказывал, что иногда просто заставлял себя выпить рюмку-другую, чтобы снять стресс и заснуть после 10–20-часовых перелетов. Вот и Еврюжихин пошел по этому же пути. Только здоровье у него оказалось не таким богатырским.

Рассказывает Галина Еврюжихина: «Я уже не помню, в какую страну была последняя командировка Гены. Кажется, куда-то в Азию. Там ему стало очень плохо, но он все-таки нашел в себе силы добраться до Москвы в вертикальном положении. А из

аэропорта его сразу увезли в больницу, потом в другую, в третью — врачи никак не могли поставить правильный диагноз. Поначалу даже были подозрения на инфекционное заболевание, но потом выяснилось, что у Гены серьезные проблемы с желудком, печенью и особенно с легкими. Когда после звонка из МИДа я приехала в больницу, его вывезли ко мне на коляске. Он был очень слаб, с трудом находил в себе силы даже на то, чтобы произнести две-три фразы, и тяжело дышал… Увы, из больничной палаты ему уже не суждено было выйти…»

Г. Еврюжихин ушел из жизни 15 марта 1998 года. Ему было всего 54 года.

Столь ранний уход из жизни, конечно, трагичен, но он был характерен для тех смутных времен, которые в народе получили название «лихих». Еще ждет своего часа подробная статистика смертности того периода, которая раз и навсегда похоронит надежды либеральной общественности на реабилитацию того времени. Я же приведу только футбольную статистику, из которой читатель узнает имена советских футболистов, кто не выдержал того лихолетья и ушел из жизни в не самом пожилом возрасте — на шестом десятке лет. Начинается эта статистика с момента развала СССР, который не зря называют геополитической катастрофой — он катком прошелся по судьбам миллионов людей. В том числе и футболистов.

Итак, список открывает 1992 год. Первая персоналия — Виктор Янушевский, бывший игрок ЦСКА и сборной СССР, ушедший из жизни в 33 года.

1993 год: Александр Медакин — знаменитый столичный торпедовец, игрок сборной СССР, умерший на 56-м году жизни; Владимир Щербаков — столичный армеец и торпедовец, скончался на 48-м году жизни.

1994 год: Гиви Чохели — тбилисский динамовец, игрок сборной СССР, смерть на 57-м году жизни; Владимир Поликарпов — столичный армеец, жизнь оборвалась на 52-м году жизни; Игорь Численко — легендарный игрок московского «Динамо» и сборной СССР, ушедший на 56-м году жизни; Альберт Шестернев — еще одна легенда советского футбола, игрок ЦСКА и сборной СССР, умер на 54-м году жизни.

1995 год: Вахтанг Челидзе — капитан тбилисского «Динамо», жизнь оборвалась на 51-м году; Юрий Заболотный — капитан одесского «Черноморца» и игрок киевского «Динамо», умерший на 56-м году жизни; Виктор Гетманов — капитан ростовского СКА, игрок сборной СССР, смерть на 55-м году жизни; Владимир Бутурлакин — московский торпедовец, умер в 44 года; Виктор Науменко — ташкентский пахтакоровец, умер на 56-м году

жизни; Игорь Малиновский — еще один игрок «Пахтакора», скончался спустя три дня после своего 55-летия; Владимир Ларин — московский динамовец, умер на 48-м году жизни.

1996 год: Василий Калинов — московский спартаковец, чемпион СССР, скончавшийся на 48-м году жизни; Иван Вишневский — игрок московского «Спартака» и сборной СССР, умерший на 40-м году жизни; Вадим Иванов — московский динамовец и спартаковец, умер на 54-м году жизни.

1997 год: Федор Медвидь — киевский динамовец, игрок сборной СССР, смерть настигла его на 55-м году жизни; Анатолий Банишевский — легендарный игрок бакинского «Нефтчи» и сборной СССР, умер на 52-м году жизни; Георгий Гавашели — тбилисский динамовец, трагически погиб в возрасте 50 лет.

Со многими из этих людей Геннадий Еврюжихин пересекался на футбольном поле, с некоторыми даже дружил. Но 90-е подвели черту под их пребыванием на нашей грешной земле. Но осталась память, которая не позволяет нам забывать имена тех, кто дарил миллионам людей счастливые минуты радости от соприкосновения с игрой под названием футбол.

«Копейка», равная рублю
Борис Копейкин, ЦСКА

Борис Копейкин родился 27 марта 1946 года в Челябинске. Там же начал заниматься футболом, поскольку этот вид спорта на Урале всегда был в почете. Официально история челябинского спорта, в том числе и футбола, началась с декрета о создании в 1924 году физкультурного отдела при губернском комитете. А в 1935 году в городе был открыт стадион «Труд» (потом — «Центральный») вместимостью более 15 тысяч зрителей. На нем выступала команда «Трактор» на базе Кировского завода, которая чуть позже поменяла название на «Авангард». В 1957 году команда была расформирована и на ее базе был создан клуб «Локомотив», выступавший в классе «Б» (вторая лига). Именно туда в 1964 году и пришел играть Копейкин.

В том году «Локомотив» играл во 2-й группе «А» и занял 8-е место. В следующем году он уже откатился на последнее место (16-е), а в 1966 году — 12-е в 3-й подгруппе. Вот как о тех годах вспоминает сам Б. Копейкин: «…Когда я стал играть в ЦСКА, мне Толик Фирсов, знаменитый хоккеист, как-то говорит: «Обрати внимание, как мы начинаем матч. Специально в маску чужому вратарю бросаем. Раз, другой — и он всю игру будет мордой дергать, на замах реагировать. Поэтому забиваем по 10 шайб». Почему это вспомнилось? Мы ведь тоже это практиковали в челябинском «Локомотиве». На первых минутах штрафной — заряжаем в «стенку», да посильнее. Чтоб потом человек от замаха съеживался… А с Геной Красницким из ташкентского «Пахтакора» я первый раз столкнулся, когда еще за Челябинск играл. «Пахтакор» был в нашей зоне (в 1964 году ташкентцы заняли 3-е место и вернулись в высшую лигу, а челябинцы довольствовались лишь 8-м. — *Авт.*). Штрафной, никто в «стенку» вставать не желает. Молодых туда затолкали. Зажмурились, Красницкий разбежался… Откатил в сторону, забили гол — а мы всё стоим, одно место бережем…»

Копейкин был одним из забивающих нападающих в команде, поэтому обратил на себя внимание знаменитого в прошлом форварда столичного ЦДКА, а впоследствии — известного тренера Валентина Николаева. В 1966 году из-за неудачного выступления в чемпионате страны его армейского клуба Николаева сняли с поста старшего тренера этой команды и отправили в «ссылку» — поднимать футбол на Дальнем Востоке. В итоге Николаев способствовал переводу Копейкина в

Дальневосточный военный округ, когда тому пришел черед служить в армии. Так Борис оказался в команде СКА из Хабаровска (самый весомый результат этой команды — выход в одну четвертую финала Кубка СССР в 1963 году). Причем случилось это уже в разгар сезона-67, поэтому новичку, который попал «с корабля на бал», пришлось сразу отрабатывать выданные ему авансы. И он не подкачал — быстро вписался в коллектив на правах «забивалы». По словам очевидца — игрока хабаровского СКА Василия Поденкова: «Уже тогда чувствовалось, что у этого парня большой потенциал. У нас тогда оказалось сразу два форварда таранного типа, как называют мощных и пробивных нападающих. Но если Володя Неизвестных в силу своей грузной комплекции был недостаточно подвижным, то Боря Копейкин, напротив, отличался мобильностью и постоянной нацеленностью на ворота…»

Копейкин отличался тем, что бил по воротам соперников практически из любых позиций. Его девизом всегда было: «Бил, бью и буду бить». Причем свои мощные удары он оттачивал на тренировках, а если не хватало времени, то оставался дополнительно и мучил вратаря команды Геннадия Прохоровича до посинения своими ударами. При этом он специально подсказывал голкиперу тот угол ворот, в который последует удар, и все равно умудрялся забивать. Почему? Его удар был, как из пушки, при этом он одинаково сильно бил как правой ногой, так и левой. А такими способностями обладает не каждый форвард. Вот тогда-то по поводу таланта Бориса и родилось выражение: «У Копейкина что замах, что удар — все рублевые».

По словам самого футболиста: «Над своей левой ногой я как раз в Хабаровске плотно поработал. Во второй год своей футбольной «службы» я для себя решил: буду на тренировках и играх специально левую ногу больше нагружать, чтобы не быть «одноногим». Возможно, тренеров и партнеров это иногда раздражало, но я добился того, что для меня не было разницы, какой ногой бить по цели, когда появлялся такой шанс…»

Тогда же Копейкин и женился. Девушку звали Светлана, и она была из местных — родилась в поселке Хор, который расположен на берегу одноименной реки в районе имени Лазо Хабаровского края, у автотрассы «Уссури». С 1938 года Хор получил статус поселка городского типа. Кстати, в том самом году, когда познакомились Борис и Светлана (1967), в поселке Хор родился на свет Сергей Чепиков — в будущем известный советский и российский биатлонист и лыжник, двукратный олимпийский чемпион и двукратный чемпион мира по биатлону. Первый в истории новой России обладатель Кубка мира по

биатлону.

В хабаровском СКА Копейкин отыграл два года и был на отличном счету — забивал практически в каждом матче. Поэтому молва о нем дошла и до Москвы. Там на него обратил внимание сам Константин Бесков, который в ту пору тренировал столичное «Динамо». Но в дело опять вмешался Валентин Николаев. Он тогда был главным тренером сборных Вооруженных сил и стал «сватать» Копейкина в московское ЦСКА, которое тренировал Всеволод Бобров. Сам же футболист какое-то время колебался, какой из именитых клубов выбрать. А тут еще и его жена Светлана вставила в эти размышления свои пять копеек: стала уговаривать супруга остаться в родном для мужа Челябинске, куда супруг привез ее для знакомства с родителями. Ведь тамошний «Локомотив» тоже предлагал Копейкину отличные условия в случае возвращения в команду: трехкомнатная квартира, автомобиль и хорошая зарплата. Короче, было над чем поломать голову.

И все же, после долгих раздумий, Копейкин выбрал ЦСКА. На календаре был 1969 год. Сезон в высшей лиге тогда начался 8 апреля, и армейцы свой первый матч играли в Москве против одесского «Черноморца». Выиграли 1:0, но заслуги Копейкина в этом не было — он на поле так и не вышел, поскольку в основном составе места ему не находилось и он бегал за дубль. В итоге он появился на поле в основе только на пятой игре — 3 мая против бакинского «Нефтчи». Матч проходил на московском стадионе «Динамо» в присутствии 35 тысяч зрителей. Армейцы начали игру в следующем составе: Пшеничников (вратарь), Истомин, Шестернев, Багрич, Капличный, Уткин, Абдураимов, Масляев, Вшивцев, Поликарпов, Дударенко. Как видим, Копейкина среди них не было, поскольку его выпустили только ближе к концу игры — на 72-й минуте, вместо Вшивцева. А выпустили потому, что накануне в матче с дублерами Борис отличился — забил победный гол (армейцы выиграли 1:0). Однако с бакинцами этот «трюк» не удался — Копейкин так и не смог «распечатать» ворота голкипера Крамаренко. Зато это сделали его партнеры по команде: Абдураимов и Поликарпов. В итоге ЦСКА победил 2:0.

Спустя пять дней Копейкин снова вышел на замену — в игре против столичного «Динамо», куда он не захотел переходить, выбрав ЦСКА. И снова замена произошла в конце матча — на 73-й минуте. И снова Копейкин не забил. Впрочем, там вообще никто не отметился — игра закончилась нулевой ничьей.

И только с третьего захода герою нашего рассказа удалось-таки отличиться. Случилось это 12 мая на стадионе «Динамо» в присутствии 22 тысяч зрителей. Армейцы принимали

свердловский «Уралмаш» и победили 1:0. Единственный мяч забил Копейкин. Его снова выпустили на замену (на 46-й минуте вместо Поликарпова), и долгое время ему никак не удавалось выйти на ударную позицию. И когда до конца игры оставалась всего лишь одна минута и часть зрителей уже поднялась со своих мест и потянулась к выходу, вот тут Копейкин точным ударом и послал мяч в сетку ворот вратаря гостей Голубева. Так ЦСКА получил очень нужные ему 2 очка, которые позволили ему занять после первого круга 2-е место.

После этого Копейкин стал выходить на замену практически в каждом матче и забивать важные голы. Так, 26 мая он вышел на поле в игре против столичных динамовцев в Лужниках и забил единственный гол армейцев (на 30-й минуте). Тот матч закончился вничью 1:1. А 20 июня на выезде, в Ереване, ЦСКА играл против «Арарата» и проигрывал 1:2. И именно точный удар Копейкина на 69-й минуте спас армейцев от поражения. Игра завершилась со счетом 2:2.

8 июля ЦСКА разгромил у себя дома ростовский СКА 3:0, и один мяч (второй) был на счету Копейкина. После две следующих игры он на поле не выходил. А когда снова появился в основном составе (26 августа) в домашней игре против донецкого «Шахтера», то снова отличился — забил гол. ЦСКА выиграл 2:0. Но затем случилось непонятное — нашего героя перестали выпускать в основе. Либо он выходил на поле на замену, либо выступал за дубль. Армейцы тогда резко сдали, хотя, как мы помним, в первом круге заняли 2-е место. А тут команда четырежды проиграла и трижды сыграла вничью, не поразив ни разу (!) ворота соперников. Особенно чувствовалось отсутствие диспетчера армейцев Владимира Федотова. Кроме этого, разладилось взаимодействие между ведущими игроками — Абдураимовым, Копейкиным, Вшивцевым, Жигуновым и Дударенко. И как главный тренер Всеволод Бобров ни тасовал «колоду», ничего не получалось.

Два своих последних матча в том сезоне Копейкин провел, играя за основу и за дубль. Это случилось 9 ноября и 10 ноября в играх против столичного «Спартака» (он, кстати, и стал тогда чемпионом). В матче за дубль Борис забил один гол (армейцы выиграли 2:0), а в игре за основу он вышел на замену (заменил на 66-й минуте Поликарпова), но голом не отметился. И ЦСКА проиграл 0:1. И занял всего лишь 6-е место в чемпионате (в прошлом сезоне это было 4-е место). Таким образом, в своем первом сезоне за ЦСКА Копейкин, играя за основной состав, забил 5 мячей (на счету главного «забивалы» Берадора Абдураимова было 7 мячей). Не самый плохой показатель для новичка.

После этой неудачи на тренерском мостике произошла рокировка: Всеволод Бобров уступил место Валентину Николаеву. Тому самому человеку, который открыл для ЦСКА Бориса Копейкина. Последний встретил эти перемены с воодушевлением, надеясь на то, что следующий сезон сложится для него куда лучше, чем дебютный.

Предсезонный сбор армейцы провели в Болгарии. Состав команды мало изменился по сравнению с предыдущим сезоном. Из-за травмы завершил карьеру Владимир Пономарев, по ходу чемпионата ЦСКА покинули Абдураимов и Солохо, вернувшиеся в «Пахтакор», а Вшивцев вернулся в московское «Динамо». Пополнилась команда за счет малоизвестных футболистов — полузащитников Николая Долгова, перешедшего из орловского «Спартака», Александра Кузнецова из тульского «Металлурга», а также защитника Валерия Войтенко из «Уралмаша».

Копейкин вышел на поле в первом же матче. Это случилось 8 марта в игре против донецкого «Шахтера». Причем из-за холодов этот матч пришлось проводить в сто лице Азербайджана городе Баку в присутствии 11 тысяч зрителей. И уже на 8-й минуте Копейкин метким ударом «распечатал» ворота дончан. А затем Поликарпов удвоил результат. В итоге ЦСКА победил 2:0.

Однако следующего гола в исполнении Копейкина болельщикам пришлось ждать аж два с половиной месяца. И это притом, что ЦСКА за это время крупно выиграл у «Пахтакора» (5:0) и ворошиловградской «Зари» (4:0). Копейкин играл в обоих матчах все 90 минут, но голами не отметился. И только 20 мая, в домашнем матче против ереванского «Арарата», Копейкин сумел снова отличиться. Его команда к 59-й минуте проигрывала 0:2, и именно гол Бориса пролил бальзам на душу армейцам и их болельщикам, сократив разрыв до минимума. Появилась надежда, что игра может быть спасена. И хотя эта надежда так и не оправдалась, но последние полчаса игры подарили всем участникам этого действа, а также его зрителям интригу.

В последующих играх ЦСКА голы Копейкина оказались победными. Так, в матче против бакинского «Нефтчи» он забил важный второй гол (армейцы победили 2:1), в игре против минского «Динамо» его гол тоже был вторым (победа 3:1). Причем забил он последний гол головой при весьма курьезных обстоятельствах. Послушаем его собственный рассказ:

«…В 1970 году играли мы на «Динамо» с Минском. Погода плохая, и на поле грязь, лужи. Мячи тогда были не такие, как сейчас. Чтобы они не разбухали от воды, мы их даже наждачной бумагой шкурили, потом красили. Но когда вода кругом, уже ничто не поможет. И вот в конце игры в одном из эпизодов

подключается в атаку по левому краю наш защитник, Марьян Плахетко. Обычно он редко вперед ходил, но тут проскакивает всю бровку чуть ли не до лицевой линии. Я, как и положено центральному нападающему, бегу параллельно в штрафную. Вхожу в нее и не вижу, где мяч. Защитник, который со мной играет, загородил все. Аккуратно из-за него голову высовываю, чтобы посмотреть, что происходит, и в этот момент тяжеленный, разбухший мячина врезается после прострела Марьяна мне в голову. Я стою, в глазах темно, вокруг звезды летают. И партнеры бегут меня обнимать. Оказывается, мяч от моего лба отскочил аккурат в угол ворот.

На следующий день в «Советском спорте» какой-то обозреватель выдвигает мой гол на звание самого красивого гола сезона, тогда как раз их начали определять. Пишет, что я, «своевременно увидев прострел, четким движением головы положил мяч в угол». Вот ведь, думаю, как бывает. И до самого конца сезона мой гол так и лидировал. Хорошо, в одном из последних туров кто-то в «Лужниках» головой в падении забил, ему приз дали…»

В принципиальном дерби со «Спартаком» именно Копейкин открыл счет на 43-й минуте. И снова ЦСКА победил — 2:1. В итоге газета «Советский спорт» в те дни писала следующее: «… Большинство передач полузащитников ЦСКА адресуются на далеко выдвинутого вперед центрального нападающего Б. Копейкина. Это несколько обедняет атаку армейцев и, естественно, упрощает задачу оборонительных линий соперника. Сейчас ЦСКА занимает вторую строчку в турнирной таблице. В отличие от прошлых лет армейцы в этом году предстали как дружный, собранный, волевой коллектив. Приятно отметить спокойную, деловую обстановку в команде…»

17 августа в гостевой игре против «Арарата» Копейкин снова забил важнейший мяч. Игра уже почти заканчивалась, шла 86-я минута, а счет был ничейный — 1:1. И именно точный и мощный удар Копейкина оказался решающим и принес победу гостям. А спустя неделю, когда в Москве встречались армейцы и торпедовцы, опять же действия Копейкина переломили ход игры в пользу армейцев. Они в том матче вели 2:0. Но на 87-й минуте удар торпедовца Пахомова делает счет «скользким» — 2:1. После этого автозаводцы имели еще несколько минут на то, чтобы всей командой обрушиться на ворота соперника и попытаться уйти от поражения. Но Копейкин похоронил эти надежды. Это он спустя минуту после гола Пахомова мощным ударом забил третий гол армейцев и похоронил мечты «Торпедо» на ничью. После этого ЦСКА сохранил свое лидирующее положение (3-е место), а

торпедовцы остались на 7-й ступеньке.

В матче против своих одноклубников из ростовского СКА москвичи победили с разгромным счетом 5:1 и Копейкин сделал дубль — забил два мяча. А в гостевой игре против «Спартака» из Орджоникидзе гол Копейкина принес победу ЦСКА 1:0. Наконец, 5 октября в матче против ташкентского «Пахтакора» Копейкин снова забил важный гол и армейцы победили 2:1. После чего обогнали лидера, московское «Динамо», и заняли 1-е место. Правда, уже спустя неделю, когда ЦСКА уступил донецкому «Шахтеру» 0:1, динамовцы снова обошли их в турнирной таблице.

19 октября армейцы играли в Минске против местного «Динамо». И если в первом круге ЦСКА выиграл 3:1, то в этот раз команды разошлись «всухую» — 0:0. Вернулись в Москву, и там с ними произошел забавный случай. Вот как об этом рассказывает сам Б. Копейкин:

«…При Всеволоде Боброве ты мог рюмку выпить, спалиться — так тебя специально в состав включали: «Отмазывайся!» А Валентин Николаев — другой. По домам ездил с проверками. Берет начальника команды — и вперед. В 70-м вернулись из Минска, утром в баню сходили и решили пивка попить. Шагаем по улице Горького, а мимо в троллейбусе с авоськой яблок едет Николаев. Нас из окошка увидал, выскочил на ближайшей остановке и пошел следом. Видимо, заподозрил.

Мы пришли на квартиру к Дударенко, Масляева послали в магазин. Мается он в очереди, и тут Николаев: «Давай-ка веди к остальным». Звонок, мы открываем… Сюрприз! А у нас на столе еще ничего не было. Поэтому Валентин Александрович сильно не бранился, а только сказал: «А ну, по домам!» И мы, грустные, разъехались. Зато потом одержали четыре победы подряд, сравнялись по очкам с «Динамо» и в Ташкенте играли золотой матч. После Николаев часто повторял: «Если б я вас тогда не разогнал, до чемпионства бы не дотянули!»…»

Про «золотой матч» я еще расскажу подробно, а пока вернемся к другим матчам сезона-70.

24 октября ЦСКА играл в Одессе против местного «Черноморца». И именно Копейкин стал героем того матча, забив два гола и принеся своей команде победу со счетом 2:0. Но и это было еще не все. 9 ноября армейцы принимали в Москве «Нефтчи» из Баку. И в этом случае история повторилась. ЦСКА победил 2:0, и снова оба гола забил Копейкин. Правда, под занавес игры его же и удалили с поля за грубость. Вот как он сам вспоминает об этом: «…9 ноября матч в Москве, так бакинцы 6-го прилетели. Для них игра ничего не решала, и ребята три дня отрывались на полную катушку. Какой-то молодой, самый

трезвый, в Дударенко снегом бросил — его удалили. Я два забил. Думаю — добью их во втором тайме и нагоню в списке бомбардиров Гиви Нодия. И тут азербайджанец мне чуть глаз не выцарапал. Я руку-то его откинул — а судил Круашвили, грузин (там вся судейская бригада была из Грузии: К. Круашвили, О. Алавидзе и А. Вардиашвили. — *Авт.*). Он тоже помнил, кого я в бомбардирах тесню. И мне красную!..»

Победа над «Нефтчи» позволила ЦСКА опять занять 1-е место, обогнав земляков из «Динамо» по лучшей разнице забитых и пропущенных мячей (у них было по 45 очков). Согласно существовавшему тогда положению о чемпионате победитель должен был выявиться в результате дополнительного матча между командами, набравшими равное количество очков. Получился своего рода финал первенства СССР (отметим, что ЦСКА не поднимался на высшую ступеньку пьедестала почета почти 20 лет — с 1951 года).

Самым трудным оказалось определить дату дополнительного матча. Ведь 15 ноября должна была состояться отборочная игра чемпионата Европы между сборными СССР и Кипра, а перед ней — три тренировочных матча нашей сборной в Австрии и ФРГ. Причем в национальную команду были приглашены сразу восемь армейцев, среди которых был и Борис Копейкин. Для него это была уже вторая игра за сборную. Первая состоялась 28 октября, когда наши встречались с командой Югославии (это была товарищеская встреча) и победила 4:0. Правда, наш герой голами не отметился и был мало похож на того игрока, который «делал погоду» в матчах чемпионата СССР. Поэтому на 74-й минуте Копейкина заменили на тбилисца Гиви Нодия (он, кстати, станет лучшим бомбардиром чемпионата СССР 1970 года), который уже спустя две минуты отметится голом — забьет четвертый мяч в ворота югославов.

Помимо выступлений сборной у столичного «Динамо» на вторую половину ноября тоже было запланировано ответственное турне по Европе (Франция, Швейцария, Шотландия, Англия, Западный Берлин). Короче, чиновникам из Федерации футбола пришлось изрядно поломать голову, чтобы вклинить сюда еще и финал чемпионата СССР. В итоге после долгих консультаций с обеими сторонами было предложено сыграть матч 5 декабря в Ташкенте. Заодно было принято решение и по Борису Копейкину. Его, как мы помним, удалили в игре против «Нефти», и по правилам он должен был пропустить следующий матч. Но армейское начальство включило все свои связи с тем, чтобы их лучший «забивала» вышел на поле в решающей игре. Положительное решение мотивировали тем, что по регламенту

удаленный игрок пропускает очередной календарный матч. Но предстояла не календарная, а дополнительная игра. Это — по форме, а по существу Федерация решила, что в таком матче соперники изначально должны быть в равном положении.

А вот рассказывает об этом Б. Копейкин:

«Дисквалификацию на меня наложили за удаление в Баку. Хотя там я ответил на грубость бакинца Кулиева. Впрочем, это была даже не ответная грубость. Кулиев, проиграв позицию, схватил меня рукой за лицо, начал давить на глаз, а я резко отбросил его руку.

Выручил же меня главный тренер сборной СССР Валентин Николаев. Нашей сборной вскоре предстоял отборочный матч чемпионата Европы, и он заявил, что отсутствие серьезной игровой практики непременно скажется на моей готовности в сборной…»

До финала оставалось еще три недели, когда сборная СССР встретилась в Никосии с командой Кипра. С Копейкиным повторилась та же история, что и в игре с югославами. Голами он не отметился и был заменен на 70-й минуте игроком тбилисского «Динамо» Гиви Нодия. К тому моменту наши уже уверенно вели в счете 3:1, и этот результат сохранился до финального свистка.

Между тем так получилось, что финал чемпионата СССР растянулся на два дня — 5–6 декабря. В первом матче обе команды играли от обороны и явно осторожничали. В результате та игра так и не выявила победителя и закончилась нулевой ничьей. Пришлось переносить спор на следующий день. Эта игра вошла в историю отечественного футбола как одна из наиболее интересных и драматичных.

А началось все с того, что у Бескова перед матчем появились серьезные проблемы: заболели нападающий Юрий Семин, на которого он возлагал надежды (этот игрок в то время хорошо забивал, а в будущем станет отличным тренером), и очень надежный крайний защитник Владимир Штапов, вместо которого пришлось поставить новичка команды Николая Антоновича (и это был первый для него матч в сезоне!).

Уже на 11-й минуте матча после удара защитника ЦСКА Юрия Истомина вратарь «Динамо» Пильгуй не смог зафиксировать мяч, и нападающий красно-синих Владимир Дударенко открыл счет в матче. Однако этот счет продержался все те же 11 минут: на 22-й минуте после дальнего удара полузащитника Жукова мяч влетел уже в ворота армейцев. А потом и вовсе произошла катастрофа для ЦСКА: в течение следующих шести минут динамовцам удалось забить еще два мяча: на 24-й минуте это сделал Геннадий Еврюжихин, а на 28-й

— Валерий Маслов.

Далее послушаем рассказ К. Бескова:

«Вторая игра складывалась для нас успешно: повели в счете — 3:1. В перерыве между таймами прихожу в динамовскую раздевалку, и вдруг ко мне обращаются сразу трое — Маслов, Еврюжихин и Аничкин: «Константин Иванович, давайте не будем производить замены».

В моей тренерской практике — первый случай, чтобы игроки подошли с такой просьбой. Мало ли кто из них может в данной встрече выглядеть слабее обычного, мало ли кого решат заменить более свежим игроком тренеры… Впрочем, в тот день и час мне, положа руку на сердце, и выпустить на замену было, в сущности, некого.

«И позвольте мне лично сыграть против Володи Федотова», — просит Маслов. А до этого против Владимира Федотова играл двадцатилетний инициативный и старательный Евгений Жуков, и претензий к нему у меня не было. Но, подумал я, Маслов тоже словно двужильный, к тому же гораздо опытнее Жукова; разрешаю поменяться. Затем обращаюсь к Еврюжихину: «Геннадий, если атака срывается, непременно возвращайся на свой фланг и там постарайся помешать атакующим действиям Истомина. Его надо нейтрализовать, а сделать это сподручнее тебе. И надо развить успех. Прекрасно понимаю, что ребята устали, второй день сражаемся. Но ведь и армейцы устали. Ну, «еще немного, еще чуть-чуть, последний бой — он трудный самый», зато вы ведете в счете!»

Выходим из раздевалки: футболисты — на поле, я отправляюсь на скамью динамовского «штаба». Начинается второй тайм…»

Армейцы начали его с мощных атак, каждая из которых могла принести успех. Однако превосходно играл вратарь динамовцев Пильгуй (легендарный Лев Яшин сыграл в том сезоне тринадцать матчей и теперь сидел на скамейке запасных, но не по своей воле, а по решению Бескова, боявшегося «проспать» талант новичка Пильгуя). Раз за разом он вставал на пути игроков ЦСКА, вытаскивая даже «мертвые» мячи. Однако и его силы оказались не беспредельны. За 20 минут до окончания матча Пильгуй ошибся и Владимир Федотов (сын легендарного форварда Григория Федотова и зять Бескова) «распечатал»-таки ворота динамовцев во втором тайме. После этого армейцы с еще большей яростью бросились на штурм ворот противника. В итоге их игрока (все того же Федотова) динамовцы сбили в своей штрафной и судья показал на одиннадцатиметровую отметку. Его четко реализовал Поликарпов. Счет сравнялся — 3:3.

Этот гол окончательно сломил динамовцев, уже уверовавших в победу, армейцы же, вдохновленные успехом, продолжали атаковать. Победную точку в этом драматичном поединке поставил все тот же вездесущий Федотов, который за несколько минут до конца игры пробил в правый от вратаря угол. Пильгуй четко среагировал на него, но тут в дело вмешался случай: мяч угодил в какую-то кочку, перескочил через голкипера и влетел в сетку ворот. Армейцы победили.

А теперь снова послушаем К. Бескова, который так описывает свои впечатления от второго тайма:

«Вижу, как говорится, невооруженным глазом: Володе Федотову просто-таки открыли зеленую улицу, а по правому краю атаки армейцев систематически проходит далеко вперед Юрий Истомин, с которым также никто не противоборствует… Маслов не участвует ни в наших наступательных действиях, ни в оборонительных, движется вяло, как-то формально. Присутствует, и только. Что происходит, черт побери? И заменить-то некем!..

Если футбольная команда выходит на поле, считая себя командой в полном смысле слова, то она обязана играть как минимум разумно. Плохо или хорошо — это вопрос ее мастерства; но в перемещениях игроков по полю и их действиях с мячом непременно должна присутствовать элементарная логика. Целесообразность. Разум. Этот разум следует попытаться выразить языком футбола: передачами мяча партнерам, попытками сорвать атаки противника, проведением той или иной комбинации. Однако в последние 20 минут нашего повторного матча с ЦСКА элементарной логики в поступках некоторых динамовских футболистов не было и в помине.

Никто не ожидал подобной концовки ответственейшей встречи. Динамовцы, среди которых не было ни явно травмированных, ни падавших от усталости, необъяснимо прекратили борьбу. На 71-й минуте получивший простор Владимир Федотов забивает нам гол. 2:3. Вновь и вновь Истомин и Федотов рвутся к нашим рубежам, и вскоре Владимира сбивают в штрафной площади «Динамо»; арбитр Тофик Бахрамов назначает одиннадцатиметровый. Владимир Поликарпов хладнокровно сквитывает счет. Опять мчатся в бой Федотов и Истомин. Почему никто не пытается встать у них на пути? Почему они проходят сквозь редуты динамовцев как нож сквозь масло? Вот опять атака, Федотов посылает мяч в нижний угол наших ворот. Пильгуй не достает мяч. 84-я минута. Есть еще шесть минут, но я понимаю, что это — все…

Странное чувство испытывал я, наблюдая эту игру. Жесточайшие удары в самое мое сердце наносили мои ученики и

воспитанники Владимир Федотов, Владимир Поликарпов, Альберт Шестернев, но мне не было от этого больно, не было и обиды: они честно выполняли свою работу, они стремились к победе. И мои же питомцы и воспитанники — динамовцы одновременно с армейцами наносили мне жесточайшие удары своим бездействием, безынициативностью, необъяснимой инертностью.

Войдя в нашу раздевалку, я громко сказал: «Вы игру сознательно отдали!» И больше ничего говорить не мог. Вышел. Мне кажется, можно понять тренера, вкладывающего всего себя в работу, результат которой в одночасье смазывается странным поведением нескольких игроков. Что предпримешь, находясь на скамье у бровки поля, не имея права ни остановить игру, ни как-либо повлиять на ее ход, ни даже крикнуть что-либо своим футболистам?

Администратор команды «Пахтакор» после этого матча мне говорил, будто бы какие-то приезжие дельцы, московские картежники, забавы ради (но и ради прибыли) затеяли многотысячное пари со своими ташкентскими «коллегами»: кто победит в матче 6 декабря? Тем и другим было абсолютно все равно, кто именно победит. Они развлекались, попутно делая бизнес на футболе. Администратор сказал, что те, которые ставили на ЦСКА, проявили больше стараний и нашли подход к игрокам…

Эту же версию услышал от другого жителя узбекской столицы Лев Яшин, который был ошеломлен концовкой финального матча не меньше моего.

У меня нет доказательств. Их ни у кого нет. Никого не могу и не стану обвинять. Вполне вероятно, что эта версия — сплетня, «утка», придумка ташкентских доброжелателей, пытавшихся нас таким образом утешить (хотя подобное «утешение» может довести до инфаркта). Поэтому предлагаю читателям, как стало модно говорить, информацию к размышлению…»

У динамовского игрока Валерия Маслова на этот счет иное мнение. Вот его слова:

«…После первого тайма ведем 3:1, моментов — море. Слышим, как в перерыве в соседней раздевалке тренер армейцев Валентин Николаев на своих орет: «С такой игрой восемь пропустите!» Меня массируют, подходит Бесков: «Кого менять, Валер?» Я голову повернул: «Константин Иваныч, что меня-то спрашиваешь? Узнай, кто устал. Но вообще-то игра в одни ворота». До этого Бесков поручил мне Володю Федотова опекать персонально. Первый матч завершился 0:0. На следующий решили — оставляем все по-прежнему. А если начинаем

проигрывать, передаю Федотова Жукову и бегу вперед. Так Бесков потом сказал, будто я сам вызвался Федота держать, а тот забил. Я Бескову чуть в лоб не дал после матча. Он явился в раздевалку и ко мне: «Ты игру продал!» Хорошо, меня один начальник сгреб. Удержал… Это Боженька, конечно, вмешался — чтобы 3:1 в нашу пользу за 13 минут превратились в 3:4. Вратари тогда начудили. То Пильгуй мимо мяча махнет, то Пшеничников с сорока запустит. Но та тренерская плеяда старалась голкиперов не трогать…

Меня Бесков заподозрил, потому что сестра моей жены была замужем за лучшим картежником в той компании, Левой Кавказским. Конечно, я этих ребят знал. Это ж не шулера какие-то — высшая лига! Не путайте с теми, кто по поездам туза из рукава вытаскивал. Это люди с математическим образованием. А самый экзотический персонаж среди них был Гурам Хромой из Кропоткина. Картежники лихо на бильярде играли. Так его, безногого, привозили на каталке — поднимали на специальную подставку. А руки — железные. Никто так шары не гонял. Бесков тоже был знаком с этими картежниками. Ведь футбол они любили, на матчах нередко бывали.

Что касается обвинений Бескова по адресу Аничкина и Еврюжихина, то он это сделал не в Ташкенте, а уже в Москве. В раздевалке же только на меня набросился. Понимаете, Бесков из поколения, воспитанного Михеем. Это своеобразные люди. Если что-то вбили в голову, переубеждать бесполезно…»

А вот что думает о том знаменитом матче герой нашего рассказа — Борис Копейкин:

«Мы в перерыве пришли в раздевалку. Сидим потухшие. Горим 1:3. Николаев говорит: «Вы уж не раскисайте, чтоб шесть не пропустить, не позориться…» А динамовская раздевалка рядом — все слышно. Те радуются, кричат.

Я второй год был в команде — может, что-то от меня скрыли. Но и Шестернева, и Капличного, и Федотова расспрашивал. Все руками разводят: с чего Бесков взял, что какие-то картежники исход решили? С таким сценарием игры не сдаются. Я до сих пор подробности помню — при счете 1:3 «Динамо» пяток могло забить. А затем Истомин вдоль штрафной покатил, Федот набежал — под планку! Взбодрились. На часы смотрим — еще успеем? Меня сбили, Бахрамов не дал пенальти. Через минуту точно так же валят Федота — второй момент судья пропустить не мог. Так Поликарпов пенальти бить не хотел! Упирается — чуть ли не борозда остается. А мы: «Володенька, ты только разбегись и по прямой бей». Он и попал — мяч еле-еле скакал по траве.

Министр обороны Гречко как раз из Швеции летел. В

самолете ему записочки передавали со счетом. Как стали мы проигрывать 1:3, порученца прогнал: «Больше не приноси!» А дома дочери встречают: «С победой». — «Какой победой?!»

За то чемпионство мы получили по звездочке. Еще вручили приемники ВЭФ-201. Плюс путевки в любой санаторий Советского Союза. Но я домой в Челябинск махнул и на родину жены, в Хабаровск…»

Золотыми медалями чемпионов СССР были награждены: Юрий Пшеничников, Леонид Шмуц, Юрий Истомин, Альберт Шестернев, Владимир Капличный, Валентин Афонин, Марьян Плахетко, Валерий Войтенко, Валентин Уткин, Анатолий Масляев, Николай Долгов, Владимир Федотов, Владимир Поликарпов, Борис Копейкин, Владимир Дударенко.

Главному тренеру В. А. Николаеву (ему присвоили звание заслуженный тренер СССР) помогали тренер А. И. Мамыкин и начальник команды Л. М. Нерушенко.

В сезоне-70 Борис Копейкин забил 15 мячей — в три раза больше, чем в прошлом сезоне. Он стал лучшим «забивалой» ЦСКА и отстал от главного бомбардира чемпионата СССР Гиви Нодия из тбилисского «Динамо» всего на 2 мяча (как и В. Козлов из московского «Динамо»). Но этот результат позволил Копейкину войти в число 33 лучших футболистов страны (под № 1), которых определяли спортивные специалисты.

Эти успехи повысили статус Копейкина в команде, что сказалось и на его зарплате — она выросла. Какая зарплата была тогда в ЦСКА? Ставка равнялась 300 рублей, премия за выигрыш — 80, за ничью — 40. В сборной победа оценивалась в 200 рублей плюс доплата валютой в зависимости от конкретного соперника и ранга соревнований. Это было даже очень прилично. Кроме этого, неплохой «навар» приносили зарубежные турне. По словам Б. Копейкина: «…Первые мои поездки за границу с ЦСКА — Бирма и Пакистан. Полтора месяца на сборах. Меня опекал Юра Вшивцев. Сразу уточнил: «У тебя цель какая — подарки купить или заработать?» — «Конечно, заработать». Я только женился, квартира пустая, надо обставлять. Столом нам с женой служил чемодан, а стульями — раскладушка за 13 рублей. Две алюминиевые ложки и вилки я в кафе заиграл. В магазинах же ни черта не купишь. Сборная каждый год после сезона проводила месяц-полтора в турне по Южной Америке. Играли с местными клубами. Чтобы футболисты не валяли дурака и не позорили Советский Союз, ввели правило: полностью премиальные в этих поездках платили при условии, что мы набирали 50 процентов очков. Так что настрой был. А премии были хорошие — из расчета 80 долларов за страну. Не важно, одну игру провели или

пять. Помню, возвращались из поездки по Южной Америке. Летели через Нью-Йорк «Аэрофлотом». В самолете подзываем стюардессу: «Водка-то есть?» — «Да, «Столичная», три ящика». Когда набрали высоту, спешим к ней. И вдруг: «Опоздали, мальчики. Всю купили». Мы в шоке. А спустя пару минут Шестернев пошел по салону и каждому «Столичную» раздал. Любил Алик широкие жесты. Да и мог позволить. Ему же немцы приплачивали, как представителю «Адидаса»…»

В сезон-71 ЦСКА вошел в обновленном составе. Ушли из команды Анатолий Масляев и Валентин Афонин (в ростовский СКА), Владимир Старков (в ворошиловградскую «Зарю»), Анатолий Самсонов и Дмитрий Багрич завершили карьеру. Команда пополнилась за счет Владимира Дорофеева и Владимира Бабенко, перешедших из тульского «Металлурга», а также нападающего Виктора Оглоблина из читинского СКА. Скажем прямо, «покупки» (по-сегодняшнему трансферы) не самые впечатляющие, что, естественно, не могло не сказаться на результате — тот сезон у ЦСКА сложился не самым лучшим образом. Хотя в команде играли такие мощные игроки, как Альберт Шестернев, Владимир Федотов (в сезоне-70 он забил 14 мячей) и Борис Копейкин.

Первый сбор в январе в Болгарии армейцы проводили без «сборников» и старшего тренера В. Николаева, который возглавлял национальную команду. С ЦСКА работали А. И. Мамыкин и В. П. Шпынов, помогавший Николаеву еще в Хабаровске. В числе «сборников» вновь оказался и Копейкин, который, как мы помним, успел сыграть за сборную СССР два матча (против Югославии и Кипра), но чем-то выдающимся не отметился. Однако место в сборной не потерял. В итоге 23 февраля 1971 года в Сан-Сальвадоре он вышел на поле в товарищеской игре против сборной Сальвадора, но и там погоды не сделал. Впрочем, в той игре в нашей команде вообще никто не блистал. И хотя сборная СССР победила со счетом 1:0, но единственный мяч был забит в результате автогола — отметился сальвадорец Осорио.

Видимо, отсутствие должных кондиций у Копейкина отметили и тренеры ЦСКА. И в первых трех играх сезона-71 наш герой не участвовал. Зато он вышел на поле в знаменитой игре 17 апреля против ереванского «Арарата». А знаменитой она стала благодаря нелепой ошибке на 68-й минуте вратаря армейцев Леонида Шмуца, который, пытаясь выбросить мяч рукой в поле, сильно размахнулся, мяч по инерции сорвался с кисти руки и влетел в собственные ворота. Вот как об этом вспоминает Б. Копейкин: «Гол Шмуца в свои ворота никогда не забуду — я же

тогда был на поле. Леня хотел Поликарпову бросить мяч, замахнулся — а того закрыли. Он на другую руку мяч перекладывает — и ошибается. Стоял метрах в двенадцати от ворот. Мяч по грязи катится к ленточке, Шмуц за ним. Вместо того чтобы выгрести в сторону, с ним вкатывается в сетку. На табло написали — «Шмуц, в свои ворота». Так 0:1 и проиграли…»

Отметим, что Шмуцу тогда было 22 года. Он дебютировал в составе ЦСКА, который позвал его из никопольского «Трубника», парой «сухих» игр в 1968 году. Спустя год Шмуц стал сменщиком основного армейского вратаря Юрия Пшеничникова, сыграв 13 матчей и пропустив 9 голов. Способности молодого голкипера оценил тренер сборной СССР Гавриил Качалин и взял его на чемпионат мира 1970. Но там Шмуц на поле так и не вышел, и все четыре матча провел Анзор Кавазашвили.

А сезон-71 начался для Шмуца более чем удачно. В составе сборной он сыграл два товарищеских матча, причем все «всухую»: с Мексикой 19 февраля (0:0) и Сальвадором 23 февраля (1:0). Возможно, он бы вышел и в следующей встрече — с Болгарией, 28 апреля, но тут случилась эта нелепая ошибка в матче против ереванцев. После этого Шмуц психологически надломился и стал играть менее уверенно, что привело к новой оплошности. В игре с «Нефтчи» он почти не выбрасывал мяч рукой и пропустил гол, который, как написал журналист А. Галинский, «вратарям чемпионов и сборной страны не прощают». Тот матч закончился со счетом 1:1, что было расценено руководством ЦСКА как неудача. И они стали меньше доверять Шмуцу место в воротах. В итоге он отыграет в команде еще пять лет, но звезд с неба хватать уже не будет. И в сборную его больше не позовут. Поэтому в 27 лет Шмуц уйдет доигрывать в киевский СКА.

Но вернемся к Борису Копейкину.

Свой первый гол в сезоне-71 он забил лишь в 9-й по счету игре — против донецкого «Шахтера». Игра проходила 15 мая в Москве на стадионе «Динамо» в присутствии 16 тысяч зрителей. На 30-й минуте Копейкин «распечатал» ворота дончан, и этот гол оказался единственным в игре и позволил армейцам сохранить 4-е место в турнирной таблице.

В следующий раз Борис отличился 3 июня в домашней игре против ленинградского «Зенита». Но в той игре ЦСКА уже уверенно вел в счете (2:0), и гол Копейкина на 67-й минуте мало что решал — он лишь увеличил разрыв в счете (3:0). И после этого матча наш герой пропустил 6 (!) игр подряд и на поле вновь вышел лишь 16 июля, когда ЦСКА принимал в Москве киевское «Динамо». Команде своей Копейкин помочь не смог — москвичи уступили 0:1. Киевляне тогда прочно удерживали в своих руках 1-

е место (29 очков), а ЦСКА продолжал оставаться на 4-й позиции в турнирной таблице (20 очков).

2 августа армейцы разгромили на своем поле тбилисское «Динамо» 6:0 и один из голов (второй) забил Копейкин. Но что-то в игре форварда не устраивало тренеров команды, и Копейкин в последующих играх либо выходил на замену, либо вообще сидел весь матч на скамейке запасных. Ему тогда откровенно не везло. Например, в домашнем матче против ворошиловградской «Зари» 28 августа Копейкин вышел на замену на 46-й минуте (заменил А. Голованова), забил гол на 83-й минуте, но ЦСКА все равно уступил. А в гостевой игре против донецкого «Шахтера» 2 сентября Копейкин играл весь матч, снова забил гол, сделав счет 1:1, но на 85-й минуте дончане снова вышли вперед и сумели сохранить этот результат до финального свистка.

6 сентября ЦСКА играл против своих земляков из «Торпедо». И уже на 4-й минуте Копейкин открыл счет в игре. А на 17-й минуте удвоил результат. Но матч в итоге закончился ничейным результатом — 3:3. К тому моменту обе команды находились по потерянным очкам в самой пропасти турнирной таблицы, а ЦСКА по этому показателю и вовсе шел последним. Хотя армейцы занимали 7-е место (24 очка), а «Торпедо» скромно притулилось на 12-м (20 очков).

Тем временем сборную СССР по-прежнему возглавлял армейский наставник Валентин Николаев, который продолжает вызывать в команду своих подопечных — в том числе и Бориса Копейкина. 18 сентября сборная СССР сыграла товарищескую игру с командой Индии и победила 5:0. Причем все пять мячей «заколотили» киевские динамовцы: Виктор Колотов (3 мяча) и Виталий Хмельницкий (2 мяча).

Что касается Бориса Копейкина, то он вышел на замену: на 52-й минуте заменил своего одноклубника по ЦСКА Владимира Федотова. Ничем примечательным наш герой в той игре не отметился, поэтому от первой сборной его открепили и отправили в другую сборную — олимпийскую. И 13 октября во Львове она встретилась с командой Австрии. Вот там Копейкин отличился — забил один гол (наши победили 4:0).

18 ноября состоялась повторная встреча в Австрии, где наши олимпийцы снова оказались сильнее и опять победили, но не столь разгромно — 1:0 (гол забил Андреасян).

Но вернемся к чемпионату СССР по футболу.

Перед последними матчами армейцы, набрав 25 очков, занимали 8-е место. Поэтому могли позволить себе «дарить» очки тем командам, которые сильно в этом нуждались. Например, ленинградскому «Зениту», который с 21 очками болтался внизу

турнирной таблицы (14-е место) и мог вылететь в низший дивизион. Поэтому в игре 3 октября между ЦСКА и «Зенитом» (матч проходил в Ленинграде в присутствии 35 тысяч зрителей) армейцы легко «сдали» игру со счетом 0:5. Копейкин в ней тоже участвовал (все 90 минут), но серьезных угроз воротам вратаря Пронина не создавал. То ли не хотел, то ли уговор такой был. В те годы подобное все чаще стало практиковаться в советском футболе. В итоге «Зенит» останется в высшей лиге, а вот ташкентский «Пахтакор» и донецкий «Шахтер» вылетят.

Свой последний мяч (8-й) в сезоне-71 Копейкин забил 9 ноября во Львове, где ЦСКА встречался с местными «Карпатами». Это был первый гол в той игре — он был забит на 39-й минуте. Обе команды устраивала ничья, которая и была зафиксирована на табло, — 2:2. «Карпаты» заняли 10-е место (28 очков), а ЦСКА 12-е (26 очков).

Кстати, несмотря на то что Копейкин в том сезоне забил почти вдвое меньше мячей, чем в сезоне-70, он вновь был включен в список 33 лучших футболистов страны (под № 2), как и два других игрока ЦСКА: Альберт Шестернев и Владимир Федотов. Более того, ЦСКА получил приз «Честь флага» за наибольшее представительство в национальной сборной страны.

Совсем не впечатляюще сложились тогда дела ЦСКА и на международной арене. Имеется в виду розыгрыш Кубка европейских чемпионов. Впрочем, Борис Копейкин в этом не виноват — он старался изо всех сил. Так, в первом раунде соперником армейцев была турецкая команда «Галатасарай». В Стамбуле армейцы, благодаря голу Копейкина, сыграли вничью, а в ответной игре дома не оставили туркам ни шанса — 3:0 (Дорофеев — дважды, Оглоблин). В следующем круге соперник достался посерьезнее — «Стандард» (Льеж, Бельгия). В Москве единственный победный гол записал на свой счет Копейкин. Однако в Льеже армейцы уступили 0:2 и выбыли из розыгрыша.

К сезону-72 ЦСКА готовился, как обычно, в Сухуми. Закончил играл А. Шестернев, вернулся в ташкентский «Пахтакор» вратарь Ю. Пшеничников, защитник В. Войтенко ушел в «Уралмаш», нападающий В. Оглоблин перешел в «Сибиряк» (Братск). В ЦСКА пришли центральный защитник из киевского СКА Виктор Звягинцев, защитник Григорий Янец из московского «Торпедо», хавбек Фарид Хисамутдинов из алма-атинского «Кайрата» и нападающий Вильгельм Теллингер из львовского СКА.

В ходе тренировочных игр и матчей на Кубок СССР определился основной состав: вратарь — В. Астаповский, защита — Ю. Истомин, В. Бабенко, В. Звягинцев, В. Капличный, Г. Янец, полузащита — Ф. Хисамутдинов, В. Федотов, В. Поликарпов, Н.

Долгов, В. Уткин, А. Кузнецов, нападение — В. Дорофеев, Б. Копейкин, В. Теллингер, В. Дударенко.

Свой первый гол в сезоне-72 Копейкин забил в четвертой игре — против бакинского «Нефтчи» в Москве. Это было 22 апреля на стадионе «Динамо» в присутствии 25 тысяч зрителей. Причем часы на табло показывали всего лишь 11-ю минуту. Рассказывает Б. Копейкин: «Я гол забил — и Федот бежит ко мне. Так расцеловал от радости, прямо взасос. А вечером домой приходит, губа синяя. Оттопыривается. Жена (дочь Константина Бескова Любовь. — *Авт.*) накинулась: «Ты с кем целовался?» — «Копейкин засосал…» Не поверила…»

Оставшиеся 79 минут игры команды гоняли «всухую», хотя моментов для взятия ворот было достаточно с обеих сторон. Но счет не изменился. Так что именно Копейкин принес победу своей команде. И ЦСКА с 6 очками расположился на 2-м месте, пропустив вперед себя лишь ворошиловградскую «Зарю», которая, кстати, в том сезоне сенсационно станет чемпионом.

Самое интересное, но своего следующего гола нашему герою пришлось ждать целых… девять матчей. Это случилось 6 июля на том же «Динамо», только теперь ЦСКА встречался с земляками из «Локомотива». Матч выдался напряженным, и дело явно шло к ничьей. До конца игры оставалось пять минут, а счет был 2:2. Как вдруг на 86-й минуте Копейкин забивает решающий гол. В итоге ЦСКА выходит на 3-е место (впереди шли все та же «Заря» и тбилисское «Динамо»).

Однако, несмотря на столь полезную игру, Копейкин с 24 июля до 21 сентября (7 игр) на поле не выходил — то ли был травмирован, то ли вмешались какие-то иные причины. Однако его команда все равно оставалась в лидерах — занимала 2-е место, пытаясь догнать «Зарю». А 21 октября Копейкин снова совершил чудо. В домашней игре с тбилисским «Динамо» ЦСКА проигрывал 1:2, когда Борис забил подряд два мяча и обеспечил своей команде победу со счетом 3:2. А ведь победи гости, и они могли догнать армейцев. А так ЦСКА сохранил за собой 2-е место (33 очка), а тбилисцы остались на 5-й ступеньке (29 очков).

Между тем чудеса со стороны Копейкина на этом не закончились. 29 октября на стадионе «Локомотив» ЦСКА встречался с железнодорожниками и проигрывал 1:2. Но в конце игры (на 74-й минуте) Копейкин снова точным ударом принес своей команде победу. Которая стала одной из причин того, что «Локомотив» занял 15-е место и вылетел в первую лигу (вместе с кишиневским «Нистру»).

И все же финиш турнира ЦСКА провел слабо — в семи играх набрал всего лишь 5 очков. Как итог: ЦСКА занял 5-е место,

набрав 34 очка из 60; мячи — 37:33. Кстати, Копейкин забил всего лишь 5 мячей, а лучшими бомбардирами команды (забили по 6 мячей) оказались В. Поликарпов, В. Дорофеев и В. Теллингер.

В сборной, которая под руководством А. С. Пономарева стала серебряным призером чемпионата Европы, участвовала в футбольном турнире XX Олимпийских игр в Мюнхене и в отборочных матчах к X чемпионату мира, играли и армейцы: Копейкин, Капличный, Истомин, Федотов. Впрочем, Копейкин сыграл всего лишь две игры — 13 мая отбор чемпионата Европы против сборной Югославии (3:0) и товарищескую игру против команды ФРГ в Мюнхене (1:4). На этом карьера Бориса Копейкина в национальной сборной завершилась.

В сезоне-73 в регламент чемпионата страны (35-го по счету) было внесено существенное изменение — отмена ничьих, направленная на обострение борьбы и исключение договорных матчей. Теперь, чтобы определить победителя в ничейной игре, участники должны были по окончании основного времени пробивать по пять 11-метровых ударов. Победителю по пенальти присуждалось 1 очко, проигравшему — ноль.

Перед началом сезона из ЦСКА убыли в свои прежние клубы В. Звягинцев, В. Фролов и Г. Янец. Покинули армейский коллектив Н. Долгов и В. Жигунов. В ЦСКА пришел нападающий Александр Козловских из Перми.

Борис Копейкин был задействован с первой же игры, однако выходил чаще всего на замену, причем его сменщиком был 22-летний Вильгельм Теллингер — тот самый, который стал одним из главных «забивал» армейцев в сезоне-72. Теллингер происходил из закарпатских венгров и пришел в ЦСКА из львовского СКА. Этому игроку прочили хорошее будущее, но он этих авансов, увы, не оправдал.

Вилли начал заниматься футболом в 10 лет, а в четырнадцать уже был принят в юношескую команду мукачевского «Локомотива», игравшую на чемпионате Закарпатья. С самого начала он выступал в амплуа центрального нападающего. Во взрослом футболе дебютировал в луцком «Торпедо», затем в 1969 году перешел в ужгородскую «Верховину». На следующий год его пригласили во львовский СКА, где играл под руководством олимпийского чемпиона Йожефа Бецы. СКА из Львова в те годы был главным поставщиком кадров в главную армейскую команду (только за предыдущие четыре года этим путем прошли тренер Шапошников, Капличный, Дударенко, Плахетко, Варга, Грещак, Колодий, Юшка, Шулятицкий). В 1972 году настала очередь и Теллингера.

Он дебютировал в ЦСКА и в высшей лиге 4 апреля 1972 года. В первый же свой сезон молодой нападающий стал лучшим бомбардиром команды и вскоре получил вызов в молодежную сборную, серебряный призер первого чемпионата Европы для молодежных команд. И опять с ходу начал забивать — шведам на стадионе Динамо.

В конце сезона нападающий попал в лауреаты приза ленинградского журнала «Смена», вручаемого одиннадцати лучшим новичкам сезона (вместе с Теллингером его получил, например, и Олег Блохин).

В сезоне-73 звезда Теллингера засверкала еще ярче, в отличие от звезды Копейкина. Последний, блекло выступив в первых играх, не играл подряд семь матчей. И вновь вышел на поле лишь 24 июня против «Динамо» (Москва), сменив Теллингера на 65-й минуте. Но армейцы проиграли 0:3 (2 мяча забил Анатолий Кожемякин, который в следующем году трагически погибнет в возрасте 21 года). А в следующей игре (против «Зари») уже Теллингер заменил Копейкина, и на этот раз ЦСКА выиграл 1:0. В следующей игре, против «Арарата» в Ереване, Копейкин сменил Теллингера на 51-й минуте. Армейцы проиграли в 0:1.

Как мы помним, в том сезоне по регламенту после каждой ничьей пробивались послематчевые пенальти. Так вот Копейкин, перестав забивать мячи с игры, стал делать это с пенальти. Так было 22 июля в матче против ленинградского «Зенита» (8:7 в пользу армейцев), 12 августа в игре против минского «Динамо» (5:3), 20 октября в игре против алма-атинского «Кайрата» (4:3). Хотя случались у нашего героя и неудачи. Так, 31 августа в матче против московского «Динамо» Копейкин запустил мяч выше ворот (и ЦСКА проиграл 4:5).

Но главным пенальтистом в ЦСКА суждено было стать Вильгельму Теллингеру, который сместил с этого поста Поликарпова, промазавшего трижды кряду. Всего за сезон-73 Теллингер забил пенальти 9 из 9, семь послематчевых и два в игре. В тех двух сериях пенальти, когда Теллингера не было на поле, ЦСКА серию проигрывал. Кроме этого, Теллингер забил с игры семь мячей и был удостоен звания мастера спорта.

Кстати, даже в последней игре ЦСКА в том сезоне (28 октября, против тбилисского «Динамо») Копейкина заменил на 63-й минуте Теллингер. Но армейцев это не спасло — они уступили 1:3. И заняли в чемпионате 10-е место. В июле у них даже тренер сменился (вместо В. Николаева пришел В. Агапов), но и эта рокировка не помогла. Как не помогло и то, что играющим тренером был Альберт Шестернев — знаменитый

игрок и достаточно авторитетная в команде фигура. Впрочем, и грешков за ним водилось немало. Как вспоминает Б. Копейкин:

«…Как-то прилетели из Ташкента, автобус нас высаживает. Алик (Шестернев. — *Авт.*): «Я с вами!» — «Алексеич, мы по домам…» Остап (вратарь В. Астаповский. — *Авт.*) на «Коломенской» жил, я — на «Автозаводской». Вся жизнь на сборах, а тут единственный выходной. Но Шестернев потащил в пивную. Взяли кружек десять, креветки. Алкаши нас не признали. Сидим. Шестернев, играющий тренер, Остапа, как самого младшего, за бутылкой посылает.

Наутро тренировка. Все отработали, по домам. И вдруг Шестернев: «Копейкин и Астаповский — еще пять кругов». — «Алексеич, ты что?!» — «А вы вчера режим нарушили». Команда ушла, мы мотаем круги. Вполголоса Шестернева материм. Заходим в раздевалку — а там один Алик: «Ну что, помылись? Теперь пивка попьем…» — «Да пошел ты! Мы вчера с тобой попили!»…»

В сезоне-74 ЦСКА провел обновление состава. Пришли опытные игроки: Сергей Морозов из ворошиловградской «Зари», москвичи Виктор Папаев из «Спартака» и Юрий Смирнов из «Торпедо». Из команды ушли Ф. Хисамутдинов, В. Кисляков (оба — в «Кайрат»), В. Калашников (в «Волгу», Калинин). Однако все эти пертурбации команде не помогли. Армейцы выступили еще хуже, чем год назад, заняв 13-е место, и, по сути, чудом удержались в высшей лиге. Тогда сразу три команды набрали по 26 очков: ЦСКА, «Заря» и «Кайрат». Именно последний и покинул высшую лигу.

Кстати, одна из последних игр того сезона была ЦСКА — «Кайрат». Она состоялась 6 ноября в Алма-Ате. Проиграть команды не имели права, поскольку каждое очко было на вес золота, а вот сгонять ничейку могли. О чем они, судя по всему, и договорились. Причем дошло до курьеза. В том сезоне уже не действовало правило о послематчевых пенальти в случае ничейного результата, поэтому бояться ничьей надобности не было. Однако по ходу игры судья дважды назначал пенальти в ворота алмаатинцев. И оба раза удары были в «молоко». Копейкин вообще промазал — пробил мимо ворот, а Федотов «запулил» точно в руки вратарю. В итоге команды разошлись «всухую» — 0:0. Но «Кайрат» это от вылета не спасло. Вот что рассказывает об этом Е. Ловчев: «…В 1974-м армейцы стояли на вылет из высшей лиги СССР, и в самом конце чемпионата мой «Спартак» поехал играть в Алма-Ату с «Кайратом» (это было 10 ноября. — *Авт.*). Алмаатинцы тоже могли вылететь, и во многом от исхода нашей игры зависело, кто вслед за кишиневским «Нистру» отправится в

первую лигу. Было понятно, что наше поражение помогало «Кайрату» уцелеть. Перед игрой к Николаю Петровичу Старостину стали приходить ходоки из местного руководства с просьбой помочь. Он сказал команде: решили — будем играть честно. Со мной в номере жил Николай Осянин, он некоторое время играл за «Кайрат», поступил там в институт, учился. Стали засылать гонцов и к нему — мол, если что, если результат будет плохой для Алма-Аты, институт Коле дальше не светит… Это воспоминание мне дорого: мы не согласились на уговоры, победили 4:0. Могу ошибиться, но, по-моему, еще в Алма-Ате получили телеграмму от Анатолия Тарасова, который готовился принять ЦСКА: «Благодарю за службу, возвращаю вам Папаева». Так Витя вернулся к родным пенатам, а ЦСКА сумел остаться в высшей лиге. «Кайрат» же вылетел…»

Копейкин забил в сезоне-74 всего четыре мяча. На мяч больше было у В. Федотова и Ю. Смирнова. И только один игрок армейцев — защитник Никита Высоких, дебютировавший в том сезоне, — представлял ЦСКА в списке 33 лучших под № 3. Он же получил приз журнала «Смена».

Что касается прошлогоднего кумира — Вильгельма Теллингера, то он выпал из состава команды, за год в официальных турнирах сыграв лишь пять раз и забив один гол.

Итак, желая придать команде новый импульс, высшее армейское руководство решило назначить главным тренером команды хоккейного мэтра Анатолия Тарасова. Он тогда покинул тренерский мостик в хоккейном ЦСКА, который при нем семнадцать раз становился чемпионом СССР, и перешел в футбольную «епархию». Он освободил из команды В. Бабенко (выбыл в СКА, Ростов), В. Папаева (в «Спартак», Москва), В. Дударенко (в СК «Луцк»), А. Козловских (в «Локомотив», Москва). Закончил играть Ю. Истомин, уехал в ГСВГ М. Плахетко. Уже в ходе чемпионата в столичный «Локомотив» ушел Ю. Смирнов. Из старожилов в команде остался Владимир Поликарпов, сыгравший в ее составе за двенадцать лет 342 матча, в которых он забил 76 мячей. Из новичков самым заметным был Юрий Чесноков из столичного «Локомотива». Вот как он вспоминает о том, как попал в ЦСКА:

«…История того, как я оказался в ЦСКА, напоминает детектив. Ко мне присматривались еще в то время, когда я выступал за «Локомотив». Там я становлюсь лучшим бомбардиром первой лиги, получаю приглашение в сборную страны. В общем, все идет прекрасно. Единственное, что беспокоит, — предстоящий призыв в армию. Чтобы оттянуть его, меня устроили студентом Московского института инженеров

транспорта. Однако возможности армейских спортивных руководителей оказались значительно больше, чем мы предполагали. И меня «призвали» в армию фактически на… аэродроме, на который мы приземлились после турне молодежной сборной СССР по Сингапуру и Индонезии. За мной приехал на «Волге» начальник Московской железной дороги. Перед этим аналогично «призывали» в армию известного футболиста Конькова, но тогда вышел скандал.

Видимо, поэтому со мной решили поступить по-другому. По дороге из аэропорта уазик, в котором сидел представитель ЦСКА, обогнал «Волгу». Он вышел из машины и, остановив нас при помощи сотрудника ГАИ, вручил мне повестку со словами, обращенными к моему шефу: «В вашей машине скрывается призывник Чесноков».

После того как меня в течение десяти минут сделали членом ВЛКСМ, приняли в ряды Вооруженных сил и все такое прочее, дошло дело до тренировок. На них приходилось очень тяжело, потому что Тарасов, не ощущая особой разницы между футболом и хоккеем, требовал от защитников останавливать нападающих всеми доступными средствами, включая грубые приемы. К такой игре у меня душа не лежала, однако выхода не было, и я постепенно вошел в коллектив. Ну а партнеры… Взаимоотношения были нормальными. Ведь многие, повторяю, испытывали по отношению к ЦСКА схожие с моими чувства. Еще запомнилось, как в нашей команде все чего-то боялись. Даже тренер, заслуженный мастер спорта Альберт Шестернев, боялся, представляете? В общем, как ни крути, а душа к армейскому коллективу не лежала. Но жизнь продолжалась, и мало-помалу я начал «обофицериваться». Мне кажется, если человек оказался в определенной ситуации, он должен принимать правила игры. По этой причине, хотя мне и не нравилось выступать в ЦСКА, я стал со временем военным человеком в полном смысле слова…

Конечно, остались и приятные впечатления. Например, от встреч с Сергеем Леонидовичем Соколовым. В бытность свою заместителем министра обороны он курировал армейский футбол. Вопреки расхожему мнению, когда команду приглашали к нему «на ковер» после огорчительных неудач, Соколов разносов никогда не устраивал. Тонкий, воспитанный человек, он всегда интересовался, какую может оказать нам реальную поддержку. За годы службы я, кстати, убедился в том, что чем крупнее у военного человека звезды на погонах, тем он лучше тебя понимает. И наоборот — офицеры, сами ничего решить не способные, носятся с футболистами лишь до тех пор, пока те на виду. Но стоит чуть оступиться, как эта публика тебя

моментально забывает…»

Но вернемся к Борису Копейкину.

У него это был уже шестой сезон за ЦСКА. И, как оказалось, один из самых лучших.

Свой первый гол в сезоне-75 наш герой забил в пятой игре — против московского «Локомотива», 2 мая. Причем он стал автором победного гола — ЦСКА победил 1:0. Правда, занимали тогда армейцы 10-е место.

В следующий раз Копейкин отличился 11 мая в домашней игре против ленинградского «Зенита». И снова его гол оказался решающим — ЦСКА снова победил 1:0 и вышел на 3-е место. А спустя пять дней Копейкин, говоря словами из песни Владимира Высоцкого, «разошелся, то есть расходился». В гостевом матче против ташкентского «Пахтакора» Копейкин сделал хет-трик — забил все три армейских мяча. Общий итог игры — 3:1 в пользу ЦСКА. Правда, сам бомбардир был этому хет-трику… не рад. Почему? Вот как он сам рассказывает об этом:

«В мае 1975 года в седьмом туре поехали мы играть в Ташкент. Тренировавший тогда ЦСКА Тарасов с нами не полетел. Он тяжело переносил полеты, а тут еще и жара, духота. В общем, вместо него с нами отправился второй тренер, Валентин Бубукин.

Надо сказать, Тарасов как тренер был весьма своеобразен. Например, он не признавал пас назад или поперек поля. Только вперед! И если во время тренировки кто-то отдавал передачу поперек, он останавливал занятие и заставлял всех кувыркаться. А как играть в футбол без этих передач? Никак. Поэтому и игры у нашей команды особой не было.

И вот на установке перед матчем с «Пахтакором» Бубукин нам говорит:

— Забудьте все, что вам говорил Тарасов. Играйте и назад, и вбок. Играйте, как вам удобней.

Мы «Пахтакор» на радостях 3:0 и прибили. Я хет-трик сделал, и так получилось, что с пятью мячами вышел в лучшие бомбардиры чемпионата. Прилетаем в Москву, выходим на тренировку. Подходит ко мне Тарасов, поздравил, даже поцеловал, и говорит:

— Что забил — молодец, но теперь к тебе будет пристальное внимание. Защитники с тобой играть станут жестче, поэтому и работать на тренировках надо больше.

— Понимаю, Анатолий Владимирович. Буду работать больше.

А что еще ответишь? Заканчивается тренировка, все по два завершающих круга пробежали — и в раздевалку. А мне Тарасов говорит:

— Вам, молодой человек, еще пятьдесят рывков по тридцать

метров.

Он любил такие задания давать: пятьдесят рывков, сто рывков. На следующей тренировке то же самое. Вся команда в раздевалку, а мне еще десять кругов по стадиону. Ребята надо мной уже смеются:

— Работай, бомбардир!

Уже и голам своим не рад. И так продолжалось, пока Блохин меня не обогнал. Тогда только Тарасов меня в покое оставил…»

Вполне вероятно, что эти нагрузки сказались на том, что Копейкин в следующих матчах сник. И последовали два поражения подряд: от динамовцев из Тбилиси (0:1) и из Киева (0:3). И ЦСКА откатился на 5-е место.

6 июня армейцы играли домашний матч против «Днепра». Игра закончилась со счетом 3:3, и два мяча у армейцев (первый и второй) вновь забил Копейкин. Он же отметился голом и в матче против московского «Динамо» 13 июля. Причем ЦСКА проигрывал 0:1, и именно гол Копейкина спас армейцев от поражения. Игра закончилась вничью 1:1. Но это было слабым утешением, поскольку ЦСКА на тот момент откатился уже на 11-е место.

До конца чемпионата Копейкин забил еще пять голов, но в целом его команда играла плохо. Например, последние двенадцать туров она ни разу не победила. Причем к каким только ухищрениям ни прибегал на тренировках Тарасов, ничего не получалось. Впрочем, ухищрения эти были весьма своеобразные. И вновь послушаем Б. Копейкина:

«…Прилетели как-то в Дамаск. Тарасов у сборной Сирии по тяжелой атлетике отобрал все штанги, блины — нам приволок. Те приходят на тренировку — а работать нечем. Мы под кроватями блины держали. А они по 20 килограммов. Сажает одного игрока на другого, нижний ведет мяч, а у второго блин в руках. Тарасов кричит верхнему: «Что сидишь? Двигайся!» И ты этим блином туда-сюда вращаешь. По голове нижнему, случалось, попадали. По свистку блин передавать надо. Вдруг окрик Тарасова: «Ты как передаешь?! Должен неожиданно бросить!» И ловишь 20 кило. Чудил прилично. Все время с рупором на тренировке. Потом раз — усаживается на стул. За ним Коля Кузнецов, администратор, со стулом ходил. Тарасов садился не оглядываясь. Попробуй не успей подставить. Тарасов идет: «Кто за мной — три кувырка!» Зачем? Чтоб все впереди были, каждого видел. Мы помнили, как он Николаева наставлял: «Валя, гоняй их! Гоняй! Кто выживет — с тем работай». Я разок кувыркаться отказался, а Тарасов в стороне был. Стоим с Бубукиным, вторым тренером, препираемся. Подходит Тарасов: «Валя, в чем дело?» — «Да вот Борис не хочет кувырки делать». Так он… Бубукину приказал кувыркаться. Из-за

того, что тот меня не заставил. Бубукин мнется. Мы смеемся, подначиваем: «Борисыч, давай». В итоге меня с тренировки выгнали. Тарасов передал через администратора: все вечером отдыхают, а я должен выйти и тренироваться. Один. Я вышел. Поставил в ворота пацана, бил ему. Мешал рабочим поле подсеивать. А Тарасов звонил, проверял: явился ли? Назавтра партсобрание. Меня, Дударенко и Роднину должны в партию принимать. Тарасов мне рекомендацию писал. А тут подзывает: «Принеси-ка назад». Изорвал ее и в урну бросил. Эх, думаю. Мне Капличный написал рекомендацию, Тарасов и комсомольская организация. Где еще одну брать, если Тарасов свою порвал? Пошел к Федоту: «Готов?» — «Готов…»

Все великие тренеры молились, чтоб у Тарасова в футболе ничего не вышло. «Если Тарасов случайно выиграет медали, нас вообще разгонят!»

Знаете, почему он взялся за футбол? Ему Гречко пообещал генерала дать, если с ЦСКА в тройку войдет. До Канады новость дошла, что Анатолий Владимирович футболом увлекся, — приехали репортеры. Стоят за воротами. А погода жуткая — снег с дождем, грязища. Юрка Чесноков проходит по флангу, я бью. Тарасов взвился: «Юра, вешай мне!» Чеснок ему еле катнул — Тарасов в падении головой, проехал по лужам на животе: «Так!» Снег хватает, размазывает по лицу — вот! Канадцы только щелкали…»

Но вернемся к сезону-75.

В нем ЦСКА снова занял 13-е место, с трудом избежав вылета. Однако Борис Копейкин, забив 13 голов, стал лучшим бомбардиром ЦСКА и в третий раз вошел в список 33 лучших футболистов страны (под № 2). Правда, в национальную сборную его на этот раз ни разу не пригласили, считая, видимо, что есть и посильнее нападающие.

В сезоне-76 было опробовано еще одно новшество — чемпионатов стало два: весенний и осенний. В первом ЦСКА (вместо А. Тарасова его стал тренировать Алексей Мамыкин) занял 7-е место. И снова лучшим бомбардиром команды стал Борис Копейкин — он забил 6 голов. Правда, открыл свою серию только с шестой игры — против минского «Динамо», 8 мая. А в игре против московского «Торпедо» (26 июня) оформил дубль — забил два мяча (ЦСКА победил 4:0).

В осеннем чемпионате армейцы заняли все то же 7-е место, а Копейкин опять стал лучшим голеадором и забил уже 8 мячей. Наградой стал приз газеты «Вечерняя Москва» для лучшего столичного бомбардира сезона. Причем там он стал забивать с восьмой игры — против «Крыльев Советов» из Куйбышева, где он

сделал дубль (5:1 в пользу ЦСКА). В другом матче — 7 октября против одесского «Черноморца» — Копейкин сделал хет-трик (забил 3 гола) и армейцы победили 4:0 (еще один мяч был на счету дебютанта Александра Тарханова, пришедшего из хабаровского СКА, в котором в конце 60-х играл и Копейкин). А четыре дня спустя, в гостевой игре против ленинградского «Зенита», Копейкин сделал дубль. Тогда была зафиксирована ничья 3:3 (другой армейский гол снова забил Тарханов).

Вполне скромные результаты ЦСКА в сезоне-76 не помешали пятерым армейцам занять достойные места в списке 33 лучших. Правда, Борис Копейкин туда не попал. В этот список угодили: вратарь Владимир Астаповский, признанный лучшим футболистом страны и лучшим вратарем сезона, и центральный защитник Сергей Ольшанский (они получили первые номера), другой центральный защитник Василий Швецов и центральный полузащитник Александр Тарханов стали вторыми, а правый крайний нападающий Юрий Чесноков — третьим.

Между тем следующий сезон (1977) для Бориса Копейкина оказался последним в ЦСКА (к руководству командой тогда пришел Всеволод Бобров, который уже тренировал армейцев в 1967–1969 годах и приводил их к 4-му месту). А начался тот чемпионат для Копейкина удачно — уже во второй игре (6 апреля, против бакинского «Нефтчи») он забил свой первый гол. Причем важнейший для его команды. Армейцы проигрывали 0:1, и дело шло к поражению. И именно Копейкин сумел сравнять счет под занавес игры — на 83-й минуте. И ЦСКА ушел от поражения. Хотя в целом первый круг был для команды провальным — она на протяжении девяти игр никак не могла выиграть. Но Копейкина это не касалось — он забивал, хотя и нерегулярно. Так, в игре против московского «Торпедо» (22 мая) он открыл счет (матч закончился вничью 2:2). Как и в матче против львовских «Карпат» (4 июля), где армейцы уступили 1:2 и занимали 12-е место с 10 очками. Та же история повторилась в поединке с донецким «Шахтером» (18 июля), где Копейкин отличился уже на 5-й минуте, но дончане в итоге ушли от поражения (1:1).

Интересной была игра 21 августа в Ереване, где ЦСКА играл с местным «Араратом». Уже к 73-й минуте, после голов Юрия Чеснокова (два) и Бориса Копейкина (один), армейцы вели 3:0. Но ереванцы не хотели сдаваться. Сначала Керопян, а затем Бондаренко сократили разрыв до минимума — 2:3. Последовал мощнейший штурм на ворота армейцев, который сопровождался криками поддержки с трибун «Раздана» (на матч пришла 21 тысяча зрителей). Но ЦСКА удалось выдержать этот натиск и

победить.

Между тем это была не обычная игра, а… договорная. Только вот Копейкин про это узнал слишком поздно. Вот как он сам об этом рассказывает:

«1977 год. Предстоял выезд по маршруту Тбилиси — Ереван. В Тбилиси вели 2:0, но не удержали победу. После матча мне, капитану, устроили разнос. Дескать, что ты за капитан, если не в состоянии повести команду за собой?! Я вспылил: «За повязку не держусь. Хотите — забирайте». Сняли. Назначили Ольшанского. Едем на автобусе в Ереван. Тренировал «Арарат» Эдик Маркаров. И Бобров договорился с ним на ничью. Но в планы посвятил не всех. По крайней мере, Астаповский, Чесноков и я об этом понятия не имели. Первый тайм — 0:0. В начале второго Чесноков быстро забивает два гола. А затем я метров с сорока по ветру заряжаю в «девятку». Подлетают игроки «Арарата»: «Боря, ты что?! У нас же уговор на ничью». — «Впервые слышу». Они не верят: «Как ты, самый старый в команде, можешь не знать?!»

Мы с Чесноком встали впереди. Назад не отходим, мяча не видим. Армяне атакуют, отчаянно бьют по воротам — Остап все тащит. Бобров посылает к нему помощника: «Передай, чтоб пропустил». Остап отвечает: «Если вам нужно было пропускать, поставили бы Радаева. А я на глазах Симоняна позориться не хочу». Никита Палыч был главным тренером сборной и сидел на трибуне. Два мяча «Арарат» все-таки отыграл, на большее не хватило.

Скандал получился большой! В тоннеле под трибунами кто-то из игроков «Арарата» ударил Боброва. Нам тоже едва не перепало. Заходим в раздевалку. Вроде выиграли — но тишина гробовая. Вскоре появился Маркаров. Казалось, Боброва он готов разорвать. Мат-перемат. А Бобров молчит. Маркаров к нам обернулся: «Ребята, к вам претензий нет. Это он виноват». И указывает на Боброва. Я по дороге в душ тоже не удержался: «Всеволод Михалыч, посмотрите, что творится? А вы еще меня из капитанов снимаете».

Весь Ереван знал, что должна быть ничья. Поэтому болельщики на «Раздане» устроили погром. На трибуне армейские дублеры сидели. Игра завершилась — сели в автобус, нас ждут. Так стекла перебили, двери отжали и давай ребят метелить. Те в нашей раздевалке укрылись. А народ в нее начал ломиться. Кто-то кричит: «Где милиция?!» Мы же недолго думая вырвали в душевой алюминиевые дуги и приготовились обороняться. Четыре часа просидели в раздевалке, пока болельщики не разошлись.

А потом было продолжение. ЦСКА и «Арарату» с интервалом

в несколько дней предстояли матчи в Ленинграде. Сошлись на том, что мы проигрываем «Зениту», а с «Араратом» он скатает ничейку. И вроде как все квиты. Однако «Зенит» со счетом 4:1 прибил и нас, и «Арарат». Маркарова сняли…»

Между тем ударная связка Копейкин — Чесноков была ведущей в ЦСКА. И если у нее игра получалась, то команда летала как на крыльях. Если нет — дело было швах. Например, 24 сентября армейцы играли в Киеве против местного «Динамо» и проиграли 0:1. Журналист О. Кучеренко из «Советского спорта» писал: «…Проигрывая 0:1, футболисты ЦСКА, естественно, стремились отыграться. Но одного желания было мало. Киевляне смело перекрывали все подступы к своим воротам, встречали атакующих армейцев уже в середине поля, те терялись перед организованной обороной, а главные бомбардиры ЦСКА — Чесноков и Копейкин явно избегали атлетической борьбы, почти не вступали в единоборство с защитниками киевлян. Надо ли говорить, что при таком положении дел вряд ли можно было рассчитывать на успех…»

Отметим, что киевлянам Копейкин вообще редко забивал. Почему? Может быть, потому, что те против него играли жестко, иногда даже жестоко. По его же словам:

«…Играли как-то в Киеве. Бежим с Веремеевым в центре. Он помедленнее. Незаметно бьет мне в кадык. Пока я захлебывался, он мяч подхватил. Так я этот фокус в Венгрии повторил, дал какому-то мадьяру. А судья увидел. Сразу красная.

В Киеве, говорят, эти вещи отрабатывали. Правильно дать в штрафной по печени. Наступить на ногу при угловом. Киевляне вообще были своеобразные. Когда играл с ними, всякий раз поражался, как же орут друг на друга. Обзывают последними словами. Матч закончился — опять лучшие друзья. А страшнее киевских подкатов ничего не было. Примешь мяч — Решко или Фоменко уже летят сзади, в кость. Только подпрыгивай…»

После поражения в Киеве ситуация для ЦСКА сложилась угрожающая — команда занимала предпоследнее, 15-е место (20 очков). Но ценой неимоверных усилий армейцам удалось покинуть опасную зону. В последних играх Копейкин забил два гола. Это случилось в играх против львовских «Карпат» (1:1) и одесского «Черноморца» (1:2). Таким образом, всего в сезоне-77 Копейкин записал на свой счет семь забитых мячей (лучшим бомбардиром ЦСКА и всех столичных команд с 12 голами впервые стал Юрий Чесноков, получивший приз газеты «Вечерняя Москва»). ЦСКА набрал 27 очков (на одно очко больше, чем вылетевшие «Карпаты») и занял 14-е место.

Заметим, что через основной состав ЦСКА за три чемпионата

(1976–1977) прошли 34 футболиста. Большинство матчей сыграли: вратарь Владимир Астаповский, защитники Сергей Ольшанский и Василий Швецов, пришедший из минского «Динамо», Никита Высоких, Юрий Саух (СКА, Ростов) и Александр Колповский (СКА, Хабаровск), Леонид Николаенко (1977 г., из СКА, Одесса), Владимир Григорьев (1977 г., из СКА, Киев), Борис Кузнецов (1977 г.), Владимир Бычек (1977 г., из СКА, Хабаровск), полузащитники Сергей Морозов, Юрий Пантелеев (из ярославского «Шинника»), Александр Кузнецов (1976 г.), Геннадий Антонов (1976 г., из СКА, Ростов-на-Дону), львовянин из команды ГСВГ Евгений Дулык, нападающие Борис Копейкин, Юрий Чесноков, Вадим Никонов, ростовчанин Леонид Назаренко, Александр Тарханов (1977 г., из СКА, Хабаровск). Остальные новички в команде надолго не задержались и вернулись в свои прежние клубы.

Итак, сезон-77 стал для Копейкина последним в ЦСКА (он провел за клуб 223 матча, забил 71 гол). Хотя Борис мог бы играть и дальше, но были желающие, чтобы он покинул команду. По его же словам:

«…Меня из ЦСКА отчисляли три раза. 1973 год, собрание. Николаев отчитывается — и в конце: «Таких-то надо выгнать из команды». А мы смотрим — уже смена ему сидит в этой комнате. Николаева при нас убирают — назначают Агапова. Он говорит: «Всех оставляю».

В 1974-м Агапова увольняют — тот на прощание человек восемь за собой цепляет: меня, Капличного, Астаповского… Приходит Тарасов: «Все остаются».

А в третий раз Мамыкин ко мне Астаповского подсылал: «Побеседуй с Борисом, пусть заканчивает играть». Потом сам подошел: «Борь, может, хватит?» Нет, отвечаю. Еще не наигрался. Только поговорили — самого Мамыкина снимают! Главным опять стал Бобров. А с ним конфликт вспыхнул после договорняка в Ереване, который мы сорвали (это история, где армейцы выиграли 3:2. — *Авт.*).

На собрании перед отпуском Бобров сообщил: «Мы решили, что тебе пора закончить». Хотя у меня в 31 год сил было полно. Дали сутки на размышление, что делать дальше. Вариантов несколько — ГДР, Венгрия или армейские команды из Ростова и Хабаровска. Я выбрал Венгрию. Посоветовал знакомый, который там служил: «Будапешт — город сказочный. А главное — три ковра под мышку, и «штуку» рублей получаешь. Это не сервизы «Мадонна» из ГДР возить…» Из Венгрии в Союз официально разрешалось провозить три ковра. Чем чаще ездишь — тем выгоднее. Поэтому под любым предлогом старались вырваться

домой. С женой можно было в разные дни уехать — тогда зараз шесть ковров получалось. Сдавали их во Львове, там уже ждали. Футболистов, которые ничего не возили, я не встречал. Сюда тащили всё — мохер, парчу, плащи. А за границу — черную икру. В любой стране в ресторанах шла на ура. В Иране же ценились пластинки с азербайджанскими народными песнями и духи «Красная Москва». У одного игрока сумка была забита этим добром. Там на рынке все сдавал…»

Итак, после сезона-77 Копейкин покинул ЦСКА и отправился играть в Южную группу войск, где их команда играла по 4-й лиге чемпионата Венгрии. Она постоянно выигрывала турниры, но по положению выход наверх ей был заказан. Там Борис стал играющим тренером, хотя по-настоящему не считал эту профессию своей.

В войсковой команде Копейкин отыграл до 1983 года. После чего окончательно перешел на тренерскую работу: тренировал СДЮШОР ЦСКА (1983–1987), ЦСКА-2 (1988). А потом четыре года (1989–1993) был помощником старшего тренера ЦСКА Павла Садырина. Затем тренировал магнитогорский «Металлург» (1993), снова ЦСКА (1993–1994), «Пресню» (2002), «Ташир» (2003), «Приалит Реутов» (2009–2010).

В марте 2011 года Борис Копейкин отметил свой 65-летний юбилей. К тому моменту многих из его одноклубников по ЦСКА, с которыми он в 1970 году стал чемпионом СССР, уже не было в живых. По этому поводу он в одном из интервью рассказал следующее:

«…Как-то наткнулся на общий снимок 1972 года. Присмотрелся: Архангельское, лавочка. В центре мы с Марьяном Плахетко. А вокруг — из живых уже никого. Мистика какая-то, проклятье! Шестернев, Капличный, Истомин, Поликарпов, Уткин, Астаповский… Я эту карточку изорвал. Марьяну позвонил: «Найди фотографию, приглядись». Он тоже обомлел. И тоже порвал.

А Володю Поликарпова, по слухам, омоновцы забили до смерти. В 51 год. Он жил на «Автозаводской», пошел в пивную. Тут облава, забежали омоновцы. Всех укладывают. Дали ему дубиной, бросили в милицейскую машину. Но видят — вроде не рвань какая-то. Выкинули в снег. Его соседка узнала. Отвезли в больницу, там и умер (23 мая 1994 года. — *Авт.*)…»

А теперь пару слов от себя лично. В моей видеоколлекции собрано множество матчей наших клубных команд и национальной сборной времен существования СССР. Но вот матчей с участием Бориса Копейкина, увы, нет — они просто не сохранились. О чем сам он, кстати, и сетует в одном из своих

интервью. Цитирую: «О чем жалею? О том, что 100 голов не забил. 8 мячей недотянул. Обидно, что не в силах выполнить просьбу внука. Говорит: «Дед, покажи хоть, как играл». Даже ташкентской переигровки 1970 года на видео не найти. Куда я только ни обращался — и в Узбекистан, и к коллекционеру, который все, что возможно, собрал. Но и у него этой игры нет. Жаль!..»

«Забивала» из Киева
Олег Блохин, «Динамо», Киев

Олег Блохин родился 5 ноября 1952 года в Киеве в спортивной семье. Его отец — Владимир Иванович Блохин (1922–2013) — был известным советским спринтером, ветераном Великой Отечественной войны (воевал на Ленинградском фронте), офицером МВД, мама — Екатерина Захаровна Адаменко (1918–2012) — в молодости была знаменитой бегуньей и прыгуньей, чемпионкой и рекордсменкой УССР и Советского Союза по пятиборью, прыжкам в длину и бегу на 80 и 100 метров с барьерами, затем работала заместителем декана факультета промышленного и гражданского строительства Киевского строительного института.

Родители будущего футболиста познакомились на фронте. По словам В. Блохина, это выглядело следующим образом: «Был такой период во время войны: к нам в полк прикрепили призванных на действительную воинскую службу ведущих спортсменов страны, — в том числе и Екатерину Захаровну. Начальником физподготовки полка был Василий Сох, харьковчанин, чемпион Советского Союза в беге на 400 метров. Он часто приходил ко мне в гости с женой, тоже спортсменкой, бегуньей. Однажды вместе с ними пришла ее подруга Катюша Адаменко — небольшого роста, курносая, очень подвижная. Мне она сразу понравилась. Мы стали встречаться. Появилась дружба и семья…»

В семье Блохиных было двое детей, оба мальчики — Николай (1939–2011) и Олег. Причем обоих родители активно приобщали к спорту (футболу, легкой атлетике), однако в итоге только младший сын стал спортсменом, а старший ушел в науку — окончил химический факультет Университета имени Т. Шевченко, стал доктором наук.

Жили Блохины на улице Анри Барбюса, а в самом начале 60-х переехали на улицу Авиации в киевском районе Чоколовка, который смело можно назвать самым футбольным районом киевской столицы — оттуда, кроме Блохина, выйдут еще несколько звезд украинского футбола: Владимир Мунтян, Александр Чубаров, Владимир Левченко. И снова послушаем рассказ Блохина-старшего:

«Мы видели, что Олега тянуло к футболу. Есть фотографии, которые свидетельствуют: он играл с мячом еще, как говорится, при царе Горохе. Он сначала все время был с матерью, она брала

его с собой на работу. И пришла нам в голову идея — занять его футболом. Я тогда был начальником учебно-спортивного отдела республиканского совета «Динамо».

Звоню Александру Леонидову, ныне покойному, он работал наставником в детской футбольной школе «Динамо»: хочу, мол, показать сына, у него тяга к футболу. Он: «Владимир Иванович, вы свой человек, я вам отказать не могу. Жду вас на стадионе». Я, значит, посадил Олега в машину, и мы поехали…

В тот день просматривались десятки мальчишек. Олега отобрали. Леонидов потом объяснил: «Подкупила его скорость. В футболе это решающий фактор. Олег легко убегал от всех. Легко!»

Детей мы воспитывали в дисциплине и порядке. Я Олега не баловал, а заставлял. Скажем, поднимаюсь в семь утра и его бужу: «Давай!» В руках — секундомер. Маршрут — постоянный. После кроссов — гимнастика. И все это перед школой. Мы считали: у него должна быть скорость. Это особенно важно. Мать же спринтерша. И быстроту в нем надо было развивать, чтобы она не погасла. Над этим приходилось думать, думать…

Мне кажется, в малом возрасте никто не понимает, что ему необходимо. Тут важна воля взрослых, родителей — они направляют своего ребенка в то русло, которое нужно, — и чтобы их хотение совпало с его желанием. Тот же старший: мы его и так и этак, и туда и сюда. И бегал вроде бы неплохо — выполнил первый разряд по легкой атлетике, и в футбол играл, а чего-то главного не хватало. Спортивного характера. Все равно в свою науку пошел. Это его хотение.

Что в первую очередь должно быть в голове у родителей? Чтобы ребенок был занят каким-нибудь делом, пусть даже мелким, которое бы отвлекало его от улицы, от хулиганства. Это касается и мальчиков и девочек. Воспитывая сыновей, мы исходили из своего житейского опыта — прошлого и настоящего…»

Блохин учился в средней школе № 144, куда он поступил в 1959 году. А 15 сентября 1962 года, только-только перейдя в четвертый класс, он поступил в футбольную секцию «Юный динамовец», официально став тем самым членом общества «Динамо». Когда он заполнял учетную карточку, его гордости не было предела. Ведь футбольная команда киевского «Динамо» в прошлом сезоне стала чемпионом СССР. И Блохин теперь будет тренироваться в одном клубе с Войновым, Лобановским, Базилевичем, Каневским и другими звездами. Он уже предвкушал, как выйдет на изумрудно-зеленый газон стадиона «Динамо», однако поначалу ему пришлось тренироваться на

небольшом пятачке асфальта — сразу при входе на стадион, за высокими круглыми колоннами. А тренировки на стадионе начнутся чуть позже.

Вспоминает Алла Анатольевна Лакизо, которая была классной руководительницей Блохина с четвертого по десятый класс:

«Вместо обязательной политинформации одно время весь класс играл «в дипломатов». Каждый по своему усмотрению выбирал себе страну, в которую он «назначался» послом Советского Союза. По газетам, журналам, книгам каждый должен был изучить быт и нравы «своей» страны, а потом поделиться впечатлениями со всем классом. В то время в мире уже гремела слава бразильских футболистов и их короля Пеле. Неудивительно, что Олег «отправился» в Бразилию и так изучил ее, что порой сам себе казался бразильцем-аборигеном…

Вообще с Олегом у меня не было трудностей, в чем заслуга его мамы. Екатерина Захаровна любила сына, как всякая мать. Но когда требовало дело, была с ним строга. Учиться Олегу было, пожалуй, труднее, чем его одноклассникам, — тренировки забирали много времени. Но я и не требовала от него большего — видела, что он уже весь во власти спорта. Мальчик он был очень общительный, и ребята его любили. Как радовался наш девятый «Д» его первой поездке во Францию! А возвратившись, Блохин чуть не вызвал у меня слезы умиления: каждому он привез какой-нибудь сувенир! Одному — авторучку, второму — набор открыток, третьему — брелок. В классе было тогда 32 ученика вместе с Олегом, и он привез 31 сувенир! Мне подарил небольшую гармошечку с видами Парижа и какую-то безделушку из синельки. «А что ты привез матери?» — спросила я. «Точно такую же, — ответил он. — Хотел маме купить французские духи, хватился, а денег уже нет»…»

Кстати, в этой же школе № 144 в те же годы, но несколькими классами выше, учился еще один известный футболист — Анатолий Бышовец (1946), причем его классной руководительницей тоже была… Алла Анатольевна Лакизо.

В 1966 году Блохин был переведен из детского в юношеский состав футбольного клуба «Динамо» (Киев). Причем его родители категорически запретили тренеру Михаилу Коману платить ему зарплату. Почему? Родители были убеждены, что деньги в таком возрасте могут только испортить сына. Так продолжалось около полутора лет. А все, что было необходимо сыну, родители покупали ему сами: лыжи, коньки, спортивные костюмы, модные куртки и т. д.

Когда Блохин в самом конце 60-х стал играть за дубль, ему

определили зарплату в 150 рублей в месяц. Оценивался его труд, талант, вклад в успехи «Динамо». А ведь до этого были такие, кто считал, что из «этого белобрысенького ничего не получится», что он «маменькин сынок», поскольку родители старались сопровождать его везде. Бросали работу и ехали с ним то на соревнования, то на тренировки. Многие из мальчишек считали, что Блохина держат в команде только благодаря папиному знакомству с тренером. Конечно, парню было обидно, но он старался не обращать на это никакого внимания и тренировался с еще большей интенсивностью, как будто стараясь доказать, что он и без родительской опеки многое умеет делать сам. Он даже с девчонками не встречался, как многие его сверстники, — говорил: «Еще не созрел». И среднюю школу в 1970 году он окончил с отличием.

В 1968 году Блохин был включен в юношескую сборную СССР. Именно с ней он и попал во Францию, когда учился в 9-м классе. Уже в те годы Блохин умел отлично держать мяч, смело идти в прорыв, наносить сильные и точные удары по воротам, частенько оборачивающиеся голами. Талантливый футболист рвался в основу, чувствуя свой потенциал. В основу его взяли, но тренер киевлян Виктор Маслов не спешил давать Блохину много игрового времени. Поэтому в сезоне 1969/70 Блохин сыграл всего по одной игре.

В сезоне-70 киевляне заняли 7-е место, что было расценено как провал. Поэтому место Виктора Маслова, с которым киевляне трижды (1966–1968) становились чемпионами, на тренерском мостике занял новый наставник — Александр Севидов. Он внес в игру киевлян некоторые новшества: например, стал больше внимания уделять персональной игре защитников против нападающих. Однако Блохина он тоже не замечал. И хотя в 1971 году тот вместе с командой был удостоен золотых медалей (киевляне на 7 очков опередили «Арарат» — 44 против 37), однако сыграл в первенстве всю ту же одну игру. «Золотой» состав киевского «Динамо» выглядел следующим образом: Е. Рудаков, С. Доценко, В. Соснихин, С. Решко, Р. Журавский, В. Матвиенко, В. Трошкин, В. Веремеев, В. Мунтян, В. Колотов, Ф. Медвидь, А. Боговик, А. Пузач, А. Бышовец, В. Хмельницкий, А. Прохоров, В. Белоус, В. Серебряников, В. Онищенко, О. Блохин.

Итак, сыграв всего лишь одну игру, герой нашего рассказа забитыми мячами тогда не отметился. И главным «забивалой» у киевлян тогда был В. Колотов, забивший в 25 играх 10 мячей.

Именно тогда к Блохину стали поступать предложения из других именитых клубов — московских. Речь идет о «Динамо» и «Торпедо». И он готов был уехать в Москву. Пришел как-то к

Севидову и попросил: «Отпустите». Но тот отказал, пообещав задействовать в играх нового сезона по полной. И не обманул, сделав мощную связку из двух игроков — Олега Блохина и Леонида Буряка.

С 1972 года Блохин стал выходить на поле в каждой игре. А свой первый гол он забил 15 марта в Севастополе на стадионе КЧФ, где харьковский «Металлист» в рамках игр на Кубок СССР принимал киевское «Динамо» и проиграл 0:3. Блохин отправил мяч в ворота соперника на 67-й минуте.

В чемпионате СССР 1972 года Блохин сыграл 27 матчей и забил 14 голов, став лучшим бомбардиром чемпионата (один мяч он забил в Еврокубке). Правда, киевское «Динамо» на этот раз не сумело стать чемпионом страны, заняв 2-е место. А «золото» первенства досталось (причем неожиданно) другой украинской команде — ворошиловградской «Заре», которая обогнала киевлян на 5 очков (40 против 35).

В том же 1972-м Блохин был включен в состав олимпийской сборной СССР, которая в сентябре выступала на играх XX Олимпиады в Мюнхене. В составе сборной были в ту пору, кроме Олега Блохина, такие замечательные футболисты, как Е. Ловчев, Г. Еврюжихин, М. Хурцилава. Из одноклубников Блохина по киевскому «Динамо» — В. Колотов, Й. Сабо, В. Онищенко. На олимпийском футбольном турнире Блохин забил шесть мячей, причем один из них в матче за 3-е место с командой ГДР, который закончился вничью — 2:2 (поэтому «бронзу» отдали двум этим командам).

В сезоне 1973 года киевляне снова были вторыми, а чемпионом стал ереванский «Арарат». На этот раз отставание от лидера было меньшим, чем в прошлом году, — всего 3 очка (36 против 39). А ведь всего два года назад (1971) ситуация была противоположной: киевляне стали чемпионами, обогнав серебряных медалистов, «Арарат», на 7 очков.

Кстати, ереванцы обыграли киевлян и в финале Кубка СССР — 73 со счетом 2:1, правда в дополнительное время. Гол у киевлян забил В. Колотов, однако лучшим футболистом чемпионата СССР был назван Олег Блохин, который в 29 матчах забил 18 мячей, став второй раз подряд лучшим бомбардиром всесоюзного первенства.

Именно тогда в гараже Блохина появился престижный автомобиль «Волга» серого цвета. Стоила машина приличных денег — 8600 рублей. Блохин оплатил ее стоимость и, сев за руль, отправился на базу «Динамо». Ох и намучился он, пока доехал до цели. Например, тронулся он только с третьей попытки. По дороге надо было бензин залить, а он этого делать

не умел. Апогеем его одиссеи был въезд на саму базу. В тамошние ворота мог проехать самосвал или два, поэтому сторож отворил ему одну половину. Но Блохин, не уверенный в своих водительских способностях, заплатил сторожу три рубля и попросил: «Открой вторую, потому что могу не попасть». Короче, шофером он в ту пору был тем еще. Потом освоился.

Кстати, в те годы руководители украинского Центрального комитета партии сетовали: вот, дескать, динамовцы у нас были какие — после каждого успешного сезона требовали с ЦК машины. Мы им давали «Волги» (две или три на команду): кому по второй, кому по третьей, а кому и по пятой, а они их потом грузинам по 20 тысяч рублей продавали. Как вспоминает сам О. Блохин: «Продавали армянам или узбекам. Сейчас говорить об этом можно спокойно, а тогда могли и посадить, хотя все было на высшем уровне санкционировано. Ввиду того что официально выплатить премиальные нам не могли, давали машины, и все понимали: мы их продадим. «Волга» стоила 8600, потом — 9100. На первую я одолжил денег — своих не было — и за 15 тысяч продал: 9 тысяч отдал, шесть заработал… Спекулянт самый натуральный, а за сколько продавали остальные ребята, не знаю…»

В 1973 году «Динамо» (Киев) впервые участвовало в четвертьфинале Кубка европейских чемпионов, где его соперником был мадридский «Реал». Первый матч в Киеве закончился со счетом 0:0, на выезде же «Динамо» терпит сокрушительное фиаско со счетом 0:3 и выбывает из турнира.

Эти результаты переполнили чашу терпения киевского руководства (речь идет не только о спортивных функционерах, но и политиках — с 1972 года первым секретарем ЦК КПУ становится Владимир Щербицкий, который был ярым футбольным фанатом), поэтому в 1973 году в «Динамо» сменили тренерский состав: к руководству пришли Валерий Лобановский (из «Днепра») и Олег Базилевич (из «Шахтера»). Они достаточно жестко подошли к тренировочному процессу, нарастив нагрузки вдвое. Команда обрела новую мощь и заиграла красиво и результативно. Несколько по-иному заиграл и Блохин. Новые тренеры предложили ему изменить манеру игры, расширить зону действия. Он поначалу воспринял это без особой радости, потому что в то время мы еще не знали о так называемом коллективном футболе, который родился в 1974 году на чемпионате мира в ФРГ. Но затем Блохин быстро понял, что да, только играя в такой футбол, можно стать футболистом высокого класса, если ты обладаешь большими возможностями. Это качество, которое, очевидно, было ему дано от природы, от родителей.

В сезоне-74 киевские динамовцы резко рванули вперед, чем вызвали недоумение и раздражение у многих футбольных специалистов. Противодействие себе киевляне начали ощущать сразу, как только начали демонстрировать свое игровое превосходство на поле. Например, резко ухудшилось качество судейства на матчах с их участием. Однако как ни странно, но чемпионами страны стали именно киевляне, которые лишь на одно очко опередили московский «Спартак» (40 против 39). Зато по забитым мечам у динамовцев были гораздо лучшие показатели, чем у красно-белых, — 49 против 41. На долю Блохина приходилось забитых 20 мячей (плюс 8 мячей в Еврокубках) — он стал лучшим бомбардиром чемпионата СССР, причем третий раз подряд.

Отличился Блохин и в финальной игре на Кубок СССР, которая состоялась 10 августа 1974 года в Москве, в Лужниках. На тот матч, где киевлянам противостояла ворошиловградская «Заря», пришло 55 тысяч человек (стадион имени В. И. Ленина вмещал 102 тысячи). Обе команды избрали оборонительную тактику, поэтому после двух таймов счет на табло был ничейным — 0:0. Однако в дополнительное время киевляне все-таки «дожали» соперника — забили три безответных мяча (Мунтян, Блохин, Онищенко).

«Золотой» состав киевского «Динамо» образца 1974 года выглядел следующим образом: Е. Рудаков, В. Самохин, В. Трошкин, М. Фоменко, С. Решко, В. Матвиенко, В. Зуев, В. Кондратов, В. Кочубинский, А. Дамин, Р. Ашибоков, В. Головин, Л. Буряк, В. Мунтян, В. Веремеев, В. Колотов, В. Маслов, Ю. Ковалев, В. Онищенко, О. Блохин, А. Шепель, В. Шевченко. Из «золотого» состава киевлян образца 1971 года в команде осталось девять человек.

Одним из самых активных игроков киевского «Динамо» был, без сомнения, именно Блохин, который считался универсальным мастером, зачастую играя не только на левом краю, но и в центре атаки. В то же время, при всей своей любви к индивидуальным проходам, он был командным игроком и четко взаимодействовал с партнерами. С другой стороны, и они, зная скоростные качества Блохина, всегда старались найти его на поле и острым пасом дать ему возможность для стремительного прохода к чужим воротам.

Осенью 1974 года киевляне включились в розыгрыш Кубка обладателей кубков. Отметим, что в прошлом году команда выбыла из розыгрыша Кубка УЕФА на стадии одной восьмой финала, сначала победив западногерманский «Штутгарт» 2:0, но в ответной игре проиграв ему 0:3. Но в 1975 году все было иначе.

Первая игра — с ЦСКА «Септембрийско знамя» из Болгарии.

Победа досталась динамовцам с минимальным счетом 1:0, причем этот мяч забил Олег Блохин. Далее пошли соперники посерьезнее. Вот как об этом вспоминает тогдашний тренер киевлян О. Базилевич:

«В осенних матчах 1974 года в одной восьмой Кубка обладателей кубков мы дважды обыграли чрезвычайно сильный «Эйнтрахт» из Франкфурта-на-Майне. В составе «Эйнтрахта» выступали известные игроки сборной ФРГ, свежеиспеченные чемпионы мира Хельценбайн и Грабовски. Перед первой, выездной для нас, игрой соперники подарили нам небольшие сувениры — бритвенные приборы. А после игры, которую мы выиграли со счетом 3:2 (голы у киевлян забили Онищенко, Блохин и Мунтян. — *Авт.*), местная газета написала: «Мы подарили им бритвенные приборы, а они нам намылили шею…» Ответную игру в Киеве мы выиграли 2:1. Грабовски признался потом в одном из интервью, что Вайзе, тренер «Эйнтрахта», просил игроков в перерыве после первого тайма того матча только об одном — не допустить позорного разгрома.

В одной второй финала мы одолели голландский ПСВ из Эйндховена. Сила ведущих голландских и западногерманских команд середины 70-х годов — уже легенда «тотального» футбола. В составе ПСВ — «летучие голландцы» сборной, братья Ван де Керкхоф, вратарь Ван Беверен, игроки сборной Швеции Нордквист и Эдстрем. Наша победа в первом матче в Киеве со счетом 3:0 (голы — Колотов, Онищенко, Блохин. — *Авт.*) была ошеломительной для голландцев, и они приложили все силы, чтобы отыграться, но в ответной игре не смогли добиться большего, чем 2:1 в свою пользу (гол у киевлян забил Буряк. — *Авт.*)…

Последнюю игру чемпионата СССР в мае 1975 года перед финалом Кубка кубков мы проводили в Ереване против «Арарата». Тяжелейший матч, играем в явном меньшинстве: нас одиннадцать, их четырнадцать. Свистки, по большей части надуманные, постоянно разворачивают всю игру в одну сторону, разумеется в сторону наших ворот. И при этом нас все время толкают и бьют, причем не просто больно. Бьют на травму, на вынос с поля. Судья не реагирует. Но все равно мы сильнее, выиграли 3:2. После игры раздевалка — прямо как полевой госпиталь, наши замечательные врачи творят чудеса. Потому что у всех повреждения разной степени тяжести. Блохину, например, наложили пять швов, а ведь через несколько дней финал Кубка кубков. А еще через три дня, уже в футболках сборной СССР, — отборочная игра чемпионата Европы с Ирландией.

Удивительное дело, никогда ведь прежде такой игрой

«Арарат» не отличался. Возмущение в душе закипало. Зачем же так, мы же коллеги, одна страна, в конце концов, у нас же такие матчи впереди, что же вы делаете?.. До сих пор думаю, что эту акцию спланировали. Но это как раз тот момент, когда нас было уже невозможно остановить. Ведь когда наступает звездный час, такие мелочи, как накапливающаяся усталость, травмы, слишком короткие перерывы между матчами, не говоря уже о каких-то обидах на арбитров, уже не играют особой роли. На то он и звездный, этот час…

На финальный матч Кубка обладателей кубков мы отправились в Швейцарию, в Базель, имея 10 очков из десяти возможных в чемпионате СССР 1975 года (матч проводился 14 мая. — *Авт.*). И там в отличном стиле победили венгерский «Ференцварош» — 3:0 (два мяча забил Онищенко и один Блохин. — *Авт.*). Наш соперник тогда был достаточно силен. В его составе выступало много игроков сборной Венгрии — Нилаши, Мадьяр, Муча. На пути к финалу венгерские футболисты обыграли непростых соперников — «Кардифф» и «Мальме», не говоря уже о таких сильных командах, как «Ливерпуль» и «Црвена звезда». Но мы в тот период были сильнее всех, что еще раз подтвердила та памятная игра в Базеле.

На послематчевой пресс-конференции тренер «Ференцвароша» Ене Дальноки сказал: «Сыгранность киевских игроков, их взаимопонимание и взаимовыручка — это просто фантастика! Они превзошли нас во всех компонентах игры. Снимаю перед «Динамо» шляпу и заявляю: в Европе появился еще один суперклуб».

Как говорится, мы собрали очень хорошую прессу. Вот только некоторые выдержки. Газета «Трибюн» писала: «Легенда, согласно которой советские игроки в футболе остаются роботами, слепо следующими одному и тому же варианту, перестала существовать. Ее похоронили официально и окончательно на стадионе «Санкт-Якоб». Швейцарская «Сьюисс»: «В этом матче на поле была одна команда — «Динамо», и она показала игру, которую в Европе давно уже не видели. Трудно назвать клуб, сумевший бы в этот день устоять против киевлян». Венгерская газета «Непшпорт»: «Можно утверждать, что на поле все происходило так, как того хотели советские футболисты. Они диктовали темп, умело варьировали ритм игры и своими отличными коллективными действиями покорили любителей спорта. Победа киевлян ни на мгновение не вызывала сомнений».

А через три дня в Киеве, уже в качестве сборной СССР, мы в тяжелом и ответственном матче победили сборную Ирландии — 2:1. Ту самую команду, которой осенью прошлого, 1974 года

сборная СССР под руководством Константина Ивановича Бескова уступила в Дублине по всем статьям со счетом 0:3. Да, Базилевич и Лобановский в 1975 году были назначены тренерами сборной страны, а киевское «Динамо» — ее базовой командой. С задачей обеспечить выход из отборочной группы чемпионата Европы, имея в пассиве тот самый прошлогодний стартовый проигрыш ирландцам. Но и с этой задачей мы справились в 1975 году, причем досрочно…»

После победы над «Ференцварошем» киевляне должны были побороться за Суперкубок, который разыгрывали между собой победители двух европейских турниров — Кубка обладателей кубков и Кубка европейских чемпионов. В последнем в том году победителем стал мюнхенский клуб «Бавария». В этих играх подлинным героем стал герой нашего рассказа — Олег Блохин.

Отметим, что «Бавария» второй год подряд владела Кубком европейских чемпионов и в ее составе выступали игроки сборной ФРГ Беккенбауэр, Майер, Шварценбек, Румменигге. Поэтому перед их матчами за европейский Суперкубок образца 1975 года мало кто сомневался, что победа будет на стороне именитой немецкой команды. Но произошла подлинная сенсация. Уже в первой игре 9 сентября киевляне в упорной борьбе победили немцев со счетом 1:0. Гол забил Блохин в лучших традициях футбольной классики. Выбрав момент, он великолепно исполнил свой фирменный номер — получив острый пас, на спринтерской скорости обыграл четырех защитников во главе с Беккенбауэром (он и Шварценбек были действующими чемпионами мира!) и точно и сильно пробил в дальний угол ворот Зеппа Майера. Этот потрясающий сольный проход советского голеадора журналисты и телекомментаторы называли фантастическим.

В ответном матче в Киеве, 6 октября, Блохин снова был в ударе, забив в ворота «Баварии» уже не один, а два гола — один в конце первого тайма, другой в начале второго со штрафного (до ворот было метров двадцать пять). Причем удар собирался нанести Мунтян, но Блохин решительно оттеснил его от мяча и пробил сам — весьма успешно. Успех киевского «Динамо», выигравшего европейский Суперкубок, был сенсационным — впервые победу праздновала команда из Советского Союза. И впервые в том 1975 году приз парижского еженедельника «Франс футбол» «Золотой мяч» получил советский футболист — киевлянин Олег Блохин, признанный лучшим футболистом Европы.

В середине ноября закончился чемпионат ССР по футболу. И снова киевское «Динамо» оказалось сильнее всех — набрало 43 очка, обогнав ближайшего преследователя — донецкий «Шахтер»

— на 5 очков. И опять Блохин был в своей команде главным «забивалой» (за что и был признан лучшим футболистом СССР, как два года назад) — в 28 матчах забил 18 мячей (плюс 5 в Еврокубках), став в четвертый раз лучшим бомбардиром чемпионата СССР. Таким образом, за четыре последних года (1972–1975) герой нашего рассказа забил в первенствах Советского Союза 70 голов.

Золотые медали киевскому «Динамо» в 1975 году завоевали следующие футболисты: Е. Рудаков, В. Самохин, В. Трошкин, М. Фоменко, С. Решко, В. Матвиенко, А. Дамин, В. Зуев, С. Кузнецов, А. Коньков, Л. Буряк, В. Мунтян, В. Веремеев, В. Колотов, В. Кочубинский, А. Бойко, В. Онищенко, О. Блохин, П. Слободян, В. Шевченко.

Кстати, двухлетнее (1974–1975) доминирование киевских динамовцев в чемпионате СССР вызвало шквал критики в адрес руководства команды со стороны многих футбольных специалистов. Лобановского и Базилевича обвиняли сразу в нескольких «грехах». Например, в том, что они придумали так называемую «выездную модель», при которой их команда, играя на выезде, в основном отсиживается в обороне, стараясь не потерять очки. Из-за этого выездные игры киевлян выглядели не очень зрелищно, а иногда и вовсе скучно. На этом основании киевских тренеров стали обвинять в том, что они своими схемами и моделями разрушили и извратили сам «дух советского футбола», которому всегда был присущ зрелищный, наступательный стиль. Сам О. Базилевич по этому поводу высказался следующим образом:

«Нас обвинили в том, что мы с Лобановским отказались играть в «остром», «зрелищном», «атакующем» и так далее стиле. Но никто так и не удосужился определить этот «стиль» и что конкретно должна делать команда, чтобы ее игра подходила под это определение. Что в принципе и невозможно, потому что, если мяч у нас, мы атакуем. Если мяч у противоположной команды, мы его отбираем. Вот, собственно говоря, и весь футбол.

Мы уже подробно разобрали основные принципы организации игры и соответствующие тактические приемы, которые использовались в донецком «Шахтере», киевском «Динамо». Лица, дискредитировавшие нашу Систему, не утрудили себя пониманием. Они просто использовали несколько прилагательных — «острый», «зрелищный», «атакующий». И сказали, что советский футбол должен этим прилагательным соответствовать, а футбол Лобановского и Базилевича — не соответствует.

Одно и то же событие на футбольном поле можно

представить по-разному. Если мы переводим мяч с одного фланга на другой, можно сказать: «Команда меняет направление атаки». Что будет справедливо. А можно сказать: «Команда играет поперек поля, вместо того чтобы атаковать». Что уже не только несправедливо, но и дезориентирует зрителя, формирует у него ложный стереотип восприятия событий и тактики игры.

Этот ложный стереотип до сих пор жив. Постоянно приходится читать и слышать рассуждения о каком-то мифическом «атакующем» и «зрелищном» стиле. Рассуждения, которые на самом деле чрезвычайно вредны, поскольку уводят от понимания смысла событий, реально происходящих на поле. И не дают разобраться в особенностях применения и целесообразности тех или иных конкретных тактических приемов…»

Видимо, силы, которые в избытке потратили киевские динамовцы в 1975 году, чтобы выиграть и чемпионат СССР, и Европейские кубки, стали причиной того, чтобы 1976 год оказался для них провальным. Кроме этого, команду тогда потрясла целая серия громких скандалов, которая тоже негативно сказалась на их выступлении во всесоюзном чемпионате и Еврокубках.

Учитывая, что львиную долю игроков сборной СССР тоже составляли киевские динамовцы (Рудаков, Коньков, Звягинцев, Матвиенко, Фоменко, Решко, Трошкин, Колотов, Веремеев, Мунтян, Буряк, Онищенко и Блохин), а тренерами сборной были опять же киевляне (Валерий Лобановский и Олег Базилевич), спад в игре постиг и сборников. Игра у наших явно не клеилась — в первых шести матчах сезона 1976 года сборная СССР выиграла только один товарищеский матч у сборной Болгарии и два проиграла, в том числе и первый из двух четвертьфинальных матчей чемпионата Европы со сборной Чехословакии, которые и являлись пропуском на финальный турнир в Югославии. Второй матч, в Киеве, она завершила вничью и выбыла из соревнований. В итоге финальный турнир чемпионата Европы впервые проходил без участия сборной СССР.

В своих тогдашних интервью Лобановский оправдывал свои действия во главе сборной тем, что его главная цель — золотые медали на XXI Олимпийских играх в Монреале, которые должны были пройти в июле 1976 года. Якобы тренеры сборной решили не форсировать пик формы команды. Как выяснится чуть позже, это были всего лишь отговорки.

А пока так же неудачно, как сборная, выступало тогда и киевское «Динамо» под руководством все тех же Лобановского и Базилевича (в том году проводилось два чемпионата СССР — весенний и осенний). Команда в весеннем розыгрыше

проигрывала даже таким командам, как куйбышевские «Крылья Советов» (1:2), утратившему форму московскому «Торпедо» (1:3), играла вничью с минским «Динамо» (0:0), одесским «Черноморцем» (1:1), ленинградским «Зенитом» (1:1) и московским «Локомотивом», который плелся в хвосте турнирной таблицы (0:0). Киевляне тогда мало забивали (на их счету будет всего 14 мячей), а пропустили почти столько же (12). Поэтому было решено укрепить вратарскую линию, для чего из Москвы был переманен вратарь «Спартака» Александр Прохоров. Этот переход оказался скандальным.

Причин для смены клуба у вратаря было несколько: во-первых, родной «Спартак» тогда был в числе аутсайдеров (в весеннем чемпионате займет 14-е место, а в осеннем и вовсе вылетит из высшей лиги), а киевляне в лучшем положении, во-вторых — переезд в Киев автоматически зачислял Прохорова в состав национальной сборной. Однако на пути перебежчика стеной встали спартаковские начальники, которые пригрозили вратарю в случае перехода суровыми карами. Но тот не испугался: в мае собрал свои нехитрые пожитки и отбыл в Киев. И, несмотря на протесты Москвы, за два дня до игры с тбилисцами СТК разрешил Прохорову играть за киевлян.

Свой первый матч на новом месте Прохоров провел 23 мая 1976 года — в тот день киевляне принимали у себя дома одноклубников из Тбилиси. Победили хозяева с минимальным счетом 1:0. Во многом этой победе киевляне были обязаны Прохорову, который творил в «рамке» настоящие чудеса, беря даже неберущиеся мячи. Но затем вышла накладка: телеграмма о решении СТК была послана в Киев лишь 24 мая, то есть на следующий день после игры. Именно эта оплошность и станет поводом к большому скандалу.

2 июля Федерация футбола вынесла этот вопрос на свое заседание. Обсуждение выдалось бурным. Киевляне защищались как могли: зампред киевского совета «Динамо» всю вину за несвоевременное оформление документов на Прохорова взял на себя и просил наказать его, а не команду. Грузинская сторона требовала засчитать киевлянам поражение (в той игре, как мы помним, тбилисцы проиграли 0:1). Были и другие предложения: например, спортивный комментатор Николай Озеров от имени Андрея Старостина предложил матч переиграть. Однако Федерация встала на сторону грузинской стороны: кивлянам засчитали поражение, тбилисцам — победу. В итоге конфискация двух очков, случившаяся незадолго до завершения чемпионата, самым существенным образом скажется на турнирном положении киевлян — они вылетят из списка кандидатов на медали, заняв в

весеннем чемпионате 8-е место. Говорят, это было результатом заговора в высших футбольных сферах, где у «Динамо» (Киев) было много недоброжелателей. Кстати, в результате такого же заговора в этом же году высшую лигу покинет и столичный «Спартак».

В июле сборная СССР по футболу, которую возглавляли тренеры киевского «Динамо» Валерий Лобановский и Олег Базилевич, участвовала в играх летней Олимпиады в Монреале. Как уже отмечалось, наша сборная практически полностью состояла из футболистов киевского «Динамо» — в ее состав, кроме Блохина, входили А. Коньков, В. Матвиенко, М. Фоменко, С. Решко, В. Трошкин, В. Онищенко, В. Колотов, Л. Буряк, В. Веремеев.

19 июля советские футболисты одолели команду хозяев турнира — канадцев — со счетом 2:1 (оба мяча у нас забил Онищенко). Затем мы победили северных корейцев со счетом 3:0 (голы забили — Колотов с пенальти, Веремеев и Блохин, который играл с недолеченной травмой). Затем была победа над сборной Ирана 2:1 (голы — Минаев, Звягинцев). А вот сборной ГДР наши ребята проиграли 1:2 (гол — Колотов с пенальти). В итоге нам предстоял матч за бронзовые медали с командой Бразилии 29 июля. Но до этой игры есть еще несколько дней, а пока наши олимпийцы гуляют по Монреалю, жадно впитывая окружающую их капиталистическую действительность. И в один из дней встречают в супермаркете своих земляков — Владимира Высоцкого и Марину Влади, которые приехали в Канаду в качестве туристов (кроме этого, Высоцкий записал там один из своих дисков).

Вспоминает О. Блохин:

«У Влади была подруга — какая-то канадская рок-звезда. Володя с Мариной приехали на Олимпиаду, эта канадка оставила им дом, а они ей квартиру в Париже — обменялись! Вот там мы и сидели после встречи в супермаркете. Мы туда зашли с Леней (или Лехой) Буряком (в течение нескольких лет Буряк был лучшим другом Блохина в киевском «Динамо»: он был вхож в дом Блохина, а в «Динамо» и на выезде они всегда селились в одной комнате. — *Авт.*). Володя там себе кожаную куртку выбирал. Он такую одежду любил — видно, в ней ему было удобно. В общем, поехали мы, накрыли на скорую руку стол… Бутылка водки стояла, но он только играл, не пил — при Марине. Играл долго, притом записал нам кассету. Потом, уже в Киеве, ко мне гости пришли, я поставил ее, и кто-то украл. Позже она где-то всплыла, и какой-то другой человек утверждал, что это он там присутствовал…

Чем запомнился Высоцкий? Нормальный мужик, без закидонов, без ничего… Нам с Лехой по 23–24 года, молодые ребята — и вдруг, во-первых, Высоцкий, а во-вторых, Марина Влади. Красивая очень! Глаза у нас где-то на лбу были, наверное, — я говорю так, как есть, поэтому, скорее, мы смотрели на них, как на звезд, раскрыв рты. Я был просто в шоке!..»

Но вернемся к Олимпийским играм в Монреале.

Итак, 29 июля советская сборная встретилась на поле со сборной Бразилии в матче за третье место. Наши ребята тот матч выиграли со счетом 2:0 и взяли «бронзу». Но это место было расценено в Москве как провал, поскольку цель была поставлена одна — золотые медали. А спустя месяц в киевском «Динамо» случился… форменный бунт игроков против своих тренеров. Впрочем, перед этим был другой скандал с участием киевского «Динамо». Дело было так.

14 августа 1976 года киевляне должны были играть в Донецке против местного «Шахтера». Однако в Донецк киевляне приехали в неполном составе (всего восемь человек), поскольку большая часть динамовцев участвовала в закрытии Олимпиады в Монреале. Тренер динамовцев Валерий Лобановский обратился к судье матча Казакову с просьбой перенести игру на более поздний срок. Тот немедленно позвонил в Москву и оттуда вскоре поступил ответ: матч отложить. Однако этот вердикт не удовлетворил самих «шахтеров». Их тренер Владимир Сальков отправился прямиком в ВИП-ложу стадиона, где восседал первый секретарь Донецкого обкома КПСС Борис Качура, и пожаловался ему на динамовцев. Качура вызвал к себе Казакова и приказал ему игру проводить. Ситуация создавалась патовая.

Тем временем Лобановский последовал примеру своего коллеги из «Шахтера» и в свою очередь позвонил в Киев первому секретарю ЦК КП Украины и члену политбюро ЦК КПСС Владимиру Щербицкому. Дескать, обижают. Щербицкий потребовал позвать к телефону Салькова. И на повышенных тонах заявил: «Что это вы вздумали издеваться над киевским «Динамо»? Это для украинского народа особая команда». — «Я действую в соответствии с регламентом чемпионата», — попробовал было возразить Сальков. Видя, что тренер «Шахтера» его явно не понимает, Щербицкий потребовал отдать трубку самому Качуре. Тот трубку взял, около минуты слушал гневную речь Щербицкого, после чего распорядился: «Быстро организуйте товарищескую игру. Надо успокоить народ».

Народ действительно успокоили: в тот день «Шахтер» сыграл товарищеский матч со своим дублем. Однако Сальков на этом не успокоился и потребовал от Спорткомитета СССР засчитать Киеву

поражение. Но Москва побоялась связываться с Щербицким и эту просьбу проигнорировала.

А история с бунтом произошла спустя несколько дней после донецкого скандала. Дело в том, что, после того как Лобановский и Базилевич, будучи также наставниками национальной сборной, за прошедший сезон проиграли все возможные турниры, игроки «Динамо», которые устали от экспериментов своих тренеров, поняли, что лучшего времени для смены руководства у них не будет (и это притом, что всего лишь год назад именно Лобановский привел киевлян к победе в Суперкубке!). В итоге родилось заявление в Спорткомитет Украины, подписанное всеми игроками команды. Вот как об этом вспоминает игрок киевского «Динамо» В. Звягинцев:

«Наконец собралась команда. Пошли в комитет. Пригласили Фоминых (руководитель украинского футбола. — *Авт.*). Первым написал заявление Колотов, капитан команды, затем по кругу — остальные. Писали, что не хотим с этим составом работать. Потом поехали на базу в Конче-Заспе. Но тренировки не было. Лобановского вызвали в ЦК. А через несколько дней состоялось общее собрание. Команда, тренеры, заместитель председателя Совмина Украины Семичастный. Бывший председатель КГБ, «историческая личность».

Начали разбираться, разговаривать. Затем — голосование. В итоге было принято решение — отстранить от работы Лобановского, Базилевича и Петрашевского. Причем Базилевича и Петрашевского — единогласно. Лобановский собрал несколько голосов в свою пользу, но большинство высказалось за его отстранение…»

А теперь послушаем одного из виновников случившегося — Олега Базилевича:

«Яков Петрович Погребняк, в то время второй секретарь ЦК Компартии Украины, лично курировал футбол и киевское «Динамо». Он занимался организационными вопросами, помогал нам в решении проблем обеспечения и материального стимулирования игроков. В годы, когда все вопросы решались партийным руководством, роль Якова Петровича была очень важна, а его поддержка просто неоценима. В своих воспоминаниях и интервью он несколько раз упоминает так называемый «бунт игроков» 1976 года и разговоры, которые велись в ЦК КПУ по этому поводу с отдельными футболистами.

Ни меня, ни Лобановского на эти беседы не приглашали. Были и другие разговоры с игроками за нашей спиной — в Федерации футбола и Спорткомитете УССР. Некоторые чиновники этих организаций до сих пор по непонятным для меня

причинам распространяли слухи о том, что Лобановский и Базилевич хотят отчислить из «Динамо» Трошкина, Матвиенко и Мунтяна. Вообще, это конечно же непорядок. Теперь «Динамо» — полноценный футбольный клуб, который сам в состоянии решить свои внутренние вопросы. А тогда это была просто команда, у которой вдруг нашлось много руководителей, желающих вести разного рода собеседования с футболистами.

Никаких планов о немедленном отчислении группы ведущих игроков основного состава у нас не было. Это противоречило бы самим основам нашего подхода к селекции. Да и вообще ни один тренер не станет желать отчисления из команды высококвалифицированных футболистов в расцвете сил, которые реализуют его видение игры. Другое дело — приглашать в команду новых, перспективных исполнителей с учетом неизбежной смены поколений и создания здоровой конкуренции за место в основном составе. Именно так мы строили наши селекционные планы.

До сих пор не понимаю, зачем некоторые деятели Федерации футбола и Спорткомитета УССР убеждали наших игроков в том, что Лобановский и Базилевич затевают большую и немедленную кадровую чистку. Но факт остается фактом — игроки поверили. С подачи чиновных «доброжелателей» любые наши слова и действия по кадровым вопросам в тот период воспринимались под этим углом зрения. И почти всей командой футболисты пришли в Спорткомитет требовать нашей с Лобановским отставки. Им даже позволили сыграть один матч без тренеров вообще. Матч, проигранный в Киеве «Днепру» со счетом 1:3…

Надо сказать, ребята действительно устали и оказались готовы бунтовать. Устали скорее даже психологически, чем физически. Единственный момент, когда тренировочные нагрузки вступили в противоречие с физиологией, — это неудачный и тяжелый подготовительный сбор в Бельмекене, программу которого я, кстати, оспаривал, но из уважения к мнению коллег, к сожалению, не оспорил. А вот постоянно выигрывать, настраиваться на победу, отдавать все силы борьбе — это действительно непросто. Именно этот психологический надлом наших футболистов и стал, скорее всего, причиной, по которой они оказались столь восприимчивы к козням чиновных интриганов.

Яков Погребняк видит еще одну причину «бунта» 1976 го да — «сухость и жесткость» Лобановского в общении с игроками. По его словам, в результате множества бесед с футболистами в ЦК КПУ был найден жесткий компромисс, ударивший по многим хорошим людям. Имея в виду, судя по всему, Базилевича и

Петрашевского. Хотя в таком случае компромисс выглядит довольно странно — недовольны были сухостью и жесткостью Лобановского, непомерностью нагрузок Зеленцова, а работы лишили меня. О себе, о том, что пережил тогда, рассказывать не буду. Человек более слабый духом мог не пережить либо лишиться рассудка, столкнувшись со столь откровенной несправедливостью.

Когда мы вместе принимали «Динамо», наш уговор с Валерием Васильевичем был такой, что раз уж вместе приходим, то вместе и уйдем, что бы ни случилось. Должен ли был Лобановский уйти вместе со мной? Или если иначе — будь я на месте Лобановского, покинул ли бы «Динамо» в 1976-м вместе с Базилевичем? Думаю, что да. Существовавшие между нами устные договоренности для меня были важнее любого документа, скрепленного семью печатями. И я нисколько ни тогда, ни сейчас не предъявляю ему этой претензии — дескать, меня ушли, а ты, несмотря на уговор, остался. Наша дружба пережила и этот непростой этап и оказалась сильнее всех несправедливостей жизни…»

Итак, несмотря на результаты голосования, Лобановский сумел остаться на своем посту, поскольку имел крепкий тыл в лице самого первого секретаря ЦК КП Украины Владимира Щербицкого. А тут еще и сама команда ему подмогла: 18 августа в очередной игре с «Днепром» безвольно продула 1:3 у себя дома, что дало повод сочувствующим Лобановскому людям усомниться в таланте нового тренера Пузача. В итоге при Лобановском киевские динамовцы неплохо выступили в осеннем чемпионате СССР 1976 года, заняв 2-е место, отстав от лидера — московского «Торпедо» — всего на 2 очка (18 против 20).

Тем временем киевляне достаточно успешно выступали на международной арене — в Кубке чемпионов. Они обыграли югославский «Партизан» 3:0 (голы — Онищенко, Трошкин, Блохин) и 2:0 (голы — Мунтян, Слободян), греческий ПАОК 4:0 (голы — Буряк дважды, Колотов, Слободян) и 2:0 (голы — Колотов, Блохин).

В одной четвертой финала киевлянам противостояла знакомая по Суперкубку мюнхенская «Бавария». Первый матч киевляне продули 0:1, зато ответный уверенно выиграли 2:0 (голы — Буряк, Слободян). В итоге в одной второй финала киевлянам досталась еще одна команда из ФРГ — «Боруссия» из Мюнхенгладбаха. В первой встрече победа была на стороне динамовцев — 1:0 (гол — Онищенко), во второй фортуна улыбнулась немцам — 2:0, и именно они вышли в финал.

Между тем в чемпионате 1977 года киевское «Динамо» стало

чемпионом, хотя получилось это не столь легко, как два-три года назад. Уже в первых матчах последовали две ничьи на домашнем поле (с «Зарей» и «Крыльями Советов»), что было расценено как неудача команды. А вперед вырвались тбилисские и московские динамовцы, столичные торпедовцы и донецкий «Шахтер». Те, кто совсем недавно требовал отставки Лобановского, снова стали поднимать этот вопрос. Но тренера оставили на его месте. И уже в конце первого круга киевляне заняли привычное 1-е место и не уступили его никому до конца сезона. Они обогнали своих одноклубников из Тбилиси, взявших «серебро», на 4 очка (43 против 39). И снова основным «забивалой» у киевлян был Олег Блохин, забивший 17 мячей (из 51) в 29 играх и ставший тем самым еще и главным бомбардиром всесоюзного чемпионата, вернув себе этот титул после годичного перерыва (в весеннем чемпионате СССР 1976 года лучшим «забивалой» был ереванец А. Андриасян (8 голов), в осеннем — зенитовец А. Маркин (13 голов).

«Золотой» состав киевского «Динамо» образца 1977 года выглядел следующим образом: В. Юрковский, Е. Рудаков, М. Москаленко, А. Коньков, М. Фоменко, В. Матвиенко, С. Решко, В. Трошкин, С. Лозинский, А. Бережной, В. Веремеев, Л. Буряк, В. Бессонов, В. Мунтян, В. Колотов, В. Онищенко, П. Слободян, С. Кузнецов, Ю. Ковалев, А. Хапсалис, В. Зуев.

В чемпионате СССР 1978 года фаворитом с самого начала были тбилисские динамовцы, которые обыграли не только киевское «Динамо», но и московский «Спартак», «Черноморец», «Днепр», сыграли вничью с московским «Динамо» и «Шахтером». Короче, команда Олега Блохина тогда была явно не в ударе. Однако 12 августа она смогла выиграть Кубок СССР, чего с ней не случалось с 1974 года. В тот день киевляне обыграли донецкий «Шахтер» со счетом 2:1 в добавленное время. Причем счет открыли донецкие футболисты — на 15-й минуте это сделал Виталий Старухин. С таким счетом закончился первый тайм.

Во втором тайме лидер киевлян Олег Блохин сумел сравнять счет. Это случилось на 55-й минуте. Он же сумел отличиться и в добавленное время (на 92-й минуте). Короче, именно Блохин был главным «забивалой» киевлян в том матче.

Состав динамовцев был таким: В. Юрковский, В. Бессонов, С. Балтача, М. Фоменко, С. Решко, В. Колотов, В. Лозинский, Л. Буряк, В. Онищенко, А. Хапсалис, В. Бережной, В. Веремеев, О. Блохин.

Однако в чемпионате СССР сил одного Блохина оказалось явно недостаточно. Несмотря на то что он забил 13 мячей (скажем прямо, не самый его лучший показатель в те годы;

лучшим бомбардиром первенства-78 стал спартаковец Георгий Ярцев с 19 голами), киевляне так и не смогли догнать своих одноклубников из Тбилиси и заняли 2-е место (38 очков против 42).

Еще менее успешным сложился для киевлян чемпионат СССР 1979 года. Тогда чемпионом стал московский «Спартак», показавший очень яркий, темпераментный футбол, по которому давно истосковались настоящие болельщики. «Серебро» чемпионата досталось донецкому «Шахтеру», который отстал от «Спартака» на 2 очка (48 против 50). А вот «бронзу» взяли киевские динамовцы, не сумевшие догнать шахтеров буквально чуть-чуть — их разделяло всего лишь 1 очко. Киевляне забили 51 мяч, из которых на долю Олега Блохина выпало семнадцать. Для сравнения: лучшим бомбардиром чемпионата стал игрок донецкого «Шахтера» Виталий Старухин, заколотивший в ворота соперников 26 мячей.

На международной арене забивные способности Блохина ничем себя тогда не проявили. В Кубке чемпионов киевляне сыграли всего четыре матча, сумев дойти до одной восьмой финала. Они обыграли финский «Валсакоски» 1:0 (гол — Балтача) и 3:1 (голы — Веремеев, Хапсалис, Буряк), а вот шведский «Мальме» пройти не смогли, сыграв первый матч вничью 0:0, а второй проиграли 0:2.

Что касается игр за сборную СССР, то и там Блохину нечем было особенно похвастаться. Более того — именно тогда его едва не отлучили от сборной. Дело было так.

19 мая 1979 года сборная СССР принимала в Тбилиси команду Венгрии в матче отборочного цикла чемпионата Европы. Нам нужна была победа, а в итоге получилась ничья — 2:2. Голы у нас забили не киевляне — Юрий Чесноков (ЦСКА) и Реваз Шенгелия (тбилисское «Динамо»). Когда команда вернулась на базу в Новогорск, там было проведено собрание, на котором сильнее всех досталось капитану сборной Олегу Блохину. Подняв его с места, председатель собрания (некий спортивный чиновник) спросил: «Блохин, ты почему не ведешь за собой команду — голы не забиваешь?» В ответ футболист вспылил: «Если я плох, тогда зачем вызываете в сборную?» Эта дерзость не осталась без внимания. После собрания Блохину было заявлено: ты отчисляешься из команды, будем ставить вопрос о снятии с тебя звания заслуженного мастера спорта.

В итоге следующий матч отборочного цикла, против сборной Финляндии, который проходил 4 июля в Хельсинки, Блохин пропустил. Наши снова сыграли вничью — 1:1. Потом был проигрыш грекам 0:1 и новая ничья с финнами 2:2. Короче, что с

Блохиным, что без него советская сборная в том году ничего хорошего не «словила».

Тем временем в чемпионате СССР 1980 года киевские динамовцы сумели вернуть себе чемпионское звание. Реальных претендентов на 1-е место было всего два: киев ляне и спартаковцы. Кстати, успехи последних побудили спортивное руководство страны доверить штурвал сборной СССР тренеру «Спартака» Константину Бескову. И он набрал в команду своих подопечных (7 игроков «Спартака»: Р. Дасаев, В. Хидиятуллин, О. Романцев, С. Шавло, Ф. Черенков, Ю. Гаврилов, С. Родионов), а также московских динамовцев (3 игрока: В. Пильгуй, С. Никулин, В. Газзаев), динамовцев из Тбилиси (3 игрока: А. Чивадзе, Т. Сулаквелидзе, Р. Челебадзе), киевских динамовцев (2 игрока: С. Балтача, В. Бессонов) и одного игрока из СКА (Ростов-на-Дону) — С. Андреева (он, кстати, станет лучшим бомбардиром — забьет 5 мячей).

В таком составе наша сборная выступала в июле 1980 года на домашней Олимпиаде в Москве, но, увы, заняла там всего лишь 3-е место (причем снова на нашем пути встала сборная ГДР).

Но вернемся к чемпионату СССР, второй круг которого возобновился вскоре после Олимпиады. Именно тогда определилось явное превосходство киевских динамовцев. Проведя беспроигрышную серию из 20 матчей (едва не повторив рекорд московского «Динамо» 1945 года — 21 матч без поражений), киевляне значительно оторвались от спартаковцев, придя к финишу в гордом одиночестве: у них было 51 очко, у «Спартака» — 45. Олег Блохин снова забил больше всех — 19 голов (следом шел его друг Леонид Буряк с 9 голами), всего лишь на один гол отстав от лучшего снайпера тогдашнего первенства С. Андреева из СКА (Ростов-на-Дону). Кстати, именно в 1980 году Блохин перешагнул отметку в 200 мячей, забитых им в официальных матчах в СССР и за его пределами.

«Золотой» состав киевлян выглядел следующим образом: Ю. Роменский, В. Каплун, А. Коньков, С. Журавлев, А. Демьяненко, А. Бойко, В. Колотов, С. Балтача, С. Лозинский, Л. Буряк, В. Веремеев, О. Блохин, А. Хапсалис, В. Евтушенко, В. Бессонов, М. Михайлов, М. Олефиренко, А. Сорокалет, А. Сопко, О. Таран, В. Хлус.

Однако на международной арене киевское «Динамо» в те годы выступало блекло. В Кубке УЕФА в сезоне 1979/80 оно дошло до одной восьмой финала, где не смогло пройти софийский «Локомотив»: в первом матче проиграло ему 0:1, а во втором выиграло с недостаточным преимуществом 2:1. И вылетело.

Еще более драматично складывалась карьера Блохина в рядах сборной СССР. Как мы помним, в прошлом году его временно отчислили из команды, потом снова восстановили, но осенью 1980 года случилась новая опала. 3 сентября наша сборная была в Рейкьявике, где проводила отборочный матч чемпионата Европы против сборной Исландии. Советская сборная победила 2:1 (голы — Гаврилов, Андреев), однако игрой Блохина старший тренер Константин Бесков оказался недоволен. И в раздевалке между ними произошел неприятный разговор, во время которого они высказали друг другу много неприятных слов. Все это не было случайностью, если учитывать, что они друг друга недолюбливали: Бесков считал Блохина капризной звездой, а тот его — самодуром.

При этом разговоре присутствовал и тогдашний глава Управления футбола Вячеслав Колосков, который встал на сторону тренера. В результате Блохину, едва они вернулись на родину, было приказано собирать вещи и уезжать из Новогорска домой, в Киев. И следующую игру с той же Исландией сборная играла без него (наши выиграли 5:0). Не вызвали Блохина и в конце года, когда 4 декабря в Мар-дель-Плата советская сборная играла товарищеский матч против соборной Аргентины. Игра закончилась вничью 1:1 (у нас гол забил Хорен Оганесян). Что касается Блохина, то он наблюдал за этой игрой по телевизору в компании своей жены. Здесь стоит сказать несколько слов о последней, тем более что речь идет о знаменитой гимнастке Ирине Дерюгиной, на которой Блохин женился в том же самом 1980 году (кстати, тогда же он вступил и в ряды КПСС).

Дерюгина родилась 11 января 1958 года в Киеве в семье олимпийского чемпиона-пятиборца Ивана Константиновича Дерюгина и тренера по художественной гимнастике Альбины Дерюгиной. В возрасте 10 лет (1968) Ирина Дерюгина поступила в Национальную высшую балетную школу. С 1972 года была членом сборной СССР по художественной гимнастике. С 1976 до 1980 года училась в Киевском государственном институте физической культуры.

Слава Дерюгиной пришлась на вторую половину 70-х, когда в составе сборной СССР она стала одной из наиболее титулованных гимнасток Советского Союза и мира за всю историю художественной гимнастики. Дерюгина всходила на первую ступень пьедестала почета на всех крупных соревнованиях того времени: начиная с чемпионатов и Кубков СССР и до чемпионатов Европы и мира (1977, 1979 — единственная советская гимнастка, которая дважды была абсолютной чемпионкой мира). Кроме этого, она стала также четырехкратной обладательницей Кубка

Интервидения, одного из самых престижных соревнований 1980-х годов.

С Блохиным они познакомились, будучи в гостях на встрече Нового, 1979 года. Знакомству способствовало то, что у обоих были схожие проблемы со здоровьем — травмы колена. Это их и сблизило. А потом между ними начался роман, который привел к свадьбе.

Кстати, отметим, что в киевском «Динамо» модно было жениться на гимнастках. Например, еще в 1976 году на гимнастке Жанне Васюре женился приятель героя нашего рассказа Леонид Буряк (причем предложение руки и сердца он ей сделал в Монреале во время открытия летних Олимпийских игр). В этом же списке: Владимир Бессонов, который женился на гимнастке Виктории Серых, Александр Бережной, женившийся на Людмиле Евтушенко, Виктор Хлус, женой которого стала Стелла Захарова. Но вернемся к Блохину и Дерюгиной.

Итак, 4 декабря он находился в Киеве и смотрел игру Аргентина — СССР по телетрансляции. Вот как об этом вспоминает И. Дерюгина: «Олег сидел перед телевизором ни жив ни мертв. Смотрит на экран, а у самого руки трясутся, лицо белое, всего колотит. И — слезы. Это надо было видеть! Такой сильный мужчина — и слезы. Я во время этой телепередачи многое поняла и даже стала вести себя иначе по отношению к нему. Я поняла, что футбол для него — это все! Он без футбола не может…»

Между тем в регулярном чемпионате СССР сильнее киевлян тогда команды не было. Вот и в чемпионате СССР 1981 года они с первых же туров взяли такой резвый темп, который оказался явно не под силу всем другим участникам. И лишь только «Спартак» и тбилисское «Динамо» пытались хоть как-то бороться с тотальным футболом киевлян. Однако уже к концу первого круга они настолько оторвались от своих преследователей, что вопрос о чемпионстве практически был решен. Они громили практически всех подряд: тбилисских динамовцев (3:0), армейцев из Москвы (2:0) и Ростова-на-Дону (3:2), одесский «Черноморец» (3:1), ленинградский «Зенит» (3:0), краснодарскую «Кубань» (2:0) и ташкентский «Пахтакор» (4:0). Во время игры с последним произошел инцидент, о котором Олег Блохин вспоминает следующее: «Я редко дрался на поле. Загнуть что-нибудь мог, но руки не распускал никогда. Хотя однажды не сдержался. Это когда Мустафа Белялов, футболист ташкентского «Пахтакора», плюнул мне в лицо. Счет уже в нашу пользу 4:0, по-моему, был, но матч выдался напряженным… Как он только не изгалялся: и подколки в мой адрес бросал, и издевки, и бил меня исподтишка,

и в конце концов плюнул. Ну, тут уже я не выдержал и на какую-то долю секунды самообладание потерял. Потом казнили меня где только можно…»

В итоге киевляне набрали на финише чемпионата 53 очка, а серебряные медалисты спартаковцы — 46.

Лучшим бомбардиром у киевлян снова стал Олег Блохин — 19 голов. Вторым снова шел Леонид Буряк, на счету которого было 10 забитых мячей. А лучшим снайпером первенства стал динамовец из Тбилиси Реваз Шенгелия с 23 голами.

В 1982 году киевское «Динамо» не смогло сохранить за собой чемпионский титул. Причем потеснила его не какая-то именитая команда из Москвы или с родной Украины, а… одноклубники из «Минска», которые в прошлом году заняли 9-е место. Причем минчане начали чемпионат очень уверенно и после первого круга возглавили турнирную таблицу. И прошлогодние призеры вынуждены были их догонять. Но сил на это хватило не у всех. Сначала сошли с дистанции тбилисские динамовцы, потом спартаковцы.

В разгар чемпионата — 9 мая — состоялся финальный матч на Кубок СССР. Встречались московские торпедовцы и киевские динамовцы (на матч пришло 52 тысячи зрителей). Блохин в этой игре участвовал, однако выглядел не лучшим образом. В итоге его заменили на В. Хлуса. А общий итог встречи оказался в пользу гостей — они выиграли матч со счетом 1:0 (гол забил Сергей Балтача на 32-й минуте) и завоевали Кубок СССР после четырехлетнего перерыва.

Тем временем летом, во время перерыва в чемпионате СССР, наша национальная сборная под водительством сразу трех (!) главных тренеров — К. Бескова («Спартак»), В. Лобановского («Динамо», Киев) и Н. Ахалкаци («Динамо», Тбилиси) — отправилась на чемпионат мира в Испанию. Основу команды составляли игроки трех клубов: киевского «Динамо» (О. Блохин, В. Бессонов, А. Баль, С. Балтача, А. Демьяненко), тбилисского «Динамо» (А. Чивадзе, Т. Сулаквелидзе, В. Дараселия, Р. Шенгелия), московского «Спартака» (Р. Дасаев, Ю. Гаврилов, С. Родионов).

Сборная СССР провела на мировом первенстве пять игр. Проиграла Бразилии (1:2), выиграла у Новой Зеландии (3:0), сыграла вничью с Шотландией (2:2), победила Бельгию (1:0) и сыграла вничью решающий матч с поляками в полуфинале (0:0). После этой ничьей сборная СССР вылетела из турнира.

Неудачно сыграли почти все наши футболисты, в том числе и Олег Блохин, который умудрился забить всего лишь один мяч, да и тот в игре со слабой командой Новой Зеландии. Как напишет

его партнер по сборной и киевскому «Динамо» Л. Буряк: «Явно не в своей тарелке Блохин. Когда-то Олег действовал на острие атаки и помнил, что главное для него — забивать голы, но со временем, когда защитники к нему привыкли и стали наступать на пятки, избрал для себя другой рисунок: спрячется во второй линии… У Блохина результативность поехала вниз…»

А вот что было написано в еженедельнике «Неделя» по этому же поводу: «Как же пожалеет когда-нибудь Олег о своей пассивности, апатии, безразличии к исходу четвертьфинального матча. Впечатление было такое, что Олег сделал нам всем одолжение, выйдя на матч, и тут же разочаровался в себе и товарищах. Ни старания, ни интереса к игре, ни заботы о команде в целом».

Между тем сам Блохин выскажется на этот счет следующим образом: «…На чемпионате мира я из-за травмы Буряка остался без главного моего партнера. Мы с Буряком составляли оригинальный тандем. Оригинальный потому, что я не знаю случаев, чтобы в такой манере играли полузащитник и нападающий… К сожалению, Гаврилов, который раньше умело выполнял роль разыгрывающего полузащитника, на чемпионате почему-то сник. В день матча со сборной Польши по каким-то еле заметным штришкам я почувствовал, что не все мы внутренне мобилизованы на серьезную борьбу. Накануне Бесков снова советовал мне больше играть «на острие атаки». «А кто же будет разыгрывать?» — спросил я Константина Ивановича. «Ты отдай мяч Гаврилову, он знает, что с ним делать», — ответил главный тренер. Бесков верил в Гаврилова до последнего. Мне рассказывали запасные игроки, что уже во время матча, когда чуть ли не каждый пас Гаврилова шел в ноги к полякам и все видели, что его следует заменить, Бесков в ответ на такое предложение резко бросил: «Что вы мне будете заменять Гаврилова, когда он у меня выполняет работу на двести процентов?!»

Но потом сам эту замену все-таки произвел…

На послематчевой пресс-конференции К. И. Бескову задали вопрос: «Не считаете ли вы, что своими апелляциями к партнерам, частым выражением недовольства их действиями Блохин мешал им играть?» Бесков ответил:

«Считаю, что в первую очередь он мешал играть самому себе. Он больше разговаривал, чем играл…

К слову сказать, во время подготовки к чемпионату мира в Испании наши тренеры злоупотребляли статистикой. Чуть ли не на каждом разборе, на каждой установке главный тренер доставал свой «талмуд» и начинался разговор о технико-

тактических действиях и процентах брака. Я понимал, что в подобном анализе, когда скрупулезно подсчитываются передачи, перехваты, отборы мяча, удары по воротам и прочее, есть определенная польза. Особенно для молодых футболистов, впервые попавших в сборную страны. Но ежедневно, а то и по три-четыре раза в день слушать одно и то же — о тактико-технических действиях и процентах брака у всей команды и каждого игрока в отдельности — этак и с ума можно сойти…»

Итак, многие специалисты после испанского мундиаля разочаровались в герое нашего рассказа. Они полагали, что это уже не тот Олег Блохин, которому в 1975 году вручили «Золотой мяч», как лучшему игроку Европы. Хотя былой шлейф за ним еще тянулся. В итоге в том же 1982 году его пригласили в сборную Европы, проводившую матч со сборной мира. А еще раньше он играл в сборной ФИФА в матчах с дортмундской «Боруссией» и испанской «Барселоной».

Тем временем продолжился чемпионат СССР, где фаворитами были две команды: динамовцы из Минска и Киева. Финиш турнира выдался на редкость напряженным. Минчане два своих последних матча играли в Москве против «Динамо» и «Спартака», а киевляне — в Тбилиси и Ереване. Каждое очко было на вес золота, поскольку минчан и киевлян разделяло всего одно очко. Поэтому на матчи они выходили до предела отмобилизованными. В итоге они буквально разгромили своих соперников: минчане выиграли у своих столичных одноклубников со счетом 7:0, а киевляне победили «Арарат» 5:1. Таким образом, следующий матч минчан со «Спартаком» приобрел решающее значение, поскольку победа в нем приносила минчанам золотые медали. И эта победа, а с ней и «золото» чемпионата, была добыта. В итоге минчане набрали 47 очков, а киевляне на одно меньше.

В том году Блохин забил в чемпионате СССР всего 10 мячей в 24 играх — самый низкий его показатель за последние 10 лет. Для сравнения: главным снайпером турнира стал игрок ташкентского «Пахтакора» Андрей Якубик, поразивший ворота соперников 23 раза.

Следующий, 1983 год начался для Блохина с радостного события: 15 января его жена Ирина Дерюгина родила девочку, которую счастливые родители назвали, как и маму, Ириной. А спустя два с половиной месяца — 26 марта — начался 46-й чемпионат СССР по футболу. Киевское «Динамо» вступило в него с новым тренером — вместо Валерия Лобановского, который сосредоточился на руководстве сборной СССР, пришел Юрий Морозов. Однако с новым наставником киевляне выступили провально — заняли 7-е место, отстав от лидера — «Днепра» —

на 11 очков (38 против 49). Причем чемпионам киевляне один матч проиграли (2:1), а другой выиграли с тем же счетом. Олег Блохин в том году забил столько же мячей, что и в году прошлом, — всего десять (лучшим бомбардиром первенства стал спартаковец Юрий Гаврилов с 18 голами). Однако если год назад Блохин забил свою десятку мячей в 24 играх, то теперь уже в тридцати одном. Короче, его забивные способности в тот период оставляли желать лучшего. Хотя в список 33 лучших футболистов страны он продолжал входить.

В 1984 году к руководству киевского «Динамо» вновь пришел В. Лобановский, который так и не смог вывести сборную СССР в четвертьфинал первенства Европы. Однако не смог он воодушевить и киевских динамовцев — те заняли 10-е место, отстав от лидера — ленинградского «Зенита» — на 13 очков (34 против 47). Олег Блохин сыграл в первенстве-84 30 матчей, но опять забил всего лишь 10 мячей, отстав от лучшего снайпера чемпионата — футболиста ростовского СКА С. Андреева — на 9 мячей. Однако в список 33 лучших футболистов Блохин снова вошел.

Безрезультативно выступал Блохин на международной арене. Так, в сезоне 1982/83 киевское «Динамо» участвовало в Кубке чемпионов, но дошло до одной четверти финала, споткнувшись на «Гамбурге» (0:3, 2:1). В четырех матчах Блохин не забил ни одного мяча.

А в сезоне 1983/84 киевляне и вовсе вылетели после одной тридцать второй, не сумев в двух матчах одолеть французский «Лаваль» (0:0, 0:1). Блохин и здесь ничем не смог помочь своим партнерам.

В играх за сборную дела у него обстояли несколько иначе — там он забивал, хотя наша сборная, как уже отмечалось, большими успехами тогда похвастаться не могла. Так, в 1983 году Блохин забивал по одному голу: швейцарцам (1:0), австрийцам (2:2), финнам (1:0), восточным немцам (3:1), полякам (2:0). Итого: 5 мячей.

В 1984 году он забил лишь мяч мексиканцам (наши победили 3:0).

Между тем ровно года хватило Лобановскому, чтобы поставить игру своим подопечным, после чего они вновь появились в числе главных соискателей золотых медалей чемпионата СССР 1985 года. За минувшие четыре года они явно истосковались по чемпионству. Поэтому они весьма уверенно провели тот сезон. Им попытался было составить конкуренцию московский «Спартак», но его подвела неровная игра. С одной стороны, красно-белые одержали наибольшее количество побед с

крупным счетом (11), но с другой — целый ряд игр они провели бесцветно, не проявив в них ни мастерства, ни привычной воли к победе. Как итог: киевляне стали чемпионами, набрав 48 очков, а «Спартак» завоевал серебряные медали (в пятый раз за последние 6 лет), отстав от лидера на 2 очка.

Именно в сезоне-85 Блохин достиг отметки в 200 голов. Знаменательное событие случилось 21 августа 1985 года в Харькове, во время матча «Металлист» — «Динамо» (Киев). 200-й гол в чемпионатах СССР был забит Блохиным на 64-й минуте в ворота Юрия Петухова. Таким образом, 200 голов были забиты в течение 14 лет.

Киевляне в том году выиграли и Кубок СССР (в седьмой раз), встретившись в финале с донецким «Шахтером». И Блохин в этом матче забил один гол (на 58-й минуте). К тому времени киевляне уже вели 1:0, поэтому этот гол оказался решающим, поскольку спустя 10 минут В. Грачев сократил разрыв в счете. Однако добиться большего «Шахтеру» не удалось.

Отметим, что в составе киевлян Олег Блохин продолжал оставаться главным «забивалой» (12 мячей), хотя его отставание от лучшего снайпера первенства — Олега Протасова из бронзового призера «Днепра» — выглядело внушительно: тот забил 35 голов, побив рекорд Н. Симоняна, державшийся с 1950 года.

«Золотой» состав киевского «Динамо» выглядел следующим образом: М. Михайлов, А. Демьяненко, О. Кузнецов, С. Балтача, В. Евсеев, В. Рац, И. Яремчук, А. Баль, П. Яковенко, В. Бессонов, А. Михайличенко, И. Беланов, А. Заваров, О. Блохин, В. Евтушенко, В. Чанов, М. Олефиренко, И. Паламар, В. Каратаев, А. Гущин, В. Хлус.

В одном из своих интервью после окончания турнира тренер киевлян Валерий Лобановский так отозвался о герое нашего рассказа: «Я думаю, что Олег Блохин один из немногих футболистов, который с возрастом продолжает свой творческий рост. Блохин — это личность, которая продолжает набирать силу. В его действиях на поле в нынешнем сезоне мы видели много новых спортивных ходов, на тренировках он самозабвенно работает над совершенствованием своего спортивного мастерства. Поэтому очень хотелось бы, чтобы Олег сохранил себя для большого футбола как можно дольше…»

В 1986 году победная поступь киевского «Динамо» продолжилась — команда снова стала чемпионом СССР, выиграв в решающем матче на финише турнира (он состоялся… 7 декабря в Киеве) у своих одноклубников из Москвы (они в итоге возьмут «серебро») со счетом 2:1. Правда, для «забивалы» Блохина этот

сезон оказался провальным — в 23 играх он забил всего лишь… 2 мяча (лучшим снайпером у киевлян стал Александр Михайличенко, забивший 12 мячей, который отстал от главного снайпера турнира Александра Бородюка из московского «Динамо» на 9 голов).

Однако в международных играх Блохин забивал куда более активно. Так, если в составе сборной СССР на чемпионате мира в Мексике (июнь 1986 года) он забил всего лишь один гол (канадцам, наши победили 2:0), то в играх за киевлян в Кубке обладателей кубков в сезоне 1985/86 Блохин поражал ворота соперников гораздо чаще. Киевляне тогда сыграли 9 матчей и стали победителями турнира, обыграв в финале мадридский «Атлетико» со счетом 3:0. Блохин в том матче забил один гол. А всего в играх за кубок он отметился пятью голами, причем два мяча забил в одной игре (с чехословацкой «Дуклой»).

В 1986 году Олег Блохин вновь вошел в список 33 лучших футболистов страны. Как выяснится потом — в последний раз. Время великого футболиста подходило к концу. И в 1987 году он сыграл свой последний сезон в составе киевского «Динамо». Он выходил на поле в 20 играх, а забил всего лишь 4 мяча. Киевляне в том сезоне заняли скромное 6-е место, отстав от лидера — московского «Спартака» — на 10 очков (32 против 42).

Однако киевляне в том году завоевали Кубок СССР (в восьмой раз), обыграв по пенальти минское «Динамо» 4:2. Блохин тоже участвовал в этой игре, но по ходу игры был заменен И. Яремчуком.

А вот взять Суперкубок киевляне не смогли. 24 февраля 1987 года они встречались в Монте-Карло с командой «Стяуа» из Бухареста и уступили с минимальным счетом — 0:1. По словам О. Блохина: «Мы играли зимой, по колено в грязи и уступили 1:0, хотя не должны были… Я понимал, что этот Суперкубок — последний трофей, который мог завоевать, поэтому плакал, но никто этих слез не видел. Тогда молодежь у нас засияла: Рац, Яремчук, Яковенко… Я уже даже не ветераном, а, как шутят, ветеринаром там был…»

Отметим, что свой последний гол за киевское «Динамо» Олег Блохин забил 20 ноября 1987 года в матче на Кубок СССР уже следующего сезона против волгоградского «Ротора». Это был его 314-й гол во всех проведенных им матчах. В чемпионате СССР он забил 211 мячей — это достижение никто не смог превзойти.

Неудачей закончился поход киевлян в 1987 году в Кубке чемпионов. Они дошли до одной второй финала и споткнулись на португальском «Порту», проиграв ему две игры с одинаковым счетом 1:2. Блохин в 8 матчах Кубка забил 5 мячей, причем два в

одной игре (с турецким «Бешикташем»).

Итак, отыграв в чемпионате СССР 1987 года (он завершился 16 ноября), Олег Блохин решил завершить свою игровую карьеру в СССР. Таким образом, он провел в киевском «Динамо» 18 сезонов. Сыграл в первенствах СССР 432 матча, забил, как мы помним, 211 голов (рекордные показатели). В списке 100 лучших бомбардиров чемпионатов СССР Блохин стоит на 1-м месте (вторым идет А. Пономарев, забивший 153 мяча). Он 15 раз (рекорд!) входил в список 33 лучших футболистов страны: № 1 (1972, 1973, 1974, 1975, 1976, 1977, 1978, 1979, 1980, 1981, 1982, 1985, 1986), № 2 (1983, 1984).

Среди других титулов героя нашего рассказа: он — семикратный чемпион СССР (1974, 1975, 1977, 1980, 1981, 1985, 1986), пятикратный обладатель Кубка СССР (1974, 1978, 1982, 1985, 1987), обладатель Кубка обладателей кубков (1975, 1986), Суперкубка (1975) и «Золотого мяча» (1975). Был капитаном киевского «Динамо» в 1978–1979, 1983 годах.

В сборной СССР О. Блохин провел 112 матчей, забил 42 гола. Был капитаном сборной в 1977, 1979, 1981 годах.

В «Футбольной энциклопедии» про него написано следующее: «В первые годы выступлений главным оружием Блохина была скорость. Благодаря стремительным рывкам, великолепному дриблингу, нацеленности на ворота, он с момента появления в большом футболе стал лучшим бомбардиром «Динамо» (Киев) и сборной страны. В 1975 году, в год своего международного признания, Блохин был уже футболистом, определяющим командную игру: уверенно взаимодействовал с партнерами, маневрировал по всему фронту атаки, вступал в борьбу при потере мяча, стал организатором многих атакующих комбинаций. Поразительное трудолюбие и профессиональное отношение к футболу позволили Блохину прогрессировать на протяжении всей футбольной карьеры, вывели его на труднодостижимый уровень игровой стабильности. Он стал олицетворением связи времен, единственным из футболистов команды, кто дважды был обладателем Кубка обладателей кубков…»

Закончив играть в «Динамо», Блохин хотел остаться в родном клубе тренером — помощником Лобановского. Но из этой затеи ничего не вышло — как говорится, двум медведям в одной берлоге… Тогда Блохин решил продолжить игровую практику, но уже за пределами Киева. Он, как и многие другие европейские футбольные звезды, решил завершить свою футбольную карьеру за границей. Благо в то время уже вовсю бушевала горбачевская перестройка с ее «наведением мостов между Востоком и Западом». Правда, легко уехать на Запад (в Австрию, в команду

«Форвертс») ему все-таки не удалось. Вот как об этом рассказывает бывший сотрудник КГБ Игорь Черкасов, который в 1985–1991 годах был прикреплен к киевскому «Динамо» в качестве инструктора:

«Как свидетель и даже в известной степени непосредственный участник тех давних событий, могу засвидетельствовать: Блохину тогда было совсем не до шуток… Желание тридцатипятилетнего футболиста завершить игровую карьеру в скромном австрийском клубе встретило жесточайшее сопротивление в спортивных, военных и партийных верхах. Для них это был вызов: советский майор, коммунист вознамерился открыто уехать за кордон. Неслыханная дерзость по тем временам! Огромные заслуги Блохина перед советским футболом этими людьми в расчет не принимались. Простые житейские доводы — человек может достойно продлить свое пребывание в игре, чтобы потом постепенно перейти на тренерскую стезю, — тоже. Это сейчас мы все гордимся играющим в Италии Андреем Шевченко, следим за каждым матчем с его участием, а первопроходцам вроде Блохина пришлось ой как несладко…

Слава богу, он уехал, но каких нервов и унижений все это стоило! Олег сам рассказывал, как был вынужден стоять в Москве перед каким-то многозвездным генералом, оравшим на лучшего футболиста Европы, словно на нашкодившего мальчишку. «Да ты у меня не в Австрию, а на Чукотку, к оленям, поедешь в футбол играть!» — и для наглядности генерал тыкал указкой в висевшую на стене огромную карту Советского Союза.

Но Олегу помогали многие знаменитые, уважаемые в стране люди. В силу своего высокого должностного положения они не всегда могли действовать открыто, однако их симпатии были на стороне Блохина. Капля, говорят, точит камень. Такой «каплей» я и ощутил себя во всей этой истории. Центральный совет «Динамо» в Москве тогда возглавлял Валерий Сысоев, генерал-майор КГБ. Ясно, что он был далеко не последним человеком, от которого зависел исход «дела Блохина». Но очевидно и другое: самую объективную и исчерпывающую информацию по этому вопросу Сысоев мог получить только от меня. Я же свою искреннюю расположенность к Блохину, свое желание ему помочь ни от кого не скрывал…»

А вот что вспоминает сам О. Блохин:

«Как меня в Австрию выпустили, не представляю. Замешано в этом очень много было людей. Очень много… Например, редактор «Огонька» Виталий Коротич — благодаря ему я до министра МВД СССР дошел (заметим, что Блохин в ту пору был майором милиции. — *Авт.*)…

А в Австрию я приехал как… неандерталец. Не знал, как заправлять машину, как пользоваться карточкой, как элементарные покупки в супермаркете сделать. Всему учился… Стал ездить по всей Австрии, потом и за ее пределы — например, в Германию, где за сборную СССР играл (товарищеский матч в Дюссельдорфе 21 сентября 1988 года, наши проиграли 0:1. — *Авт.*). Так в принципе и увидел, что свободно могу перемещаться. Для меня было открытием, что после игры можно поехать на корт или в бассейн в 5–10 километрах от стадиона, чтобы поиграть в теннис, поплавать, попариться, перекусить…

В «Форвертсе» перед играми жил дома, с утра приезжал на машине на тренировку… После того как обедали, возвращался домой, спал и за два часа до матча — снова на стадион. Это было так непривычно, а с другой стороны… Чем больше в «Динамо» нам запрещали, тем больше хотелось что-то нарушить, а там все под рукой было — не надо ничего изобретать, раздобывать. Пиво, водка, — пожалуйста! — но самое интересное, что этого не хотелось, потому что оно было, и ты понимал, что в любой момент можешь себе позволить…»

Отыграв один сезон в Австрии, Блохин затем вернулся на родину. И 28 июня 1989 года в Киеве был проведен прощальный матч в его честь, где сборная СССР встречалась со сборной футбольных звезд мира. Блохин прощался со сборной, играя за которую он забил 42 мяча. Затем еще один сезон наш герой провел в лимасольском клубе «Арис» на Кипре. А потом была тренерская одиссея Блохина.

Она началась в Греции, где Блохин возглавлял клубы «Олимпиакос» (Пирей, 1990–1993 — клуб при Блохине стал 2-м призером чемпионата Греции в 1991 и 1992 годах, обладателем Кубка Греции в 1992 году), ПАОК (Салоники, 1993–1994), «Ионикос» (Афины, 1994–1997). В «Олимпиакосе», завоевавшем в 1992 году Кубок Греции и дважды выигрывавшем серебряные медали, играли известные футболисты из бывшего СССР и одноклубники Блохина: О. Протасов, Г. Литовченко, Ю. Савичев.

Вернувшись на родину, Блохин ушел в политику. Он дважды избирался депутатом Верховной рады Украины (в 1998 году по списку всеукраинского объединения «Громада», которое в начале 1997 года создал П. И. Лазаренко, в то время занимавший должность премьер-министра Украины). В 2002 году избирался депутатом Верховной рады Украины. В 2001 году вошел во фракцию Коммунистической партии Украины, в 2002 году был избран депутатом по спискам этой же партии. Впоследствии перешел во фракцию Социал-демократической партии Украины (объединенной), а в 2003 году стал членом ее политсовета.

Осенью 2003 года Олег Блохин был назначен главным тренером сборной Украины, сменив на этом посту своего давнего товарища по киевскому «Динамо» Леонида Буряка. Спустя два года сборная Украины досрочно завоевала право выхода в финальную стадию чемпионата мира. Правда, никаких звезд она там так и не словила. Но сам выход…

После провала на ЧМ-2008 Блохина сняли с должности тренера сборной Украины, после чего он уехал в Россию, где возглавил клуб «Москва». Как заявил тогда спортивный журналист и комментатор Юрий Севидов: «Это блестящий выбор! Я обожаю Блохина как футболиста — на мой взгляд, это самый великий игрок Советского Союза, по таланту, сумасшедшей, дикой, нечеловеческой вере в себя и наглости ему просто не было равных. Он своей харизмой и великим прошлым добавит «Москве» болельщиков и еще больше подтащит команду к топ-клубам России. Именно Блохин, не имея и 18 равноценных игроков, вывел Украину на чемпионате мира в восьмерку сильнейших. Невиданный, сумасшедший результат!..»

Правда, тут же Севидов сделал оговорку: «Но есть и обратная сторона медали. К Блохину, его дерзости и часто несдержанности привыкли в Украине и, пока был результат, терпели. Когда же команда провалилась в отборе к Евро-2008, новый контракт тренеру почему-то не предложили. Значит, от него просто устали. Так бывает…»

В итоге вышло так, что и в «Москве» Блохин не прижился и в самом конце ноября 2008 года вынужден был покинуть клуб, который при нем в первенстве России занял 9-е место.

В 2009–2010 годах Блохин был спортивным директором клуба «Черноморец» (Одесса). А с весны 2011 до осени 2012 года он вновь занимал должность главного тренера сборной Украины (гонорар — 50 тысяч долларов). А уйдя с этого поста, он в сентябре 2012 года, после отставки Юрия Семина, был назначен на пост главного тренера киевского «Динамо».

Дебют Блохина в новой должности состоялся 28 сентября 2012 года: в десятом туре чемпионата Украины киевляне играли против луганской «Зари». Дебют получился успешным: киевляне победили 1:0, единственный мяч провел Раффаэль.

Однако вскоре после прихода в «Динамо» Блохина госпитализировали с гипертоническим кризом — причиной оказался тромб, почти полностью перекрывший сонную артерию. На второй день госпитализации тромб удалили с помощью малоинвазивной хирургии.

Что касается личной жизни Блохина, то его брак с Ириной Дерюгиной продлился ровно 20 лет — в 2000 году супруги

развелись. После этого Блохин женился во второй раз — его избранницей стала женщина намного моложе его, по имени Анжела. В этом браке родилось двое детей: Анна (р. 2001) и Екатерина (р. 2002).

Головастый «забивала» по прозвищу Бабуся
Виталий Старухин, «Шахтер», Донецк

Виталий Старухин родился 6 июня 1949 года в Минске в простой семье. Его отец был фронтовиком (партизанил), а после войны стал политработником. Мать будущего футболиста работала на маргариновом заводе. Как видим, они не имели никакого отношения к спорту, чего не скажешь об их сыне. Виталий с детства был очень спортивным мальчишкой — играл в волейбол, баскетбол, но больше всего ему нравился футбол, в который он гонял во дворе с утра до ночи. В итоге так наловчился обращаться с мячом, что ребята постарше, которых он обыгрывал в дворовых баталиях, только диву давались. Среди этих ребят оказались и те, кто уже профессионально занимался футболом — ходил в секцию при минском «Динамо». Вот они-то в 1960 году и привели десятилетнего Витю Старухина к тренеру Евгению Константиновичу Глембоцкому, у которого Старухин прошел полный курс — с десятилетнего возраста до выпуска. Это было прекрасное время! Летом юных динамовцев вывозили на базу минского «Динамо», где они жили и тренировались рядом с такими звездами, как Эдуард Малофеев, Леонард Адамов, Михаил Мустыгин, Юрией Погальников… Короче, было у кого учиться.

С 17 лет Старухина стали выпускать играть за дублирующий состав минского «Динамо». А в 1967 году подоспело ему идти в армию. Отметим, что тренер Александр Севидов ценил Старухина, но он тогда сдавал дела в минском «Динамо», поэтому сделать ему отсрочку не успел. А когда команду принял Иван Мозер, то Старухин был уже в одесском СКА (с июля 1968 года), где отыграл весь срок своей службы — до июля 1970 года. А когда демобилизовался, то в Минск не вернулся — его пригласил Юрий Воинов в полтавский «Строитель», который играл в низшем дивизионе. Причем до этого Старухин играл в полузащите, а в «Строителе» Воинов отрядил его в нападение. И не ошибся — именно на этой позиции наш герой заиграл особенно сильно. Правда, самому ему страсть как хотелось играть в высшей лиге. Думал, что толку, что играет в свое удовольствие, при любимом деле находится? Ведь без признания, без славы — это все пустой звук.

Старухину повезло, что в 1971 году донецкий «Шахтер» вылетел из высшей лиги в первую и в играх против него на забивного нападающего обратил внимание тренер шахтеров Олег Базилевич. По словам последнего: «Я внимательно следил за Старухиным и представлял обновленный «Шахтер» именно с таким нападающим».

Между тем помимо Базилевича на забивного форварда положили глаз и другие тренеры из команд как первой, так высшей лиги. Это были такие клубы, как киевское «Динамо», ворошиловградская «Заря» (в 1972 году она станет чемпионом СССР), симферопольская «Таврия». Особую настырность проявляла «Заря», которая соблазняла Старухина двухкомнатной квартирой в центре города и большими деньгами. Впрочем, нечто подобное ему обещали и в Киеве, где тренером был его хороший знакомый — Александр Севидов. Но он эти предложения отклонил. Почему? По его же словам: «Я тогда, честно тебе скажу, просто сдрейфил. Не поверил, что кто-то позволит неизвестному новичку сразу выйти на поле рядом с такими футбольными зубрами, как Онищенко, Семенов, братья Кузнецовы, Ткаченко… А греть лавку в 22 года даже за большие деньги не хотелось. Поэтому предпочел «Шахтер»…»

Однако в Донецке Старухин оказался с большими приключениями, поскольку руководство «Строителя» не хотело его отпускать. В итоге игрока буквально выкрали из Полтавы, как цыгане крадут невест. Вот как сам Старухин рассказывал об этом: «Готовимся мы к очередной игре, ночуем на базе в дачных дощатых домиках на берегу Ворсклы. Часа в три ночи — стук в окошко. Выглянул: какой-то незнакомый мужик жестами показывает — дескать, выйди, разговор есть. Потом второй незнакомец в окошке нарисовался (это был Алексей Дрозденко. — *Авт.*)… А уж когда там Лариса, жена, появилась, совсем обалдел, подумал, что все еще сплю. Люди из «Шахтера» хитро все обставили: сначала заехали за Лоркой моей в Полтаву, ее уговорили-умаслили, ну а мне-то уж и отступать вроде некуда. Чтобы никого из спящих ребят не разбудить, побросал в темноте на ощупь в сумку бутсы, спортивный костюм — и деру! Никогда не подозревал, что рафик — такой скоростной автомобиль, каким он мне показался в ту ночь. Главным было уйти за пределы Полтавской области, пока тревогу не подняли и погоню не организовали. Обошлось…»

Когда на следующее утро пропажа Старухина обнаружилась, полтавское руководство подняло на уши Федерацию футбола СССР. И она выпустила приказ, запрещавший беглецу выступать за «Шахтер», который в тот год (1972) успешно боролся за

возвращение в высшую лигу. Тогда боссы «Шахтера» пошли на хитрость. Они стали выпускать Старухина в дублирующем составе под чужой фамилией — Черных (свой первый матч наш герой сыграл в августе 1972 года: это была товарищеская игра против сборной Кубы, где Старухин отметился голом). Все бы ничего, однако разработчики этой аферы не учли, что протоколы матчей дублеров тоже поступают в Москву, в ту самую Федерацию футбола. И там конечно же быстро обратили внимание на забивного, но никому не известного форварда. Вскоре из столицы пришел вызов: футболист Черных должен прибыть на сбор молодежной команды СССР. Боссы «Шахтера» встали перед дилеммой: что делать? В итоге отправили телеграмму, заверенную врачом: так, мол, и так, но футболист Черных внезапно заболел менингитом и выехать в Москву никак не сможет. После этого донецкие тренеры стали вписывать Старухина в протоколы матчей дублеров под разными фамилиями.

Между тем в 1972 году «Шахтер» добился возвращения в высшую лигу и Старухину было разрешено легализоваться. И он рьяно взялся за дело: в кубковом матче против запорожского «Металлурга» забил два мяча. Затем в первом же матче на открытии сезона (он состоялся 7 апреля 1973 года в Донецке) забил гол спартаковцам (москвичи проиграли 1:2), потом — в Москве — торпедовцам и армейцам. О последнем голе сам Старухин вспоминал следующее: «Толя Коньков приложился к мячу с такой силой, что от груди вратаря армейцев Астаповского он отскочил, как от каменной кладки. А поскольку при этом мяч задел руки голкипера, траектория рикошета получилась очень удобной для меня. Я поймал мяч головой за пределами штрафной площади — и оттуда попал точно в «девятку». Хотя до ворот было метров двадцать!..»

Итак, тот гол армейцам Старухин забил головой. И это не было случайностью — большую часть своих голов он забивал именно этой частью тела, что было редкостью. У Старухина в этом плане был настоящий дар: он так располагался в штрафной площадке противника и так высоко выпрыгивал, что мяч четко приземлялся на его лысину (а шевелюрой он не блистал) и точно летел в незащищенную часть ворот. По словам самого форварда: «Закономерности поведения мяча в воздухе во всех игровых видах спорта примерно одинаковы. Ведь совсем необязательно выше всех прыгать, чтобы обвести блок над сеткой или завладеть отскочившим от щита мячом. Главное — встретиться с ним в нужный момент и в нужной точке пространства, опередив при этом соперника. А уж чем потом сыграть — головой или рукой —

принципиального значения не имеет. Когда я окончательно определился с выбором и занимался в футбольной школе, помню, мы зимой даже играли в волейбол… головами. Зальчик был тесный, любой сильный удар ногой мог обернуться разбитым окном, и мы по волейбольным правилам на «раз-два-три» перебрасывали мяч головами с одной стороны площадки на другую. Занятие, между прочим, очень полезное, однако в наших командах мастеров почему-то ничего подобного не практиковалось…»

А вот что напишет о таланте Старухина журналист Ю. Юрис: «Будучи «чистым» центрфорвардом, не обремененным на поле никакими другими обязанностями, кроме «забивных», а значит, зависимым от партнеров, Старухин настолько органично был встроен в игру «Шахтера», что и партнерам жилось возле него очень комфортно. Его знаменитые сбросы мячей, выигранных в воздушных дуэлях, становились сущим проклятием для соперников. Жаль, что в то время учет индивидуальных футбольных заслуг по системе «гол плюс пас» еще не велся, иначе послужной список донецкого форварда получился бы гораздо более впечатляющим. Сам Старухин сброс мяча головой под удар считал даже эффективнее паса ногой, поскольку он не так очевиден для обороняющихся и, как правило, более удобен для бьющего…»

В сезоне-73 «Шахтер» занял 6-е место — очень хорошо для команды, которая только что вернулась в высшую лигу (был повторен результат 1967 года). Ведущими игроками в клубе были ветераны Юрий Дегтерев, Александр Васин, Виктор Звягинцев, Анатолий Коньков, Владимир Сафонов, а также новички Валерий Горбунов и Виталий Старухин.

Одно из первых интервью Старухина в центральной прессе появилось осенью 1974 года. Это была газета «Советский спорт», номер от 2 октября (автор — В. Березовский). Приведем из него отрывок:

«…Помните: в раздевалке, после матча с «Торпедо» в Лужниках, грозились, что вот доиграю сезон — брошу футбол!

— Забудьте те слова. Сгоряча шумел. Футбол невозможно бросить. Тяжелый тогда период был: без Конькова игра не получалась, состав менялся, ссориться начали. Чего не наговоришь, чтобы выговориться…

— Сейчас «Шахтер» поражает своими достижениями. Вы потеряли не только Конькова и Звягинцева, травмированы Ванкевич и Жуков, а команда семь туров не знает поражений, вклинилась в лидирующую группу. Как это объяснить?

— Я бы сказал так: совесть не позволяет плохо играть.

Выходим на каждую игру, словно вдесятером, играем, как в песне поется: «за себя и за того парня». Вроде бы молчаливо берем дополнительные обязательства. Не стало диспетчера — все в меру стараются заполнить пробел, помогают друг другу — пошла командная игра.

— Вопрос, которого не избежать: какие качества помогают стать бомбардиром? Ведь забивать голы стало непросто…

— Скажу главное: нужно быть уверенным в себе и ничего не бояться. Центрфорварду невероятно трудно — после игры болят бока и саднят ноги. Но пасовать нельзя… Если только отделываться от мяча из страха получить по ногам, тогда лучше поискать место спокойнее — в полузащите, например. Пусть забивают те, кто не знает страха.

— Но что-то надо уметь, верно? Где вы научились так играть головой?

— Думаю, это от природы. Но если бы в группах подготовки тренер не уделял игре головой много внимания, я, наверное, так и не узнал бы никогда, что хорошо играю головой. Попробовал — получилось, понравилось. А ведь всегда с охотой делаешь то, что нравится. Научить играть головой, как и любому приему, можно, только надо начинать учить как можно раньше.

— Ваша мечта?

— Никогда не расставаться с футболом. Стать тренером. И по возможности остаться при этом веселым человеком.

— Но тогда прежде всего надо бросить привычку спорить с арбитрами.

— Знаю, что надо. Только каждый раз запоздало реагирую, что ни к чему это. Но вы знаете? Ни одной карточки! Наверное, выручает мое врожденное добродушие, я же не спорщик — я ворчун. Может быть, это обстоятельство извинительно? Впрочем, шутки в сторону: я стал строже к себе».

Несмотря на то что сезон-74 «Шахтер» начал весьма резво, потом последовал спад, из-за чего команда откатилась на 12-е место, по сути едва вновь не вылетев в низший дивизион. Из-за этого был отправлен в отставку тренер «горняков» Юрий Захаров (недавний наставник дубля) и к руководству командой в разгар сезона (в августе 1974 года) пришел Владимир Сальков — начальник «Металлурга» из Жданова (1971–1974). Именно он добился того, что «Шахтер» удержался в высшей лиге, а в следующем сезоне (1975) совершил с командой настоящее чудо — завоевал серебряные медали чемпионата СССР.

Уверенно вошли в основной состав тогдашние новички — Виктор Кондратов, Владимир Роговский, Юрий Резник. А заводилами у «Шахтера» были Виталий Старухин и Александр

Васин. В итоге на всем турнирном пути команда выглядела мобильной и волевой, одержав уверенные победы над ленинградским «Зенитом» (5:0), московскими командами «Торпедо» (4:2), ЦСКА (2:0), «Спартак» (1:0), «Динамо» (1:0) и «Локомотив» (2:0). Пали также тбилисское «Динамо» (2:1), ташкентский «Пахтакор» (2:0), львовские «Карпаты» (2:0), ростовский СКА (3:1), одесский «Черноморец» (1:0). В заключительном матче 9 ноября 1975 года с действующим обладателем Кубка страны ереванским «Араратом» только победа давала преимущество «Шахтеру» в борьбе за 2-е место. И дончане этой победы добились, обыграв ереванцев со счетом 3:0. Два мяча забил Старухин, еще один — Васин.

Правда, в сезоне-76 повторить или улучшить успех дончане не смогли. В том году были разыграны два чемпионата СССР — весенний и осенний. В «Шахтере» была только одна потеря — в киевское «Динамо» перешел Виктор Звягинцев. Однако на первые роли в команде стали выходить его партнеры по команде Михаил Соколовский, Николай Федоренко, Владимир Роговский, Виктор Кондратов. Среди «стариков» ведущим по-прежнему оставался Виталий Старухин. В итоге в весеннем чемпионате «Шахтер» занял все то же 5-е место, но в осеннем — уже 10-е.

Не получилось у него побороться и в Кубке УЕФА, где они дошли до одной восьмой финала. Хотя начали очень хорошо, пройдя берлинское «Динамо» (3:0, голы — Роговский, Соколовский, Старухин; 1:1, гол — Роговский), венгерский «Гонвед» (3:0, голы — Шевлюк, Старухин, Васин; 3:2, голы — Резник — два, Шевлюк).

В одной восьмой финала «Шахтеру» достался в соперники клуб весьма именитый — итальянский «Ювентус». И оба матча дончанами были проиграны — 0:3 и 0:1. Но впечатление «Шахтер» произвел очень хорошее. Лучшими бомбардирами в команде были Старухин, Роговский, Шевлюк и Резник, забившие по 2 мяча.

Вот что рассказывают о Старухине его коллеги по команде.

Николай Федоренко (нападающий «Шахтера» в 1975–1981 годах):

«Это была неординарная личность как в жизни, так и на поле. Добрейшей души человек, с юмором: он из ничего мог так пошутить! А в игре был совсем другим, мог и накричать. Но делал он это не со злобы, а для подсказки. Ну а самое главное его профессиональное качество — игра головой, это ему Богом дано. Одним словом, король воздуха. Я сам играл на правом фланге, много передач на него делал. А он мог не только замкнуть навес, но и грамотно сбросить мяч, отдать «стрельцовскую»,

неожиданную передачу.

Почему его до сих пор помнят и любят болельщики? Он был прост в общении, без пальцев веером, как сейчас говорят. Открытый, добрый человек. С ним могли встретиться в городе, поговорить. Он был доступен, не кичился славой. За совокупность всех этих качеств его и уважали. И это передавалось из поколения в поколение. Его феномен — простота, доступность и одновременно величие в игре. Его любил народ. Старухин — это «Шахтер», «Шахтер» — это Старухин».

Михаил Соколовский (полузащитник «Шахтера» в 1974–1987 годах): «Я бы сказал, что он — народный футболист. Его любили все: он мог сыграть артистично. Так, как больше никто не сумел бы. Мы с ним отлично понимали друг друга на поле, даже думали как-то одинаково. Гениальные слова у него были: «До меня мяч еще не дошел, а ты думай, что я сделаю дальше». Рассказы о нем передаются из поколения в поколение».

Валерий Шевлюк (полузащитник «Шахтера» в 1974–1977 годах): «Если бы существовало такое звание, как в искусстве народный артист СССР, то Старухин был бы первым народным футболистом СССР. Я такое сравнение всегда привожу. Он играл, был артистом на поле, такая нотка в его действиях всегда была. Он все делал как-то непринужденно, изящно, красиво. Игра головой вообще его конек, хотя я всегда подчеркиваю, что ногами он также умел действовать технично, умело, тонко. В обществе всегда должен быть какой-то кумир, а своей самобытностью Старухин выделялся из общей массы. Кстати, это касается не только футбольного поля, но и быта. Он всегда был оригинальным, необычным. Его шуточки могли рассмешить кого угодно. Нужно уметь так шутить! На него никогда никто не обижался. Он умел создать веселую атмосферу и при этом никого не обидеть».

Старухин был настоящим кумиром для жителей Донецкой области, заработав от них ласковое прозвище Бабуся. Вместе с женой Ларисой и двумя детьми — дочерью Ларисой и сыном Виталием (названы в честь отца с матерью) — Старухин жил в элитном дворе в центре Донецка, где у них была четырехкомнатная квартира. Кроме этого, они владели дачей, в гараже стоял автомобиль «Волга». Квартира была обставлена по-современному, впрочем, как и у всех игроков «Шахтера», которых местные власти не обижали: югославская мебель, японская техника. Болельщики Старухину буквально прохода не давали — с утра до вечера в любую погоду во дворе, где жил забивной форвард, собирались футбольные фанаты. Иногда они до глубокой ночи скандировали: «Бабуся, Бабуся!» Футболист

выходил на балкон и махал им рукой. В этом же дворе жил чемпион мира по боксу Ягубкин, с которым Старухин дружил. Когда они вместе появлялись на улице, их тут же обступали фанаты.

В сезоне 1977 года «Шахтер» снова вернулся на 5-е место. Он обыграл алма-атинский «Кайрат» (3:0), ереванский «Арарат» (1:0), днепропетровский «Днепр» (дважды 1:0), бакинский «Нефтчи» (1:0), львовские «Карпаты» (3:2), куйбышевские «Крылья Советов» (3:0). Пали перед ним и московское «Торпедо» (2:0), ленинградский «Зенит» (3:2). Однако больше всего у «Шахтера» было ничейных игр — целых шестнадцать, из которых семь были «сухие» (0:0).

Среди завоеванных трофеев «Шахтера» в сезоне-77 значились следующие. Их вратарь Юрий Дегтерев удостоился почетной награды журнала «Огонек» как лучший вратарь чемпионата. А также «Кубок прогресса» (за самое крутое восхождение в чемпионате) второй раз обрел прописку в Донецке (первый раз это случилось в 1975 году).

В 1978 и 1979 годах «Шахтер» вернулся в числе призеров чемпионата СССР: в сезоне-78 он занял 3-е место. Кроме этого, он вышел в финал Кубка СССР, где уступил киевскому «Динамо» 1:2, а в одной шестнадцатой финала Кубка обладателей кубков не смог пройти испанскую «Барселону», сыграв с ней первый матч 0:3, второй — 1:1. В сезоне-79 «Шахтер» был уже вторым, чего с ним еще ни разу не случалось. Вообще во время того чемпионата «Шахтер» еще никогда не был так близок к золотым медалям. Команда Виктора Носова (одного из самых титулованных тренеров «Шахтера» в его истории, который принял команду от Владимира Салькова в 1979 году) долго лидировала в чемпионате, но в итоге довольствовалась лишь «серебром».

А вот в Кубке УЕФА «Шахтер» вылетел в самом его начале — в одной тридцать второй финала, не сумев пройти французский «Монако». В первом матче дончане одержали победу 2:1 (оба мяча забил Соколовский), но в повторном уступили 0:2.

Именно в 1979 году ярко вспыхнула звезда Виталия Старухина, который стал лучшим бомбардиром первенства — забил 26 голов — и был назван лучшим футболистом сезона. Вспоминает вратарь Виктор Чанов:

«Он именно «играл головой». В прыжке видел все, включая движение вратаря. И мог в последнюю долю секунды так выкрутить голову, что ловить было бесполезно. А прыжок у Старухина выдающимся не был. Помню, играли с «Пахтакором», и Валера Яремченко в середине поля решил перевести мяч на другой фланг, но мяч у него срезался и полетел в штрафную.

Никто из наших туда не побежал. А Виталий вдруг с центра поля рванул, и вот вратарь выпрыгивает с поднятыми руками, а Старухин еще выше. И пробивает его руки. Гол…»

Несмотря на тот успех в сезоне-79, в сборную СССР Старухина не позвали. Впрочем, его и раньше там не жаловали, поскольку советскую сборную в 1975–1976 годах возглавлял Валерий Лобановский, а с ним у Старухина были плохие отношения (тренер киевлян приглашал его перейти в свой клуб, но Старухин предпочел остаться в «Шахтере», чем и усугубил свою судьбу — Восток и Центр Украины всегда соперничали). Однако и последующие тренеры нашей сборной тоже в упор не видели Старухина. И даже после успеха в сезоне-79. Тогдашний тренер сборной (и московского «Спартака») Константин Бесков посчитал, что забивной форвард «Шахтера» не вписывается в тот состав, который он сконструировал. В нем в нападении играли Юрий Гаврилов («Спартак»), Владимир Казаченок («Динамо», Москва), Хорен Оганесян («Арарат», Ереван), Сергей Андреев (СКА, Ростов-на-Дону), Степан Юрчишин («Карпаты», Львов).

Впрочем, Старухина взяли в сборную Украины, которая в июле 1979 года участвовала в Спартакиаде народов СССР. Украинцы обыграли сборные РСФСР (5:1), Узбекистана (2:1), Таджикистана (3:1) и вышли в полуфинал. Однако там они уступили сборной Москвы (0:2), сыграли вничью с белорусами (0:0) и выиграли у литовцев (2:0). После чего, набрав 3 очка, вышли в финал, где в матче за 3-е место их соперниками была команда РСФСР. Успех тогда сопутствовал украинцам — 2:1.

Между тем накануне Олимпиады-80 в Москве К. Бесков все-таки вызвал Старухина в первую сборную и выпустил его на поле в товарищеской игре против команды ГДР 7 мая 1980 года (матч проходил в Ростоке). Но герой нашего рассказа так и не сумел себя ничем проявить (матч закончился со счетом 2:2, голы — Газзаев, Буряк), после чего его место в команде занял другой игрок. Сборная СССР на той «домашней» Олимпиаде заняла 3-е место, проиграв в одной второй финала все тем же восточным немцам 0:1, но обыграв в финале югославов 2:0.

Что касается «Шахтера», то он в сезоне-80 занял 6-е место. Однако сумел впервые в своей истории завоевать Кубок СССР, обыграв 9 августа 1980 года в Лужниках, на глазах у 51 тысячи зрителей, тбилисское «Динамо» со счетом 2:1. Причем счет на 24-й минуте открыл наш герой — Старухин. Этот счет на табло продержался 56 минут, пока Чилая не сравнял счет. Но спустя четыре минуты Пьяных снова вывел «Шахтер» вперед. Этот счет не изменился до финального свистка. Победный состав «Шахтера» выглядел следующим образом: В. Чанов, А. Варнавский, В.

Горбунов, И. Симонов, В. Пьяных, В. Рудаков, В. Роговский, С. Морозов, М. Соколовский, С. Кравченко, В. Старухин, Н. Федоренко, В. Сафонов, Л. Малый. Тренер — В. Носов.

Но отвлечемся на время от футбола и заглянем за его кулисы. О том, каким Виталий Старухин был в семейной жизни, вспоминает в интервью газете «Бульвар Гордона» сын футболиста — Виталий Старухин-младший:

«— Родители выходили в свет? У мамы, наверное, был личный парикмахер, портниха?

— Отца часто приглашали всюду, потому что любили. Иногда они выходили с мамой. Но модницей она не была, и своего парикмахера у нее не было. А отец любил одеваться, когда был помоложе. Потом перестал следить за модой.

— У вас дома собирались шумные компании?

— Да, бывало весело, даже очень. Собирались у нас и у Ванкевичей. Наша семья общалась еще с семьями Роговского, Сафонова, Васина. С Юрием Дегтеревым мы были соседями по дому, и зимой вчетвером играли в хоккей — отец, я, дядя Юра и его сын…

— Старухин нарушал спортивный режим?

— Я этого помнить не могу. Но знаю точно, что, когда он играл в «Шахтере», очень много курил, но от нас с сестрой это скрывал. Дымил болгарскими сигаретами, у которых всегда отрывал фильтр.

— Вы могли поделиться с ним своими детскими проблемами? Он был строгим?

— Папа строгим не был. Хотя я и сестра больше общались с мамой, потому что отец дома бывал очень редко. Но я всегда ждал его возвращения.

— Вы с мамой бывали на стадионе, когда отец играл?

— Мама ходила на футбол только до того момента, пока папа не получил травму. Ему сломали два ребра, и это был очень серьезный перелом: острые края костей чуть не пробили легкое. К счастью, друг-кореец за три-четыре дня поднял отца на ноги — предстояла важная игра. У нас дома даже хранится фотография этого врача.

— Отец хотел, чтобы вы стали футболистом?

— Нет, я сам был влюблен в футбол с детства. У меня просто не было выбора, тем более что я подавал неплохие надежды. Ходил в секцию «Шахтера», потом играл в Школе олимпийского резерва — туда отбирали лучших — и за дубль «Шахтера», в Северодонецке играл за «Химик», затем — в Москве, в Новороссийске… Я был полузащитником.

— По рассказам, на поле Старухин умел оказаться в нужное

время в нужном месте и безошибочно рассчитать траекторию полета мяча. А в жизни он умел просчитывать свой интерес? Ваша фамилия, наверное, помогала вам открывать любые двери?

— Отец был гордым, но очень добрым и мягким человеком. Он мог попросить за кого-то, но не за нас. К нему приходили с разными просьбами. Он мог обратиться к Дегтяреву (в 70-х годах первый секретарь Донецкого обкома партии. — *Авт.*) и за кого-то похлопотать. Когда я был моложе, фамилия в чем-то мне, конечно, помогала. С другой стороны, все почему-то думали: если я сын Старухина, значит, должен играть лучше всех. Отец никогда никому не звонил, не просил, чтобы меня поставили в основной состав или взяли в команду. Это сейчас так делается — знаю много таких примеров. А мне хотелось освободиться от родительской опеки, сделать свою спортивную карьеру…»

В сезоне-81 «Шахтер» откатился на одну ступеньку вниз — занял 7-е место. Однако Старухин отыграл всего лишь половину сезона (до июня), после чего покинул команду. Почему? Тренер В. Носов (пришел в 1979 году) взял курс на омоложение состава, из-за чего тридцатидвухлетний Старухин был записан в старики. Хотя он мог бы еще пару-тройку сезонов поиграть.

Отыграв в «Шахтере» девять сезонов (1973–1981), Старухин провел в чемпионатах СССР 217 матчей, забил 84 гола. В Еврокубках он провел 11 матчей, забил 3 гола. В составе сборной СССР (1980) провел 1 игру.

Старухин дважды входил в список 33 лучших футболистов страны: № 2 (1979), № 3 (1975).

В «Футбольной энциклопедии» про него написано следующее: «Один из лучших футболистов «Шахтера» за все годы. Легко узнаваемый на поле благодаря статной фигуре и крупной, рано облысевшей голове, Старухин был всегда в фокусе внимания любителей футбола. Ему не было равных в игре головой. Старухин забивал головой голы, сбрасывал мяч под удар партнерам, отдавал пас. Немало лет тактика «Шахтера» строилась на редкостном умении форварда. Со временем он расширил свой тактический кругозор, стал действовать с отходами в глубину поля, почувствовал вкус к комбинационной игре…»

Рассказывает журналист Ю. Юрис:

«Футбольные статистики, изучившие игровое «наследие» Старухина вдоль и поперек, сделали одно весьма показательное открытие: из 84 голов, забитых им в чемпионатах СССР, сорок шесть — или больше половины — оказывались решающими для исхода матчей, то есть приносили «Шахтеру» либо победу, либо ничью. Пожалуй, единственное, чего точно не знают статистики, — это сколько мячей Старухин забил головой, а в

этом разделе игры никто из современников рядом с ним действительно не стоял.

За почти 30 лет нашего знакомства мы обсуждали эту грань его футбольного таланта десятки раз…

— Наверняка еще больше голов, чем моих собственных, было забито партнерами после сбросов, — отметил Старухин. — Сбросы мяча головой гораздо опаснее для вратаря, потому что менее очевидны и менее предсказуемы, чем голевые пасы, сделанные ногами. Иногда, чтобы сбить с толку обороняющихся и их перехитрить, полезно вообще не касаться мяча, а лишь имитировать борьбу в воздухе, отвлечь на себя одного-двух защитников — и дальше уповать на проворность оказавшегося рядом партнера…»

В августе 1980 года Старухин был назначен тренером детской школы «Шахтера» и проработал на этом посту полтора десятка лет, сделав два выпуска. Наиболее известные его ученики — играющий в донецкой команде полузащитник Кривенцов, защитник Коваль (играл в софийском «Левски»), вратарь «Ростсельмаша» Савченко.

Рассказывает В. Старухин-младший:

«У папы за плечами был институт физкультуры, потом он получил и второе образование — тогда почти все игроки «Шахтера» оканчивали Донецкий институт советской торговли. Но он с этой профессией дела иметь не захотел. Звали играть в Минск, предлагали стать судьей — отказался, а вот в обойму тренеров в то время попасть было тяжело, ведь команды возглавляли такие мастера, как Лобановский, Бесков, Носов, Сальков.

Это сейчас модно: только повесил бутсы на гвоздь — иди учись в Киеве, получай лицензию, и ты уже готовый тренер, а раньше такого не было. Надо было окончить Высшую школу тренеров в Москве. Отец учился в Москве, и мы с мамой к нему приезжали, но я не знаю, что именно он окончил.

Но самое заманчивое предложение Старухин получил от руководства клуба «Порто». Правда, из этого ничего хорошего не получилось. Когда «Порто» предложил ему контракт, у нас дома дежурили люди из КГБ. Мы с мамой могли выходить только в магазин — и сразу обратно, под наблюдение КГБ. Скандал был приличный…»

Во второй половине 90-х Старухины продали квартиру в Донецке, а себе купили дом в Пантелеймоновке. Обыкновенный, добротный дом — не такой, конечно, как сейчас дворцы строят, но из четырех комнат, с газопроводом. Правда, и про Донецк они не забывали — иногда приезжали туда к дочери (она вышла

замуж), к друзьям. А еще Старухин приезжал на некоторые игры донецкого «Шахтера», за который продолжал болеть всей душой. Иногда он и сам выходил на поле. Так было, например, 6 июня 1999 года, в день его 50-летия, когда «Шахтер» устроил для него замечательный праздник, который собрал тысяч десять болельщиков. Со стадиона растроганный всеобщим вниманием Старухин уехал на белоснежной «тойоте», подаренной ему президентом «Шахтера» Ринатом Ахметовым. Но ездил наш герой на иномарке недолго — в августе 2000 года его не стало. Буквально за два месяца до этого ему исполнился 51 год.

Вспоминает В. Старухин-младший:

«Все началось с воспаления легких. Перед этим отец лежал в больнице — были проблемы с желудком. Когда поднялась температура, мама, как могла, сбивала ее таблетками. Мы уговаривали его снова лечь в больницу, даже сестра приезжала, просила его об этом. Он отказывался, вдобавок много курил.

К сожалению, мы пропустили тот момент, когда его нужно было показать врачу. Температура упала, но, когда он кашлянул кровью, стало ясно: это серьезно. В больницу все-таки отец лег, но сначала никто не мог понять, что с ним происходит. Прошло два дня. 9 августа я собирался пойти на футбол — «Шахтер» играл с чешской «Славией». Мама позвонила мне и сказала, что папа лежит в реанимации. В тот же день его не стало.

В Донецке есть центральное кладбище, где обычно хоронят «больших» людей. Но мы выбрали кладбище в районе донецкого «моря». Это место понравилось нам с мамой тем, что там есть природа и простор, которые отец очень любил. После его смерти мама сильно заболела, а через два года умерла. Они похоронены рядом. Клуб «Шахтер» поставил отцу памятник. Он мне нравится, такой же мы поставили и маме. Я не знаю, кто приезжает на их могилу, но там всегда много цветов…»

Русский узбек в нападении Владимир Федоров, «Пахтакор», Ташкент

Владимир Федоров родился 5 января 1955 года в поселке Уртасарай, в колхозе имени Свердлова Среднечирчикского района Ташкентской области в простой семье. Его отец Иван Васильевич родился в 1925 году в Днепропетровске. В 1943 году ушел на фронт — воевал на Карельском, 2-м Белорусском фронтах. Войну закончил на Эльбе и домой вернулся без одной руки. Однако, несмотря на инвалидность, Иван Васильевич прекрасно играл в футбол и более двадцати лет выступал в колхозной команде. Так что сыну было с кого брать пример.

Что касается мамы Федорова, то она всю жизнь проработала на одной фабрике — «Труд». По ее словам: «На школьном стадионе Володя до позднего вечера с друзьями гонял мяч. Иногда, даже зимой, когда во дворе были снег и мороз, его нельзя было загнать домой. Наверное, из-за этой закалки он в детстве вообще не болел…»

А вот что вспоминал учитель физкультуры из школы № 67, где учился будущий футболист — Закир-ака Хусанбаев:

«Я рад, что мне посчастливилось быть учителем такого человека, как Володя Федоров. Он еще в школе отличался от сверстников смелым, твердым и в то же время спокойным характером. Техника владения мячом у него, кажется, была врожденной.

Владимир уважал учителей, ровесников, махаллинских друзей. Играя в футбол, не забывал об учебе и, в отличие от многих спортсменов, учился только на «отлично»…»

Итак, азы футбола Федоров постигал в поселковых баталиях, гоняя самодельный мяч на пустыре рядом с колхозным полем. Футбол в Узбекистане в те годы был самым популярным видом спорта, а вообще его история в этой южной республике началась четыре десятилетия назад, еще до установления там советской власти, а если быть точным — с 1912 года. Именно тогда в Фергане был официально организован первый на территории Узбекистана футбольный клуб под названием «Общество скобелевских футболистов». Чуть позже (через несколько месяцев) свои футбольные команды были образованы в Ташкенте, Самарканде и Коканде, Андижане.

После установления в Узбекистане советской власти футбол

там получил свое дальнейшие развитие. И вот уже к 1922 году там насчитывалось несколько десятков команд. Причем если до революции в эту игру в основном играли не коренные жители, то теперь в нее стали втягиваться молодые люди местной национальности — узбеки, таджики и др. В середине 20-х в Узбекистане начали проводиться футбольные чемпионаты в отдельных городах, а с 1927 года — первенство республики. Спустя год сборная Узбекистана по футболу уже участвовала во Всесоюзной спартакиаде в Москве и добилась значительного успеха: заняла 7-е место из двадцати трех.

С 1936 года в СССР стали проводиться регулярные чемпионаты страны по футболу, а уже на следующий год во второй лиге в группе «Г» играла команда ташкентского «Динамо», которая заняла 8-е место. После этого вплоть до 1946 года узбекские футболисты не принимали участия в чемпионатах страны.

После войны чемпионат страны был возобновлен, и сразу три узбекские команды — «Динамо», «Спартак» и «ОДО» (Окружной дом офицеров) из Ташкента были включены в состав команд, игравших в классе «Б» (вторая группа, Среднеазиатская зона). Эта зона насчитывала девять команд, и кроме вышеперечисленных в нее входили: алма-атинские «Динамо» и «Спартак» (Казахстан), ашхабадский «Локомотив» (Туркмения), сталинабадское «Динамо» (Таджикистан), фрунзенские «Динамо» и «Спартак» (Киргизия). Узбеки там выступали неплохо: например, в 1946-м «ОДО» взял 2-е место, в 1947-м «Динамо» — 3-е, в 1948-м «ОДО» — 1-е (с переходом в высшую подгруппу).

В 1948 году высшие футбольные власти страны хотели включить среднеазиатские команды в высшую лигу первенства, но в последний момент эта затея сорвалась. Два года спустя эти команды были включены в класс «Б», и узбеки в том году заняли там 5-е место (в 1951-м уже 13-е, в 1952-м — 16-е).

Тем временем во второй половине 50-х популяризация футбола в СССР заметно пошла в гору. Матчи высшей лиги стали транслировать по телевидению, а в прессе, помимо газеты «Советский спорт», регулярно освещавшей все аспекты футбольной жизни, вопросы футбола стали находить свое отражение в новом издании — журнале «Спортивные игры», первый номер которого вышел в год рождения героя нашего рассказа — в 1955 году. Естественно, на этом фоне среднеазиатские футбольные власти стали с новой силой стремиться в высшую лигу, поскольку это служило поднятию престижа их республик, причем не только в спорте, но и в государственной политике. Перед Москвой все чаще стал

подниматься вопрос о коллективном включении республиканских команд в состав высшей лиги. В итоге Москва согласилась, пообещав сделать это уже в ближайшие годы.

Именно тогда (весной 1956 года) в Узбекистане была сформирована общенациональная команда «Пахтакор» (Ташкент), которая должна была стать республиканским клубом-флагманом. В качестве тренера был приглашен из Москвы опытный динамовский тренер Валентин Бехтенев, который собрал в «Пахтакоре» лучших ташкентских игроков из разных клубов. Правда, первые два «блина» у клуба-новичка вышли «комом»: в сезоне-56 «Пахтакор», выступая в турнире среди команд второго эшелона класса «Б», занял всего лишь 13-е место, в следующем — 10-е. Однако в последующие годы спортивные показатели клуба заметно улучшились — ташкентцы целых два сезона (1958–1959) занимали 4-е места.

Естественно, что вся узбекская детвора болела за «Пахтакор» и многие мальчишки сочли бы за счастье попасть в его детско-юношескую школу. Мечтал об этом и юный Володя Федоров, но поселковая команда, куда в семилетнем возрасте его привел отец, не могла стать для этого трамплином — нужно было перебираться непосредственно в Ташкент. И наудачу в 1969 году Федоров попал в спортивный интернат имени Г. Титова в Ташкенте. Тренерами там работали И. Ташмухамедов, В. Ятченко, Я. Аронович, которые и обратили внимание на талантливого юношу, играющего в нападении.

В январе 1972 года Федорову исполнилось 17 лет, а спустя несколько месяцев его пригласили в юношескую сборную СССР, которая приняла участие в международном турнире в Ашхабаде. Там наш герой произвел настоящий фурор, став одним из главных бомбардиров турнира. Этот яркий дебют стал поводом к тому, чтобы семнадцатилетнего Федорова ввели в основной состав взрослого «Пахтакора». Отметим, что ташкентцы в прошлом сезоне впервые вылетели в первую лигу, поэтому главной задачей сезона-72 было возвращение в высший дивизион. Под это дело верстался бюджет команды, набирался состав. Как заметил тогда тренер ташкентцев Владимир Соловьев (он возглавил команду аккурат в 1972 году, до этого три сезона проработав в ленинградском «Динамо»): «Мы сделали ставку на молодежь, горевшую желанием показать себя. И сделали это во имя будущего «Пахтакора». Я уверен, что через год-два Михаил Ан и Владимир Федоров могут украсить большой футбол…»

Упомянутый тренером Михаил Ан составит с Федоровым блестящую связку полузащитник — нападающий, которая чуть позже станет одной из самых заметных в советском футболе 70-х.

Поэтому нелишним будет вкратце рассказать и об Ане.

Михаил родился 9 декабря 1952 года и с детских лет рос в атмосфере футбола, поскольку его старший брат Дмитрий играл сначала в «Пахтакоре», а потом в команде колхоза «Политотдел», где был настоящий футбольный бум. Естественно, Михаил не мог в него не окунуться. А поскольку у него с ранних лет проявились задатки вожака, то и на футбольном поле он старался брать игру на себя. Вот как об этом вспоминает Р. Акрамов:

«Мы играли вместе с Мишей Аном в детской команде колхоза имени Свердлова. Уже в детском возрасте Миша отличался одаренностью, выделяясь в команде среди других. Вспоминаются отдельные эпизоды. В игре, бывало, Миша подхватит мяч на своей половине поля и с помощью дриблинга на большой скорости обходит пять-шесть соперников одного за другим. Но перед воротами, когда силы были уже на исходе, он производит слабый удар, и вратарь забирает мяч. А Миша упадет на траву и от обиды плачет. Так в игре повторялось не раз.

Конечно, ему тогда не хватало еще физической закалки, да и техническое мастерство требовало шлифовки. Но главное было при нем — это удивительное чувство поля и масштабное видение развития игры. С годами он вырос в высококлассного игрока, а принимая во внимание его характер, можно предположить, что из него получился бы и классный тренер».

В спортивный интернат имени Г. Титова Ан попал за год до Федорова — в 1968 году. Вместе с ним были зачислены еще пять юных дарований, которые впоследствии тоже оставят свой след в футболе. Это были: Виктор Пшеничников (племянник известного вратаря «Пахтакора» Юрия Пшеничникова), Валерий Артыков, Александр Бурыкин (впоследствии судья по футболу), Николай Коломейцев, Виктор Джалилов (ныне тренер). А тренировал будущих мастеров заслуженный тренер страны Евгений Лядин, который чуть позже отпустит по адресу Ана следующую фразу: «Этот парень в будущем станет футбольным профессором».

В 1970 году Ан стал играть за команду «Политотдел», а в «Пахтакор» попал во втором круге чемпионата 1971 года. Его первый выход на поле датирован 23 августа 1971 года, когда ташкентцы принимали тбилисское «Динамо». Ан заменил во втором тайме Вячеслава Солохо. «Пахтакор» тогда выиграл с убедительным счетом 5:1.

В том сезоне Ан сыграл еще в восьми матчах, в основном выходя на замены. Как мы помним, «Пахтакор» тогда вылетел из высшей лиги и в следующем сезоне должен был играть в низшем дивизионе. А поскольку тренер В. Соловьев сделал ставку на молодежь, то Федоров и Ан должны были стать ведущими

игроками основного состава. Тогда сформировалась блестящая линия середины поля и атаки — Михаил Ан, Виктор Варюхин, Берадор Абдураимов, Владимир Федоров и Василис Хадзипанагис. «Пахтакор» убедительно переигрывал своих соперников и завоевал путевку в высшую лигу. Усилиями полузащитников, питавших линию нападения, Берадор Абдураимов забил рекордное число — 34 гола в 33 матчах, причем решающие голевые пасы лучшему бомбардиру чемпионата подавал Ан, который сам забил всего 2 мяча. Как пишет летописец «Пахтакора» В. Сафаров: «В сезоне-72 уже ясно вырисовывается портрет «конструктора» атак «Пахтакора» Михаила Ана. Все нити игры шли через него. Защитники искали его на поле, чтобы переправить ему мяч, а нападающие маневрировали в своих зонах, зная, что пас Ана найдет их в нужном месте. Тогда старший тренер «Пахтакора» Вячеслав Соловьев не ставил перед Аном задач завершения атаки, но сезон этот многое дал в смысле взаимопонимания «главного конструктора» и его ведомых…»

Что касается Федорова, то он в 30 матчах забил 7 голов. Причем свой первый гол он забил в игре против пермской «Звезды». И этот гол стал решающим. С тех пор это станет его кредо на поле — забивать решающие голы. Так, в том сезоне-72 таких было несколько: в игре против торпедовцев из Кутаиси в Ташкенте (1:0), против душанбинского «Памира» (2:1), против «Крыльев Советов» в Куйбышеве (1:0). А в матче против «Спартака» из Орджоникидзе Федоров в каждом тайме забил по голу (3:0). Еще два гола Федоров забил в играх против карагандинского «Шахтера» (5:1) и запорожского «Металлурга» (4:0).

Отметим, что решающие голы Федоров забивал и в зарубежных матчах. Например, в том же сезоне-72 «Пахтакор» сыграл товарищеский матч против итальянской команды «Рома». В начале второго тайма хозяева открыли счет и уверенно вели игру к победе. Но за три минуты до финального свистка именно мяч, забитый Федоровым, позволил ташкентцам уйти от поражения.

Заняв 1-е место, «Пахтакор» вернулся в высшую лигу. Правда, удивить там с ходу так и не смог — занял в сезоне-73 12-е место (чемпионом тогда стал ереванский «Арарат»), по сути едва удержавшись от вылета (разрыв между ним и одной из вылетевших команд составлял всего 3 очка). Хотя в прессе о нем писали вполне благожелательно: «Пахтакор» образца 1973 года — одна из самых молодых команд высшей лиги. Именно ее молодостью, неопытностью можно объяснить неудачное начало

сезона (ташкентцы на старте сыграли 12 матчей, в которых потерпели 8 поражений и 4 игры свели вничью. — *Авт.*). Но от матча к матчу молодежь «Пахтакора» обогащалась опытом, мастерством, и очковый запас команды на финише сезона выглядит не так скудно и бесперспективно…»

Федоров в сезоне-73 сыграл 26 матчей и забил всего 2 гола. Причем первый мяч он отправил в ворота соперников только два с половиной месяца после начала сезона — 24 июня. Это был матч против алма-атинского «Кайрата» в Ташкенте, где хозяева победили со счетом 4:1. И открыл счет именно Федоров — это случилось уже на 4-й минуте игры.

А свой второй мяч наш герой забил спустя… четыре месяца — 28 октября. И снова это произошло в Ташкенте, но уже в игре против ворошиловградской «Зари». Правда, матч для ташкентцев получился неудачным. На 15-й минуте ворошиловградец Онищенко открыл счет, а спустя 17 минут Морозов увеличил разрыв — 2:0. В начале второго тайма (на 56-й минуте) Федоров сумел сократить счет и подарил ташкентцам надежду на возможный благополучный исход встречи. Увы, но большего ташкентцам сделать не удалось.

Гораздо успешнее сложился для «Пахтакора» сезон-74, хотя начал он его тоже не совсем удачно — в первых четырех матчах ташкентцы потерпели два поражения и две игры свели вничью. И только в пятом матче наконец победили — донецкий «Шахтер» (3:1). И первый гол (как в матче, так и в чемпионате) забил Федоров (на 11-й минуте). Отметился голом и Михаил Ан, сделав это на 54-й минуте с пенальти. Впрочем, главной задачей Ана было не забивать самому, а давать это сделать другим своим товарищам — он был первоклассным распасовщиком. Чуть позже нападающий «Пахтакора» Василис Хадзипанагис скажет по этому поводу следующее: «Это был мой лучший сезон в «Пахтакоре». Я, Володя Федоров и Туляган Исаков тогда забили по 9 голов благодаря Мише Ану. Такого редкостного распасовщика я очень редко встречал за всю свою карьеру…»

Итак, Федоров в том сезоне-74 забил в 28 матчах 9 мячей. Первый гол он забил в матче против «Шахтера», затем отметился голами в играх против ворошиловградской «Зари» (4:2), алма-атинского «Кайрата» (2:4), тбилисского «Динамо» (1:1) (отметим, что эти матчи шли один за другим), ЦСКА (4:1), ереванского «Арарата» (1:3), снова против «Зари» (1:1), алма-атинского «Кайрата» (4:1) и ЦСКА (1:1).

Именно в том сезоне на Федорова обратил внимание тренер сборной СССР Константин Бесков. Осенью он привлек его в команду, которой 30 октября 1974 года предстоял отборочный

матч чемпионата Европы — 76 в Дублине против сборной Ирландии. Правда, в той игре наш герой вышел на замену — заменил на 59-й минуте Владимира Федотова из ЦСКА. К тому времени наша сборная проигрывала 0:2, и, выпуская Федорова, Бесков рассчитывал оживить игру своих подопечных в нападении. Увы, но этого сделать не удалось. И на 70-й минуте в наши ворота влетел еще один мяч. Итог — 3:0 не в нашу пользу.

В сезоне-75 «Пахтакор» выступил крайне неудачно, в основном из-за слабой игры вратарей и защитников. Не случайно они пропустили 44 мяча — второй худший показатель в том сезоне (самый худший был у ростовского СКА — 50 мячей). Как отмечал еженедельник «Футбол-хоккей»: «В «Пахтакоре» неорганизованными выглядят защитная и средняя линии. Игроки, составляющие ее (за исключением Ана), не успевают оказать помощь своим темпераментным нападающим, но, что того хуже, вовлеченные в быструю игру, они не всегда в состоянии прервать острый контратакующий удар соперника…»

Федоров в том сезоне выходил на поле в 21 матче и забил 5 мячей. Причем впервые он заставил вратаря соперников вытаскивать мяч из своих ворот после своего удара спустя почти три месяца после начала сезона — 6 июля. В тот день «Пахтакор» принимал на своем поле ворошиловградскую «Зарю» и проиграл 1:2. Этот единственный гол и забил наш герой, сравняв счет.

Затем Федоров отметился голами в матчах против ЦСКА (1:2), московского «Торпедо» (1:4), московского «Локомотива» (1:4), ростовского СКА (1:3). Как видим, Федоров забивал в матчах, где его команда терпела поражение. А всего «Пахтакор» в сезоне-75 проиграл 15 матчей и, заняв предпоследнее, 15-е место, во второй раз покинул высшую лигу (вместе с ростовским СКА).

Еще в разгар сезона-75 (в июле) из «Пахтакора» вынужден был уйти его главный тренер — Вячеслав Соловьев, который проработал в команде четыре сезона (1972–1975) и теперь вернулся в Москву (занял пост заместителя начальника Управления футбола Спорткомитета СССР). Вместо него у руля встал Анатолий Башашкин — чемпион Олимпийских игр в Мельбурне в 1956 году. Однако на тренерском поприще это был его дебют, который в итоге не удался (его помощником в «Пахтакоре» стал бывший игрок этого клуба, знаменитый форвард Геннадий Красницкий).

В сезоне-75 Федоров продолжал привлекаться к играм за первую сборную СССР, хотя в ней сменился главный тренер — им стал Валерий Лобановский из киевского «Динамо». Федоров сыграл 5 матчей, причем только в двух он выходил на замену: против турок в отборочном цикле чемпионата Европы-76 (3:0,

вышел на 80-й минуте) и ирландцев (2:1, на 84-й минуте). Три матча он сыграл целиком, причем все три — отбор Олимпиады-76: против югославов (3:0), норвежцев (3:1) и исландцев (1:0).

Только в одном из этих пяти матчей Федоров отметился голом — в матче против норвежцев, забив его на 8-й минуте, когда счет уже был 1:0 в нашу пользу. Думается, Федоров мог бы быть куда более результативным, если бы рядом с ним на поле был такой распасовщик, как Михаил Ан в родном «Пахтакоре». Но последнего к играм за сборную тогда не привлекали.

«Пахтакор» начал сезон-76 с победы — выиграл на своем поле у ярославского «Шинника» 8 апреля со счетом 1:0. Но затем два матча подряд потерпел поражения — от казанского «Рубина» (0:1) и ивано-франковского «Спартака» (1:2). В этих матчах Федоров голами не отметился, поскольку был привлечен в состав молодежной сборной СССР (вместе с Михаилом Аном, ставшим капитаном команды), которая участвовала в первом чемпионате Европы среди молодежных команд. И там Федоров отличился — в решающем матче против сборной Франции забил два гола, что позволило нашей сборной выиграть матч (2:1) и выйти в финальную часть турнира.

Что касается чемпионата СССР в первой лиге, то там свой первый гол Федоров забил 28 апреля, когда «Пахтакор» играл в Ташкенте с симферопольской «Таврией». Это был единственный гол в том матче (на 70-й минуте), который принес победу ташкентцам. Второй гол форвард забил спустя несколько дней — 2 мая, когда «Пахтакор» принимал у себя ростовский СКА. И снова этот гол решил исход поединка — матч закончился 1:0. А 8 мая, когда ташкентцы играли в Баку против местного «Нефтчи», Федоров забил свой третий гол. Только на этот раз он не принес победу — гости уступили 2:3. После этого Федоров «замолчит» почти на целый месяц, поскольку снова участвовал в чемпионате Европы — в его финальной стадии.

В полуфинальном матче нашим соперником оказалась сборная Голландии. В первой игре сборная СССР нанесла ей поражение со счетом 3:0, во второй проиграла 0:1. Но в итоге по сумме двух матчей именно сборная СССР вышла в финал европейского турнира. И там ее соперником стала команда Венгрии. В первой игре была зафиксирована ничья 1:1. Зато второй матч советские футболисты выиграли со счетом 2:1, тем самым завоевав почетный кубок. Фото Михаила Ана, держащего над головой этот трофей, в те дни облетело все газеты мира. В то время как первая сборная СССР в те годы переживала черную полосу («пролетала» мимо всех главных турниров — чемпионатов

мира и Европы), наша молодежка оказалась сильнейшей в Европе.

Яркая игра на этом турнире Владимира Федорова привлекла к нему внимание тогдашних тренеров олимпийской сборной СССР — Валерия Лобановского и Олега Базилевича. В результате чего наш герой был вызван в расположение сборной в Новогорске и уже 10 марта 1976 года вышел на поле в товарищеской игре против команды Чехословакии в Кошице. Правда, отыграл всего лишь 46 минут, после чего его заменил Леонид Назаренко из ЦСКА. Матч закончился вничью 2:2. Как было написано в еженедельнике «Футбол-хоккей»: «Наши спортсмены в начале матча играли медленно, подолгу передавая мяч друг другу и середине поля, всячески сбивая темп. Впереди оставался один Федоров, однако он был пассивен…»

20 марта Федоров надел майку игрока сборной СССР еще в одном товарищеском матче — против команды Аргентины. Игра проходила в Киеве в присутствии 32 тысяч зрителей. Вот как описывал происходящее журналист «Футбола-хоккея» М. Михайлов: «Матч начался энергичным наступлением советских футболистов. Уже на второй минуте лишь с помощью рискованного акробатического прыжка защитник гостей Альберто Тарантини спас аргентинские ворота от верного гола. В дальнейшем события развивались до удивления однообразно: наша команда потихоньку теснила гостей, те не вылезали из защиты, мобилизуя для нее почти все наличные силы. А гола все нет и нет. Наша сборная напоминала нестройный хор, в котором большинство исполнителей стремятся стать солистами. Конечно, очень старался, как всегда, Ловчев, нередко вспоминал о своих прежних удачных рейдах Маховиков, стремился поразить цель мощными ударами Сахаров, Федоров и Минаев делали, что могли, для обострения ситуаций на флангах атаки. Но все это было лишь проявлением индивидуальной инициативы, а стройности, повторяю, не ощущалось…»

В итоге Федоров снова не отыграл и одного тайма и опять был заменен на все той же 46-й минуте — вместо него вышел Олег Блохин. К тому времени сборная СССР уже 5 минут как проигрывала 0:1, и эта замена должна была обострить нашу игру возле ворот аргентинцев. Игра действительно обострилась, но к ответному голу это так и не привело. Гости выиграли 1:0.

Наконец, 24 марта Федоров снова вышел на поле в майке сборной СССР в очередной товарищеской игре — против сборной Болгарии в Софии. Однако на этот раз уже ему суждено было заменить Олега Блохина, но в самой концовке матча — на 85-й минуте. К тому времени наши вели 3:0, и эта замена была скорее символической. Блохин свое дело сделал (забил третий гол на 81-

й минуте) и, видимо, хотел отдохнуть. Вот Лобановский его и уважил.

Тем временем свое место в сборной Федоров сохранил и в июле отправился вместе с ней на Олимпиаду в Монреаль. Правда, поначалу он выходил на поле всего лишь на замену. И первой такой игрой стала встреча с канадцами, где наши победили 2:1 и герой нашего рассказа вышел на газон в концовке игры — на 73-й минуте, сменив Владимира Онищенко, который забил два гола (наши вели 2:0). Вот как об этом написал В. Винокуров в «Футболе-хоккее»: «Периодически наши все же создают остроту у ворот соперников. После того как появился на поле Федоров, он несколько раз удачно взаимодействовал с Минаевым, и оба могли забить. А вот забили канадцы — в сутолоке у ворот Астаповского, который в течение всего матча действовал безупречно. Капитан соперников Дуглас с близкого расстояния нанес удар в упор. Оставалось две минуты до конца, и, как часто бывает в таких случаях, у канадцев вдруг появился еще один шанс — мяч был перекинут через Астаповского, но наши защитники преградили мячу путь к воротам…»

В игре против сборной КНДР Федоров вышел на замену на 66-й минуте, сменив Леонида Буряка. Сборная СССР и там победила — 3:0. И только в игре против команды Ирана Федоров провел на поле все 90 минут. Наши снова оказались сильнее — 2:1.

Однако в матче одной второй финала против сборной ГДР тренеры советской сборной снова выпустили Федорова на замену в самом конце игры — на 71-й минуте, вместо Владимира Онищенко. Наши проиграли 1:2 и не смогли пробиться в финал. Теперь им предстояло биться в матче за 3-е место с командой Бразилии. И в этом матче наши тренеры выпустить на поле Федорова не решились, предпочтя другого футболиста — Леонида Назаренко из ЦСКА, заменившего Владимира Онищенко. И эта замена оказалась успешной. Назаренко был выпущен на поле на 40-й минуте, когда счет был 1:0 в нашу пользу (гол забил все тот же Онищенко), и уже спустя 9 минут сумел увеличить разрыв — 2:0. С таким счетом матч и закончился, принеся советской сборной бронзовые медали. Таким образом, всего лишь за два месяца Владимир Федоров стал обладателем сразу двух медалей — золотой (за победу в молодежном чемпионате Европы) и бронзовой (за победу на Олимпиаде). Так наш герой стал единственным футболистом Узбекистана — призером Олимпийских игр.

Между тем в родном для Федорова «Пахтакоре» дела тогда шли неважно. В самом конце июня, после поражения ташкентцев от кемеровского «Кузбасса» 0:2, был отправлен в отставку тренер

Анатолий Башашкин. Руководить командой оставили Геннадия Красницкого. После чего «Пахтакор» в первых пяти матчах сделал три ничьи и два матча выиграл. На тот момент Федоров с пятью мячами был главным бомбардиром ташкентцев. Таковым он и остался до конца сезона, забив в итоге 16 голов. Он поражал ворота соперников в следующих матчах: против орджоникидзевского «Спартака» (4:0, Федоров сделал дубль — забил два мяча), краснодарской «Кубани» (6:0), ашхабадского «Колхозчи» (2:1), грозненского «Терека» (2:2), нальчикского «Эльбруса» (4:1, Федоров снова сделал дубль), рижской «Даугавы» (2:1), кишиневского «Нистру» (2:3), ивано-франковского «Спартака» (4:0), казанского «Рубина» (2:2).

Блестящая игра Федорова (он даже был включен в список 33 лучших футболистов СССР, что было уникальным случаем — обычно туда попадали лишь игроки высшей лиги) не помогла «Пахтакору» вернуться в высший дивизион. Сработала поговорка «Один в поле не воин». Как написал после поражения «Пахтакора» от запорожского «Металлурга» (0:1) журналист В. Асаулов: «Этот матч особенно наглядно показал, что «Пахтакор» — команда двух игроков: Ана и Федорова. Стоило Ану в борьбе за мяч нарушить правила игры и при этом, получив травму, покинуть поле, как в игре «Пахтакора» все разладилось. Федоров словно осиротел. В поисках мяча он блуждал по фронту атаки, оттягивался в свои тылы, расходовал при этом много энергии…»

В сезон-77 «Пахтакор» вступил с новым тренером — вместо уволенного Геннадия Красницкого пришел Александр Кочетков, который оставил практически прежний состав. Стоит отметить, что в том году в первой лиге оказался московский «Спартак», который должен был стать главным конкурентом «Пахтакора» (вместе с симферопольской «Таврией») за выход в высшую лигу.

Ташкентцы начали сезон очень даже резво — выиграли четыре первых матча подряд. При этом Федоров забил свой первый гол в сезоне уже в первой игре — на 12-й минуте, в матче против свердловского «Уралмаша» (4:0). Правда, затем он «замолчал» на полтора месяца. И свой второй гол забил 20 мая в игре против грозненского «Терека» в Ташкенте (2:0). А перед этим у «Пахтакора» была принципиальная игра с московским «Спартаком» в Москве, где была зафиксирована ничья 1:1, где единственный гол у ташкентцев забил в конце матча А. Могильный (кстати, это будет его единственный гол в том сезоне).

Вничью «Пахтакор» сыграет и с другим фаворитом турнира — симферопольской «Таврией» (0:0), и опять же на его поле. И снова Федоров не смог ничем блеснуть в принципиальном матче.

Впрочем, сезон-77 нельзя будет записать ему в актив. Как заметит тренер ташкентцев А. Кочетков: «Для Федорова этот сезон не лучший, но команде помог…» Эта помощь вылилась в 9 забитых мячей.

Судьба первых двух мест решилась на самом финише турнира. Так, за два тура стал недосягаем для преследователей московский «Спартак», а в следующем туре, взяв очко в Ашхабаде у «Колхозчи» (0:0), стал недосягаем и «Пахтакор».

Несмотря на слова тренера «Пахтакора», наставники сборной СССР — В. Лобановский и О. Базилевич — продолжали пользоваться услугами Федорова. Отметим, что сборная СССР тогда на 90 % состояла из игроков киевского «Динамо» (эту команду тренировали те же тренеры, что и сборную) и лишь несколько игроков представляли другие клубы. Так, Владимир Федоров был из «Пахтакора», Шота Хинчагашвили и Давид Кипиани — из тбилисского «Динамо», Евгений Ловчев из московского «Спартака», Александр Минаев и Александр Максименков — из московского «Динамо». Кстати, Лобановский предлагал Федорову переехать к нему в Киев, обещая хорошие перспективы, но наш герой отверг это предложение, заявив: «Я буду играть только за «Пахту». Такой патриотизм вызывает только уважение, учитывая тот факт, что многие футболисты не избежали искушения сменить периферийные клубы на ведущие.

В сезоне-77 (март — июль) Федоров сыграл в сборной СССР (ее тогда возглавил Никита Симонян) 6 матчей, однако голами не отметился. Так, его первая игра датирована 20 марта — это был товарищеский матч против сборной Туниса на поле соперника. Федоров отыграл 79 минут, после чего был заменен Александром Тархановым из ЦСКА. К тому времени счет уже был 2:0 в нашу пользу. В отчете газеты «Советский спорт» читаем следующее:

«Советская сборная начала игру в несколько замедленном темпе. Сказывались прежде всего непривычные климатические условия. Футболисты только накануне матча прилетели из Москвы в эту североафриканскую страну, где сейчас стоит 27-градусная жара.

Однако вскоре наши игроки освоились и провели несколько интересных атак. Ворота хозяев поля постоянно находятся под обстрелом: бьют Блохин, Максименков, Онищенко, Федоров. На 27-й минуте красивую комбинацию провели Максименков с Минаевым, и Максименков открыл счет…»

Тунисское информационное агентство ТАП в отчете о матче передает: «Блохин, Онищенко, Максименков, Федоров и их товарищи по команде своей игрой доказали, что советская школа футбола в настоящее время одна из лучших в Европе».

23 марта состоялся еще один товарищеский матч — СССР — Югославия в Белграде. В нем Федоров провел на поле все 90 минут. Читаем в отчете журналиста Л. Филатова («Футбол-хоккей»):

«Наша сборная, реорганизованная после Олимпиады, фактически впервые представилась своим болельщикам и, я думаю, не могла не приглянуться прежде всего тем, что играла в охотку, и ее бодрое настроение ясно выражалось в складности ведения игры, в том, что многое у нее получалось. Она не была сбита с толку, когда после углового интересный, если угодно, английского образца, центрфорвард Баевич красиво забил гол, и продолжала вести игру хладнокровно, только плавно, незаметно прибавила в темпе, что сопернику оказалось не по вкусу. И не досадовала, когда один за другим, оказавшись на так называемых верных позициях, смазывали момент Круглов, Кипиани, Максименков, а была уверена, что миг ее придет. И все голы ее были хороши, как на подбор.

Первый и второй были похожи, а если сказать точнее, то эти двухходовые комбинации — из одного параграфа учебника тактики. В одном случае Федоров из глубины поля выдал мяч на переднюю линию, где крейсировал Блохин, и тот рывком ушел от защитников и забил, во втором Коньков также улучил момент для длинной передачи Кипиани, который нанес великолепный удар. Потом Федоров подал справа угловой на ближнюю штангу, Блохин именно там и притаился и, выпрыгнув, срезал мяч в угол. Да и прорыв Блохина к линии ворот был быстр и верно нацелен, и то, что Хаджиабдич задержал его сзади рукой, после чего был назначен пенальти, забитый Буряком, выглядело жестом отчаяния и бессилия перед неуловимостью нашего форварда…»

А вот что написал другой журналист — О. Кучеренко («Советский спорт»):

«Без преувеличения, думаю, можно сказать, что сборная СССР показала одну из своих лучших игр в атаке за последние годы. Не раз и не два сетовали мы на то, что в нашем футболе очень мало игроков высокого класса, способных своим индивидуальным мастерством решать судьбу матчей. Кажется, эти невеселые времена уходят в прошлое. Во всяком случае, шестерка наших игроков середины поля и нападения, начавшая эту встречу, — А. Максименков, А. Коньков, Л. Буряк, Д. Кипиани, В. Федоров, О. Блохин, — вместе и каждый в отдельности показали и высокую технику, и смекалку, и умение результативно атаковать.

Показательными в этом плане были два наших первых гола. На 42-й минуте Федоров, заметив маневр Блохина у линии штрафной площади, сделал великолепную длинную передачу в

его адрес. Капитан и лучший бомбардир сборной сыграл в том же стиле: принял мяч на грудь, прокинул его себе на ход и неотразимо пробил. Во втором случае так же отменно действовали Коньков, обыгравший нескольких соперников и после необходимой паузы отдавший ювелирный пас, и Кипиани, получивший эту передачу, а затем нанесший прицельный удар не раньше и не позже, чем это было необходимо.

Тонкое понимание игры, высокое мастерство исполнения — вот характерные черты этих результативных комбинаций».

В том матче сборная СССР одержала победу со счетом 4:2.

24 апреля сборная ССР провела свой первый принципиальный матч — против команды Греции в рамках отборочного цикла чемпионата мира — 78. Игра проходила в Лужниках в присутствии 50 тысяч зрителей. Федоров провел на поле почти всю игру и был заменен на 83-й минуте Владимиром Онищенко, когда счет был уже 2:0 в нашу пользу. Читаем у В. Винокурова («Футбол-хоккей»):

«Пожалуй, основным недостатком игры сборной в атаке было то, что Кипиани больше действовал на переднем крае и реже и не всегда удачно отходил назад для завязывания комбинаций. Недостаток усугубился тем, что чересчур непродуманно маневрировал Минаев: не всегда его маневры, смещения с фланга на фланг были оправданны, логичны, понятны партнерам. Кроме того, Коньков и Буряк слишком часто искали только друг друга, хотя того не требовала логика развития игровой ситуации. Вероятно, из группы игроков середины поля и атаки только Федоров сыграл в свою силу. Бросилось в глаза, что у этого молодого футболиста хорошо поставлен удар, отчего и оба гола были забиты после его хороших навесных подач.

В первом случае при подаче углового хорошо сыграли головой Минаев и Коньков, на навесную передачу в стандартном положении откликнулись, таким образом, полузащитники. А потом, когда гол был забит с игры, на передачу Федорова вышел первым Блохин, а за ним Кипиани, опередивший защитника и подчеркнувший этим голом, что не зря все же он много времени провел на самой передней линии…»

30 апреля был сыгран второй отборочный матч — против сборной Венгрии в Будапеште. На эту игру пришло 80 тысяч зрителей. Федоров провел на поле все 90 минут. В отчете, опубликованном в «Футболе-хоккее», сообщалось следующее: «Гости выдвинули вперед лишь двух быстрых мушкетеров — Блохина и Федорова, которых они пытались использовать с помощью длинных передач. У нас впереди активно действовали не только Пустаи и Варади — к воротам Астаповского регулярно

устремлялись полузащитники сборной Венгрии и защитник Кереки…»

Именно Кереки забил нам второй гол на 67-й минуте, после чего хозяева повели 2:0. Под занавес игры — на 88-й минуте — Давид Кипиани сумел сократить разрыв, но на большее наших игроков не хватило. Вот и Федоров не нашел общего языка с партнерами и во втором тайме явно сдал.

Забегая вперед, скажем, что сборная СССР так и не сумеет выйти из своей группы и на чемпионат мира — 78 не попадет. Это было самое безрадостное время для нашей национальной команды — период с 1973 по 1979 год, когда она дважды не попадет на чемпионаты мира (1974, 1978) и один раз на чемпионат Европы (1976).

Свой последний матч в составе сборной СССР в сезоне-77 Федоров провел 28 июля. Это была товарищеская игра против команды ГДР в Лейпциге, на которую пришло 95 тысяч зрителей — аншлаг! Герой нашего рассказа отыграл полтора тайма и был заменен на 70-й минуте Владимиром Бессоновым из киевского «Динамо». К тому времени счет был 1:1. Но эта замена успеха не принесла. На последней, 90-й минуте матча немцы сумели вырвать победу. Причем за три минуты до этого у нас был удален Давид Кипиани.

Между тем тот год (1977) запомнился Федорову переменами в личной жизни. В мае он познакомился с девушкой, которая жила… в том же доме, что и он. Звали ее Светлана. Они встречались всего лишь несколько месяцев, после чего той же осенью поженились. На свадьбе было много друзей, и все были радостны еще потому, что «Пахтакор», как мы помним, блестяще провел сезон и получил путевку в высшую лигу.

Первый матч чемпионата СССР 1978 года «Пахтакор» провел в Ташкенте 8 апреля против московского ЦСКА. На игру пришло 20 тысяч зрителей, что для 60-тысячного стадиона «Пахтакор» было конечно же не очень много. Однако хозяев это не смутило, и они выиграли 1:0. Причем единственный гол на 53-й минуте игры забил герой нашего рассказа — Владимир Федоров.

Отличился он и во втором матче — против московского «Локомотива», где была зафиксирована ничья 1:1. Но потом последовали два поражения подряд — от ленинградского «Зенита» (4:5) и алма-атинского «Кайрата» (2:3). В последнем матче Федоров снова отметился голом, причем им был открыт счет (на 53-й минуте). Но ташкентцам это не помогло — уже спустя четыре минуты они проигрывали 1:2. Короче, это был провальный матч. Впрочем, и весь сезон-78 можно назвать если не совсем провальным, то близким к этому. Причем если к

нападению ташкентцев претензий почти не было (они забили 45 голов — вторые после тбилисских динамовцев, которые стали тогда чемпионами страны), то вот оборона подкачала — пропустила 42 мяча (третий показатель в чемпионате).

Что касается Федорова, то он в сезоне-78 забил в 15 играх 7 мячей. Почему же наш герой сыграл так мало матчей? Вот что пишет об этом уже знакомый нам летописец «Пахтакора» В. Сафаров:

«В матче с «Зарей» 3 июня в Ташкенте случилась беда. В нервном матче ташкентцы никак не могли отыграть гол, забитый в первом тайме. В сутолоке Федоров случайно наступил бутсой на ногу судье Балаяну, и тот сгоряча удалил его с поля и дал предупреждение вмешавшемуся Баканову. Однако на этом инцидент не закончился. Кому-то не понравился резвый подъем «Пахтакора» по ступеням таблицы (к тому моменту он сыграл 9 матчей, в четырех одержал победы, два матча закончил вничью и в трех проиграл. — *Авт.*). Рассматривая инцидент в матче с «Зарей», комиссия вынесла слишком жестокое решение — дисквалифицировать Федорова на 10 матчей, а Баканова — на пять.

Игра ташкентцев расстроилась, последовали поражения, перемежаемые редкими ничьими, и «Пахтакор» выбыл из числа претендентов на высокие места в чемпионате…»

Кто-то может не согласиться с выводом летописца о том, что наказание Федорова последовало в результате закулисного сговора. Однако в пользу этой версии говорит хотя бы то, что именно этот игрок в составе «Пахтакора» представлял наибольшую опасность для соперников. Достаточно сказать, что в тех 9 матчах, что ташкентцы успели провести до встречи с «Зарей», Федоров забил 6 мячей — практически в каждой игре. В итоге с ним «Пахтакор» в этих матчах забил 17 мячей. А в 10 последующих играх без участия Федорова ташкентцами было забито всего 9 мячей и они потерпели 6 поражений, выиграв только один матч (1:0 у «Кайрата»). Вот что значил Владимир Федоров для «Пахтакора».

Наш герой вернулся в строй 26 августа, когда его команда встречалась в Баку с тамошним «Нефтчи». И ташкентцы, ведомые своим самым забивным форвардом, разгромили хозяев со счетом 5:1. И Федоров отметился одним голом. Но это был его последний гол в том сезоне, поскольку в остальных 8 матчах он больше мячей не забивал. Что с ним произошло, непонятно. В итоге «Пахтакор» занял в сезоне-78 11-е место.

Отметим, что инцидент в матче с «Зарей» и последовавшая за ним дисквалификация поставила крест и на пребывании

Федорова в составе сборной СССР. А ведь он продолжал туда вызываться (тренером Н. Симоняном) и в первой половине сезона-78 сыграл в ней два матча. Так, 8 марта он принял участие в товарищеской игре против сборной ФРГ во Франкфурте-на-Майне. Причем отыграл почти весь матч и был заменен на 75-й минуте Виктором Колотовым. К тому времени наша сборная уже проигрывала 0:1, но эта замена не принесла успеха — игра так и закончится победой хозяев поля с минимальным счетом.

14 мая Федоров снова надел на себя майку игрока сборной СССР, выйдя на товарищеский матч против сборной Румынии в Бухаресте. Но на этот раз он отыграл всего лишь один тайм. Читаем в обзоре «Футбола-хоккея»: «…Наши могли открыть счет уже на 3-й минуте, когда Федоров оказался в выгоднейшем положении, но пробил мимо. В первом тайме наша команда имела некоторое преимущество. Однако активность Блохина не была поддержана ни Федоровым, ни Кипиани. В середине тайма Бережной, который играл на месте правого полузащитника, сделал хорошую диагональную передачу справа налево, послав мяч на угол вратарской площадки. Блохин выскочил из-за спины защитника и с лету красивым ударом направил мяч в дальний угол…»

В самом начале второго тайма Федоров был заменен Юрием Чесноковым. Но счет на табло так и не изменился — 1:0 в пользу сборной СССР. На этом карьера Федорова в сборной СССР закончилась, поскольку спустя две недели последовал инцидент в Ворошиловграде и вызывать в расположение сборной лучшего бомбардира «Пахтакора» перестанут. Но зато туда пригласят его партнера Михаила Ана. Жаль, что не их обоих — ведь эта связка была сильнейшей в «Пахтакоре».

Отметим, что дебют Ана в составе первой сборной СССР состоялся еще осенью 1974 года (как и у В. Федорова). Если точнее: 29 сентября 1974 года, в Риме, Ан впервые вышел в майке сборной СССР в товарищеской игре против команды высшего дивизиона чемпионата Италии «Рома» (Рим). Встреча завершилась с ничейным результатом 1:1. Тренером команды, как мы помним, был Константин Бесков. На этом карьера Ана в сборной прервалась, а вот у Федорова продолжилась.

Четыре года спустя ситуация изменилась: Федорова из сборной «отцепили», а Ана снова вызвали (тренером был Н. Симонян). И 6 сентября 1978 года Ан вышел на матч против сборной Ирана в Тегеране. Правда, вышел он на замену в конце встречи — на 73-й минуте, заменив Валерия Газзаева. Наши тогда выиграли 1:0.

Две недели спустя Ан сыграл еще один матч в сборной СССР

— против Греции в Ереване. Это была отборочная игра чемпионата Европы — 80. И снова Ан вышел на поле не с начала игры, а под занавес — на 71-й минуте, заменив Вагиза Хидиятуллина. Наши выиграли 2:0. Но на этом карьера Ана в сборной СССР не закончилась.

В феврале 1979 года в составе национальной команды Ан отправился в турне по Северной Америке. Вот что сообщала в те дни советская пресса: «Первый матч был сыгран в США в Лос-Анджелесе против сборной Мексики, в рядах которой выступили семь участников чемпионата мира. Матч проходил в трудных условиях на размокшем после дождя поле. Один из ударов, нанесенный полузащитником Аном, принес победу нашей сборной — 1:0. Потом в Сиэтле был выигран матч со сборной США. При счете 1:1 решающий гол снова забил Михаил Ан».

Странно, но эти успехи не стали поводом к тому, чтобы продолжить вызывать Ана в сборную. И когда команда в конце марта 1979 года открыла новый сезон товарищеской игрой против сборной Болгарии, пахтакоровца туда не вызвали. Однако это вовсе не означало, что ворота сборной для Федорова и Ана навсегда закрылись. Скорее всего, их бы обязательно туда снова вызвали, но последовала трагедия…

Сезон 1979 года «Пахтакор» начал очень даже уверенно. Уже во втором матче ташкентцам пришлось принимать у себя дома прошлогоднего серебряного призера киевское «Динамо». И хозяева победили 1:0. Правда, Федорову в тех первых играх никак не удавалось отметиться голом. В итоге свой первый гол он забил в восьмой по счету игре — против ленинградского «Зенита» на выезде. Счет на табло к тому времени был 2:0 в пользу хозяев, и гол Федорова на 75-й минуте вселял в ташкентцев надежду на то, что им удастся уйти от поражения. Но этого, увы, не произошло.

После этого Федоров забил еще два гола: 8 июля в матче против бакинского «Нефтчи» на выезде (1:0) и 8 августа в Ташкенте в игре против ворошиловградской «Зари» (3:1).

Как видим, оба матча «Пахтакор» выиграл. Он тогда вообще стал набирать обороты и в финальной стадии первого круга умудрился не проиграть подряд пять матчей. Однако именно матч против «Зари» 8 августа окажется последним — он проведет роковую черту в судьбе «Пахтакора», разделив ее «с Федоровым» и «после Федорова».

После матча с «Зарей» «Пахтакор» должен был провести следующую игру в Минске 13 августа. Причем узбекские футболисты были уверены в своей победе: всего лишь месяц назад они победили минчан со счетом 2:0. Никто даже не мог предположить, чем обернется поездка «Пахтакора» в столицу

Белоруссии.

Субботним утром 11 августа футболисты «Пахтакора» приехали в аэропорт, чтобы самолетом «Аэрофлота» Ту-134 с бортовым номером 65735 вылететь в Минск. На борт поднялись четырнадцать игроков команды: Михаил Ан, Владимир Федоров, Алым Аширов, Сергей Покатилов, Равиль Агишев, Николай Куликов, Александр Корченов, Юрий Загуменных, Владимир Макаров, Константин Баканов, Виктор Чуркин, Шухрат Ишбутаев, Владимир Сабиров, Сирожиддин Базаров, а также второй тренер Идгай Тазетдинов, врач Владимир Чумаков, администратор Мансур Талибджанов. Всего в самолете было сорок четыре пассажира, из них семнадцать пахтакоровцев. Старший тренер команды Олег Базилевич вылетел в Минск несколько раньше, поскольку поссорился с женой и не мог оставаться дома. Эта ссора спасла ему жизнь.

Вспоминает вдова Владимира Макарова Алла:

«За неделю-полторы до полета в Минск я и еще несколько жен футболистов с детьми отправились отдыхать в пансионат на озеро Иссык-Куль. Володя хотел второго ребенка и считал, что перед этим я должна хорошенько оздоровиться.

Но… Еще до поездки на Иссык-Куль и мне, и мужу приснились страшные сны. Мне привиделось, что к нам в квартиру идет моя мама, умершая 10 лет назад. Еще во сне я вспомнила, что это нехорошо, — покойник хочет кого-то забрать с собой…

Примерно в тот же день Володя увидел во сне свое отражение в зеркале, будто он лишается волос. Он знал, что это плохой сон.

Утром 11 августа мы с Элиной собрались на прогулку. Дочка бежала по лестнице, зацепилась ногой за ступеньку, и у сандалика оторвался каблук. Я еще пожурила Элинку за неловкость. А теперь мне кажется, что, может, в тот момент Володя думал о нас…»

Вспоминает вдова Сергея Покатилова Ирэна: «В тот жаркий летний день все шло как обычно. Рутинные домашние дела, хождение в магазин, приготовление каши малышке… Баюкая ее, я хожу по комнате из угла в угол. Неожиданно глазами встречаюсь с Сергеем, глядящим на меня с фотографии, и тут же пронзительная мысль: почему ты смотришь на меня как неживой? (Потом я узнала, что он «смотрел» на меня именно в те мгновения, когда погибал.) Ничего вроде бы не происходит, но подсознательно я словно чего-то жду…»

Были и другие мистические приметы этой трагедии. Так, футболист Виктор Чуркин, который раньше и гвоздя в доме не вбил, накануне поездки в Минск своими руками привел квартиру

в полный порядок. А Владимир Федоров расстроился, когда жена положила ему в чемодан черную рубашку. Администратор команды Мансур Талибджанов перед вылетом оставил полный список всех своих кредиторов. Также известно, что за год до трагедии «Пахтакор» летел на встречу с венгерской командой и самолет попал в страшную воздушную яму. Игроки уже прощались с жизнью, когда пилотам удалось спасти машину. Один известный маг позже скажет, что этот случай был предупреждением всей команде: бойтесь самолетов. Но как футбольной команде было обойтись без полетов на самолете? Поездом ведь добираться куда дольше.

Трагедия произошла в небе Украины, недалеко от города Днепродзержинска. В тот день полетами управляли диспетчеры Харьковского районного Центра единой системы управления воздушным движением тридцатилетний Владимир Сумской (четыре года работал диспетчером) и двадцатилетний Николай Жуковский (два с половиной месяца). Начальником над ними был Сергей Сергеев, но он от контроля за работой диспетчеров почему-то самоустранился, занимаясь какими-то своими делами. Более того, именно он назначил старшим Жуковского, а не Сумского, хотя последний сам его просил доверить руководство полетами ему. Но Сергеев от него отмахнулся. Был еще контролер диспетчеров Томилов, но и он от своих прямых обязанностей устранился. Короче, в диспетчерской в тот день царил бардак — то ли случайный, то ли закономерный.

По роковой случайности в тот день один из высокопоставленных руководителей Украины летел то ли с официальным визитом за рубеж, то ли еще куда-то, и поэтому несколько эшелонов (высот) зоны были перекрыты. Эти высоты были «расчищены», а другие, соответственно, были уплотнены, что значительно повысило риск возможных аварий. Харьковская зона и по сей день считается одной из самых тяжелых, а в те годы она вообще была страшнее некуда. Например, в тот роковой день 11 августа 1979-го на связи с диспетчерами было двенадцать самолетов, хотя даже для автоматики предел не должен превышать десять бортов.

Между тем около часу дня в небе на участке Жуковского летели навстречу друг другу два самолета: ташкентский Ту-134 и его близнец с бортовым номером 65816, следовавший по маршруту Челябинск — Кишинев. На борту последнего находился 121 человек. Молодой диспетчер вычисляет расчетный временной интервал, в течение которого каждый из этих двух самолетов может пройти теоретическую точку пересечения их трасс. Она находится в районе Днепродзержинска. Диспетчер высчитывает,

что расстояние между самолетами позволяет им занять один эшелон, и в 13 часов 30 минут 46 секунд отдает команду ташкентскому борту занять эшелон полета 8400 метров. Это была роковая команда, поскольку расчеты молодого диспетчера оказались неточными и самолеты оказались в одном коридоре. Проверить действия Жуковского при царившем в диспетчерской бардаке никто не удосужился. А сам Жуковский тоже не стал заниматься расчетами дважды.

Только за четыре минуты до катастрофы Сумского внезапно пронзает мысль, что дело нечисто. Он кинулся проверять расчеты коллеги, нашел ошибку и тут же взял управление полетами в свои руки. Но ситуация усложнилась тем, что в том же районе появился третий самолет — Ил-62, летевший в эшелоне 9000 метров. Сумской командует ему освободить свой эшелон и направляет туда ташкентскую машину. Но тут в ситуацию вмешались силы природы. Из-за помех в радиоэфире ташкентский борт не смог принять последнюю команду диспетчера. Зато ее принял Ил-62, отнес на свой счет и изменил маршрут в сторону эшелона 8400. Сумской же посчитал, что ему ответил ташкентец, и выключил радиосвязь. Это было ошибкой: он должен был убедиться в позывных и потребовать повтора ответа.

Столкновение произошло в 13 часов 35 минут 38 секунд. В те самые минуты, когда по Узбекскому телевидению шел спектакль Театра оперы и балета имени А. Навои «Бессмертие», ташкентский борт столкнулся со своим челябинским «близнецом» лоб в лоб. В катастрофе погибли 178 человек. По одной из версий, столкновение было не лоб в лоб, а иначе: челябинец отсек ташкентцу хвост, и тот стал плавно снижаться. У него был шанс спастись, но тут в баках вспыхнуло горючее.

Еще одну версию случившегося выскажет много лет спустя председатель суда по этому делу Леонид Чайковский. По его словам, вина за случившееся лежит и на членах экипажа ташкентца. Якобы те устроили с несколькими футболистами «Пахтакора» пьянку и из-за этого не услышали команду диспетчера выйти из своего эшелона. Голоса из «черного ящика» не оставляли в этом никаких сомнений. Но власти не разрешили озвучить эту версию. Виновными объявят диспетчеров: Сумского и Жуковского посадят на 15 лет (они отсидят по шесть и выйдут по амнистии).

Вспоминает вдова Владимира Макарова Алла: «12 августа к нам в пансионат неожиданно приехал работник Госкомспорта Узбекистана. Он сообщил, что случилась неприятность: во время обеда вся команда якобы чем-то отравилась и попала в больницу.

Мы все быстро собрали вещи. Но в самолете я почувствовала

неладное. В большом лайнере находились только мы! Когда мы прилетели, мне показалось, что сотрудники аэропорта смотрят на нас слишком напряженно. Я подошла к одной женщине и попросила сказать, что случилось. Она взяла меня за руку и тихо сказала: «Они разбились…»

Вспоминает вдова Сергея Покатилова Ирэна: «Утром 12 августа — телефонный звонок. Я кормлю ребенка, трубка говорит: «А разве ты не знаешь?..» Кровь бешеными скачками забилась в голове. Дальше все как в тумане, непослушные ноги и руки, рваные мысли и решения… Ребенка — соседке, сама еду в Спорткомитет. Кто-то заслонил солнце гигантским фильтром, в ушах вата — почти нет звуков. Но нет, скорей, скорей, сейчас все выяснится, сейчас наше футбольное начальство развеет страшную новость… Стоп. Выбрасываю себя из машины. Почему так беспомощно стоят у дверей Толик и Ахмат? Преодолеваю последние метры, пытаюсь поймать их взгляд, шепчу: «Это правда?» Но… Чьи-то руки подхватили сразу ослабевшее, чужое тело… И все, ночь…»

Руководитель Узбекистана Шараф Рашидов узнал о трагедии одним из первых — уже спустя час. Ему сообщил об этом сам руководитель Спорткомитета Узбекистана Мирза Ибрагимов. Сказать, что Рашидов был в шоке, — значит ничего не сказать — он был просто раздавлен. «Пахтакор» был его детищем, родной командой, многих игроков из которой он по-человечески искренне любил. Они ковали славу Узбекистана на спортивных аренах многих континентов и были настоящими любимцами не только Рашидова, но и всей нации. И вдруг всего в одну минуту нацию лишили ее кумиров. И Рашидов никак не мог понять, за что Провидение так поступило с его республикой.

Узнав о том, что в гибели «Пахтакора» может быть повинен кто-то из секретарей ЦК Украины, Рашидов немедленно связался с председателем КГБ Узбекистана Мелькумовым и попросил его лично выяснить подробности катастрофы. «Узнай всю правду и лично доложи мне об этом», — попросил Рашидов. Однако скрыть эту акцию от Москвы было невозможно. Уже спустя несколько часов информация об этом дошла до Андропова. Что было дальше, мы знаем — он связался с Кириленко и попросил его лично переговорить с Рашидовым. Сам говорить с ним не захотел — не смог перебороть свою природную антипатию к хозяину Узбекистана.

Разговор Кириленко с Рашидовым занял всего несколько минут. Кириленко, что называется, взял с места в карьер: «Шараф Рашидович, вы же знаете, что Днепродзержинск — это родной город Леонида Ильича, а значит, одно упоминание этого факта

может больно его ранить. Поэтому не стоит мусолить эту трагедию в печати. Мы все скорбим вместе с вами, Шараф Рашидович, но произошедшего уже не изменить. Вы должны понять, что акцентирование внимания на этой трагедии может породить нежелательные разговоры как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому мы разрешаем вам воздать все почести погибшим, но в прессе об этом должно быть сказано короткой строкой. Вы же член политбюро, Шараф Рашидович…» — «Я пока не член политбюро», — сорвалось с губ Рашидова невольное уточнение. «Значит, вы им будете», — последовал ответ, который и стал финальной точкой в этом разговоре.

Похороны спортсменов команды «Пахтакор» прошли в пятницу 17 августа при абсолютном молчании всех советских СМИ. Только «Правда Востока» за три дня до этого поместила небольшой некролог — и все. Жителей Узбекистана это резануло будто по живому. Когда 10 августа на Украине произошла авария на шахте «Молодогвардейская» с человеческими жертвами, все центральные СМИ оперативно откликнулись на эту трагедию. А в случае с «Пахтакором» все будто воды в рот набрали.

Траурный митинг прошел в ташкентском аэропорту, после чего останки семнадцати пахтакоровцев пронесли по улицам столицы Узбекистана в наглухо закрытых гробах. Похороны состоялись на кладбище имени Боткина. Самому молодому из футболистов, Равилю Агишеву, было 20 лет, самому старшему, Владимиру Макарову, — 31 год. У многих осталось по двое маленьких детей. Любопытно была сформулирована причина гибели членов команды в свидетельстве о смерти, выданном в Днепропетровске: «Несчастный случай вне производства. Грубые нарушения анатомической целостности тела, несовместимые с жизнью. Обугливание тела…» Семьям погибших сразу же выдали по 1000 рублей страховки, детям — ежемесячное пособие в 120 рублей. Правительство Узбекистана назначило семьям погибших персональную пенсию в таком же размере.

Отметим, что М. Ан был похоронен в колхозе имени Я. М. Свердлова под Ташкентом, Ю. Загуменных отвезли в Ленинград, а Н. Куликова похоронили на малой родине родителей в селе Кривском, расположенном под городом Обнинском Калужской области. Все остальные пахтакоровцы обрели свой последний приют на Боткинском кладбище.

Практически в первые же дни после гибели «Пахтакора» Спорткомитет СССР взялся за формирование новой команды. Поскольку игроков уровня погибших в самом Узбекистане найти было невозможно, был брошен клич ко всем футболистам высшей лиги с просьбой согласиться доиграть сезон в «Пахтакоре». Сочли

за честь откликнуться на этот призыв многие, из которых выбрали лучших. Это были: Глушаков («Спартак», Москва), Бондарев (ЦСКА), Церетели («Торпедо», Кутаиси), Нечаев («Черноморец», Одесса), Яновский и др.

Свой первый матч обновленный «Пахтакор» сыграл через 12 дней после трагедии — 23 августа в Ереване против «Арарата». 75-тысячный стадион «Раздан» был заполнен до отказа — все пришли посмотреть на игру нового «Пахтакора». К сожалению, она не удалась, поскольку времени для того, чтобы сыграться, у вновь приглашенных игроков было немного и они вынуждены были играть практически с чистого листа. В итоге хозяева победили со счетом 3:1.

Возвращаясь к Владимиру Федорову, которому на момент гибели было 24 года, отметим, что он отыграл в «Пахтакоре» почти 8 сезонов (1972–1979): провел 188 матчей и забил 58 мячей. В составе первой сборной СССР он провел 18 игр (0 голов), в составе олимпийской — 3 игры (1 гол). Дважды включался в список 33 лучших футболистов страны: в 1974 (№ 2) и 1976 (№ 3) годах.

В «Футбольной энциклопедии» про В. Федорова написано следующее: «Один из сильнейших форвардов страны второй половины 70-х. Быстрый, маневренный, нацеленный на ворота, отличался бойцовским характером, смело брал на себя инициативу в завершении атак, был силен в борьбе за верховые мячи. Выделялся оригинальным дриблингом, умел пробить по воротам без подготовки…»

В заключение приведу рассказ журналиста газеты «Узбекистон футболи» Толиба Касымова:

«Чтобы подробнее узнать о том, каков был в обыденной жизни кумир спортивных арен, я приехал в его отчий дом в Урта-Сарае. У входа меня тепло, с открытым сердцем встретили родители Володи — отец Иван Васильевич и мать Мария Федоровна. Зашли в дом. Вот комната Володи. Его мать вот уже много лет каждое утро не устает заправлять кровать сына. В комнате идеальная чистота. В шифоньере висит Володина одежда. В середине комнаты большой стол. На столе со вкусом расставлено все семейное богатство — кубки, медали — малые золотые за выигрыш первенства в первой лиге, золотая чемпионата Европы среди молодежи 1976 года и бронзовая олимпийская. А посередине кубков и медалей красивый большой вымпел, на котором фотография Володи, а по окружности надпись — «Звезда узбекского футбола, мастер спорта международного класса Владимир Федоров».

Мы долго молчали. Было очень трудно начать разговор на

волнующую меня тему. Но я боялся снова растревожить эти давно больные, раненые сердца.

И все-таки мы должны знать и помнить своих спортивных героев. Тем более что были они людьми незаурядными. Как сказал хороший поэт: это нужно не павшим — это нужно живым. И наконец, чтобы будущее поколение знало — даже в наше сложное время, — с кого стоит брать пример».

Неудержимый Дато
Давид Кипиани, «Динамо», Тбилиси

Давид Кипиани родился 18 ноября 1951 года в Тбилиси в семье врачей. В основном воспитанием юного будущего футболиста занималась бабушка, которая с детских лет привила ему любовь и уважение к литературе и искусству. Однако главной привязанностью юного Давида был футбол, который был очень популярен в СССР, в том числе и в Грузии. Практически в каждом тбилисском дворе мальчишки гоняли мяч, вдохновленные игрой тбилисского «Динамо», которое после шестилетнего кризиса в 1959 году вернулось в число призеров чемпионата СССР — завоевало бронзовые медали. Тбилисские мальчишки подражали новому поколению динамовцев: Шоте Яманидзе, Владимиру Баркая, Сергею Котрикадзе, Михаилу Месхи, Борису Сичинаве, Гураму Петриашвили, Зауру Калоеву, Джемалу Зеинклишвили.

В 13 лет (1965) Кипиани поступил в тбилисскую футбольную школу № 35 Минпроса Грузинской ССР, где тренировался на позиции центрального нападающего. Его первым тренером был Б. Челидзе. Спустя три года в составе юношеской сборной Грузии Кипиани завоевал свою первую спортивную награду — стал победителем «Кубка Надежды» в Сочи. Вдобавок на турнире в Тбилиси грузинские юноши победили сверстников из сборной Союза — 2:1, после чего Кипиани зачислили в дубль тбилисского «Динамо». Одновременно он выступал за юношескую сборную СССР. Но затем по-дурацки порвал мениск. Причем играя в футбол… в собственном дворе (неудачно подвернул ногу).

Лечился он в ЦИТО у знаменитого спортивного доктора Зои Сергеевны Мироновой. Однако даже после этого нога побаливала, поэтому Кипиани ушел из команды и вообще начал отходить от футбола. И в 1969 году поступил на химический факультет Тбилисского политехнического института. Причем хотел поступить на медицинский, но опять получил травму. При чем здесь она? 3 августа 1968 года Кипиани должен был сдавать первый экзамен, но 29 июля, опять играя в футбол во дворе, сломал правую руку. Тут уж было не до поступления. А на химическом экзамены были позже. И он их сдал. Но очень быстро понял, что из него такой же химик, как китайский император, поэтому перевелся на юридический факультет университета и окончил его (чуть позже этот диплом ему пригодится, о чем мы расскажем в свое время).

После операции к Кипиани поступало немало приглашений, в

том числе и из команд вне Тбилиси. Но его отец сказал: если хочешь хорошо играть в футбол, будь поближе к «Динамо». И сын пошел в тбилисский «Локомотив», в первую лигу. Там и произошла его первая встреча с Нодаром Ахалкаци, который чуть позже вновь прославит тбилисское «Динамо». А в конце 1970 года Гавриил Качалин пригласил его в основной состав «Динамо» (Тбилиси).

Отметим, что тбилисские динамовцы, став с этим тренером чемпионами страны в 1964 году, затем никак не могли повторить этот успех (их высшим достижением была «бронза» в 1967 и 1969 годах). Качалин ушел из команды в 1965 году, но в 1971-м был приглашен туда снова именно с прицелом на взятие «золота». Он сделал ставку на ветеранов и молодежь. Среди первых значились Михаил Месхи, Слава Метревели, Муртаз Хурцилава (капитан сборной СССР), Реваз Дзодзуашвили, Кахи Асатиани, Гоча Гавашели, Гурам Петриашвили, Пируз Кантеладзе, Гиви Нодия, Леван Нодия, среди вторых — Давид Кипиани, Владимир Гуцаев, Шота Хинчагашвили, Манучар Мачаидзе.

Дебют Кипиани в высшей лиге состоялся в матче против ташкентского «Пахтакора», когда его выпустили на замену вместо Славы Метревели. Причем это был уже 8-й тур, а до этого наш герой сидел на скамейке запасных. Однако, несмотря на то что тбилисцы тот матч играли у себя дома, они уступили 0:1. А игра Кипиани не впечатлила ни зрителей (их пришло на стадион 25 тысяч), ни его самого. Но его команда в том сезоне проиграла всего лишь восемь матчей из тридцати и вновь вернулась в число призеров — заняла 3-е место, отстав на 8 очков от киевского «Динамо» (36 против 44) и всего на одно очко от ереванского «Арарата». Сразу три игрока-тбилисца были включены в список 33 лучших футболистов страны: защитники Реваз Дзодзуашвили (№ 1) и Муртаз Хурцилава (№ 1), полузащитник Манучар Мачаидзе (№ 3).

Отметим, что в самом конце сезона-71 тбилисцы потеряли своего бывшего капитана, который играл в составе «Динамо» 12 лет (1955–1967), был его капитаном (1961–1966) и трижды входил в список 33 лучших на позиции полузащитника, — Шоту Яманидзе. 15 октября 1971 года он погиб в автокатастрофе в возрасте 34 лет. Именно Яманидзе откроет трагический список тбилисских динамовцев, которые уйдут из жизни в результате автокатастроф. В этот список суждено будет угодить и герою нашего рассказа. Но это случится много позже, а пока Давид Кипиани молод и только делает первые шаги в основном составе «Динамо» (Тбилиси).

В 1972 году история повторилась — тбилисцы снова взяли

«бронзу», причем от серебряного призера, одноклубников из Киева, их отделяли не очки (у обеих команд их было по 35), а мячи: у киевлян разница была в 14 мячей (52–38), у тбилисцев — 7 (41–34).

В сезоне-73 тбилисцы откатились назад — заняли 5-е место. Однако Кипиани впервые вошел в число 33 лучших футболистов в категории «нападающие», под № 3. Это стало поводом к тому, чтобы в начале 1974 года тренер сборной СССР Константин Бесков пригласил его в свой состав. И 17 апреля 1974 года Кипиани вышел на футбольное поле города Зеница в товарищеской игре против сборной Югославии. Вышел — и забил решающий гол, который принес победу нашей сборной 1:0.

Вспоминает Д. Кипиани:

«В сборную меня пригласил Бесков, которого я считаю самым великим футбольным тренером России. В тот год многие игроки из молодежной сборной сразу оказались в первой — Блохин, Гуцаев, я…

Если откровенно — у меня тогда немного побаливала нога. Но появился шанс сыграть в сборной — мог ли я от него отказаться?! Гол же был забит так. Олег Блохин удачно проскочил по левому флангу и резко послал мяч в штрафную. И защитники, и я не поспели к передаче. Вижу, Володя Онищенко справа достает мяч. Я резко отбежал назад, и вовремя. Володя от самой линии ворот мягко откатил мне мяч. Заметив, что Марич задержался в центре ворот, хотя и бросились навстречу защитники, я успел ударить в верхний правый угол и… очутился в объятиях ребят.

Гол забил я, но, если бы в футболе, как в хоккее, отмечали пас, Онищенко по праву разделил бы со мной успех…»

Спустя три недели после этого в газете «Советский спорт» вышло интервью с героем нашего рассказа (автор — Ю. Сегеневич). Приведем небольшой отрывок из этого разговора:

«— Что, на ваш взгляд, мешает нашим форвардам, и вам в том числе, чаще поражать цель?

— Все мы еще недостаточно техничны. Это основная причина, но не единственная. Наш средний, если так можно выразиться, защитник играет более цепко, более внимательно, нежели его зарубежный коллега. Его одним финтом не проведешь, и времени для обработки мяча он тебе не предоставит. А тут его союзником выступает и неровное поле. Вот и получается, что мы выступаем в неравных условиях. Полей хороших-то у нас почти нет, а на плохом поле создавать куда труднее, чем разрушать.

— Знаете ли вы за собой достоинства, недостатки?

— Я знаю только то, что люблю футбол. А для того чтобы

любовь была взаимной, мне приходится много работать. Недостатков-то куда больше, чем достоинств. И физически мне надо подтянуться, и технику подработать, и удар поставить…»

Между тем вскоре после успеха в Зенице Кипиани вынужден был покинуть сборную. Почему? Ему опять не повезло. На сборах в Одессе в безобидной ситуации он повредил второй мениск. Сказались дикие нагрузки — в то время Кипиани играл за клуб, за первую и молодежную сборные и в течение месяца провел какое-то ненормальное количество игр. В порядок его тогда приводил выдающийся грузинский хирург Отар Гудушаури. Но время все равно было потеряно.

Рассказывает А. Чивадзе: «Дато по манере игры сравнивают с голландцем Кройфом. Уместное сравнение. Кстати, для него Кройф был идолом. Я помню, в 1974-м, во время чемпионата мира в Германии, Кипиани был травмирован и уехал в Ужгород, потому что в этом городе можно было смотреть все матчи чемпионата. Он заметил, что Кройф был на поле, по существу, играющим тренером. И со временем сам взял на себя эту нелегкую ношу…»

В сезоне-74 тбилисское «Динамо» заняло 9-е место, чего с ним не случалось с 1958 года. Чуть лучше сложилась ситуация в следующем году, где тбилисцы заняли 8-е место. Для команды, которая совсем недавно была грозой авторитетов и входила в число призеров, это было подобно катастрофе (хотя Давид Кипиани во второй раз вошел в число 33 лучших футболистов страны, снова под № 3). Команда явно находилась в кризисе. И тогда на должность ее главного тренера был приглашен Нодар Ахалкаци — тот самый человек, который в конце 60-х тренировал тбилисский «Локомотив», где играл и Кипиани.

При новом наставнике тбилисцы вновь заиграли свежо и задорно. В итоге в обоих чемпионатах (весеннем и осеннем — единственный эксперимент такого рода) команда заняла 3-е место. Давид Кипиани снова был в числе 33 лучших (уже под № 2), а также был возвращен не только в молодежную, но и в первую сборную СССР. Правда, если в первой он по-настоящему вкусил радость победы, то вот во второй нет. Почему? Расскажем обо всем по порядку.

В молодежной сборной Кипиани участвовал в отборочном цикле чемпионата Европы — 76. Он сыграл шесть матчей из восьми, забил 2 гола. Наша сборная сыграла с командами: Турции (1:2, 3:0), Франции (1:2, 2:1), Голландии (3:0, 0:1). В финале соперником сборной СССР стала команда Венгрии. В первом матче, который проходил в Будапеште 19 июня, была зафиксирована ничья 1:1. Во втором, в Москве, 23 июня, победу

одержали советские футболисты 2:1. В результате победителем турнира стала сборная СССР. В ее составе играли: В. Радаев, В. Круглов, В. Горбунов, Н. Высоких, В. Швецов, Ю. Аджем, С. Петренко, В. Гуцаев, А. Минаев, М. Ан, В. Федоров, В. Газзаев, Д. Кипиани, Х. Оганесян, П. Слободян.

Совсем иные чувства пришлось испытать Кипиани в составе первой сборной СССР. Тренерами команды тогда были наставники киевских динамовцев Валерий Лобановский и Олег Базилевич. Костяк команды (90 % игроков) они составили из своих подопечных, добавив к ним всего лишь нескольких «пришлых», в том числе и двух игроков молодежки: Давида Кипиани и Владимира Федорова из ташкентского «Пахтакора». Не случайно эти двое и жить были определены вместе — в одном номере.

Главной целью сборной СССР, когда туда пригласили Кипиани, было участие в летней Олимпиаде-76 в Монреале (перед этим наши ребята неудачно выступили в отборочном цикле чемпионата Европы — 76, не сумев пройти сборную Чехословакии). Игры на Олимпиаде сборная СССР начала 19 июля матчем против хозяев турнира — канадцев. Наши выиграли 2:1, но Кипиани в матче не участвовал, наблюдая за ним со скамейки запасных. Впрочем, на ней он так и просидел всю Олимпиаду, так и не сыграв ни одного матча. Причем его друга Владимира Федорова тренеры выпустили трижды (в играх против сборных КНДР, Ирана и ГДР), а Кипиани так и просидел в запасе. В итоге бронзовая медаль, которую завоевали советские футболисты на той Олимпиаде, ему не досталась. Это был первый серьезный удар по самолюбию футболиста. Говорят, он так переживал, что даже расплакался на балконе гостиницы.

Вспоминает Д. Кипиани:

«Я никогда не спрашивал Лобановского о том, почему он ни разу не выпустил меня на поле на той Олимпиаде, хотя у нас прекрасные отношения. Игрок не должен поднимать такие вопросы. Может быть, как он любил говорить, я не вписывался в его модель. Но не исключаю, что каким-то образом здесь замешана и «национальная политика». В той сборной на 90 % играли киевляне, и, не исключаю, их просто нужно было кем-то «разбавить». В итоге команда уступила в полуфинале немцам — 0:1.

С самолета из Канады я пересел на другой — в Испанию. Там мы с тбилисцами играли в рамках международного турнира с «Фламенго» и сделали ничью — 3:3. Я играл против знаменитого Зико и, скажу без ложной скромности, так его «раздел», что он после матча даже майками со мной меняться не захотел. А

стадион стоя аплодировал нам. После этого я с сумасшедшим настроем вернулся в Союз, сильно провел конец чемпионата и стал вторым игроком страны. А на следующий год впервые в истории грузинского футбола стал лучшим игроком СССР…»

Наш герой забыл упомянуть победу тбилисцев в Кубке СССР в 1976 году. Финал состоялся в Москве 3 сентября, и соперником тбилисского «Динамо» был «Арарат» из Еревана. На матч пришло 45 тысяч зрителей. В этом матче динамовцы начисто переиграли своих визави. Уже на 27-й минуте счет открыл Кипиани. С таким счетом закончился первый тайм. А во втором исход матча решил отрезок времени с 64-й по 68-ю минуты, когда П. Кантеладзе и Р. Челебадзе довели счет до 3:0.

В сезоне-77 тбилисское «Динамо» сделало шаг вперед — завоевало серебряные медали первенства СССР. Правда, один из матчей завершился грандиозным скандалом. Это была игра против ворошиловградской «Зари». Вот как об этом вспоминал сам Д. Кипиани: «В той игре с «Зарей» нас в открытую засуживали, и она завершилась нулевой ничьей. Возмущенный стадион высыпал на поле, начал избивать милицию и едва не добрался до судей. Мужественно тогда повел себя Эдуард Шеварднадзе (первый секретарь ЦК КП Грузии. — *Авт.*), без охраны ринувшийся в толпу. Мы, игроки, были рядом с ним. Потом тысяч двадцать людей на руках несли меня по проспекту Плеханова, и я, как Владимир Ильич, произносил речь с крыши машины, которая развозит хлеб. Наверное, я многим рисковал, но в те минуты об этом как-то не думалось. Я понимал чувства болельщиков. Когда мы однажды дома проиграли 0:4 «Арарату» (в 1971 году. — *Авт.*), люди не то что были расстроены — они не хотели жить. И не дай бог было попасть им в такой момент под горячую руку! Но я всегда пытался объяснить им то, что объяснял после матча с «Нефтчи». Необузданный гнев — он рано или поздно заканчивается Эскобаром. А это — дико…»

По итогам чемпионата СССР 1977 года Кипиани вошел в число 33 лучших футболистов страны под № 1 (далее шли В. Колотов из киевского «Динамо» и Владимир Сахаров из московского «Торпедо»). Это был один из лучших его сезонов. Он снова был вызван в сборную СССР, где верховодил уже другой тренер — Никита Симонян. И вот он не боялся выпускать Кипиани на поле, как в товарищеских встречах, так и в официальных. Первая из таких — против сборной Греции 24 апреля 1977 года в Москве. Это был отборочный матч чемпионата мира — 78. Советская сборная победила 2:0, причем один из голов (последний) забил Кипиани на 77-й минуте.

Играл Кипиани и в следующей отборочной игре — против

сборной Венгрии в Будапеште 30 апреля. Но там он вышел на замену (заменил на 61-й минуте Олега Долматова) и снова отличился — забил гол на 88-й минуте. Правда, счет к тому моменту был уже 2:0 в пользу хозяев и мяч, забитый героем нашего рассказа, лишь подсластил нам горькую пилюлю. Венгры выиграли 2:1.

В третьем отборе Кипиани играл весь матч. Это была встреча с греками в Салониках 10 мая. Увы, но наша сборная снова уступила — на этот раз 0:1.

Наконец пришел черед четвертой отборочной игры нашей сборной. Она проходила 18 мая в родном для Кипиани городе — Тбилиси. Естественно, наш герой отыграл все 90 минут, и хотя голами не отметился, но изо всех сил способствовал нашей победе. Мы победили 2:0. Однако из-за потери очков в предыдущих играх сборная СССР так и не смогла завоевать путевку на чемпионат мира — 78.

Чуть позже у Кипиани случилось еще одно разочарование. Его «Динамо» участвовало в Кубке УЕФА сезона 1977/78 и начало его весьма успешно. В одной тридцать второй динамовцам достался в соперники знаменитый итальянский клуб «Интер», который в первой же игре был ими повержен на миланском стадионе «Сан-Сиро» со счетом 1:0. Причем единственный гол забил Кипиани. Наш герой ловко отобрал мяч у опытнейшего защитника «Интера» Факетти, вышел один на один с вратарем и хладнокровно отправил мяч в сетку.

Второй матч закончился вничью 0:0, которая позволила тбилисцам продолжить игры в Кубке УЕФА. И в одной шестнадцатой финала они прошли клуб КБ из Копенгагена (4:1, 2:1). После чего в одной восьмой финала им достался швейцарский «Грассхоперс». Команда не самая сильная и вполне проходимая. Но подвела самоуверенность. У себя дома они победили с минимальным счетом 1:0, а вот в гостях уступили с разгромным счетом 0:4. И выбыли из кубка.

Однако тот год (1978) стал «золотым» для динамовцев из Тбилиси в чемпионате СССР. Уже с первых туров они недвусмысленно заявили о своих намерениях, обыграв московский «Спартак» (2:0), киевское «Динамо» (1:0), «Черноморец» (2:1, 1:0), «Днепр» (1:0, 1:0), сыграв вничью с московским «Динамо» (1:1, 1:1) и «Шахтером» (1:1, 1:1).

Но затем вдруг последовало крупное поражение от «Пахтакора» (0:3). И все же первый круг тбилисцы завершили в лидерах. Во втором круге их основными конкурентами стали донецкие футболисты, однако после неудачи в финале Кубка СССР (проиграли киевскому «Динамо» 1:2 в добавленное время)

они сникли и постепенно стали отставать от тбилисцев. А вот киевляне, наоборот, окрыленные победой, бросились в погоню за тбилисцами, и одно время казалось, что им удастся догнать лидера. Но тбилисцы, хотя и выступали на финише сезона без особого блеска, все-таки смогли выстоять. И, обогнав киевлян на 4 очка (42 против 38), во второй раз (после 1964 года) завоевали золотые медали чемпионата СССР.

В том сезоне Давид Кипиани снова был назван в числе 33 лучших футболистов под № 1. Кроме этого, его стали одолевать футбольные менеджеры ведущих европейских клубов с готовыми контрактами в руках, предлагая весьма солидные по тогдашним меркам условия. Давид всем отказывал, прекрасно понимая, что никто его за рубеж не отпустит. При этом причины отказа в каждом случае придумывал разные: то его мама не пускала, то жена, то еще кто-то.

Вспоминает Д. Кипиани: «В ту пору многие говорили, что, когда грузинский футболист становится звездой, у него появляется масса соблазнов. Каждый, например, считает за честь пропустить с кумиром по чарке вина… Сказать, что я был законченным трезвенником, нельзя. Но я слишком любил футбол, и он был превыше всего. А расслабиться — значит остановиться. В какой-то момент я очень переживал, что тесты показывают мои пробелы в скорости. И решил их ликвидировать. Мне помогли друзья-легкоатлеты, в том числе Виктор Санеев и Юрий Дьячков. Помимо двух плановых ежедневных тренировок, с утра еще работал над скоростью. Работал и тогда, когда ребята уехали отдыхать в Цхалтубо. И когда за пару месяцев повысил результат на тридцатиметровке с 4,2 до 3,9 секунды, то сразу почувствовал, насколько легче при моем дриблинге стало уходить от опекунов. Меня ведь практически всегда опекали персонально. И классные клубы ставили на это дело серьезных людей. Киевляне — сначала Бережного, потом Бессонова, московское «Динамо» — Долматова, «Арарат» — Бондаренко. А играть с тенью очень тяжело. Тем более когда опекун не стесняется в средствах. Помню, как-то раз на первой же минуте матча получаю страшный удар в ахилл. Кричу: «Ты что, с ума сошел? Убить меня хочешь?» И слышу: «Если надо будет, убью». Это все шло от тренеров — не хочу фамилии называть. Назову лучше тех, кто, наоборот, подчеркивал: переиграйте его, только по-мужски: Бесков, Валентин Иванов, Малофеев, Емец… Спасибо им…»

А вот что рассказывает коллега Кипиани по сборной СССР Леонид Буряк: «Играть с Кипиани было одно наслаждение. Это настоящий мастер. Мы понимали друг друга с полуслова. Конечно, ему было непросто на тренировках у Лобановского —

там же совершенно другая работа по сравнению с той, к которой Дато привык. Но он, стиснув зубы, трудился до седьмого пота и преодолевал самого себя. Мы были друзьями, и поверьте мне на слово, он был золотой парень. И у меня дома в Киеве, и у него в гостях в Тбилиси, да и вообще, где бы мы ни встречались, Дато всегда производил впечатление весельчака и балагура. Только глаза у него были грустные. А по моему поводу он любил пошутить: «Ты самый техничный футболист из русскоязычного населения, который в этом компоненте, как ни странно, не уступает даже нам, итальянцам…»

Как ни странно, но в ряды сборной СССР, которая осенью 1978 года играла отборочные матчи чемпионата Европы — 80, Кипиани тогда почему-то не вызывали. В той сборной выступал лишь один тбилисец — нападающий Владимир Гуцаев. Впрочем, в ноябре Кипиани был-таки приглашен в сборную, которая отправилась в короткое турне по Японии. Вместе с ним туда отправились и его одноклубники: защитник Томаз Костава и полузащитник Виталий Дараселия. И в двух играх из трех, проведенных против сборной Японии, тбилисцы отметились голами. В первой игре (4:1) один гол забил Дараселия, во второй (4:1) — два гола были на счету Кипиани, один — на счету Коставы. Третья игра тоже закончилась победой советских футболистов 3:0 (голы — Газзаев, Гаврилов, Бессонов).

В чемпионате СССР 1979 года тбилисские динамовцы заняли 4-е место. Но их отставание от лидеров было минимальным: от чемпионов — московских спартаковцев — их отделяло 4 очка (46 против 50), от серебряных и бронзовых призеров — донецкого «Шахтера» и киевского «Динамо» — 2 и 1 очко.

Вспоминает Д. Кипиани: «В 1979 году мы дома проиграли — 1:2 бакинскому «Нефтчи». Народ, отвыкший от наших домашних поражений, бушевал. Игроков развозили втайне, в бронированных машинах. А я вышел из своей машины и крикнул в толпу: «Остановитесь и послушайте меня!» Толпа от неожиданности затихла. «Футбол — это не война! Это спорт. Мы не роботы. Мы люди. Да никто из вас сегодня так не хотел победы, как я и мои партнеры! Не получилось. Так что же, убивать нас теперь надо?» В ответ — тишина. Потом я пообещал, что следующую игру выиграем в Москве у «Динамо». И мы сделали это. Когда возвратились в Тбилиси, в аэропорту я увидел многих из тех, кто хотел убить нас из-за «Нефтчи»…»

Тогда сразу несколько тбилисцев попали в сборную СССР: Давид Кипиани, Виталий Дараселия, Вахтанг Коридзе, Владимир Гуцаев, Шота Хинчагашвили, Рамаз Шенгелия, Манучар Мачаидзе. Кстати, последний однажды спас жизнь герою нашего

рассказа. Дело было в Австралии, куда тбилисские динамовцы (вместе со своими московскими одноклубниками) приехали на очередной международный турнир. В один из дней они решили отдохнуть — поплавать в бассейне. Именно там Кипиани стало плохо в воде, и он пошел ко дну. Футболисты, сидевшие на бортике, решили, что это его очередной розыгрыш (он был мастак на такие шутки). И первым, кто понял, что ситуация на самом деле нешуточная, был капитан тбилисцев Манучар Мачаидзе. Он бросился в воду и спас товарища.

В 1979 году Кипиани сыграл несколько матчей в составе сборной СССР, в том числе и три игры отборочного турнира чемпионата Европы — 80. Так, 19 мая он вышел на поле в матче против команды Венгрии в Тбилиси (заменил на 70-й минуте своего земляка — Вахтанга Коридзе). Игра закончилась вничью 2:2, причем второй гол у нас забил тбилисец Рамаз Шенгелия.

4 июля сборная СССР играла против команды Финляндии. Матч проходил на выезде — в Хельсинки. Кипиани играл до 70-й минуты, после чего его сменил Рамаз Шенгелия. И снова табло зафиксировало ничейный результат — 1:1 (гол у нас забил киевлянин Александр Хапсалис).

Между тем 11 августа 1979 года в Москве проходил финальный матч Кубка СССР по футболу между тбилисским и московским «Динамо». Тот день стал черным днем в истории советского футбола — за несколько часов до начала финального поединка в небе под Днепродзержинском потерпели крушение два гражданских самолета, в одном из них находились семнадцать членов футбольной команды высшей лиги «Пахтакор» (Ташкент), которые летели на календарную игру в Минск. И хотя официального сообщения об этой трагедии тогда еще не было, однако многие пришедшие на матч уже знали об этой катастрофе.

В том финале победа досталась тбилисцам. Причем основное время закончилось вничью — 0:0, поэтому были назначены пенальти. Лучше их пробили тбилисцы — 5:4. Отличиться сумели Чивадзе, Дараселия, Шенгелия, Мачаидзе и Сулаквелидзе. Вратарь Отар Габелия сумел парировать три удара. Так тбилисские динамовцы во второй раз (после 1976 года) завоевали Кубок СССР.

12 сентября сборная СССР продолжила выступления в отборочном цикле чемпионата Европы — 80. В Афинах она встречалась с командой Греции. Руководил советской командой Константин Бесков, который сменил на тренерском мостике Никиту Симоняна. Он выпустил на поле двух тбилисцев: Кипиани и Шенгелию. Но это не помогло — наши проиграли 0:1. И в следующей игре — против финнов 31 октября — тбилисцы на

поле не выходили. Но победа снова от нас ускользнула — 2:2. После этого почти полтора года Кипиани в сборную не вызывался.

Тем временем в 1980 году тбилисские динамовцы в чемпионате СССР заняли 4-е место. Давид Кипиани в четвертый раз был назван в числе 33 лучших футболистов — на этот раз под № 2. Но в сборную в том году его не вызывали. И лишь только в мае 1981 года о нем снова вспомнили (сборной тогда продолжал руководить Константин Бесков). Почему именно тогда? Дело в том, что тбилисцы тогда блестяще выступали в Кубке кубков, впервые завоевав этот престижный приз. Они прошли греческую «Касторию» (0:0, 2:0), ирландский «Уотерфорд» (1:0, 4:0), английский «Вест Хэм» (4:1, 0:1), голландский «Фейеноорд» (3:0, 0:2). И в финальном матче 13 мая встретились с «Карлом Цейсом» из ГДР. И победили его 2:1 (голы — Гуцаев, Дараселия). Как вспоминал позднее сам Д. Кипиани: «Мы прилетели домой только через два дня. Но в видеозаписи я видел, что творилось на улицах. Дай бог, чтобы наш несчастный народ когда-нибудь вновь пережил такую радость…»

Итак, Кипиани снова вызвали в сборную СССР. И в отборочном матче чемпионата мира — 82 против сборной Уэльса в Рэксеме 30 мая наш герой вместе со своими одноклубниками Александром Чивадзе (капитан команды) и Тенгизом Сулаквелидзе вышел на поле. Правда, на 83-й минуте Кипиани был заменен на Юрия Гаврилова в целях обострения игры в нападении. Но это не помогло — игра закончилась вничью 0:0. После этого Бесков перестал выпускать Кипиани на поле, доверяя его место своему подопечному из «Спартака» — Юрию Гаврилову. Его же он возьмет и на чемпионат мира в Испанию летом 1982 года, а Кипиани останется дома (отметим, что одним из тренеров сборной был Нодар Ахалкаци, но он почему-то не смог или не захотел отстоять кандидатуру Кипиани). Это событие произведет на игрока тяжелое впечатление и, по сути, приведет к его уходу из футбола. Вот как он сам вспоминал об этом:

«Я очень тяжело переживал, когда меня не включили даже в список кандидатов на поездку на испанский чемпионат мира. В сентябре 81-го я сломал ногу, но после выздоровления готовился, как никогда. Зачем-то семерых игроков нашего клуба взяли со сборной в Аргентину, где мне толком и сыграть не дали, и оторвали от нормальной работы и подготовки к полуфиналу очередного Кубка кубков со «Стандартом», который мы проиграли (0:1, 0:1).

Когда начался чемпионат Союза — 82, я набрал хорошую форму. Здорово сыграл два матча — с минским «Динамо» и «Кубанью». И в это время публикуют список 40 кандидатов на

поездку в Испанию. И меня там нет! Я мечтал об этом чемпионате мира, как ни о чем другом! Это был удар. Я решил уйти. Это было в мае…

Той же осенью меня встретил Никита Симонян и сказал: «Эх, Давид, потом ты поймешь, что играть нужно, пока коленки не сотрутся». Потом я часто вспоминал эти слова, но тогда был упрям и непреклонен. Тем более что в клубе мне было сказано при уходе: «Ты хорошенько подумай». Тон этой фразы меня оскорбил, и я сказал себе — пути назад нет…»

Согласно статистике, за годы, проведенные в тбилисском «Динамо» (1971–1982), Давид Кипиани сыграл в чемпионатах СССР 245 матчей, забил 78 голов. В Еврокубках он сыграл 35 матчей, забил 10 голов. В первой сборной СССР (1974, 1977–1981) его послужной список выглядел куда более скромно: 19 матчей, 7 голов. В олимпийской сборной (1975) он провел 2 игры, забил 2 гола.

Он восемь раз входил в список 33 лучших футболистов страны: № 1 (1977, 1978), № 2 (1976, 1980, 1981), № 3 (1973, 1975, 1979).

В «Футбольной энциклопедии» про Д. Кипиани написано следующее: «Выделялся высокой техникой владения мячом и обводки, умением сделать длинную, мгновенно обостряющую игру передачу, был одинаково силен в организации атак и их завершении. Прекрасное видение поля, остроумие замыслов, артистизм их исполнения позволили Кипиани стать главным действующим лицом в команде, выдвинувшейся в число лучших в Европе, вызвали огромный интерес к его игре всех истинных любителей футбола…»

Тем временем тбилисские динамовцы в чемпионате-82 займут 4-е место. А спустя месяц после окончания чемпионата — 13 декабря — случилась трагедия: в автокатастрофе погиб ведущий игрок тбилисцев Виталий Дараселия. Вспоминает Д. Кипиани: «В те дни я был в первом в своей жизни настоящем отпуске — в Боржоми. И как услышал, не веря, рванул на тот перевал, где это произошло. И 13 дней, немытый, небритый, ходил по этому перевалу и искал его. Вообще цифра 13 какая-то фатальная для Витальки. 13 мая, когда мы выиграли Кубок кубков, он был самым счастливым человеком на свете, а 13 декабря погиб. Под номером 13 он играл на чемпионате мира в Испании, и 13 дней искали его тело и только тогда нашли. 25 лет, жена, двое детей… Что-то в нас всех тогда надломилось. Ведь он, удивительно честный парень, забил самый нужный гол в истории грузинского футбола — «Карлу Цейсу». Мне говорят — ты, мол, пас ему отдал. Так он ведь после того еще троих положил и

забил! Кстати, его сын начинает по-серьезному играть. В Тбилиси…»

Пройдет всего несколько лет, и почти такие же слова будут говорить одноклубники и по поводу самого Кипиани. Но не будем забегать вперед.

После ухода из большого футбола Кипиани работал в грузинском совете общества «Динамо». Скучно ему было, конечно, в кабинете сидеть. Поэтому в конце 1983 года его в первый раз назначили главным тренером «Динамо» вместо Нодара Ахалкаци. После ухода многих опытных игроков команда валилась, и оставались лишь четверо, которые были опорой для нового тренера: Чивадзе, Сулаквелидзе, Шенгелия, Гуцаев.

В новую должность Кипиани вживался тяжело. И во многом потому, что на первых порах он оценивал все как футболист. А об этом следовало бы забыть. А у него не получалось. В итоге при нем тбилисское «Динамо» звезд с неба не хватало: в 1984 году заняло 7-е место, в 1985-м — 8-е, в 1986-м — 5-е.

В 1986 году Кипиани покинул тренерский мостик. Причем не он ушел, а его ушли. Он тогда развелся со своей первой женой, с которой прожил больше десяти лет (в этом браке родились двое сыновей: Леван и Николай. — *Авт.*). Многие в республике посчитали, что этот поступок недостоин такого человека, как Давид Кипиани, он позорит клуб. Когда Кипиани убирали, тбилисцы делили в чемпионате СССР 3–4-е места. А после ухода Кипиани команда откровенно «поплыла» и в сезоне-87 заняла 13-е место, чего никогда еще с ней не бывало.

Именно тогда Кипиани пригодился диплом юриста, который он получил в начале 70-х, окончив юрфак Тбилисского университета. Друзья помогли ему найти работу в прокуратуре Грузии. Там он дослужился до поста заместителя начальника отдела общего надзора. Тогда же создал новую семью. А потом снова оказался… на посту главного тренера тбилисского «Динамо». Каким образом?

Тогда было время всеобщих выборов. И через несколько месяцев после его увольнения из прокуратуры произошел какой-то конфликт между Нодаром Ахалкаци и игроками. Да и команду всерьез залихорадило. Она шла в самом подвале таблицы. И тогда было решено провести выборы. Из двух кандидатур — Давида Кипиани и Муртаза Хурцилавы — выбрали первого, а Хурцилаву новый старый тренер пригласил в помощники. В тот год (1989) тбилисцы с трудом удержались в высшей лиге — заняли 11-е место — и начали формировать новую команду. Через год она уже была вполне боеспособной. Но в 1990 году власти Грузии приняли решение не выставлять тбилисское «Динамо» в играх

чемпионата СССР и создали свой чемпионат Грузии.

Вспоминает Д. Кипиани:

«Когда меня до конференции Федерации футбола спросили, я ответил: «Если вы интересуетесь мнением профессионала, то это — гибель для футбола». И объяснил, что мы попадем в международную изоляцию, лучшие игроки уедут, доходов не будет, потому что не будет зрителей. Все, увы, сбылось. Я предлагал свой вариант: пять команд высшей и первой лиг не трогать, а восемь команд второй лиги объединить с восемью лучшими коллективами физкультуры и сыграть чемпионат Грузии. А в конце сезона провести Кубок независимости: «Динамо» и «Гурия» — как команды высшей лиги, лучшая из трех команд первой лиги и победитель чемпионата Грузии. Но когда я пришел на конференцию, то быстро понял — там все решено заранее.

Тем не менее еще полтора года я тренировал «Динамо». Но что это было за «Динамо»! Мой кропотливый труд пошел прахом. Габелия закончил играть, Хапов, Тедеев, Тетрадзе уехали в Россию, Цвейба — на Украину, Цхададзе и Чедия — в Швецию, Кецбая — на Кипр, Данелия вернулся в Ланчхути, Кеташвили вообще завязал с футболом. Развалилась команда, которой бы еще год — и только сливки снимай. Теперь, может быть, на создание такой команды уйдут многие годы…»

В 1991 году Кипиани покинул тренерский мостик тбилисского «Динамо». Причем с поста главного тренера ему пришлось уйти после автомобильной аварии, в которой он получил травму головы. Еще восемь месяцев Кипиани был менеджером родной команды, а главным тренером стал Реваз Дзодзуашвили.

В начале 1992 года «Динамо» проводило сбор на Кипре, во время которого Кипиани получил приглашение от руководства «Олимпиакос» (Никосия) перейти на тренерскую работу в этот клуб. Он принял приглашение, когда до конца чемпионата оставалось восемь игр, и помог по итогам сезона 1991/92 клубу остаться в высшей лиге. На следующий сезон он пригласил в клуб экс-игроков «Динамо» Чедию и Качараву. Вместе с ними клуб вышел в полуфинал Кубка Кипра, а в чемпионате занял 11-е место из четырнадцати. Позже при помощи кипрских компаньонов открыл русскоязычный ресторан на Кипре, но он через некоторое время разорился.

Рассказывает Д. Кипиани: «Идея была моя — открыть русский ресторан, ведь на Кипре много наших. Но иностранец юридически на это права не имеет, поэтому официально им владел мой партнер-киприот. Впрочем, люди знали, что это заведение

Кипиани. Но потом произошла возмутительная вещь. Двое русских в ресторане повздорили с треть им, и тот написал на них заявление в полицию, будто они у него вымогали деньги. Полиция передала дело в суд. Истец на суд не пришел, и тех двоих ребят оправдали. Дело было слишком однозначным. Полиция почему-то решила, что, раз повздорили русские, значит, владелец ресторана тоже отношение к этому имеет. Пришли, обыскали дом, надели наручники, увезли в тюрьму. Были как раз выходные, и два дня я там просидел. Потом сделали запрос на меня, и, когда получили характеристику, у них глаза на лоб полезли: кого они в тюрьме держали. Потом у меня был начальник полиции Никосии и просил не подавать в суд. У меня на руках есть письмо генерального прокурора Кипра, в котором он извиняется за случившееся. Но мне-то не легче. Разорился ресторан — кто туда пойдет после такой шумихи? Даже если обвинения не подтвердились, люди будут думать: а вдруг? К тому же «Известия» напечатали заметку под заголовком: «Давид Кипиани подозревается в рэкете». Через три дня — опровержение мелким шрифтом, но многие-то читали именно первый материал и поверили ему. Репутация, на которой у меня раньше не было ни единого пятнышка, подорвана. Даже в Грузии кое-кто колебался, делать ли мне в связи с происшедшим предложение возглавить «Динамо». Но самое ужасное произошло в Москве. От своего доброго друга Вячеслава Колоскова я узнал, что по футбольным кругам Москвы — к ветеранам, тренерам, журналистам — ходят какие-то проходимцы и, называя себя моими представителями, выкачивают из людей деньги. И кто-то по наивности дает. Вы представляете, какой ущерб я понес из-за одной только этой истории с рестораном? Жулики поняли, что можно пользоваться моим именем…»

Перед началом сезона 1995/96 Кипиани вернулся в Грузию, причем республика переживала трудные времена — в Тбилиси были перебои с подачей электроэнергии и воды. Но Кипиани это не испугало, и он снова стал главным тренером «Динамо». В 1997 году его пригласили на пост тренера национальной сборной Грузии, а годом позже он уехал тренировать ярославский «Шинник». Однако пробыл там недолго и уехал тренировать бельгийский «Мехелене». Эту команду содержали осевшие в Западной Европе грузинские бизнесмены, которые пообещали тренеру-земляку золотые горы. Но эти обещания так и остались нереализованными, после чего Кипиани пришлось возвращаться на родину.

В 1999–2001 годах он возглавлял кутаисское «Торпедо», в 2000–2001-м — сборную Грузии. Это было его последнее место

работы, поскольку вскоре после этого прославленный футболист погиб. О том, как это произошло, рассказывает журналист Ю. Матюха:

«Трагедия, унесшая жизнь Давида Кипиани, произошла 17 сентября в 18:45 возле села Чардахи, в 30 километрах от Тбилиси. По словам очевидцев, Кипиани ехал со скоростью свыше 80 километров в час, обгоняя машину за машиной. Вдруг его мерс неожиданно свернул с дороги и через мгновение, сбив одно дерево, врезался в другое. Все произошло в считаные секунды. К дымившемуся авто кинулись водители проезжающих машин. Они с трудом открыли деформированную дверь и узнали в отброшенном на заднее сиденье человеке знаменитого футболиста…

С места происшествия Кипиани срочно отправили в республиканскую больницу. Но врачи клиники во главе с другом Давида (отцом известных братьев-футболистов) Иустином Арveладзе уже ничем помочь не могли… Пострадавший умер буквально на пороге больницы. Уже потом стало известно, что причиной аварии стал сердечный приступ — у Кипиани случился инфаркт.

В машине под водительским сиденьем представители правоохранительных органов нашли мобильный телефон. Судя по последнему набранному номеру, Кипиани звонил в Батуми. В этом городе он отдыхал несколько дней, посмотрел игру национального чемпионата «Батуми» — «Колхети», после чего выехал в Кутаиси, а оттуда — в Тбилиси.

Кипиани — третий футболист тбилисского «Динамо» 70-х — начала 80-х годов, погибший в автокатастрофе. Сначала за рулем погиб молодой, перспективный вратарь Теймураз Степания (на самом деле Кипиани стал четвертым — первым, как мы помним, был полузащитник Шота Яманидзе, погибший в октябре 1971 года. — *Авт.*). В декабре 1982 года на горном перевале в Западной Грузии в возрасте 25 лет смерть настигла автора победного гола в финале Кубка кубков — 81 Виталия Дараселию. Три года назад остановилось сердце знаменитого тренера «Динамо» (Тбилиси) Нодара Ахалкаци — и тоже в машине.

Давида Кипиани похоронили на Сабурталинском братском кладбище, где покоятся Нодар Ахалкаци, Михаил Месхи, Слава Метревели, Гиви Чохели… Все расходы, связанные с похоронами, взяла на себя Федерация футбола Грузии. В ближайшее время имя Кипиани будет присвоено одной из улиц Тбилиси. Стадион, носящий его имя, в Грузии уже есть: в честь знаменитого футболиста еще при его жизни назвали футбольную арену в Гурджаани…»

В заключение приведу слова многолетнего партнера Давида Кипиани по тбилисскому «Динамо» (1974–1981) и сборной СССР (1981) Александра Чивадзе: «Мы потеряли человека, с которым связаны все достижения тбилисского «Динамо». Но Дато был велик не только этим. Чем футбол красив, ради чего народ ходит на него, — все это было в Кипиани. Я не знаю города, где бы у него не было страстных поклонников: его любили, как родного, и в Москве, и в Киеве, и в Ташкенте, и в Ереване… Ведь Кипиани — это достояние не только Грузии, но и всего бывшего Советского Союза».

Забивной «старичок» Георгий Ярцев, «Спартак», Москва

Георгий Ярцев родился 11 апреля 1948 года в поселке Никольское, который находится в 10 километрах от Костромы. Отец будущего футболиста Александр Георгиевич Ярцев был фронтовиком, прошел две войны — финскую и Великую Отечественную. Воевал на Ленинградском и Волховских фронтах — водил грузовики по Ладоге, по Дороге жизни. Мама Людмила Леонидовна Ярцева заведовала сберкассой в поселковом почтовом отделении.

В семье Ярцевых кроме будущего футболиста было еще девять детей, из которых трое умерли еще до его рождения — во время войны. И все многочисленное семейство проживало не в отдельном доме, а в двухкомнатной квартире. Юному Жоре с малых лет приходилось помогать родителям по хозяйству: в его обязанности входило присматривать за маленькими членами семейства — будить их по утрам, кормить и провожать в садик. После чего он шел в школу, где слыл активным спортсменом (к спорту его приобщил учитель физкультуры Алексей Георгиевич Сурнин). Ярцев участвовал во всех школьных соревнованиях и часто побеждал. За это рвение его в 1961 году наградили путевкой в самый престижный в СССР пионерский лагерь — «Артек» в Крыму. Ту восхитительную поездку он вспоминает до сих пор: они собирали виноград, ходили в походы с ночевкой. А однажды к ним приехали легендарные космонавты: Юрий Гагарин и Герман Титов, которые награждали призеров артековских соревнований.

Азы футбольного искусства Ярцев, как и большинство его сверстников, постигал не на стадионе (такого в их поселке не было), а в дворовых баталиях, которые велись на пустыре. Правда, в те годы о футбольной карьере он еще не мечтал, предпочитая думать о более насущных профессиях. Поэтому после 8-го класса поступил в Костромское медучилище, которое окончил в 1965 году по специальности фельдшер (в поселке была больница, в которой Ярцев и предполагал работать после училища). И именно во время учебы (в пятнадцатилетнем возрасте) наш герой по-настоящему увлекся футболом — поступил в группу подготовки команды «Текмаш» (Кострома), где тренером был Вячеслав Иванович Скоропекин.

Кстати, настоящий футбол Ярцев впервые увидел воочию в 1964 году, когда приехал в Москву и сходил на футбольный матч,

проходивший в Лужниках. Причем играл «Спартак», в состав которого Ярцев попадет спустя 13 лет. Однако в тот момент он, естественно, даже не мог себе представить такой поворот событий.

После окончания училища (1966) Ярцев какое-то время играл в основном составе «Текмаша», который выступал во второй лиге, в классе «Б». Играл очень даже неплохо, поэтому его пригласили в юношескую сборную России, которая выступала на турнире «Надежда». Однако сразу после этих соревнований Ярцева призвали в армию сроком на три года. Самое интересное, что его футбольная карьера на этом не прервалась, а продолжилась. Каким образом? Дело в том, что его отправили в школу сержантов в Алтайский край. Окончив ее через полгода, Ярцев должен был отправиться в войска. Перед самой отправкой он решил пофорсить — надел на себя футболку, в которой играл еще на гражданке (под № 7). Это не осталось незамеченным со стороны старослужащих, которые были заядлыми футболистами и сами гоняли в футбол. «Ты что, футболист?» — поинтересовались они у Ярцева. И, получив утвердительный ответ, тут же позаботились о том, чтобы Ярцев остался, — ему доверили руководство медпунктом, поскольку за плечами у него было медучилище. А в свободное время он играл в футбол, причем стал одним из лучших бомбардиров. После чего его «сосватали» в армейскую команду «Искра» из Смоленска, игравшую во второй лиге, в классе «А». Тренером команды в ту пору был Владимир Ильич Стрешний. В Смоленск Ярцев приехал 5 декабря 1967 года, а уже спустя пару-тройку месяцев стал лучшим бомбардиром команды.

В 1969 году истек срок службы Ярцева, и он мог вернуться домой. Но предпочел остаться в Смоленске. Почему? Во-первых, ему нравилось играть за «Искру». Во-вторых, у него появилась там возлюбленная. Познакомились они случайно за год до этого. Ярцев ехал в автобусе, когда туда вошли две симпатичные девушки. На счастье героя нашего рассказа, они забыли купить билет, и их поймал контролер. Девушкам грозил штраф, но в дело вмешался Ярцев. Он купил девушкам билеты, а заодно и познакомился с ними. Девушку, которая понравилась ему больше всего, звали Любовь, а ее подругу Татьяна. Чуть позже она станет артисткой цирка — знаменитой укротительницей морских львов из династии Тимченко.

Самое интересное, но в ту первую встречу молодые люди даже не додумались обменяться телефонами или адресами, запомнив только имена друг друга. Но судьбе было угодно свести их вместе очень скоро. Их новая встреча произошла в популярном

у смоленской молодежи клубе «Олимп». Только тогда наш герой узнал не только имя девушки, но некоторые подробности ее биографии. Например, то, что она учится в училище культуры на режиссера народного театра. С тех пор они начали встречаться, благо у Ярцева к тому времени уже была своя жилплощадь — однокомнатная квартира, которую ему выхлопотал Владимир Стрешний. Он же в апреле 1970 года «сосватал» Ярцева и в московский ЦСКА, который в ту пору возглавлял Валентин Николаев.

Однако в этом именитом клубе карьера Ярцева не задалась. Его держали на скамейке, поскольку в команде была неплохая линия атаки во главе с Борисом Копейкиным (забьет в том сезоне 15 мячей) и Владимиром Федотовым (14 мячей). Поэтому Ярцева выпустят на поле лишь однажды — в Ереване, в игре против «Арарата». Но этот выход выйдет боком: Ярцев получит серьезную травму — порвет боковую связку колена. На этом его карьера в ЦСКА завершится. Кстати, команда станет чемпионом СССР 1970 года, но Ярцев в список победителей не попадет, сыграв всего лишь одну игру.

Вернувшись в сентябре 1970 года в Смоленск, Ярцев в следующем году женился на своей возлюбленной. Свадьбу гуляли в ресторане «Смоленск», где работала мама невесты — новоявленная теща героя нашего рассказа (тесть был начальником цеха на фабрике). Спустя год (1972) у молодых родился первенец — сын, названный в честь деда Александром.

А карьера Ярцева в смоленской «Искре» продолжалась. Хотя у него была возможность перейти в другие команды, более именитые (например, в минское «Динамо»), однако он предпочел остаться в Смоленске, где у него жила родня его супруги. Но в 1973 году он все же решился сменить место жительства — переехал с семьей в Гомель, чтобы играть за местную команду «Гомсельмаш», которую тренировал известный в прошлом футболист минского «Динамо» Леонард Адамов (в 1977-м он покончит с собой в возрасте 36 лет — выбросится из окна).

Несмотря на то что в «Гомсельмаше» Ярцев стал лучшим бомбардиром, он отыграл в нем всего лишь один сезон. И в 1975 году решил перебраться на родину — в Кострому, где стал выступать за местный «Спартак». Связано это было с семейными обстоятельствами. Именно тогда из жизни ушел отец нашего героя, поэтому он решил помогать своей семье, став, по сути, ее единственным кормильцем. Не случись этой трагедии и не переедь Ярцев в Кострому, его футбольная карьера сложилась бы совсем иначе. Во всяком случае, в московский «Спартак» он бы точно не попал. Почему? Дело в том, что в 1976 году столичный

«Спартак» возглавил Константин Бесков, который принялся отыскивать талантливых игроков в периферийных клубах. И в январе 1977 года он надумал провести в Москве турнир спартаковских команд, чтобы присмотреть себе хороших игроков. Естественно, должен был отправиться в столицу и костромской «Спартак». Правда, сам Ярцев ехать в Москву не желал — не верил, что на него могут обратить внимание ввиду «пожилого» возраста — ему шел 29-й год. Однако тренер костромичей Вячеслав Скоропекин не хотел оставлять своего лучшего бомбардира дома, рассчитывая с его помощью победить в турнире. Да и жена футболиста хотела, чтобы он отправился в эту поездку, — она заказала ему купить продуктов, которые в Костроме были в дефиците. В итоге Ярцев очутился в Москве.

С первых же матчей Ярцев принялся забивать один мяч за другим. И в один из дней, когда он стоял в холле спартаковского манежа на Оленьих прудах, к нему внезапно подошел… сам Константин Бесков. Поздоровавшись, он сказал: «Хочу позвать тебя в свой «Спартак». На что Ярцев ответил: «А вы знаете, сколько мне лет?» — «Сколько? — «Двадцать девятый идет». Бесков на секунду призадумался, после чего сказал: «Ты опоздал ко мне лет на десять». И ушел, оставив обескураженного Ярцева наедине со своими мыслями.

Тем временем турнир в Москве продолжался и Ярцев не сбавлял оборотов — забивал и забивал. Его команда уверенно двигалась к финалу, но тут костромское начальство приняло решение… вернуть Ярцева на родину. Почему? Узнав про его разговор с Бесковым, они резонно испугались, что тот заберет их лучшего игрока в Москву. И даже уверения Ярцева в том, что Бесков испугался его возраста, не могли переубедить руководителей костромского «Спартака» — Ярцев покинул Москву раньше срока. Но, как говорится, от судьбы не уйдешь.

Не увидев в очередном матче на поле Ярцева, Бесков стал интересоваться, куда подевался этот забивной «старичок». А когда узнал правду, пришел в ярость. И поднял на ноги все свои влиятельные связи, чтобы вернуть Ярцева в столицу. Причем не на турнир, а в свой «Спартак». Испугавшись этого гнева, костромские начальники вынуждены были смириться с отъездом своего лучшего бомбардира. И ранней весной того же 1977 года Ярцев был зачислен в основной состав московского «Спартака». Перевозить семью он пока не стал — какое-то время ездил к ним в Кострому после матчей. Но потом все же вызвал их к себе — они поселились в Тарасовке.

На тот момент красно-белые должны были сыграть свой первый сезон в первой лиге. Чемпионат начался 13 апреля, и

борьба за две путевки в высшую лигу развернулась между тремя командами — «Спартак» (Москва), «Пахтакор» (Ташкент) и «Динамо» (Минск). Причем в первом круге дела у «Спартака» складывались неважно — команда занимала 5-е место, и шансов на то, что она вернется в высшую лигу, было мало. Однако во втором круге в составе красно-белых появился новый форвард Юрий Гаврилов (из дубля столичного «Динамо»), с которым у Ярцева получилась фантастическая связка. В итоге во втором круге «Спартак» преобразился и стал громить своих соперников одного за другим. Пал даже главный конкурент — ташкентский «Пахтакор», который проиграл «Спартаку» 8 сентября у себя дома 1:3. Причем два гола забил Ярцев (на 7-й и 59-й минутах), один — Валерий Гладилин (на 28-й минуте).

Самое интересное, но именно после этого матча Ярцев… едва не покинул «Спартак». Дело в том, что он на тот момент продолжал жить с женой и маленьким сыном в Тарасовке и перспектив получить отдельную квартиру не было — руководство клуба тянуло резину, кормя обещаниями. Поэтому нервы футболиста не выдержали, и он, вернувшись из Ташкента в Москву, прямо в аэропорту поставил Бескова перед фактом: дескать, устал, ухожу. Тренер не стал его переубеждать, видимо уверенный в том, что «Спартак», набравший отличный ход в чемпионате, и без Ярцева выиграет турнир. Однако спустя несколько дней, посовещавшись с начальником команды Н. Старостиным, Бесков передумал. И вернул Ярцева в команду, клятвенно пообещав в ближайшее же время решить его квартирный вопрос (и не обманул — Ярцевы получили отдельное жилье в Сокольниках).

В итоге «Спартак» стал победителем турнира за два тура до его окончания, набрав 54 очка (2-е место завоевал ташкентский «Пахтакор» с 52 очками).

Вспоминает Р. Дасаев (вратарь «Спартака»):

«На финише чемпионата 1977 года дела «Спартака» шли отлично. Победив в Ташкенте «Пахтакор» — одного из главных конкурентов в первой лиге (игра проходила 8 сентября и завершилась со счетом 3:1, два гола забил Ярцев на 7-й и 59-й минутах, один — Валерий Гладилин на 28-й. — *Авт.*), мы доказали не только серьезность намерений вновь появиться в высшем футбольном обществе, но как бы намекали еще и на то, что, вернувшись в него, отнюдь не собираемся находиться там в роли пусть даже прилежных, но все-таки учеников.

Нет, никакого зазнайства здесь не было. Просто ребята набирали силу, горя желанием доказать, что способны и на большее. И многое у них получилось.

Уже довольно четко определился костяк команды: Прохоров — в воротах; в обороне — Ловчев, Хидиятуллин, Романцев, Букиевский, Самохин, Кокорев; в полузащите — Гладилин, Булгаков, Шавло, Сорокин; в нападении — Ярцев, Гаврилов, Павленко, Сидоров. Кроме того, что особенно важно, в каждой линии были свои лидеры. В защитной — Прохоров, Романцев, Хидиятуллин, Ловчев. В средней — Гладилин и Шавло. В атакующей — Ярцев и Гаврилов.

Игра «Спартака» подкупала вдохновением, атакующим азартом, не оставлявшими равнодушными болельщиков всех команд и городов. «Спартак» шел к заветной цели, и остановить его уже не могло ничто.

Помню, как по окончании последней встречи первенства в Грозном Бесков, уже более сдержанно, еще раз поздравил нас с возвращением в высшую лигу (официально право на это было завоевано уже двумя турами раньше), сказав: «Думаю, что пора перестать хвалить друг друга. И самое время начать готовиться к следующему сезону. Именно там и ждет всех нас самая главная проверка…»

Чемпионат СССР 1978 года «Спартак» начал с неудачи — проиграл тбилисскому «Динамо» 0:2. И хотя в повторной встрече красно-белые все-таки сумели взять реванш (2:1), однако именно тбилисцы станут чемпионами сезона-78, набрав 42 очка. «Спартак» станет пятым с 33 очками. Неплохой результат для команды, которая только что вернулась из первой лиги (например, ташкентский «Пахтакор» сумел занять лишь 11-е место из шестнадцати).

Что касается Георгия Ярцева, то для него тот сезон сложился блестяще — он стал лучшим бомбардиром чемпионата, забив в ворота соперников 19 голов (например, в прошлом году главным «забивалой» был киевлянин Олег Блохин, на счету которого было 17 забитых мячей). Кроме этого, Ярцев установил рекорд: в двух матчах подряд забил 7 мячей (три в Ташкенте в матче против «Пахтакора»; счет 3:1, и четыре в Москве в игре против алма-атинского «Кайрата», счет 4:1).

В опросе еженедельника «Футбол-хоккей» на звание лучшего футболиста в 1978 году Ярцев занял 3-е место (135 очков). В списке 33 лучших футболистов СССР 1978 года он был № 2 — правый нападающий.

И снова обратимся к словам Р. Дасаева:

«Ярцев жил на поле голом и шел к нему в игре сквозь любые трудности, не останавливаясь ни перед чем, не щадя себя. Может быть, поэтому и сошел с большой футбольной сцены, на которой так поздно появился, не доиграв еще минимум два-три сезона.

Да, голов Жора назабивал немало: эффектных и рядовых… «Стенка» в исполнении дуэта Ярцев — Гаврилов часто оказывалась настоящим откровением для самой бдительной и искушенной обороны. Начинал обычно комбинацию Юрий. Он принимал мяч где-то в центре или ближе к своим воротам, а затем, внешне неторопливо, продвигался с ним вперед. Ярцев же в это время челноком уже курсировал вблизи штрафной соперников, выбирая момент для своего коронного рывка. Наконец, сблизившись с Гавриловым, он получал от него мяч, в касание возвращал его партнеру и, освобождаясь от внимательно следивших за всем этим защитников, выскакивал за их спины, куда тут же следовала выверенная до сантиметра передача Гаврилова. И наносил короткий кинжальный удар…»

Лично я счастлив, что видел эти кинжальные удары Ярцева не только на экране телевизора, но и воочию — в том 1978 году я посещал все матчи «Спартака» на московском стадионе «Локомотив». Любимая девушка связала мне длинный красно-белый шарф, с которым я ездил через всю Москву (жил в Орехово-Борисове) в Черкизово и занимал ту самую трибуну, где сидела красно-белая торсида. Она, кстати, именно тогда и зародилась под водительством фаната Рифата. Я был горд, что входил в эту торсиду, и со всем пылом шестнадцатилетнего подростка распевал спартаковские речовки на мотив песни Пола Маккартни «Хоп, хе-хоб» из альбома «Оркестр в бегах» 1973 года. Когда мяч попадал к Ярцеву, вся торсида затягивала: «Жо-о-ра Ярцев!» На тот момент это был наш общий кумир. Вырезав из газеты «Футбол-хоккей» его фотографию в полный рост, я смастерил для нее специальную рамку, которая стояла на трельяже в моей комнате.

Блестящее выступление Ярцева в чемпионате СССР не могло не привлечь к нему взор старшего тренера сборной СССР Никиты Симоняна. И вот уже 6 сентября 1978 года Ярцев сыграл свою первую официальную игру в майке национальной сборной — против сборной Ирана (это была товарищеская встреча в преддверии игр отборочного цикла чемпионата Европы — 80). Матч проходил в Тегеране, но советские футболисты его выиграли 1:0 (гол забил одноклубник Ярцева Вагиз Хидиятуллин).

5 октября Ярцев сыграл второй матч за сборную — снова товарищеский, на этот раз против команды Турции. И опять это была выездная игра, и опять она завершилась нашей победой — 2:0 (голы — Гуцаев, Блохин).

11 октября состоялся третий матч Ярцева за сборную СССР. На этот раз это была отборочная игра чемпионата Европы против

сборной Венгрии. Опять наша сборная играла на выезде (в Будапеште) и на этот раз проиграла 0:2.

Ярцев в этих играх вовсе не блистал, как это было в играх чемпионата СССР, поэтому от сборной его тогда открепили. И в следующий раз он попадет туда спустя год — осенью 1979 года, когда его «Спартак» на всех парах летел к своему чемпионству. Кстати, о последнем.

5-е место «Спартака» в сезоне-78 было конечно же большим успехом, но мало кто из специалистов мог тогда предположить, что это была заявка на будущее чемпионство. А ведь так оно и вышло.

Борьбу за звание чемпиона СССР в 1979 году повели не одна-две (как обычно) команды, а сразу пять — три динамовских коллектива (из Москвы, Киева и Тбилиси), московский «Спартак» и донецкий «Шахтер». Однако по мере продвижения чемпионата вперед ряды претендентов на золотые медали стали редеть — например, «откололось» московское «Динамо». Чуть позже — их одноклубники из Тбилиси (прошлогодние чемпионы). В итоге остались три претендента.

Отметим, что в разгар сезона (11 августа) случилась трагедия — в авиакатастрофе в небе Украины (направляясь на очередную игру с минским «Динамо») погибла вся команда ташкентского «Пахтакора» — семнадцать человек. Причем команда очень уверенно начала чемпионат, обыграв у себя на поле торпедовцев Москвы (2:1), одного из претендентов на чемпионское звание — киевское «Динамо» (2:0), а с двумя другими претендентами, московским «Спартаком» и донецким «Шахтером», сыграла вничью (1:1). Короче, «Пахтакор» вполне мог добиться прекрасного результата — например, впервые войти в пятерку сильнейших команд страны (на тот момент его лучшим показателем было 6-е место в 1962 году). Но ужасная трагедия не позволила этого сделать.

В связи с этим Госкомспорт принял постановление об оказании помощи команде «Пахтакор»: ему разрешалось приглашать футболистов из других клубов (что запрещалось действовавшей тогда «Инструкцией о порядке перехода игроков»), команде было сохранено место в высшей лиге в течение трех лет независимо от занятого им места.

Тем временем после этой трагедии чемпионат-79 продлился еще три месяца — до 25 ноября. «Спартак», победив у себя на поле «Шахтер» и динамовцев Киева, во многом решил задачу в свою пользу. Кстати, когда «Спартак» собирался ехать в Киев, некоторые члены администрации команды красно-белых туда не поехали, поскольку… не верили в успех этого матча. А что

получилось? Вот как об этом вспоминает Р. Дасаев:

«Киев встретил нас приветливым бабьим летом, с мягким теплым солнцем и нежным убаюкивающим вечером. Однако на красоты природы внимания мы не обращали — не до того было. Каждый понимал ответственность момента — проигрыш наш ли, соперника резко снижает шансы на победу в первенстве, на которую и те и другие уже всерьез нацелились. А рвались мы к ней с тем же настроением, как и два года назад, когда спешили возвратиться в высшую лигу.

Уступили нам киевляне в той встрече в семьдесят девятом прежде всего психологически. Сначала недооценили нас и вышли на игру чуть расслабленными. А потом, поняв, что дело может принять нежелательный оборот, стали проявлять ненужную раздражительность, спешить, за что и поплатились.

На 10-й минуте Витя Самохин не в первый уже раз отправился в рейд к воротам киевлян. Завершил комбинацию точным ударом Гаврилов. Гол этот мгновенно вывел динамовцев из состояния благодушия. Широко развернутым строем пошли вперед Хапсалис, Колотов, Буряк, Бережной. Последний за минуту до перерыва проскочил-таки в нашу штрафную. Но я уже был готов к встрече с ним и успел парировать его хлесткий удар.

— Не вздумайте успокаиваться, — убеждали в перерыве внешне спокойные, но, судя по голосу, взволнованные не меньше нас Бесков и Старостин. — Продолжайте атаковать и атаковать. Только этим можно заставить их сбавить напор, начать ошибаться. И запомните: нужен еще гол. Очень нужен…

Мы сами понимали, что преимущество наше весьма зыбкое, и, как могли, гнали из головы мысль о победе с минимальным счетом. Оборона киевлян стала более крепкой, даже на выпады наших защитников, прежде заставявших ее врасплох, обороняющиеся откликались мгновенно и четко. Пути к воротам хозяев были перекрыты. К нашим же они рвались отчаянно и решительно.

И вот за девять минут до конца, когда, казалось, через мгновение-другое усилия динамовцев принесут им желанный гол, сказал свое слово Ярцев. За мгновение до этого Таран упустил стопроцентную возможность сравнять счет. И пока в сердцах киевляне в центре поля поучали промахнувшегося мимо цели молодого нападающего, наши разыграли двухходовку: Жора, в своем стиле влетев с мячом в штрафную, нанес удар, не оставивший ни Роменскому, ни, следовательно, и его команде надежд на победу в чемпионате страны.

— Сегодня вечером, — сказал, поздравляя нас с успехом, сияющий Николай Петрович, — вы открыли себе дорогу к

золотым медалям.

Должен добавить к сказанному нашим начальником команды, что в том успехе большая заслуга принадлежала Ярцеву».

Вот такой замечательный форвард был у «Спартака» в период его становления и восхождения на вершину. Форвард, про которого Константин Иванович как-то с сожалением сказал: «Такие в футболе появляются, увы, не часто».

Сломленные этой неудачей, киевляне тут же проиграли еще один матч — в Алма-Ате «Кайрату». После чего «Спартак» тоже не прибавил очков в свою копилку, сыграв вничью с одесским «Черноморцем» в гостях (у него был исчерпан лимит ничьих). Однако красно-белые победили в последнем туре в Ростове местных армейцев и стали недосягаемы для своих соперников. «Спартак» набрал 50 очков, киевляне — 48, «Шахтер» — 47.

«Золотой» состав «Спартака» выглядел так: Р. Дасаев, А. Прудников, В. Самохин, В. Букиевский, А. Мирзоян, О. Романцев, В. Хидиятуллин, А. Сорокин, С. Шавло, Ю. Гаврилов, Г. Ярцев, Е. Сидоров, В. Никонов, Э. Гесс, М. Булгаков, В. Глушаков, А. Калашников, А. Борисенков, С. Родионов, А. Корешков, А. Кокорев.

Лучшими бомбардирами «Спартака» стали: Ярцев — 14 мячей (33 игры), Гаврилов — 13 (34 игры).

Сам Ярцев вспоминает о тех годах с ностальгией. У них была дружная команда, крепко спаянная одним общим желанием — быть сильнее всех. Хотя в этом коллективе Ярцев был чуть ли не ветераном — ему стукнуло 30 лет (тот же Юрий Гаврилов был на 5 лет его моложе), однако он чувствовал себя там вполне комфортно. Хотя нравы в команде Бесков поддерживал строгие. Например, он запрещал держать в комнатах телевизоры — был только один телевизор на всех, который стоял в холле. Кроме этого, в комнатах нельзя было играть, к примеру, в шахматы. Можно было читать, спать или слушать музыку. Кстати, самым заядлым меломаном в «Спартаке» был Александр Кокорев, который имел в своей коллекции диски «Битлз», «Дип Перпл», «Скорпионз» и других популярных в те годы рок-групп. Он же «подсадил» на это дело и всех остальных — многие спартаковцы стали покупать такие же диски, чтобы слушать их в свободное время. Но однажды вышел конфуз. Когда в один из дней спартаковцы сунулись к своим дискам, они оказались… «запилены». Стали выяснять, и оказалось, что их брал на свадьбу дочери директор тарасовской базы, причем слушали пластинки на… допотопном патефоне. Отсюда и «запил».

Несмотря на яростное противостояние «Спартака» и киевского «Динамо», многие спартаковцы по-настоящему

дружили с киевлянами. Например, Ярцев был в хороших отношениях с Олегом Блохиным и Владимиром Бессоновым. Иногда, приезжая в Москву на игры со «Спартаком», они гостили в квартире Ярцевых. Сближало их и то, что они тогда встречались в одной команде — сборной СССР. Кстати, осенью 1979 года Ярцева снова вызвали в расположение последней. Как мы помним, в последний раз подобное происходило ровно год назад, причем те две игры были товарищескими. В этот раз получилось то же самое: игры были того же ранга, и у руля сборной стоял все тот же Никита Симонян. Причем отметим: он руководил сборной три года, и при нем с командой происходила странная метаморфоза, когда она блестяще проводила товарищеские игры (из девятнадцати таких матчей победила в пятнадцати и лишь в двух проиграла) и крайне неудачно — официальные (в девяти отборочных матчах чемпионата мира и Европы набрала лишь 9 очков). Вот и в тех двух товарищеских играх в 1979 году, в которых участвовал Ярцев, сборная СССР одержала победы: в сентябре над ГДР (1:0, гол — Гаврилов), в октябре над Румынией (3:1, голы — Хидиятуллин, Буряк, Юрчишин). После этого Ярцев в сборную в тот год больше не вызывался.

3 апреля 1980 года начался очередной чемпионат СССР по футболу. «Спартак» начал его в ранге чемпиона, и было видно, что он этот титул собирается отстоять. Перчатку ему снова бросили киевские динамовцы. Однако в первом круге их противостояние шло на равных. Перед самым перерывом, в начале мая, Ярцева снова вызвали в сборную СССР. Причем теперь командой руководил Константин Бесков, поэтому это приглашение было закономерным. Но это только на первый взгляд. Дело в том, что к тому моменту отношение Бескова к Ярцеву изменилось с положительного на отрицательное. Ярцева мучили травмы, и он играл хуже, чем год или два назад. Поэтому приглашение в сборную делалось авансом в расчете на то, что Ярцев встряхнется. Не получилось. В товарищеской игре против ГДР наш герой ничем себя не проявил. Матч закончился вничью 2:2, голы у нас забили Газзаев и Буряк. На этом карьера Ярцева в сборной СССР завершилась. Впрочем, то же самое произошло вскоре с ним и в «Спартаке», хотя поначалу ничего этого не предвещало — он мог бы еще играть года два-три.

Например, в 1980 году «Спартак» выступал в Кубке чемпионов и легко прошел люксембургский «Женесс», обыграв его 5:0 и 4:0. В обоих матчах Ярцев забил по голу (а его партнер Гаврилов сделал дубль в первой игре). Однако в дальнейших играх Кубка чемпионов Ярцев уже не выступал, поскольку покинул «Спартак». Что же случилось?

В июне «Спартак» играл принципиальный матч с московским «Локомотивом». Нужна была победа, а у красно-белых появились внезапные потери — из-за травм выбыли Олег Романцев и Вагиз Хидиятуллин. Капитанскую повязку вместо Романцева надел Ярцев и повел своих товарищей в бой. Тот матч спартаковцы выиграли 2:1. Однако Бесков оказался недоволен игрой… Ярцева. И на следующий день после игры внезапно заявил: «Ты хотел поехать в Кострому? Езжай!» Ярцев стал собирать вещи. Однако начальник команды Николай Старостин эту поездку отменил. И отправил Ярцева отдыхать в Алушту. На календаре был август.

Спустя пару недель Ярцев вернулся в Москву, однако в играх на первенство страны не участвовал. Зато его взяли в Люксембург, где должна была проходить ответная игра в Кубке чемпионов против «Женесса». Ту игру, как мы помним, спартаковцы выиграли, причем Ярцев забил один гол из четырех спартаковских. Это стало для него пропуском на игры союзного чемпионата. Короче, концовку сезона он отыграл. Правда, забивал мало. И вообще «Спартак» тогда был явно не в форме из-за внутреннего раздрая в коллективе.

Дело в том, что в июле 1980 года сборная СССР по футболу участвовала в Олимпийских играх в Москве. Команда под руководством К. Бескова выступила неудачно — заняла 3-е место. Бесков обвинил в этом спартаковцев, которые составляли костяк той сборной (Ярцева среди них не было). Эти обвинения оскорбили игроков, и с этого момента начался разлад и в самом «Спартаке». В итоге второй круг чемпионата СССР был ими провален. В лидеры выбилось киевское «Динамо», которое стало чемпионом, обогнав спартаковцев, взявших «серебро», на 6 очков.

Что касается Ярцева, то он не доиграл два тура. После игры в Донецке Бесков начал его критиковать на собрании, после чего Ярцев собрал вещи и покинул Тарасовку. Он просто устал от незаслуженных, как он считал, претензий тренера.

Покинув «Спартак», в котором Ярцев выступал почти четыре года (81 матч, забил 38 мячей), он вскоре принял предложение играть в московском «Локомотиве», который в сезоне 1980 года выскочил в первую лигу, и теперь стояла задача вернуть его обратно в высший дивизион. В общем, та же самая задача, которую Ярцев решал в 1977 году, когда пришел играть в «Спартак». В ту пору «Локомотив» тренировал Александр Севидов, который сделал все возможное, чтобы его ведущие игроки ни в чем не нуждались. Например, Ярцеву в качестве бонуса сразу выделили трехкомнатную квартиру в Олимпийской деревне. Но он отказался туда переезжать — на семейном совете было решено остаться жить в Сокольниках. Однако зарплату ему

положили хорошую. Короче, играй не хочу. Не вышло — «Локомотив» застрянет в первой лиге до 1988 года. Но Ярцев уйдет раньше — уже в 1982 году он перейдет в команду «Москвич» (Москва), где тоже отыграет один сезон.

За свою игровую карьеру Ярцев играл в двух командах высшей лиги: ЦСКА (1970), «Спартак» (1977–1980), «Локомотив» (1981). Он сыграл в чемпионатах СССР 82 матча, забил 38 голов (в «Спартаке» — 81 матч, 38 голов). В Еврокубках он сыграл 4 матча, забил 2 гола. В сборной СССР (1978–1979) провел 5 матчей.

Ярцев один раз был включен в список 33 лучших футболистов страны: № 2 (1978).

В «Футбольной энциклопедии» про него написано следующее: «Быстрый, резкий, нацеленный на ворота, умел неожиданно для соперников выйти на ударную позицию, стремился пробить по воротам без подготовки. Хорошо взаимодействовал с Ю. Гавриловым…»

С осени 1982 года Ярцев перешел на тренерскую работу — стал тренером в детской спортшколе «Нефтяник» в Капотне. Это время он вспоминает с большой теплотой — он давно мечтал попробовать себя в работе с детьми. Разочарования этот опыт ему не принес. К тому же у него тогда появилось много свободного времени, которое он посвящал своей семье. Ведь раньше львиную долю времени он вынужден был проводить вдали от нее — в разъездах и на сборах.

В мае 1984 года Ярцев стал тренером команды «Красная Пресня», которая готовила резервы для «Спартака» (у нее и цвета маек были такие же — красно-белые). Причем помогал ему в этом его товарищ по «Спартаку» Олег Романцев. Однако если в былые годы между ними конфликтов не наблюдалось, то теперь они, что называется, не сошлись характерами — каждый тянул одеяло на себя. А тут еще у Ярцева испортились отношения с начальником команды Валерием Жиляевым. В итоге чашу терпения переполнил инцидент, когда Ярцев, отправившись в один из городов, куда должна была приехать «Красная Пресня» на игру, не смог обеспечить для нее нормальные условия. Уйдя из команды, Ярцев на долгие годы прервал свои отношения с Романцевым. Самое интересное, но их жены и дети между собой продолжали встречаться.

Кстати, именно тогда в семье Ярцева появился еще один ребенок — родилась дочь Ксения.

С августа 1985 года Ярцев стал работать старшим тренером СК завода «Красный богатырь», Москва. На этом посту он проработал три года. Потом вновь вернулся на поле как игрок —

стал выступать в ветеранских командах. В 1993–1994 годах он был главным тренером эстрадно-спортивного клуба «Звезды спорта».

В августе 1994 года Ярцев вернулся в московский «Спартак» — стал его тренером. Причем главным тренером в команде был Олег Романцев, с которым у него к тому времени наладились отношения. Более того, в сезоне 1996 года именно Ярцев стал главным тренером красно-белых, а Романцев сосредоточил в своих руках президентство над клубом. «Спартак» тогда снова стал чемпионом.

В июне 1998 года Ярцев перешел на тренерскую работу в футбольный клуб «Динамо» (Москва), сменив на этом посту Адамаса Голодца, при котором «Динамо» не могло выиграть в 10 матчах подряд и застряло среди аутсайдеров. Ярцев наладил игру динамовцев и даже вывел их в финал Кубка России в 1998 году. Но спустя какое-то время динамовцы потерпели разгромное поражение 1:5 от «Алании», и от услуг Ярцева динамовское начальство отказалось.

В январе 2000 года Ярцев уехал в Волгоград — тренировать местный «Ротор». Однако на этой должности он продержался всего полгода и уже летом вернулся в Москву. Здесь он стал президентом клуба «Спартак-ветераны».

Как гром среди ясного неба для многих стало назначение Ярцева в 2003 году главным тренером сборной России (он сменил на этом посту Валерия Газзаева). Многие не верили в потенциал героя нашего рассказа, считая, что как тренер Ярцев давно уже кончился. А что получилось? Под его руководством наша команда вышла в финальную часть чемпионата Европы по футболу 2004 года. Однако сыграла там на удивление бледно: проиграла испанцам (0:1) и португальцам (0:2) и победила греков (2:1). Набрав 3 очка, сборная России заняла в группе последнее место и выбыла из дальнейшей борьбы.

Этот провал не стал поводом к тому, чтобы снимать Ярцева с тренерской должности. После чего последовало еще более оглушительное поражение в матче отборочного цикла чемпионата мира — 2006 против все той же сборной Португалии — 1:7. Случилось это в октябре 2004 года. Отметим, что ранее самой крупной неудачей сборной России в официальных встречах был проигрыш со счетом 0:16 команде Германии — 18 июня 1912 года на Олимпийских играх в Стокгольме. Однако это была сборная не России и даже не СССР, а команда Российской империи.

Та игра в Лиссабоне под водительством Ярцева стала самым разгромным матчем национальной сборной в новейшей истории российского футбола. Было поражение от сборной Бразилии со

счетом 1:5 в 1998 году, однако это был товарищеский матч, в котором тогдашний главный тренер Анатолий Бышовец проверял молодых игроков.

Сам Ярцев, который покинул тренерскую скамейку при счете 1:6, по поводу проигрыша своей команды заявил следующее:

«Прошу прощения за стыд и кошмар, этому поражению нет оправданий. Мы сегодня играли безвольно и безынициативно. У нас много травмированных, а если бы на поле был оптимальный состав… Это — кошмар! Не снимаю с себя ответственности за такой результат, но не пора ли спросить и с игроков? Где их гордость? А может быть, кто-то просто не хочет работать со мной…

Когда все идет плохо и игроки не выполняют тренерские инструкции, то создается впечатление, что никто не хочет, чтобы Ярцев оставался тренером.

По возвращении домой будем обсуждать все это с президентом Российского футбольного союза Вячеславом Колосковым».

Самое интересное, но это поражение будет единственным у сборной России в том отборочном цикле. Но из-за того, что она все остальные матчи сыграет вничью и потеряет уйму нужных очков, на чемпионат мира — 2006 она не попадет. Впрочем, Ярцев покинет пост тренера сборной еще раньше — в 2005 году. А потом в их семье случилась трагедия — погиб сын Александр.

Это произошло 18 февраля 2007 года. Вот как об этом писала журналистка И. Петракова:

«В Москве в ночь на понедельник был найден мертвым тренер юношеской команды «Спартак» 34-летний Александр Ярцев, сын бывшего тренера сборной России по футболу Георгия Ярцева. Тело погибшего обнаружила его мать в понедельник около двух часов ночи в его квартире на Каргопольской улице, дом 16, корпус 2.

Как сообщили в пресс-службе «Спартака», в последний раз Александра Ярцева видели в четверг на матче Кубка УЕФА, в котором «Спартак» встречался с испанской «Сельтой». Однако в воскресенье, когда «Спартак» в Москве проводил встречу одной восьмой финала Кубка России, Ярцева-младшего на трибуне не было. Как сообщили «Газете. Ru» в правоохранительных органах, родственники в течение всего воскресенья пытались связаться с Александром Ярцевым по телефону, однако он не отвечал. Тогда родные решили поехать к нему домой. По словам оперативников, когда приехал наряд милиции, дверь квартиры была заперта, ее пришлось взламывать.

По предварительным данным криминалистов, тренер погиб

от черепно-мозговой травмы, сообщили «Газете. Ru» в прокуратуре Москвы.

Орудия преступления на месте найдено не было. Следов ограбления также не обнаружено. Как установили судмедэксперты, смерть наступила примерно за сутки до момента обнаружения трупа. Следователи предполагают, что в субботу в квартире Ярцева был кто-то из его знакомых. Вероятно, между гостем и хозяином возник конфликт, который и привел к убийству: Ярцева несколько раз ударили по голове тупым предметом. После этого преступник закрыл дверь ключом и скрылся.

«Скорее всего, убийство носит бытовой характер, однако следствие не исключает все возможные версии преступления», — говорят оперативники. Уголовное дело возбуждено по ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство). Расследование ведет прокуратура Северо-Восточного округа столицы, отметили «Газете. Ru» в прокуратуре. По уголовному делу назначены судебно-медицинская и криминалистическая экспертизы: пока не исключается и версия несчастного случая. Сейчас оперативники выясняют, кто мог находиться с Ярцевым незадолго до смерти…»

На тот момент Георгий Ярцев возглавлял футбольный клуб «Торпедо» (Москва). Однако трагедия выбила его из колеи, и спустя полгода он покинул команду. И к тренерской работе вернется только шесть лет спустя, возглавив в 2013 году молдавскую команду «Милсами» (Оргеев).

«Царь Федор», или Романтик от футбола
Федор Черенков, «Спартак», Москва

Федор Черенков родился 25 июля 1959 года в Москве. О своем детстве он вспоминает следующим образом:

«Я рос обычным мальчишкой. У меня были солдатики, шашки и шахматы. Я даже делал вид, что записываю ходы… Солдатиков дарили на день рождения родственники, я в них не играл. Дарили конструкторы. Я делал вид, что кручу гаечки. Но как только в школе заканчивались уроки, мы шли на школьный двор и играли там в футбол — пока не стемнеет. Однажды была такая история. Мне было годика три, возился с мячом в кунцевском дворике. Незнакомый мужчина, увидевший мои игры, как-то нашел нашу квартиру. Пришел и подарил мяч. Мой самый первый мяч. Сам я довольно смутно помню, родители рассказывали…

Мой отец (его, кстати, тоже звали Федором. — *Авт.*) водил меня на лыжах кататься, учил играть в волейбол. Причем папа болел за «Спартак», естественно. Впервые он сводил меня в «Лужники» на матч «Спартак» — «Динамо» (Киев), и с тех пор я стал спартаковцем…»

В конце 60-х от дворового футбола Черенков перешел в жэковский. У них при ЖЭКе была команда, в которую он и записался. Они участвовали в районных соревнованиях «Кожаный мяч», которые охватывали всю страну (этот турнир был придуман в 1964 году, как и хоккейный — «Золотая шайба»). И вот на одну из таких игр в 1970 году приехали селекционеры, отобрали Черенкова и еще двоих ребят и направили в спортклуб «Кунцево». Там он успешно поиграл два года, а потом его тренер М. И. Мухортов направил его вместе с родителями в «Спартак» к тренеру Анатолию Евстигнеевичу Масленкину. Так наш герой оказался в ДЮСШ «Спартак».

Именно там его приметили… кинематографисты. В 1973 году кинорежиссер Исаак Магитон на киностудии имени Горького приступил к съемкам фильма «Ни слова о футболе». Речь в нем шла о том, как четырнадцатилетний Славик, талантливый футболист, гроза и гордость школьной команды, чтобы играть в городской детской сборной и быть ее капитаном, идет на маленькую хитрость и выдает себя за тринадцатилетнего. После победного матча младшей сестре Славика становится стыдно за брата — и она отправляет кубок проигравшей команде.

Для съемок режиссеру понадобилось несколько профессиональных юных футболистов, один из которых в кадре должен был показать эффектный футбольный трюк — удар «ножницами». Магитон послал на поиски таких футболистов своих ассистентов. В итоге один из них, придя в ДЮСШ «Спартак», увидел Черенкова — он тренировался на Ширяевом поле.

Съемки фильма проходили в Гомеле. Поселили юных футболистов (а их было десять) прямо на центральном стадионе. В одном из подтрибунных помещений поставили десять кроватей, рядом комната пионервожатой. В свободное от съемок время директор арены разрешал им играть на главном поле. Зеленом — травинка к травинке! Для футболистов это было настоящее счастье!

Чуть позже И. Магитон расскажет следующее: «Такие голы и в жизни не часты. Можно, было, конечно, смонтировать, но это было бы не то. На роль форварда нам привели светленького щуплого парнишку. Первый дубль… попал! Но камеру заклинило. Второй дубль… попал! Оператор дернулся… Третий дубль, четвертый, пятый — попал, попал, попал!..»

Хотя сам Черенков вносит в этот рассказ коррективы: «Исаак Семенович преувеличил. На самом деле было 12 дублей — и удар у меня получился раз шесть. Но о неудачных попытках в книге упоминать он не стал. Сделал мне, как сказали бы сегодня, рекламу…»

Отметим, что в детских ролях в фильме снимались: Витя Харитонов (Славик Коротков), Ира Волкова (Надя Короткова), Миша Турченков (Женя Бузулуков), Таня Городничева (Томка), Аркадий Маркин (Коля), в эпизодах — Сережа Куликов, Инна Заволокина, Юля Абрамова, Марина Золотарева, Миша Дукат, Сережа Гурьев, Игорь Калмыков, Витя Касаткин, Федя Черенков.

Самая именитая среди них была Ира Волкова, которая стала знаменитой после главной роли в фильме «Ох уж эта Настя!» (1972). Однако из этих ребят артистом никто в итоге так и не стал, предпочтя другие профессии. Например, Ира Волкова закончит Московский институт стали и сплавов и будет работать в отделе районного архитектора в Москве. А Миша Турченков, хотя и снялся еще несколько раз в кино (в «Ералаше», а также в фильме «Фронт без флангов», 1975), в наши дни работает водителем. И только Федор Черенков, мелькнувший в эпизоде (пусть и эффектном) этого фильма, стал знаменитым футболистом.

Кстати, за участие в съемках Черенков удостоился гонорара в 110 рублей, что равнялось средней зарплате по стране. Он отдал

эти деньги маме, но с одним пожеланием — чтобы она купила ему транзистор. Мама эту просьбу выполнила — приобрела сыну радиоприемник «Сокол». А фильм «Ни слова о футболе» вышел на экраны страны 25 марта 1974 года.

Спустя год Черенков окончил ДЮСШ «Спартак». На выпускные игры приехал начальник взрослой команды Николай Петрович Старостин, чтобы просмотреть наиболее талантливых учеников. Заметим, что Черенков о продолжении футбольной карьеры тогда не думал — он хотел после окончания школы поступить в Горный институт. Но жизнь рассудила иначе.

Старостин расспросил его, как он живет, как родители, как учеба, и внезапно… пригласил в дублирующий состав, который только образовывался после вылета «Спартака» в первую лигу. Это был 1977 год. В итоге в институт Черенков поступил, но также продолжил и футбольную карьеру, перейдя в дубль «Спартака». Через полгода игры там его стали подключать к играм за основной состав. Отобрал его сам Константин Бесков. По словам Черенкова: «Мы пришли на тренировку. Нас было где-то 40–50 человек. Тренировались в Манеже. У меня — получилось. Даже сейчас удивляюсь… Ничем особенным я не отличался. Был худенький, слабенький, но Константин Иванович почему-то поверил, что я могу играть. За зиму я подтянулся с помощью тренера Ф. С. Новикова и стал выдерживать все физические нагрузки…»

А вот как вспоминает о тех днях вратарь «Спартака» Ринат Дасаев:

«Федор Черенков тоже из тех, кого Николай Петрович Старостин еще в юношах приметил. Когда он только в дубле появился, многие засомневались — правилен ли на сей раз выбор Старостина. Нет, то, что у Федора, как принято говорить в футболе, «голова светлая», было заметно сразу по тому, как он с мячом ловко работал, как необычно быстро для необстрелянного новичка в сложных ситуациях, где и опытному зубру порой не разобраться, находил решение. Но уж очень невидный паренек был, когда к нам пришел. Не верилось, что «мухач» сможет окрепнуть, заиграть. Да со временем еще и завоевать титул лучшего игрока сезона. А вот Старостин верил. И радовался, как мальчишка, когда Черенков в дубле, случалось, показывал такие фокусы, которыми так нас на тренировках удивлял. Николай Петрович и величал его всегда не иначе, как Федором. Словно хотел дать почувствовать своему любимцу, что относится к нему как к взрослому.

— Федор еще всех за пояс заткнет, — любил повторять после удачных матчей Николай Петрович. — В нем футбольный

Лобачевский сидит. Это я нутром чую…

Чутье в который раз не подвело Старостина.

Федя рос как игрок прямо на глазах; роста, правда, он оставался почти такого же, как и тогда, когда пришел в команду. Но эти его далеко не атлетические данные совсем не мешали ему на поле вводить в заблуждение одновременно двух-трех значительно более опытных и «крупногабаритных» опекунов. Заставлять совершать безнадежные броски за летящим в сетку мячом самых бдительных вратарей…»

В основном составе «Спартака» Черенков появился в 1978 году, когда красно-белые, после годичного отсутствия, вернулись из первой лиги в высшую. Тогда в команду пришло сразу несколько новых игроков: Ринат Дасаев, Александр Корешков, Александр Калашников, Владимир Цыбин, Юрий Ахмедов, Олег Кулаков, Вадим Лосев. Из этого списка продолжат свою карьеру в команде и добьются славы лишь двое: Черенков и Дасаев. Как напишет чуть позже журналист А. Нилин: «Черенков объявился в конце семидесятых. И в бесковском толковании «Спартака» почти сразу сделался фигурой самой что ни на есть опорной в тренерских замыслах. Умевший бывать беспощадным и порой несправедливым к тем, кто склонен к ослушанию, Константин Иванович к Федору подходил по-особому — с неизменной бережностью, никогда не насилуя его волю. А ведь по своему психофизическому типу Черенков — игрок, при всей покладистости в быту, весьма трудноуправляемый. Футболист подобного склада вынужден с большей внимательностью прислушиваться к себе, чем к тренеру. И Бесков, неожиданно для знавших его непреклонность, с этим смирился, отлично представляя, какие дивиденды команде приносит самостоятельность погруженного в собственные футбольные мысли Черенкова…»

Перед началом сезона-78 многие специалисты советовали Бескову не стремиться сразу вернуться в число лидеров высшей лиги, а для начала закрепиться хотя бы в середине турнирной таблицы. Многим тогда казалось, что спартаковская молодежь, так ярко проявившая себя в играх в низшем дивизионе, в высшей лиге все-таки заметно сдаст. Например, в команде тбилисского «Динамо» (именно она и станет чемпионом СССР 1978 года) к началу сезона Манучар Мачаидзе провел более 250 игр в высшей лиге, Давид Гогия — более 200, Давид Кипиани, Владимир Гуцаев, Пейруз Кантеладзе, Шота Хинчагашвили — около 200 каждый. На счету каждого из остальных игроков команды было не меньше сотни матчей. Столь же внушительным был послужной список у киевских и московских динамовцев, торпедовцев и

игроков некоторых других клубов.

А в «Спартаке» 1978 года только защитник Владимир Букиевский и полузащитник Михаил Булгаков сыграли более чем по 100 матчей; большинство же игроков располагало опытом, исчислявшимся в лучшем случае двумя-тремя десятками встреч за основной состав в высшей лиге, а то и вовсе не имело такого опыта. Не хватало не только практического мастерства, но и элементарной турнирной «обкатки».

Из того состава, который победил в первой лиге, в «Спартаке» остались: Александр Прохоров (в мае 1978 года, спустя полтора месяца после начала сезона, он покинет команду и в ворота встанет Ринат Дасаев), Сергей Шавло, Олег Романцев, Владимир Букиевский, Михаил Булгаков, Валерий Гладилин, Виктор Самохин, Евгений Сидоров, Вагиз Хидиятуллин, Александр Сорокин, Вадим Павленко, Юрий Гаврилов, Георгий Ярцев. Команду покинули: Евгений Ловчев, Виктор Ноздрин, Валерий Глушаков, Валерий Богач, Валерий Андреев, Виктор Владюшенков, Михаил Бондарев, Петр Ушаков, Александр Кокорев.

Первый круг в высшей лиге сезона-78 складывался для подопечных Бескова крайне трудно — они потерпели семь поражений, добились двух ничьих и всего шести побед. Соотношение мячей — 21:21. «Спартак» занял 9-е место и выступал очень неровно. Он выиграл у «Локомотива» и проиграл «Нефтчи», красиво одолел «Арарат» и сразу вслед за этим уступил «Зениту». Красно-белые проиграли тбилисцам, московскому «Динамо», ЦСКА. Они уступили киевскому «Динамо» в Москве со счетом 0:3. Вот почему в прессе даже появились высказывания некоторых обозревателей о том, что, дескать, «Спартак» близок к опасной зоне и может вновь покинуть передовой эшелон отечественного футбола. Но во втором круге «Спартак» сумел наладить игру. Он одержал восемь побед, трижды сыграл вничью и всего четыре матча проиграл.

Что касается Черенкова, то он в том сезоне сыграл всего лишь в семи матчах (из тридцати положенных), выходя в основном на замены, и не забил ни одного гола. Его «Спартак» занял в итоге 5-е место, отстав от своих ближайших конкурентов — столичных динамовцев — на 3 очка (33 против 36). Правда, и ближайший преследователь — ЦСКА — отстал от «Спартака» всего на 1 очко. Соотношение мячей у спартаковцев было 22:12. Лучшим бомбардиром клуба стал Георгий Ярцев, забивший 19 голов (он же стал лучшим «забивалой» и в чемпионате).

Чемпионат СССР 1979 года начался 24 марта. Из прежнего состава в «Спартаке» играли: Ринат Дасаев, Сергей Шавло, Вагиз

Хидиятуллин, Виктор Самохин, Александр Сорокин, Владимир Букиевский, Олег Романцев, Евгений Сидоров, Михаил Булгаков, Александр Корешков, Александр Калашников, Федор Черенков, Александр Кокорев, Юрий Гаврилов, Георгий Ярцев. Среди новичков значились: Алексей Прудников (запасной вратарь), Александр Мирзоян, Владимир Никонов, Эдгар Гесс, Александр Борисенков, Сергей Родионов, Валерий Глушаков (в том году он вернулся в основу).

Борьбу за звание чемпиона повели не одна-две (как обычно) команды, а сразу пять — три динамовских коллектива (из Москвы, Киева и Тбилиси), московский «Спартак» и донецкий «Шахтер». Однако по мере продвижения чемпионата вперед ряды претендентов на золотые медали стали редеть — например, «откололось» московское «Динамо». Чуть позже — их одноклубники из Тбилиси (прошлогодние чемпионы). В итоге остались три претендента. Вспоминает К. Бесков:

«Мы продолжали совершенствовать систему взаимодействия игроков, их взаимозаменяемости в ходе выполнения комбинаций. Дополняли, варьировали. Вот одна из наигранных комбинаций: крайние нападающие направляются в центральную зону атаки, а на одном из флангов в эти мгновения открывается для получения мяча атакующий полузащитник или защитник. Если же крайние нападающие находятся на флангах, то между центральным и крайним защитниками противника вдруг просачивается опять-таки наш полузащитник. Если в семьдесят седьмом году в атаку устремлялся чаще всего Виктор Ноздрин, то в семьдесят девятом вперед пошли все игроки обороны. Любой наш защитник мог вдруг вырваться на ударную позицию и пробить по чужим воротам. К середине первого круга система заработала на полную мощность. К ней не могли приспособиться наши оппоненты. По существу, именно благодаря этой системе «Спартак» стал чемпионом страны.

Безусловно, системе нужны исполнители, претворяющие ее в жизнь. Они нашлись и были самоотверженны, были даже неистовы в осуществлении нашей тактической концепции…»

Переломной для «Спартака» стала первая игра второго круга — со столичным «Динамо»: проигрывая 0:1, красно-белые сумели победить 2:1. После этого в соперниках у «Спартака» остались «Динамо» (Киев), «Шахтер» (Донецк) и ворошиловградская «Заря». Однако главными конкурентами спартаковцев были все-таки киевские динамовцы.

Что касается Черенкова, то в этом сезоне он уже стал выходить на поле в каждом матче, сыграв таким образом 31 игру. Более того, Бесков, возглавив сборную Москвы на VII летней

Спартакиаде народов СССР, включил Черенкова в команду, наряду с семью другими спартаковцами: Р. Дасаевым, В. Самохиным, В. Хидиятуллиным, С. Шавло, В. Павленко, Ю. Гавриловым, Е. Сидоровым.

Сборная Москвы блестяще прошла весь турнир, обыграв в финале команду Грузии 2:1. Но даже после этой победы мало кто предполагал, что Бесков присовокупит к этой награде еще и золотые медали чемпионата СССР. А что получилось?

Победив у себя на поле «Шахтер» и динамовцев Киева, «Спартак» во многом решил задачу в свою пользу. А киевляне, сломленные неудачей, тут же проиграли еще один матч — в Алма-Ате «Кайрату». После чего «Спартак» тоже не прибавил очков в свою копилку, сыграв вничью с ташкентским «Пахтакором» и одесским «Черноморцем» в гостях. За эти матчи ни одна из команд очков не получила, поскольку в сезоне-79 был введен лимит на ничьи — очки начислялись только за первые восемь ничейных результатов. У «Спартака» оставался последний матч (причем гостевой) календарного сезона — с командой СКА из Ростова-на-Дону. Именно там и могла решиться судьба золотых медалей. И снова послушаем рассказ К. Бескова:

«На ростовском поле всегда трудно выигрывать, а на сей раз мы не сомневались, что будет вдвойне тяжело. Ростовчане в том сезоне зарекомендовали себя большими умельцами делать ничьи (они сыграли вничью 14 матчей. — *Авт.*). Мы готовились к тому, что донские армейцы выставят перед нами девять игроков обороны — «бетон». Что ж, надо было взламывать «бетон». Две предыдущие «пустые» ничьи встряхнули спартаковцев, в хорошем смысле разозлили, победить нужно было вопреки любым обстоятельствам.

— Надейтесь только на себя! — говорил я перед этой игрой на установке. — Путь к золотым медалям один-единственный: сыграть лучше, чем сыграют ростовчане. Ваш успех — в ваших руках!

На 5-й минуте встречи Гаврилов с линии штрафной площади, подкрутив мяч, отправляет его в самую «девятку» — верхний угол ворот СКА. Поневоле вспомнишь, как перед самым выходом на поле я сказал Гаврилову: «Юра, ты ведь умеешь красиво забивать, самое время это сделать». Начало было положено. Теперь, чтобы сквитать счет, армейцы должны пойти вперед, значит, раскроются, и у нас в нападении будет возможен маневр…

На 26-й минуте Владимир Букиевский издалека сильнейшим «выстрелом» удваивает счет! Дышать стало легче…

36-я минута… Центрфорвард армейцев Сергей Андреев после розыгрыша штрафного удара обманывает нашего молодого

вратаря Алексея Прудникова, который заменил получившего травму Рината Дасаева. Какая же ноша навалилась вдруг на парня, по существу еще не игравшего в основном составе… Счет стал 2:1. Пока мы ведем.

Во втором тайме назначаются два пенальти, в те и другие ворота (оба — за дело!). Бьет Мирзоян — 3:1, бьет Андреев — 3:2. И до последних секунд идет яростный штурм наших ворот.

В перерыве я успокаивал спартаковцев: мол, не нервничайте, братцы, на худой конец придется проводить сверх календаря решающий поединок с «Шахтером», очков-то с ним будет поровну, так что не все потеряно…

Спартаковцы выстояли. Прозвучал финальный свисток, и ребята в красно-белых майках кинулись меня качать. Ростовские футболисты поздравили нас с победой в чемпионате СССР первыми. А потом в самолете, взявшем курс на Москву, по трансляции прозвучал голос бортпроводницы: «Уважаемые пассажиры, на борту нашего самолета, совершающего рейс по маршруту Ростов-на-Дону — Москва, находятся футболисты московского «Спартака». Экипаж поздравляет команду с золотыми медалями чемпионов страны и желает им новых побед!»

Таким образом, «Спартак» стал чемпионом сезона-79, набрав 50 очков (21 победа, 10 ничьих, 3 поражения). У киевского «Динамо» было 48 очков, у «Шахтера» — 47. Соотношение забитых и пропущенных мячей у «Спартака» было 66:25. В среднем почти два гола за матч. Что характерно, 18 мячей забили игроки оборонительных линий. А лучшим «забивалой» в команде по-прежнему оставался Георгий Ярцев — 14 мячей в 33 играх (следом шел Ю. Гаврилов — 13 мячей в 34 играх).

На счету Федора Черенкова было 4 мяча (еще два он забил в матчах на Кубок СССР, из которого «Спартак» выбило московское «Динамо», обыгравшее красно-белых со счетом 3:0).

В том же 1979 году Черенков впервые надел на себя майку игрока первой сборной СССР. Это было естественно, поскольку сборную тогда возглавил Константин Бесков (он сменил Никиту Симоняна), который пригласил в команду целую группу спартаковцев: Рината Дасаева, Вагиза Хидиятуллина, Сергея Шавло, Юрия Гаврилова, Георгия Ярцева.

Официальный дебют Черенкова в сборной состоялся 12 сентября 1979 года, когда он вышел на поле против сборной Греции. Это был отборочный матч чемпионата Европы — 80, и проходил он в гостях — в Афинах. Черенков отыграл все 90 минут, но голами не отметился. Впрочем, так можно было сказать обо всех игроках сборной СССР, которые не порадовали своих болельщиков результативностью. Зато греки сумели отличиться

— забили гол, который и решил исход того поединка. Это была единственная официальная игра Черенкова в сборной СССР в том году. Видимо, она не сильно впечатлила Бескова, который решил отправить своего молодого подопечного на скамейку запасных.

Свой следующий матч в составе сборной СССР Черенков сыграл уже в следующем году. Это произошло 26 марта 1980 года, когда наша сборная играла в Софии товарищеский матч против команды Болгарии. В этой игре наш герой забил свой первый гол в майке игрока сборной СССР. Причем сначала это сделали болгары (на 18-й минуте), а Черенков сравнял счет спустя уже две минуты. А во втором тайме тбилисец Реваз Челебадзе забил еще два мяча. Итог — 3:1 в нашу пользу.

Следующая игра — 29 апреля против Швеции в Мальме. И снова Черенков играл все 90 минут, однако голами не отметился. Вместо него это сделали Андреев (два раза), Гаврилов, Челебадзе, Федоренко. Итог — 5:1.

23 мая сборная СССР принимала в Москве команду Франции. Черенков отыграл весь матч и забил единственный гол, который и решил исход поединка, — 1:0. А спустя три недели он принял участие в легендарном матче, хоть и товарищеском. Речь идет об игре СССР — Бразилия, которая проходила в Рио-де-Жанейро на знаменитом стадионе «Маракана». В составе команды хозяев играли такие игроки, как Зико, Жуниор, Серезо, Эдер, Сократес, Нелиньо. Короче, что ни имя — легенда! Но наши ребята не растерялись.

В тот день вся сборная СССР была в ударе, в том числе и Черенков. Впрочем, поначалу удача сопутствовала бразильцам, которые на 22-й минуте открыли счет. Спустя шесть минут они могли увеличить счет, поскольку судья назначил пенальти в наши ворота. Но Зико умудрился пробить мимо ворот. После этого фортуна повернулась лицом к нашим футболистам. Сначала Черенков на 32-й минуте сумел сравнять счет, сделав это технично и изящно — прямо-таки в бразильском стиле. А спустя шесть минут Сергей Андреев вывел нашу сборную вперед. И как ни старались потом бразильцы уйти от поражения, сделать это им так и не удалось. Это была знаменательная победа — впервые наша сборная победила трехкратных чемпионов мира. Именно после этой игры Черенков окончательно прописался в составе первой сборной и в июле сыграл еще одну товарищескую игру — против датчан. Наши снова победили — 2:0, причем Черенков снова без гола с поля не ушел. Таким образом, в шести товарищеских матчах 1980 года наш герой забил 4 мяча — больше всех. Как итог — его взяли на Олимпийские игры в Москве.

Константин Бесков призвал под знамена сборной следующих игроков: вратари — Ринат Дасаев («Спартак») и Владимир Пильгуй («Динамо», Москва), защитники — Тенгиз Сулаквелидзе и Александр Чивадзе (оба — «Динамо», Тбилиси), Вагиз Хидиятуллин («Спартак»), полузащитники — Олег Романцев и Сергей Шавло (оба — «Спартак»), Сергей Балтача и Владимир Бессонов (оба — «Динамо», Киев), Сергей Никулин («Динамо», Москва), Александр Прокопенко («Динамо», Минск), нападающие — Сергей Андреев (СКА, Ростов-на-Дону), Юрий Гаврилов и Федор Черенков (оба — «Спартак»), Хорен Оганесян («Арарат», Ереван), Реваз Челебадзе («Динамо», Тбилиси), Валерий Газзаев («Динамо», Москва).

Наша сборная была заметно омоложена. Черенкову и Хидиятуллину было по 21 году, Балтаче и Бессонову — по 22, Дасаеву, Сулаквелидзе, Чивадзе, Шавло — по 23, Андрееву, Челебадзе, Оганесяну — по 24. Вспомним, победителям мельбурнской Олимпиады — игрокам тогдашней сборной СССР — было: Симоняну и Тищенко — по 30 лет, Сальникову и Парамонову — по 31 году, Борису Кузнецову — 28, Яшину — 27, Нетто и Масленкину — по 26, Войнову и Анатолию Ильину — по 25, Исаеву и Огонькову — по 24, и только Валентин Иванов, Стрельцов и Татушин были их моложе. Это была опытная команда, обстрелянные бойцы! Но Бесков решил сделать ставку на молодость. Вот почему в его сборной не оказалось таких нападающих, как Олег Блохин («Динамо», Киев) — 28 лет, и Георгий Ярцев («Спартак») — 32 года.

Открытие Олимпиады состоялось 19 июля, а уже на следующий день сборная СССР по футболу играла свою первую игру на этом турнире — против команды Венесуэлы, которая попала на Игры случайно — она заняла место одной из команд страны, которая участвовала в бойкоте московской Олимпиады (в связи с вводом советских войск в Афганистан). На игру пришло 80 тысяч зрителей. Советские футболисты сумели порадовать своих болельщиков, выиграв со счетом 4:0. Черенков забил один гол, остальные мячи были на счету Андреева, Гаврилова и Оганесяна.

Второй матч — против сборной Замбии. И снова наши были сильнее — 3:1. Два гола забил партнер Черенкова по «Спартаку» Вагиз Хидиятуллин, один мяч забил он сам.

Следом под нашим напором пала сборная Кубы — 8:0. Черенков опять без гола не ушел, остальные мячи забили: Андреев (целых три), Романцев, Шавло, Гаврилов, Бессонов.

Четвертую победу сборная СССР одержала над командой Кувейта, правда, счет был поскромнее — 2:1. Но и здесь Черенков

не затерялся — забил первый гол (второй был на счету другого спартаковца — Юрия Гаврилова).

Затем была игра в одной второй финала против сборной ГДР. И вот здесь фортуна от нас отвернулась. Вот как об этом вспоминает наш вратарь Р. Дасаев:

«…Соперник был изучен до мелочей. Казалось бы, только и осталось навязать немецким футболистам свою игру, о чем долго и обстоятельно говорили на предматчевой установке Константин Иванович Бесков и Николай Петрович Старостин, еще и еще раз напоминая, что особое внимание нужно уделить подвижному полузащитнику Терлецки и двум пробивным форвардам — Кюну и Нетцу.

Мы понимающе кивали, слушая их, а сами мысленно были уже там, на поле. Игра захватила нас задолго до ее начала. Мысли о ней волновали, не оставляя в покое ни на минуту, нервировали, мешали сосредоточиться. Все, конечно, дома ждали от нас только победы. И ощущение огромной ответственности, вдруг охватившее нас перед встречей, изменило нашу игру.

Начали мы суетливо, поспешно, словно боясь, что времени для осуществления задуманного может не хватить. Соперник, уловив наше состояние, стал настойчиво, с подчеркнутым спокойствием, навязывать свою игру. Тон в ней, как и ожидалось, задавали Терлецки, Кюн и Нетц. Усилиями этой троицы и был забит гол, перечеркнувший наши надежды на выход в финал.

На 16-й минуте Терлецки с углового послал мяч не на ближнюю штангу, как делал несколько раз до этого, а на дальнюю. Это привело в замешательство меня, Чивадзе и Хидиятуллина. Мы не успели перегруппироваться, поверив отвлекающему маневру Кюна, и прозевали рывок Нетца, успевшего выиграть долю секунды и послать мяч в сетку. Так ли уж сложна и опасна была та ситуация? Вполне по силам нам было в ней разобраться, помешать соперникам. Но слишком велико оказалось волнение, слишком взвинчены и возбуждены мы были… А чем иным объяснишь осечки Шавло, Черенкова, Гаврилова, Газзаева, «мазавших» из положений, которые принято считать стопроцентными?..»

А вот как отозвался на это поражение К. Бесков: «Полуфинал команде ГДР мы проиграли. Для меня это был настоящий удар. Да и никто из наших спортивных руководителей, спортивных журналистов, тем более болельщиков не ожидал такого поворота событий. Почему-то все заранее предрекали золотые медали советской сборной. Конечно, во многом этот прогноз предопределен был нашими успехами в матчах со сборными разных стран. Но гарантий никто никогда дать в футболе не

может…»

В финальном матче сборная ГДР проиграла команде Чехословакии, которая, как мы помним, четыре года назад стала чемпионом Европы, а в 1980 году завоевали там же «бронзу» (шесть игроков из «бронзовой» команды играли в олимпийской сборной ЧССР). А наши футболисты в борьбе за 3-е место встретились со сборной Югославии. Два гола, забитых Хореном Оганесяном и Сергеем Андреевым (он стал лучшим бомбардиром турнира с 5 мячами, а следом шли Черенков и Андреев, забившие по 4 мяча), принесли победу сборной СССР со счетом 2:0. Как напишет чуть позже журналист В. Винокуров: «На московской Олимпиаде сборная СССР вновь завоевала бронзовые медали. Но это третье место не сравнить с третьим местом Монреаля потому, что в Москве позади осталась сборная Югославии, признанная лучшей в Европе в 1979 году, и потому, что качество игры нашей сборной было в Москве значительно выше, и, наконец, потому, что ради подготовки сборной не был принесен в жертву чемпионат страны…»

Не слишком удачное выступление на Олимпиаде сказалось на обстановке в другой команде, которой руководил Бесков, — «Спартаке». В команде произошел некоторый раздрай. Бесков обвинил сборников-спартаковцев в том, что они не до конца выкладывались на Олимпиаде, и игроки обиделись на тренера. В итоге второй круг чемпионата СССР был ими провален. В лидеры выбилось киевское «Динамо». Проведя беспроигрышную серию из 20 матчей (едва не повторив рекорд московского «Динамо» 1945 года — 21 матч без поражений), киевляне значительно оторвались от спартаковцев, придя к финишу в гордом одиночестве: у них было 51 очко, у «Спартака», взявшего серебряные медали, — 45. Олег Блохин, которого Бесков не взял в олимпийскую сборную, забил больше всех — 19 голов, всего лишь на 1 гол отстав от лучшего снайпера тогдашнего первенства Сергея Андреева из СКА (Ростов-на-Дону), который, как мы помним, и на Олимпиаде был лучшим «забивалой» с 5 мячами.

Что касается Федора Черенкова, то он в том чемпионате-80 провел 31 игру и забил 6 мячей (еще восемь он забил в матчах Кубка СССР, где «Спартак» в финальной «пульке» прошел ЦСКА (2:0), «Арарат» (1:0), но уступил «Шахтеру» (0:1), который в итоге и взял кубок, обыграв тбилисское «Динамо» (2:1).

В 1980 году Федор Черенков впервые был включен в список 33 лучших футболистов страны в категории «лучший полузащитник». Правда, место у него было 2-е (1-е досталось Леониду Буряку из киевского «Динамо», 3-е — Виталию Дараселии из тбилисского «Динамо»). С этого момента в список

33 лучших Черенков будет попадать регулярно.

Отметим также, что игру в футбол Черенков совмещал с учебой — он, как мы помним, учился в Горном институте (закончит его в 1981 году). Причем поблажек там никто ему не делал, да он и сам их не просил — не тот характер. По его же словам:

«В Горный институт попал по большому счету случайно. Однажды к нам в спартаковскую школу — а я как раз в выпускном классе учился — приехала команда этого вуза. Мы с ними и сыграли. Выиграли — 6:1, и нас всех, проведя небольшой экскурс в горное дело, пригласили туда поступать. Меня в институт физкультуры не тянуло, я хотел чего-то нового и более интересного. И решился. Кстати, единственный. А уж если поступил, то учиться надо по-настоящему. И я не уходил в академические отпуска и закончил институт за пять лет — с 76-го по 81-й. С однокурсниками связь сохранил.

Как-то раз Бесков даже отпустил меня на экзамен с игры «Спартак» — «Динамо» (Киев). Обычно у меня экзамены с матчами не совпадали, а тут случилась такая неприятность. Константин Иванович сказал, что могу ехать сдавать и ничего страшного нет. В те годы с этим было жестко — по звонку ничего не сделаешь. Сдал экзамен, еду к ребятам в общежитие. Такси на радостях поймал — так-то обычно на троллейбусе добирался. Попросил водителя включить радио и услышал, что мы победили — 2:1. Можно было праздновать сразу два события!

Диплом назывался — «Смоло-инъекционное упрочнение горных пород». Писал его и на базе, и дома, и в общежитии. К этому времени большинство преподавателей уже знало, что я еще и футболист. Сам никому не говорил. Но поблажек на экзаменах мне в любом случае не делали. Не сказать, чтобы я был отличником или хорошистом, но «хвостов» не было.

Считаю, что учеба в Горном мне очень помогла. Я получил жизненный опыт, встретился с людьми, которые живут более прозаичной жизнью. Крепость духа, которую почерпнул у них, помогала и помогает мне в самые тяжелые моменты. Хотя характера мне хватает не всегда. Вот, скажем, опять начал курить, хотя и бросал. Пост соблюдать не могу. Наверное, слабохарактерен. Надо бороться с чревоугодием, но до конца не получается…»

И снова вернемся к футболу и послушаем мнение Олега Романцева о герое нашего рассказа:

«Скажу о том, чего с трибуны не увидишь. Прежде всего необходимо отметить поразительную скромность Федора Черенкова. Мне кажется, что он стесняется своей огромной славы,

при первой возможности старается уйти в тень. Только на поле он невольно оказывается в центре внимания.

Черенков интересен во всех отношениях, в любом деле стремится докопаться до истины, понять каждую мелочь, разобраться до конца. В разговорах Федор нередко высказывает такую точку зрения, которая тебе и в голову не приходит, кажется просто парадоксальной. Но вдумаешься, посмотришь на нее комплексно и убедишься в том, что она оказывается самой верной.

Так и в игре. Его действия со стороны иногда выглядят нелогичными, но, как показывают дальнейшие события, оправданны. Более дисциплинированного, порой до педантизма, футболиста лично я не встречал. Не припомню случая, когда Черенков не то чтобы опоздал к отбою, на тренировку, в автобус, на поле, но просто пришел последним…»

Тем временем в чемпионате 1981 года острой борьбы за лидерство не получилось. Динамовцы Киева с самого старта взяли такой темп, который оказался явно не под силу всем другим участникам, хотя некоторые из них, например «Спартак» и тбилисское «Динамо», показывали неплохую игру. Но киевляне даже их обыграли: спартаковцев дважды (2:0, 2:1), тбилисцев единожды (1:0, 1:3). В итоге уже к концу первого круга подопечные Валерия Лобановского настолько оторвались от своих преследователей, что вопрос о чемпионстве практически был решен. Киевляне набрали 53 очка, спартаковцы 46, тбилисцы 42.

«Спартак» второй раз подряд завоевал серебряные медали и на фоне остальных московских команд выглядел гораздо предпочтительнее (места с 4-го по 6-е заняли столичные клубы «Динамо», «Торпедо» и ЦСКА). Федор Черенков сыграл в чемпионате-81 32 матча и забил 4 мяча (еще один мяч был забит им в Кубке СССР, где «Спартак» дошел до финала, победив перед этим донецкий «Шахтер» (1:0), киевское «Динамо» (3:0), харьковский «Металлист» (0:0, по пенальти 4:2). Финальная игра, собравшая в Лужниках 82 тысячи зрителей, завершилась победой ростовчан с минимальным счетом 1:0 (гол на 84-й минуте забил С. Андреев).

В списке 33 лучших футболистов страны Черенков на этот раз оказался под № 3.

В 1981 году Черенкова ни разу не привлекли к играм за первую сборную СССР, хотя главным тренером там по-прежнему был наставник «Спартака» Константин Бесков. Но видимо, он был не слишком доволен игровыми кондициями своего подопечного, хотя всегда хорошо к нему относился. Впрочем, не лучше была ситуация в этом плане и в следующем, 1982 году, когда Черенков

лишь однажды надел на себя майку игрока сборной СССР. Случилось это в самом начале года — 10 марта, когда в Афинах наша сборная играла товарищескую игру с командой Греции. Советские футболисты победили 2:0, причем один гол под занавес первого тайма (на 39-й минуте) забил Черенков (второй был на счету Леонида Буряка). Казалось бы, наш герой оправдал оказанное ему доверие и имеет хорошие шансы на то, чтобы его взяли на чемпионат мира в Испанию летом того же года. Но не тут-то было.

В заявочный список можно было включить двадцать два футболиста, но Бесков решил взять всего лишь семнадцать. В последний момент он «отцепил» от команды Олега Романцева, Виктора Чанова, Вадима Евтушенко, Николая Федоренко и… Федора Черенкова. По словам одного из «отцепленных» — В. Евтушенко:

«Посчитали, что в коллективе будет слишком много недовольных. Вместе с тем на чемпионат мира отправилось пять тренеров — трое главных и Логофет с Федотовым, которые с Бесковым работали. Взяли еще кого-то из КГБ… Видимо, бюджет спорткомитета не позволял лишних растрат, и решили «отцепить» некоторых футболистов.

Странным выглядел тот факт, что Бесков не взял на чемпионат своего «любимчика» Федора Черенкова. Тогда хорошо проявляли себя Юрий Гаврилов, еще один игрок Бескова, и Давид Кипиани из тблисского «Динамо». Но последнего тоже «отцепили» — чтобы свободно себя чувствовал Гаврилов! Бесков еще говорил: если не знаете, что делать с мячом, — отдайте его Гаврилову. Разумеется, по этой причине возникали разногласия, поскольку не взять на ЧМ Кипиани, который выиграл с «Динамо» Тбилиси Кубок кубков, было непонятным и странным решением Бескова…»

Так что за перипетиями того чемпионата Черенков наблюдал по телевизору. Но радости ему это почти не доставило. Наши сразу проиграли бразильцам (1:2), выиграли у новозеландцев (3:0), сыграли вничью с шотландцами (2:2), обыграли бельгийцев (1:0) и сыграли вничью в решающем матче с поляками (0:0). В итоге, недобрав нужных очков, сборная СССР прекратила борьбу, а поляки прошли дальше (они завоюют бронзовые медали).

Между тем в чемпионате СССР 1982 года Черенков выглядел прекрасно. Тот турнир прошел в остром соперничестве прошлогодних призеров (киевского «Динамо», «Спартака» и тбилисского «Динамо»), а также динамовцев из Минска. Причем минчане начали чемпионат очень уверенно и после первого круга возглавили турнирную таблицу. Поэтому прошлогодним

призерам пришлось засучить рукава и догонять дерзких минчан. Но в ходе этой гонки не все выдержали ее темп. Первыми сдались тбилисцы, затем сдал свои позиции «Спартак», и лишь киевляне продолжили преследование. И концовка чемпионата выдалась на редкость интригующей.

Минчане два своих последних матча должны были проводить в Москве — против «Динамо» и «Спартака», киевляне — в Тбилиси и Ереване. Разрыв между ними к этому времени составлял всего лишь одно очко. Минчане свой первый матч выиграли достаточно легко и мощно (7:0), однако и их визави без каких-либо проблем одолели ереванцев (5:1). В итоге матч между минчанами и спартаковцами приобрел решающее значение — гостям необходимо было его выиграть. Что они и сделали со счетом 4:3 и завоевав золотые медали первенства. Кстати, по поводу этого «золота» уже тогда будут ходить различные кривотолки. Какие? Многие специалисты сомневались в том, что оно было завоевано честно, что москвичи помогли минчанам заработать очки и обойти киевлян. Якобы сам Бесков признался в том, что нарочно проиграл минскому «Динамо» назло Лобановскому, дескать, тот договорных матчей играл не меньше. Игрок киевского «Динамо» Вадим Евтушенко по этому поводу чуть позже скажет следующее: «Вокруг этих игр в Москве было много шума. Я не исключаю возможности, что минчане могли победить и московское «Динамо» и «Спартак» в честной борьбе. Но победить в Москве, в манеже — это из разряда вон! Во-первых, москвичи приспособлены были намного лучше к искусственному покрытию, во-вторых — команды, приезжающие в гости, просто-напросто не знали, в чем играть. Обуви толком нормальной не было. Кто-то выходил в кроссовках, кто-то — в бутсах. Хотя в бутсах играть было невозможно — резиновые шипы мешали, да они и стирались быстро. Вот поэтому подозрения были основательные…»

«Спартак» в сезоне-82 завоевал бронзовые медали, отстав от «серебряных» киевлян на 5 очков (41 против 46), а от «золотых» минчан на 6 очков. По сути, это был шаг назад, ведь в прошлом сезоне подопечные Бескова завоевали серебряные медали. Судя по всему, на игре спартаковцев отразилось сразу несколько факторов: участие многих футболистов «Спартака» и их старшего тренера в чемпионате мира — 82, а также в розыгрыше Кубка УЕФА, где «Спартак» в сезоне 1981/82 дошел до одной шестнадцатой финала и уступил по сумме двух встреч западногерманскому «Кайзерслаутерну» (2:1, 0:4).

В чемпионате-82 Черенков провел 33 матча и забил 10 мячей (еще один мяч он забил в игре на Кубок СССР, где «Спартак»

выбыл из борьбы на ранней стадии, проиграв смоленской «Искре» 1:0).

Черенков отметился голом и в играх на Кубок обладателей кубков, где «Спартак» провел шесть матчей. Он сумел пройти в одной тридцать второй финала английский «Арсенал» (3:2, 5:2 — один гол забил Черенков), голландский «Хаарлем» (2:0, 3:1), но уступил испанской «Валенсии» (0:0, 0:2).

В списке 33 лучших футболистов страны Черенков оказался под № 2.

Рассказывает журналист А. Нилин: «Об игре Черенкова написано и сказано немало. Наверное, не будет преувеличением сказать, что Федор был олицетворением футбольной чистоты, прямо-таки футбольной святости. Практически все игроки того состава от Дасаева до Родионова периодически подвергались обструкции со стороны болельщиков и журналистов. Все, кроме Черенкова (кстати, болельщики дали ему прозвище «царь Федор». — *Авт.*). Когда говорят, что десятка «Спартака» была его мозговым центром, это больше чем просто оценка его игры. «Спартак» начала и середины 80-х играл в странный, немножко инфантильный, но очень привлекательный футбол. Вся команда Бескова исполняла какой-то старомодный танец на поле — длинные веерные атаки, с большим количеством передач и потрясающей на общем фоне культурой паса, яркие, умные комбинации и, конечно, фирменные «стеночки», доведенные, как говорил один из известных пианистов, «до абсурда». Не выдерживая удушающего прессинга, «Спартак» «ломался» в прямом и переносном смысле перед немцами и французами — командами темповыми, жесткими и мощными, но зато как же красиво Черенков и компания расправлялись с консервативными англичанами, раз за разом, вспарывая оборону прямо по центру!..»

Тем временем в чемпионате СССР 1983 года сенсацию произвела еще одна периферийная команда — днепропетровский «Днепр», который, следуя примеру динамовцев из Минска, взял «золото» всесоюзного первенства. Причем весь первый круг он шел вровень с несколькими командами-фаворитами, но во втором круге вместе со «Спартаком» совершил резкий рывок, который позволил им опередить своих конкурентов. И за четыре тура до конца чемпионата «Днепр» опережал «Спартак» на 2 очка. Но затем днепропетровцы неожиданно уступили одесскому «Черноморцу», что давало шанс подопечным Бескова догнать лидера. Однако «Спартак» упустил эту возможность, проиграв на своем поле прошлогоднему чемпиону — минскому «Динамо». Кстати, это поражение развенчивало легенду о прошлогоднем

договорняке между спартаковцами и минчанами. Ведь если бы он имел место быть, то теперь, по логике таких договорняков, минчане должны были «вернуть должок» — уступить москвичам. Но этого не произошло, что стоило «Спартаку» чемпионства.

В последнем туре «Спартак» и «Днепр» встречались между собой. Матч проходил в Днепропетровске, поэтому с самого начала хозяева завладели инициативой. Причем действовали так активно, что очень быстро повели в счете — 2:0. Но красно-белые не собирались уступать игру без боя. Несмотря на то что буквально накануне они провели сложный матч в одной шестнадцатой Кубка УЕФА с английской «Астон Виллой» и победили 2:1 (оба гола забил герой нашего рассказа — Федор Черенков), они сумели мобилизоваться, перехватили инициативу и сумели сравнять счет. Однако на большее их не хватило. В концовке игры хозяева предприняли решительный штурм ворот спартаковцев и дважды добились успеха — 4:2. Так «Днепр» впервые в истории стал чемпионом СССР.

Черенков в чемпионате-83 провел 33 матча и снова забил 10 голов. Еще один мяч он записал на свой счет в играх на Кубок СССР, где его «Спартак» обыграл симферопольскую «Таврию» (3:2 в добавленное время), но затем уступил донецкому «Шахтеру» (2:3) и выбыл из турнирной гонки.

В 1983 году Черенкова вновь стали привлекать к играм за первую и олимпийскую сборные СССР (первую тренировал уже не Константин Бесков, а Валерий Лобановский из киевского «Динамо», олимпийскую — Эдуард Малофеев из минского «Динамо»). В итоге Черенков сыграл в том году за сборную 12 матчей, в том числе и 5 отборочных игр чемпионата Европы — 84. Он забил в этих матчах 5 мячей, причем два из них выпали на отборочную игру ЧЕ-84 (против португальцев, где мы победили 5:0) и два на «отбор» ОИ-84 (против венгров (1:0) и греков (3:1).

Короче, он в том году был буквально нарасхват (не случайно в списке 33 лучших футболистов страны он впервые оказался под № 1), из-за чего очень сильно устал и серьезно подорвал свое здоровье. Вратарь «Спартака» Ринат Дасаев вспоминает об этом следующим образом:

«Кроме «Спартака», Черенков выступал еще и за обе сборные — первую и олимпийскую, пересаживаясь из поезда в поезд, из самолета в самолет, меняя футболки и партнеров. Но продолжал играть ярко, умно, точно — «по-черенковски» — в каждом матче.

Я видел, как иногда, приезжая на сборы в Тарасовку из очередной поездки, Федя запирался в комнате и отлеживался, приходя в себя…

В Днепропетровске после матча, проиграв который мы

распрощались с последней надеждой стать чемпионами, нас с Черенковым выбрали для проверки на допинг-контроль. Пройдя необходимые процедуры, мы сидели с ним в раздевалке молча (на разговоры уже не было сил), ожидая автобус, который должен был отвезти нас в гостиницу.

И вдруг Федор, посмотрев на меня каким-то опустошенным взглядом, сказал:

— Ты знаешь, Ринат, мне иногда начинает казаться, что вот-вот наступит момент, когда я просто не смогу выйти на поле.

И грустно, как-то совсем по-стариковски, вздохнул.

Момент этот наступил весной следующего (1984) года.

…«Спартак» вынужденно форсировал подготовку сезона, в начале которого предстояли два труднейших матча Кубка УЕФА с бельгийским «Андерлехтом». Работали помногу, торопя время, стремясь как можно скорее обрести боевую форму. До этого Черенков успел уже в сборной пару нелегких недель провести — кроссов побегать, со штангой позаниматься. И не выдержал.

В Тбилиси перед новой встречей с бельгийцами неожиданно выяснилось, что в игре он принять участие не сможет. Диагноз врачи установили довольно быстро — перенапряжение.

Мне, как и всем, было искренне жаль Федора, на чьи плечи свалилась такая непомерная нагрузка, справиться с которой его организм оказался не в состоянии. Наверное, на его месте другой, чувствуя нарастающую усталость, в какие-то моменты придержал бы себя, поберег силы, играл бы, как иногда говорят в футболе, «вполоборота». Но подобные мысли даже не возникали у Федора. Слишком уж он любил футбол, свято веря, что отдавать ему нужно все…»

Черенков лечился больше месяца, пропустив не только матчи в сборной, но и в «Спартаке». Однако красно-белые снова завоевали серебряные медали чемпионата-84, не сумев догнать ленинградский «Зенит» (он оторвался всего на 2 очка). Черенков в том сезоне сыграл 25 матчей и забил 8 голов. Еще один гол был на его счету в Кубке СССР, где «Спартак» обыграл смоленскую «Искру» (1:0) и ростовский СКА (1:0), но уступил воронежскому «Факелу» (0:2) и выбыл из турнира.

Еще три мяча Черенков забил в играх на Кубок УЕФА, где «Спартак» обыграл финский ХИК (2:0, 5:0 — один гол Черенкова), английскую «Астон Виллу» (2:2, 2:1 — оба гола на счету Черенкова), чехословацкую «Спарту» (1:1, 2:0), но уступил в одной четвертой финала бельгийскому «Андерлехту» (2:4, 1:0).

В списке 33 лучших футболистов страны Черенков на этот раз оказался под № 3.

Сезон 1985 года «Спартак» начал без двух своих ведущих

игроков — полузащитника Сергея Шавло и нападающего Юрия Гаврилова. Оба пришли в команду вместе с К. Бесковым — в 1977 году, то есть восемь сезонов назад, но теперь вынуждены были покинуть команду. Однако красно-белые, несмотря на эти потери, снова завоевали серебряные медали. Причем опять главным его конкурентом в чемпионской гонке стало киевское «Динамо», к руководству которого вернулся Валерий Лобановский. Но спартаковцев подвела неровная игра. С одной стороны, они одержали наибольшее количество побед с крупным счетом (целых одиннадцать), а с другой — целый ряд игр провели бесцветно, без привычного для них огонька. Но спартаковцы забили больше всех — 72 мяча (чемпионы-киевляне — 64), в 16 матчах не пропустили ни одного гола, потерпели меньше всех поражений. Как было написано в одном из спортивных изданий: «По-прежнему «Спартак» радовал красивой комбинационной, сугубо игровой манерой действий, в основу чего было положено в первую очередь высокое техническое мастерство».

В том сезоне Бесков заметно обновил команду — в «Спартаке» фактически происходила смена поколений. Причем проходила она не слишком гладко, поскольку в финансовом отношении команда находилась в стесненном положении. С середины 80-х ни один из руководителей Министерства гражданской авиации, взявшего шефство над командой, не появлялся на ее матчах. Спартаковцы варились в собственном соку, удерживаясь в числе призеров лишь благодаря сознательности и энтузиазму ведущих игроков, а также строгой дисциплине, которую установил в команде Бесков. И в этих стесненных условиях, да еще при смене поколений, «Спартак» умудрился вновь взять 2-е место. При Бескове это было уже 5-е «серебро» спартаковцев (1980, 1981, 1983, 1984, 1985). Учитывая, что в 1982 году команда завоевала еще и «бронзу», можно с уверенностью сказать, что при Бескове «Спартак» был сильнейшим и самым стабильным в плане завоевания высоких наград клубом в СССР. А среди московских команд вообще сильнейшим.

Заметим, что в эти же годы киевское «Динамо» занимало и 7-е, и даже 10-е место в чемпионатах СССР, московское «Динамо» — и 10-е, и 14-е, и 15-е места. «Торпедо» побывало на 9-м, «Днепр» — на 11-м месте, тбилисское «Динамо» — на 14-м и 16-м местах. А «Спартак» на протяжении семи (!) лет не спускался ниже 3-го!

Что касается Федора Черенкова, то он в чемпионате-85 сыграл 33 матча и забил рекордное для себя количество мячей — тринадцать. Плюс два гола забил в Кубке СССР. И еще три мяча были на его счету в Кубке УЕФА, где «Спартак» дошел до одной

восьмой финала. А перед этим он прошел финский «Турун Паллосуеру» (1:0 — гол забил Черенков, 3:1) и бельгийский «Брюгге» (1:0 — гол забил Черенков с пенальти, 3:1). Но затем в соперники спартаковцам попались французы из «Нанта» и одолеть их они не смогли (0:1, 1:1 — гол у нас забил Черенков).

В списке 33 лучших футболистов страны в сезоне-85 Черенков был удостоен № 1, чего с ним не случалось с 1983 года.

Отметим, что в 1985 году Черенков был возвращен в состав первой сборной СССР (ее тренировал Эдуард Малофеев), где провел шесть матчей и забил два гола. Отметился он результативностью в домашних играх против румын (2:0) и ирландцев (2:0). Все игры были товарищескими, а вот в отборочных играх чемпионата мира — 86 Черенков, увы, результативностью не блеснул. Хотя наша сборная выступила вполне успешно и завоевала путевку на мировой мундиаль. Однако героя нашего рассказа опять туда не взяли. Команду тогда снова возглавил Валерий Лобановский, которому Федор Черенков, этакий романтик от футбола, оказался не к месту. Да и его проблемы со здоровьем тренера смущали. Вместо Черенкова на мировое первенство отправились киевские динамовцы Яковенко, Евтушенко, Заваров, Беланов, Яремчук — те, кого Лобановский наигрывал в киевском «Динамо». Наигрыш, увы, не помог — наши дошли до одной восьмой финала, где уступили бельгийцам 3:4 в дополнительное время (хет-трик у нас сделал Беланов). Как напишет чуть позже журналист А. Нилин:

«Федора Черенкова недооценивали тренеры, но это компенсировалось любовью болельщиков. Все-таки удивительный человек Федор Черенков. Футболист с настолько несчастливой футбольной судьбой, тот, кто по своему футбольному интеллекту и пониманию игры просто обязан был оказаться в сборной, не попал в нее. И что еще более обидно — это непопадание не стало для сборной роковым, наоборот, именно эпоха 80-х стала для советского футбола последним на сегодня триумфом.

Хотят ли болельщики красно-белых или не хотят, но, пока Черенков блистал в чемпионате СССР, сборная без него достигла, пожалуй, наиболее высокого уровня игры за все время существования. Достигла без Черенкова. Механизм игры Лобановского был тогда настолько отточен, выверен и доведен до автоматизма, что Черенков, свободный художник в «Спартаке», не мог быть полезен киевлянам. И если вначале Лобановский пытался ввести Черенкова в состав, то после незаслуженной отставки 1983 года и возвращения в сборную в 1986 году Валерий Лобановский не испытывал особых иллюзий о «совместимости» Черенкова и сборной.

Он не вписывался в рамки игровых заданий и функций, выполнявшихся, к слову, на высочайшем уровне. Утешением для «спартачей» станет разве что упоминание Давида Кипиани, чья судьба также разошлась с судьбой главной команды страны. С другой стороны, в сборную Лобановского гармонично вписались игроки более функциональные — Алейников, Гоцманов, Сулаквелидзе, Дасаев. И наконец самое главное — команда выдавала результат, как на клубном уровне, так и на уровне сборных, — то, чего «Спартак» добиться не мог…»

А вот еще одна характеристика от А. Нилина на героя нашего рассказа: «В середине 80-х, на фоне всеобщего упадка, когда три-четыре точных паса подряд считались показателем класса, а игрок, обладавший умением выдать точную передачу, причем последняя передача вообще ценилась на вес золота, Черенков выглядел эдаким вундеркиндом. Он никогда не бил сильно, все голы, забивая мягко, предпочитая либо несильно бить низом, либо перебрасывать мяч через вратаря. Его голы «Астон Вилле» — это золотой фонд «Спартака» и бразильцам на «Маракане» — золотой фонд сборной. Черенков умел делать на поле ту работу, которая была под силу лишь единицам. Но главное, за что его любили, без преувеличения, безумно, — он дирижировал на поле незаметно и скромно, беззаветно и искренне. Когда в еврокубковом матче с АЕКом его удалили с поля, большего гнева болельщиков нельзя было представить: как, удалить с поля Федю, да ведь он же мухи не обидит, его самого надо защищать! Наверное, футбольная искренность — лучший термин для описания игры Черенкова…»

В сезоне-86 «Спартак» откатился на ступеньку назад — занял в чемпионате СССР 3-е место, чего не случалось с ним с 1982 года, — чемпионом страны вновь стало киевское «Динамо», а «серебро» на этот раз досталось их одноклубникам из Москвы. Федор Черенков сыграл всего 22 матча и забил 8 голов (плюс один в Кубке СССР). Это был неудачный для него сезон — он даже впервые за последние годы не попал в список 33 лучших футболистов страны.

Зато в следующем сезоне (1987) преобразилась не только игра Черенкова, но и всего «Спартака». Красно-белые захватили лидерство практически с первых же туров. Правда, соперники весь чемпионат буквально дышали им в затылок, из-за чего их отрыв от лидера составлял всего лишь 2 очка. Особенно тяжело пришлось «Спартаку» после второго тура, когда он сыграл свою последнюю «лимитную» ничью. Следовавший по пятам «Днепр» отставал от спартаковцев всего на 1 очко. Короче, лидерство «Спартака» висело на волоске. Но красно-белые проявили

характер, которого им порой так не хватало в прошлом году. Они одержали пять побед подряд, в том числе и над такими грозными соперниками, как киевское «Динамо» (на его поле) и «Торпедо». Впрочем, в одном матче подопечные Бескова все же споткнулись — против ереванского «Арарата». Но «Днепр» к тому времени отставал от лидера уже не на 1 очко, а на 4.

Судьба золотых медалей решилась в предпоследнем туре, где соперником «Спартака» была «Гурия» из Ланчхути. Последняя уже не могла изменить свою судьбу — она вылетала из высшей лиги — и, по сути, могла не сопротивляться. Но надо отдать должное футболистам из Ланчхути, они решили дать настоящий бой москвичам, причем на их же поле. Чего спартаковцы явно не ожидали. В итоге почти до конца матча на табло красовались цифры 0:0. Однако желание спартаковцев победить было столь велико, что они за пять минут до финального свистка все-таки забили победный гол.

Черенков сыграл в том чемпионате 27 игр и забил 12 мячей. А в списке 33 лучших футболистов страны, на позиции полузащитника фигурировал под № 1. Самое интересное, но в сборную СССР Лобановский опять его не позовет, предпочтя ему «своих», то есть киевлян. И даже когда год спустя, в сентябре 1988 года, тренер все же изменит свое мнение и выставит Черенкова на гостевую игру против команды ФРГ, Черенков будет заменен на 46-й минуте киевлянином Василием Рацем (наши проиграют 0:1).

Спустя два месяца после этого закончится чемпионат СССР, в котором «Спартак» займет всего лишь 4-е место. Черенков проведет в чемпионате 30 игр, но забьет всего лишь 3 мяча (плюс один гол в Кубке СССР). Это был самый низкий его показатель за минувшие годы. Впрочем, боссы «Спартака» обвинили тогда в неудаче команды не его, а главного тренера Константина Бескова, который находился у руля команды вот уже 12 лет (1977–1988). История выглядела некрасиво. Руководители команды подбили нескольких игроков (в том числе и Черенкова) выступить с требованием отправить заслуженного тренера на пенсию (в ноябре 1988 года Бескову исполнилось 68 лет, в то время как начальнику команды Н. Старостину было… 86 лет!). Противоестественнее всего в этом ряду игроков смотрелся Черенков, который считался любимчиком Бескова. Тем более что в списке футболистов на отчисление, который составил Бесков, фамилии Черенкова не было. Сам футболист вспоминает об этом следующим образом:

«Конфликта особого не было, была какая-то общая неуверенность. Бесков сначала подал заявление об уходе, потом забрал его обратно. А потом он уехал отдыхать и просто оставил

список тех игроков, которых он хочет поменять, отчислить. Там было восемь человек основного состава. И список двадцати двух новых игроков, которых он хочет взять. Встал вопрос: либо ребята, либо тренер. Отношения натянулись. И Бескову пришлось уйти. Он очень переживал это.

Я немного стеснялся того, что встал на сторону ребят. Через некоторое время мы все ездили к Бескову домой, объяснялись…

Константин Иванович ни разу не дал мне понять, что он обижен на меня за то, что я выступил на стороне игроков. Наши отношения не изменились. Как-то после ухода из «Спартака» Константин Иванович вместе с водителем ехал на стадион «Локомотив», а я шел туда пешочком. Бесков притормозил: «Федор, как дела? Садись, подвезу…»

Новым тренером «Спартака» стал Олег Романцев, который в первый же год работы с командой привел ее к золотым медалям чемпионата СССР (1989). Черенков в том сезоне провел 28 игр и забил 7 мячей. Но в следующем году в игре красно-белых наступил спад и они довольствовались лишь 5-м местом. А Черенков, проведя всего 11 игр, забил… один гол. А тут еще его в очередной раз «прокатили» с включением в сборную, которая отправилась на чемпионат мира в Италию (и это несмотря на то, что в предварительных играх Черенков сыграл 8 матчей, правда, голами не отметился). Чуть позже, когда сборная СССР на мундиале с треском провалится (в трех матчах потерпит два поражения и сойдет с дистанции), многие специалисты посетуют: вот если бы Лобановский взял Черенкова…

Неудовлетворенность оттого, что у него не ладится игра в «Спартаке», а также «пролет» мимо ЧМ вынудили Черенкова искать удачи за границей. Отметим, что в те годы советским спортсменам стало легче заключать контракты за рубежом (даже членам партии, каковым являлся наш герой), поэтому желание Черенкова было естественным. И в 1990 году он уехал (вместе со своим одноклубником Сергеем Родионовым) играть во французскую команду «Ред стар» (Париж). Но и там игра у него не заладилась. Вот как он сам вспоминает об этом:

«Мы с Сережей Родионовым хотели играть вместе, и нам хотелось попробовать себя в зарубежном футболе. Раз уж заканчиваешь играть в футбол — хоть заработать что-то себе. Игра у меня там не сложилась. Очень тяжелым для меня был тот год. Я отыграл четыре месяца, а Сережа без меня играл там еще три года. Он забивал голы, а на моем счету был всего лишь один гол. На Новый год мы приехали с Сергеем в Москву, и Николай Петрович Старостин сказал: «Они говорят, мол, ты можешь не возвращаться во Францию». И я остался дома, в «Спартаке»… Я

очень устал от этой Франции…

Когда я приехал оттуда, у меня было 50 тысяч долларов. При этом команда не была в элите, только ставила перед собой высокие цели. Мне заплатили за год, хотя контракт у меня был подписан на три года…»

Итак, в самом конце 1991 года Черенков вернулся на родину. А спустя несколько недель распался СССР.

1992 год Черенков пропустил: травмы, болезнь. «Спартак» тогда завоевал в чемпионате России золотые медали, и руководство команды приняло решение материально помогать Черенкову, несмотря на то что он не тренировался и не играл. В те дни прошел слух, что «царь Федор» собирается уходить… в мини-футбол. Но слух так и остался слухом — в декабре 1992 года Черенков приступил к тренировкам в родном «Спартаке». Это сообщение было воспринято болельщиками красно-белых с восторгом.

Последний сезон в «Спартаке» датирован у Черенкова 1993 годом, когда он сыграл 32 матча, забил 6 голов. Тогда красно-белые стали чемпионами России. А 23 августа 1994 года в Москве на стадионе «Динамо» был организован прощальный матч Черенкова, где соперником выступила итальянская «Парма». Генеральным спонсором прощального матча выступила компания МММ, подарив в перерыве матча Федору новый внедорожник Mitsubishi Pajero красно-белой расцветки.

Согласно статистике, Черенков провел в чемпионатах СССР 366 матчей, забил 89 голов. Он — рекордсмен по количеству игр за московский «Спартак» — 515.

В списке 33 лучших футболистов страны Черенков фигурировал 9 раз: № 1 (1983, 1985, 1987, 1989), № 2 (1980, 1982, 1988), № 3 (1981, 1984). В чемпионатах России сыграл 32 матча, забил 6 голов. Всего — 398 матчей, 95 мячей.

В составе сборной СССР провел 34 игры, на его счету 12 мячей. За олимпийскую сборную СССР сыграл 10 матчей, забил 6 голов. Также за сборную СССР сыграл в 1 неофициальном матче.

В общей сложности за карьеру игрока Черенков провел 542 матча, забил 138 мячей, сделал 136 голевых передач.

В «Футбольной энциклопедии» про Ф. Черенкова написано следующее: «Ведущий игрок «Спартака» (Москва), любимец болельщиков команды. Легкий, пластичный, маневренный, выделялся тонким тактическим мышлением, нестандартными игровыми решениями, виртуозностью и артистизмом исполнения технических приемов. Обладал диспетчерскими способностями, хорошо поставленным ударом с обеих ног. Из-за ограниченных функциональных возможностей не подходил к концепции игры В.

Лобановского и ни разу не попал на ЧМ. Был примером профессионального отношения к футболу…»

А это уже из Википедии: «Черенков — один из немногих игроков, к которому хорошо относятся и которого уважают болельщики других клубов, в том числе болельщики извечных соперников: ЦСКА, «Динамо» (Москва) и «Динамо» (Киев)…»

После завершения карьеры игрока Черенков был на тренерской работе в родном «Спартаке». Впрочем, длилось это не долго. Затем он от тренерской деятельности отошел и стал выступать в отдельных ветеранских командах.

В 1997 году Черенков стал дедушкой: его дочь Анастасия родила на свет девочку. Всего же у Федора было две жены — Настя родилась в первом браке. А вот со второй женой Ириной общих детей у них не было, только приемный сын Денис (сын Ирины от первого брака).

В 2007 году Черенков дал большое интервью «Спорт-экспрессу». Приведем из него небольшой отрывок:

«— Как строится ваш обычный день, если нет игр за ветеранов?

— По-разному. Могу проснуться в три часа ночи, а могу — в восемь утра. Встану, позавтракаю, устрою самостоятельную тренировку. Бывает, вместо тренировки еду в клуб по делам, обедаю… Хотел сказать — «ложусь спать», но сейчас от режима футболиста с дневным сном отхожу. Вместо этого иногда кросс бегаю. Фондом развития футбола имени Родионова и Черенкова нынче меньше занимаюсь, мне помогает Володя Малахов (руководитель фонда. — *Примеч. «СЭ»*). Словом, в первой половине дня у меня «Спартак», а во второй — дом. Хозяйство.

— Во дворе играете?

— В последнее время — почти нет. В ближайшую субботу только съезжу в Перово. Друзья меня в Турнире дворовых команд заявили, говорят: «Давай, Федор, стимулируй подъем футбола». Посмотрим, что получится. Хотели как тренера использовать, но я лучше сам поиграю.

— В вашем дворе дети гоняют мяч?

— Еще как! Меня это так радует! В нашем дворе две школы — одна из них та самая 239-я, в которой я начинал учиться. Она за заборчиком, там хорошая площадка. В выходные и дети бегают, и взрослые. В другой школе, 911-й, дети вообще каждый день играют. И на гандбольной площадке, и на большом поле…»

В 2011 году, по просьбе председателя правления ОАО «Российский банк развития», возобновил тренерскую деятельность, став главным тренером сборной команды банка по футболу. Однако на этой должности он пробыл недолго из-за

серьезных проблем со здоровьем. Как мы помним, эти проблемы начались у него еще в первой половине 80-х. А весной 1984 года у Черенкова диагностировали психическое расстройство — как раз перед выходом на матч с бельгийским «Андерлехтом» (21 марта 1984 года).

Вследствие периодических вспышек болезни яркие сезоны приходились у Черенкова на нечетные годы — 1983, 1987, 1989 — и он не попал ни на один из чемпионатов мира и Европы. Хотя тот же А. Нилин, как мы помним, грешит на тренера сборной Валерия Лобановского.

В начале 2000-х годов приступы депрессии у Черенкова усилились и он дважды пытался покончить жизнь самоубийством, приняв большую дозу успокоительного. Врачи тогда предположили, что все это является следствием частых микротравм головы, полученных при игре в футбол. В течение последующих нескольких лет Черенков периодически лечился стационарно в специализированных лечебных заведениях. Так продолжалось до осени 2014 года.

22 сентября 2014 года Черенков потерял сознание у своего подъезда по адресу улица Саморы Машела, д. 4, корп. 3. Была вызвана «скорая помощь», которая доставила футболиста в ближайшую больницу. Сначала врачи диагностировали у Черенкова прободение язвы желудка, а после более тщательного обследования сошлись во мнении, что у него гипотония неясного генеза. Спасти спортсмена не удалось. В 7:48 утра 4 октября 2014 года наступила смерть. Ее предположительная причина — опухоль головного мозга.

Гражданскую панихиду, состоявшуюся 7 октября в манеже в Сокольниках, посетили около 13,5 тысячи человек. Похоронили легендарного футболиста на Троекуровском кладбище. 12 октября 2015 года торжественно был установлен памятник около стадиона «Открытие Арена». Его Южная трибуна теперь носит имя Федора Черенкова.

Свет погасших звезд
Футбольный мартиролог

1970

Николай Палыска — игрок «Спартака» (Москва; 1937), «Металлурга» (Москва; 1938–1939), «Динамо» (Москва; 1940–1944), ЦДКА (Москва; 1944–1945), «Пищевика» (Москва; 1947), «Локомотива» (Москва; 1948–1949); чемпион СССР (1940); скончался 25 января на 58-м году жизни;

Дмитрий Шаповалов — игрок «Динамо» (Москва; 1954–1961); чемпион СССР (1957, 1959); трагически погиб на 36-м году жизни.

1971

Шота Яманидзе — игрок «Динамо» (Тбилиси; 1955–1967, капитан — 1961–1966); чемпион СССР (1964); погиб в автокатастрофе 15 октября на 35-м году жизни;

Владимир Лисицын — игрок «Кайрата» (Алма-Ата; 1960–1963, 1966), «Спартака» (Москва; 1964–1965, 1967–1969), «Спартака» (Семипалатинск; 1970–1971), олимпийской сборной СССР (1964); трагически погиб на 33-м году жизни.

1972

Вадим Синявский — спортивный радиокомментатор (1924–1972); скончался 3 июля на 67-м году жизни;

Евгений Фокин — игрок «Динамо» (Москва; 1930–1944); чемпион СССР (1937, 1940), обладатель Кубка СССР (1937); скончался 12 ноября на 64-м году жизни;

Александр Петров — игрок ЦДСА (Москва; 1950–1952, 1954–1958); чемпион СССР (1950–1951), обладатель Кубка СССР (1951, 1955); скончался на 47-м году жизни.

1973

Александр Пономарев — игрок «Торпедо» (Москва; 1941–1950), «Шахтера» (Донецк; 1951–1952), тренер сборной СССР по футболу, занявшей 2-е место на чемпионате Европы — 72 и 3-е место на Олимпиаде-72; скончался 7 июня на 56-м году жизни; похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве (43-й участок);

Виктор Набутов — игрок (вратарь) «Динамо» (Ленинград; 1936–1937, 1940–1948); спортивный радиокомментатор, по популярности, образности языка был в одном ряду с Вадимом Синявским и Николаем Озеровым; скончался 19 июня на 57-м году жизни;

Виктор Чистохвалов — игрок «Спартака» (Москва; 1940), ЦДКА (Москва; 1941–1943, 1947–1952), МВО (Москва; 1944–1946), ВВС (Москва; 1952–1953); чемпион СССР (1947–1948, 1950–1951), обладатель Кубка СССР (1948, 1951); скончался 3 сентября на 53-м году жизни;

Вадим Степанов — игрок «Кайрата» (Алма-Ата; 1960–1967, капитан — 1964–1967); скончался на 37-м году жизни.

1974

Иван Кочетков — игрок ЦДКА (Москва; 1937, 1944–1950), «Торпедо» (Москва; 1938–1940), «Спартака» (Москва; 1941); чемпион СССР (1946–1948), обладатель Кубка СССР (1945, 1948); скончался 20 января на 60-м году жизни;

Григорий Тучков — игрок «Спартака» (Москва; 1937–1942, 1944), ЦДКА (1945–1946); чемпион СССР (1938–1939), обладатель Кубка СССР (1938–1939); скончался 28 марта, спустя две недели после своего 61-летия;

Анатолий Кожемякин — игрок «Динамо» (Москва; 1970–1974), сборной СССР (1972–1973); трагически погиб 13 октября на 22-м году жизни.

1975

Виктор Аничкин — игрок «Динамо» (Москва; 1959–1972), сборной СССР (1964–1968); чемпион СССР (1963), обладатель Кубка СССР (1967, 1970); скончался 5 января на 34-м году жизни;

Борис Набоков — игрок «Металлурга» (Москва; 1936–1939), ВМС (Москва; 1946–1947); тренер «Пахтакора» (Ташкент; 1964), олимпийской сборной СССР (1972); скончался 16 января на 63-м году жизни;

Виктор Тетерин — игрок «Динамо» (Москва; 1928–1938), сборной СССР (1935); чемпион СССР (1936–1937), обладатель Кубка СССР (1937); скончался 29 сентября на 70-м году жизни;

Аугустин Гомес — игрок «Торпедо» (Москва; 1947–1954, капитан — 1951–1953), сборной СССР (1952); обладатель Кубка СССР (1949, 1952); скончался 16 ноября на 53-м году жизни;

Виктор Семенов — игрок «Торпедо» (Москва; 1933–1936), «Спартака» (Москва; 1937–1947), «Крыльев Советов» (Москва; 1941); чемпион СССР (1938–1939), обладатель Кубка СССР (1938–1939); скончался 16 ноября на 61-м году жизни.

1977

Виктор Маслов — игрок «Торпедо» (Москва; 1931–1940, капитан — 1936–1939); тренер «Торпедо» (Москва; 1942–1945, 1946–1948, 1952–1953, 1957–1961, 1971–1973, обладатель Кубка СССР — 1952, чемпион СССР и обладатель Кубка СССР — 1960, обладатель Кубка СССР — 1972), «Динамо» (Киев; 1964–1970, чемпион СССР и обладатель Кубка СССР — 1966, чемпион СССР — 1967–1968), «Арарата» (Ереван; 1975, обладатель Кубка СССР — 1975); скончался 11 мая, спустя месяц после своего 67-летия;

Василий Павлов — игрок «Динамо» (Москва; 1927–1939), сборной СССР (1930–1935); чемпион СССР (1936); скончался 1 июля на 71-м году жизни.

1978

Всеволод Радикорский — игрок «Динамо» (Москва; 1937–1948); чемпион СССР (1940, 1945); скончался 8 января на 63-м году жизни;

Хамид Рахматуллаев — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1960–1970); скончался после автокатастрофы 17 апреля на 37-м году жизни;

Иван Щербаков — игрок «Динамо» (Москва; 1937–1939), «Динамо» (Минск; 1940), ЦДКА (Москва; 1941–1947), ВВС (Москва; 1948); чемпион СССР (1946), обладатель Кубка СССР (1945); скончался 1 июня на 61-м году жизни;

Олег Моторин — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1956–1964); скончался 26 августа на 42-м году жизни;

Михаил Семичастный — игрок ЦДКА (Москва; 1932–1935), «Динамо» (Москва; 1936–1950, капитан — 1945–1946, 1948); чемпион СССР (1936–1937, 1940, 1945, 1949), обладатель Кубка СССР (1937); тренер «Динамо» (Москва; 1952–1953); скончался 30 августа на 68-м году жизни;

Борис Казаков — игрок «Крыльев Советов» (Куйбышев; 1960–1963, 1967–1971, капитан — 1967–1971), ЦСКА (Москва; 1964–1966), сборной СССР (1965–1966); главный тренер «Торпедо» (Тольятти; 1977–1978); трагически погиб 25 ноября, спустя 19 дней после своего 38-летия;

Иван Станкевич — игрок «Локомотива» (Москва; 1936–1939), «Динамо» (Москва; 1940–1948); чемпион СССР (1940, 1945); скончался 28 ноября на 65-м году жизни.

1979

Абрам Лерман — игрок «Динамо» (Киев; 1940–1941, 1944–1955, капитан — 1949–1950); скончался 1 апреля на 57-м году жизни;

Всеволод Бобров — игрок ЦДКА (1945–1949), ВВС (1950–1953); чемпион СССР (1946–1948), обладатель Кубка СССР (1945, 1948); хоккеист, игрок ЦДКА (1945–1949, 1953–1957), ВВС (1949–1953); чемпион мира (1954, 1956), Европы (1954–1956) по хоккею, Олимпийских игр (1956), тренер хоккейных команд: ВВС (1951–1953), московского «Спартака» (1964–1967), сборной СССР (1972–1974); в футболе тренировал ВВС, «Черноморец» (Одесса), «Кайрат» (Алма-Ата), ЦСКА; скончался 1 июля на 57-м году жизни;

Алексей Лапшин — игрок «Динамо» (Москва; 1930–1944), сборной СССР (1933, 1935); чемпион СССР (1936–1937, 1940), обладатель Кубка СССР (1937); скончался 31 июля на 69-м году жизни;

Владимир Чумаков — врач футбольной команды «Пахтакора» (Ташкент); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 47-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Идгай Тазетдинов — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1956–1963), второй тренер этой же команды; погиб в авиакатастрофе 11 августа на 47-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Мансур Талибжанов — администратор «Пахтакора» (Ташкент); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 36-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Владимир Макаров — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1978–1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 33-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Юрий Загуменных — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1977–1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 33-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Александр Корченов — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1973–1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 31-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Сергей Покатилов — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1973–1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 29-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Виктор Чуркин — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1976–1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 28-м году жизни; похоронен

на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Михаил Ан — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1971–1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 27-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Николай Куликов — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1977–1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 27-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Константин Баканов — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1972–1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 25-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Алым Аширов — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1972–1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 25-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Владимир Федоров — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1972–1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 24-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Владимир Сабиров — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 22-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Равиль Агишев — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1978–1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 21-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Шухрат Ишбутаев — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на 21-м году жизни; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Сирожиддин Базаров — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1979); погиб в авиакатастрофе 11 августа на следующий день после своего 18-летия; похоронен на кладбище имени Боткина в Ташкенте;

Михаил Огоньков — игрок «Спартака» (Москва; 1952–1958, 1961), сборной СССР (1954–1958); чемпион СССР (1956); скончался 14 августа на 48-м году жизни;

Юрий Ковалев — игрок «Локомотива» (Москва; 1954–1959, 1962–1965), «Динамо» (Киев; 1960), ЦСКА (Москва; 1961), «Металлурга» (Липецк; 1966), сборной СССР (1957, 1959); обладатель Кубка СССР (1957); трагически погиб 25 сентября на 46-м году жизни;

Алексей Соколов — игрок «Локомотива» (Москва; 1935–1937), «Спартака» (Москва; 1938–1941, 1944–1947); чемпион СССР (1938–1939), обладатель Кубка СССР (1936, 1938–1939, 1946–1947); скончался 29 сентября на 69-м году жизни.

1980

Станислав Леута — игрок «Красной Пресни» (Москва; 1923–1925), «Пищевика» (Москва; 1926–1930), «Промкооперации» (Москва; 1931, 1934), «Дуката» (Москва; 1932–1933), «Спартака» (Москва; 1935–1938), сборной СССР (1931–1935); чемпион СССР (1936, 1938), обладатель Кубка СССР (1938); скончался 28 января, спустя неделю после своего 77-летия;

Владимир Никаноров — игрок «Пищевика» (Москва; 1938–1939), ЦДКА (Москва; 1940–1952), сборной СССР (1952); чемпион СССР (1946–1948, 1950–1951), обладатель Кубка СССР (1945, 1948, 1951); скончался 20 мая на 63-м году жизни;

Алексей Хомич — игрок (вратарь) «Динамо» (Москва; 1944–1952), «Спартака» (Минск; 1953–1955, капитан — 1954–1955); чемпион СССР (1945, 1949); скончался 30 мая на 61-м году жизни;

Дмитрий Багрич — игрок ОДО (Свердловск; 1956–1957), ЦСКА (Москва; 1958–1970, капитан — 1967–1968), сборной СССР (1959); скончался 30 сентября на 45-м году жизни;

Автандил Гогоберидзе — игрок «Динамо» (Сухуми; 1940–1941), «Динамо» (Тбилиси; 1943–1961, капитан — 1951–1960), сборной СССР (1952, 1954); скончался 20 ноября на 59-м году жизни.

1981

Александр Соколов — игрок «Динамо» (Москва; 1949–1961), олимпийской сборной СССР (1959); чемпион СССР (1957, 1959); скончался 11 марта на 52-м году жизни;

Николай Тищенко — игрок «Спартака» (Москва; 1951–1958), сборной СССР (1954–1956); чемпион СССР (1952–1953, 1956); скончался 10 мая на 55-м году жизни;

Василий Соколов — игрок «Спартака» (Москва; 1938–1952); чемпион СССР (1938–1939), обладатель Кубка СССР (1938–1939, 1946–1947, 1950); скончался 3 июля на 70-м году жизни;

Борис Кочетов — игрок (вратарь) ЦДКА (Москва; 1936–1937), «Торпедо» (Москва; 1938–1940), «Динамо» (Москва; 1941–1945), «Динамо» (Минск; 1946–1949); скончался 10 июля на 67-м году жизни;

Александр Старостин — игрок «Красной Пресни» (Москва; 1923–1925), «Пищевика» (Москва; 1926–1930), «Промкооперации» (Москва; 1931, 1934), «Дуката» (Москва; 1932–1933), «Спартака» (Москва; 1935–1937, первый капитан — 1935–1937); чемпион СССР (1936); скончался 23 сентября на 79-м году жизни;

Владимир Степанов — игрок «Спартака» (Москва; 1935–1942); чемпион СССР (1936, 1938–1939), обладатель Кубка СССР (1938–1939); скончался 4 октября на 72-м году жизни;

Николай Морозов — игрок «Торпедо» (Москва; 1938–1940, 1941–1949), «Спартака» (Москва; 1941), ВВС (Москва; 1950–1951); обладатель Кубка СССР (1949); тренер «Торпедо» (Москва; 1953–1955, 1963, 1967), «Локомотива» (Москва; 1960–1962), сборной СССР (1964–1966, 4-е место на чемпионате мира — 66 — высшее достижение команды на чемпионатах мира); скончался 15 октября на 66-м году жизни;

Георгий Жарков — игрок «Торпедо» (Москва; 1939–1951); обладатель Кубка СССР (1949); скончался 19 октября на 67-м году жизни;

Константин Рязанцев — игрок ЦДКА (Москва; 1935–1936), «Торпедо» (Москва; 1937–1940), «Спартака» (Москва; 1941, 1944–1951), «Зенита» (Ленинград; 1941–1943); обладатель Кубка СССР (1946–1947); скончался на 69-м году жизни;

Владимир Глотов — игрок «Динамо» (Москва; 1960–1966), сборной СССР (1963–1964), чемпион СССР (1963), серебряный призер чемпионата Европы (1964); погиб в местах лишения свободы.

1982

Виталий Дараселия — игрок «Амирани» (Очамчира; 1973–1974), «Динамо» (Тбилиси; 1975–1982), сборной СССР (1979–1982); чемпион СССР (1978), обладатель Кубка СССР (1976, 1979), обладатель Кубка обладателей кубков (1981); трагически погиб в автомобильной катастрофе 13 декабря на 26-м году жизни;

Александр Келлер — игрок ГЦОЛИФК (Москва; 1934–1937), «Торпедо» (Горький; 1939–1940), главный тренер «Динамо» (Киров; 1951–1959), «Пахтакора» (Ташкент; 1960–1963, 1971), «Кайрата» (Алма-Ата; 1964–1965, 1967–1968), «Терека» (Грозный; 1966–1967) и др.; скончался на 71-м году жизни.

1983

Борис Афанасьев — игрок «Трехгорки» (Москва; 1932–1933), «Дуката» (Москва; 1933), «Динамо» (Киев; 1938–1941), ЦДКА (Москва; 1944–1948); чемпион СССР (1946), обладатель Кубка СССР (1945); скончался 25 февраля на 70-м году жизни;

Петр Артемьев — игрок «Новогиреева» (Москва; 1917–1918), КФС (Москва; 1919–1921), «Красной Пресни» (Москва; 1923–1925), «Пищевика» (Москва; 1926–1930), «Дуката» (Москва; 1931–1932); скончался 3 марта на 83-м году жизни.

1984

Сергей Сальников — игрок «Спартака» (Москва; 1942–1943, 1946–1949, 1955–1960), «Зенита» (Ленинград; 1944–1945), «Динамо» (Москва; 1950–1954), сборной СССР (1954–1958); чемпион СССР (1954, 1956, 1958), обладатель Кубка СССР (1944, 1946–1947, 1953, 1958); скончался 9 мая на 59-м году жизни;

Валерий Воронин — игрок «Торпедо» (Москва; 1956–1969), сборной СССР (1960–1968, капитан — 1965); чемпион СССР (1960, 1965), обладатель Кубка СССР (1960); трагически погиб 21 мая на 45-м году жизни;

Анатолий Акимов — игрок «Спартака» (Москва; 1935–1937, 1939–1944), «Торпедо» (Москва; 1945–1948, 1951–1952); чемпион СССР (1936, 1939), обладатель Кубка СССР (1939); скончался 10 августа на 70-м году жизни.

1985

Максуд Шарипов — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1960–1968); скончался 11 марта на 45-м году жизни;

Леонид Румянцев — игрок «Спартака» (Москва; 1935–1940); чемпион СССР (1936–1937); скончался 23 июня на 70-м году жизни;

Михаил Булгаков — игрок «Спартака» (Москва; 1970–1979), сборной СССР (1975); покончил с собой 3 августа на 33-м году жизни.

1986

Константин Лясковский — игрок ЦДКА (Москва; 1928–1949); чемпион СССР (1946–1948); скончался 20 января на 78-м году жизни;

Александр Квасников — игрок «Динамо» (Москва; 1930–1937), «Спартака» (Москва; 1938, 1942–1945), ВМС (Москва; 1946–1949); чемпион СССР (1936), обладатель Кубка СССР (1937); скончался 20 марта на 74-м году жизни;

Константин Есенин — сын С. Есенина и З. Райх, специалист по футболу, статистик, автор книг: «Футбол: рекорды, парадоксы, трагедии, сенсации» (1968, 1970), «Московский футбол» (1974, в соавторстве), «Сборная СССР» (1983, в соавторстве); скончался 26 апреля на 67-м году жизни;

Борис Аркадьев — игрок «Сахарника» (Москва; 1923–1925), РКимА (Москва; 1926–1930), «Металлурга» (Москва; 1931–1936); главный тренер «Металлурга» (Москва; 1936–1939), «Динамо» (Москва; 1940–1944), ЦДКА (Москва; 1944–1952, 1958–1959), «Локомотива» (Москва; 1952–1957, 1963–1965), «Пахтакора» (Ташкент; 1967) и др., сборной СССР (1952, 1959); скончался 17 октября на 88-м году жизни.

1987

Андрей Зазроев — игрок «Динамо» (Тбилиси; 1948–1951, 1956–1957), «Динамо» (Киев; 1952–1955); обладатель Кубка СССР (1954); скончался 16 марта на 64-м году жизни;

Василий Карцев — игрок «Локомотива» (1939–1940), «Динамо» (Москва; 1942–1952); чемпион СССР (1945, 1949); скончался 11 апреля, спустя два дня после своего 67-летия;

Василий Смирнов — игрок «Динамо» (Москва; 1931–1939), сборной СССР (1932–1935); чемпион СССР (1936–1937), обладатель Кубка СССР (1937); скончался 12 июня на 79-м году жизни;

Всеволод Блинков — игрок «Динамо» (Москва; 1940–1953, капитан — 1952–1953); чемпион СССР (1940, 1945, 1949); скончался 30 сентября на 69-м году жизни;

Георгий Антадзе — игрок «Динамо» (Тбилиси; 1944–1954), сборной СССР (1952); скончался 3 ноября на 68-м году жизни.

1988

Анатолий Масленкин — игрок «Спартака» (Москва; 1953–1963), «Шинника» (Ярославль; 1964–1966), сборной СССР (1955–1962); чемпион СССР (1956, 1958, 1962), обладатель Кубка СССР (1958, 1963); скончался 16 мая на 58-м году жизни;

Геннадий Красницкий — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1958–1970, капитан — 1964–1965), сборной СССР (1961, 1965–1966); тренер «Пахтакора» (Ташкент; 1971, 1974–1976); покончил с собой 12 июня на 48-м году жизни;

Алексей Гринин — игрок «Динамо» (Москва; 1938), ЦДКА (Москва; 1939–1952); чемпион СССР (1946–1948, 1950–1951), обладатель Кубка СССР (1945, 1948, 1951); скончался 1 июля на 69-м году жизни;

Станислав Семенов — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1957–1963); погиб, сбитый автомобилем, 22 октября на 52-м году жизни;

Александр Виноградов — игрок ЦДСА (Москва; 1937–1947), ВВС (Москва; 1948–1949); чемпион СССР (1946–1947), обладатель Кубка СССР (1945); хоккеист, игрок ЦДСА (1946–1947, 1953–1955), ВВС (1947–1952); чемпион СССР (1951–1953, 1955), обладатель Кубка СССР (1952, 1954–1955); скончался 10 декабря на 71-м году жизни.

1989

Андрей Протасов — игрок «Динамо» (Ростов-на-Дону; 1937–1938), ЦДКА (Москва; 1938), «Спартака» (Москва; 1939–1943), МВО (Москва; 1944–1946), «Крыльев Советов» (Москва; 1947); чемпион СССР (1939), обладатель Кубка СССР (1939); скончался 4 марта на 74-м году жизни;

Евгений Жуков — игрок «Динамо» (Москва; 1967–1974), «Пахтакора» (Ташкент; 1975–1976); обладатель Кубка СССР (1970); скончался 21 марта на 39-м году жизни;

Александр Прокопенко — игрок «Динамо» (Минск; 1972–1980, 1981–1983), «Нефтчи» (Баку; 1987), сборной СССР (1980); чемпион СССР (1982); скончался 29 марта на 36-м году жизни;

Геннадий Бондаренко — игрок «Динамо» (Сухуми; 1946–1947), «Динамо» (Ленинград; 1948–1953), «Динамо» (Москва; 1954), «Зенита» (Ленинград; 1955–1959); чемпион СССР (1954); скончался 10 апреля на 61-м году жизни;

Александр Малявкин — игрок «Динамо» (Минск; 1940–1941), «Динамо-2» (Москва; 1942–1944), «Динамо» (Москва; 1945–1950); чемпион СССР (1945, 1949); скончался 13 сентября на 72-м году жизни;

Алексей Пономарев — игрок «Динамо» (Москва; 1936–1944), «Динамо» (Минск; 1945); чемпион СССР (1937), обладатель Кубка СССР (1937); скончался 12 ноября на 77-м году жизни.

1990

Иван Конов — игрок «Крыльев Советов» (Москва; 1940, 1942–1943), «Спартака» (Москва; 1944–1948), «Динамо» (Москва; 1949–1952); чемпион СССР (1949);

Лев Яшин — игрок (вратарь) «Динамо» (Москва; 1950–1970), сборной СССР (1954–1967, капитан — 1966); чемпион СССР (1954–1955, 1957, 1959, 1963), обладатель Кубка СССР (1953, 1967, 1970), победитель Кубка Европы — 60, обладатель «Золотого мяча» по опросу «Франс футбол» (1963); скончался 20 марта на 60-м году жизни; похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве;

Владимир Шабров — игрок «Динамо» (Москва; 1950–1959); чемпион СССР (1954–1955, 1957), обладатель Кубка СССР (1953); скончался 12 мая на 61-м году жизни;

Эдуард Стрельцов — игрок «Торпедо» (Москва; 1954–1958, 1965–1970), сборной СССР (1955–1958); чемпион СССР (1965), обладатель Кубка СССР (1968); скончался 22 июля на 52-м году жизни; похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве (13-й участок);

Леонид Иванов — игрок «Зенита» (Ленинград; 1940–1941, 1944–1956), сборной СССР (1952); обладатель Кубка СССР (1944); скончался 14 сентября на 70-м году жизни;

Олег Тимаков — игрок «Крыльев Советов» (Москва; 1941–1942), «Спартака» (Москва; 1943–1954); чемпион СССР (1952–1953), обладатель Кубка СССР (1946–1947, 1950); скончался 16 ноября на 71-м году жизни.

1991

Виталий Голубев — игрок «Динамо» (Ворошиловград; 1946–1948), «Динамо» (Киев; 1951–1960, капитан — 1957–1958), сборной СССР (1955); обладатель Кубка СССР (1954); скончался 25 марта, спустя шесть дней после своего 65-летия;

Алексей Водягин — игрок ЦДКА (1945, 1947–1952), МВО (Москва; 1952–1953), «Динамо» (Москва; 1953–1955); чемпион СССР (1947–1948, 1950–1951), обладатель Кубка СССР (1948, 1951, 1953); скончался 21 апреля на 67-м году жизни;

Михаил Месхи — игрок «Динамо» (Тбилиси; 1955–1969), «Локомотива» (Тбилиси; 1970), сборной СССР (1959–1966, обладатель Кубка Европы — 60); чемпион СССР (1964); скончался 22 апреля на 55-м году жизни;

Джемал Силагадзе — игрок «Спартака» (Кострома; 1965–1967), «Спартака» (Москва; 1968–1971, 1973), «Спартака» (Кутаиси; 1972), «Искры» (Смоленск; 1975–1980); чемпион СССР (1969), обладатель Кубка СССР (1971); погиб в автокатастрофе 13 мая спустя три недели после своего 43-летия;

Михаил Еремин — игрок (вратарь) ЦСКА (Москва; 1987–1991), сборной СССР (1990); чемпион СССР (1991), обладатель Кубка СССР (1991); погиб в автокатастрофе 30 июня на 24-м году жизни;

Санасар Геворкян — игрок «Арарата» (Ереван; 1969–1978); чемпион СССР (1973), обладатель Кубка СССР (1973, 1975); трагически погиб на 40-м году жизни.

1992

Зураб Церетели — игрок «Динамо» (Тбилиси; 1971–1977; 69 матчей, 9 голов), «Динамо» (Москва; 1978), «Торпедо» (Кутаиси; 1979) и «Пахтакора» (Ташкент; 1979–1981); погиб в январе в автомобильной катастрофе на 39-м году жизни;

Юрий Ваньят — спортивный журналист, сотрудник газет «Красный (Советский) спорт» (1933–1949), «Труд» (1950–1986), «Московская правда» (1987–1992); один из первых футбольных журналистов в СССР (писал о футболе с 1929 года); скончался 3 марта на 79-м году жизни;

Виктор Янушевский — игрок «Динамо» (Минск; 1977–1988), ЦСКА (Москва; 1989–1991), сборной СССР (1983–1986); чемпион СССР (1982), обладатель Кубка СССР (1991); скончался 23 июня на 33-м году жизни;

Аркадий Чернышев — игрок «Динамо» (Москва; 1936–1944); чемпион СССР (1937, 1940), обладатель Кубка СССР (1937); хоккеист, игрок «Динамо» (Москва), чемпион СССР (1947), главный тренер «Динамо» (Москва; чемпион СССР 1947, 1954, обладатель Кубка СССР в 1972, 1976), главный тренер сборной СССР по хоккею в 1954–1957, 1961–1972, чемпион мира в 1954, 1956, 1963–1971, чемпион Олимпийских игр в 1964, 1968, 1972; скончался 22 октября на 79-м году жизни;

Николай Ильин — игрок «Локомотива» (Москва; 1936–1940, капитан — 1938), «Торпедо» (Москва; 1941–1948, капитан — 1947); чемпион СССР (1935), обладатель Кубка СССР (1936); скончался на 81-м году жизни.

1993

Александр Медакин — игрок «Торпедо» (Москва; 1956–1963, капитан — 1960, 1962), «Черноморца» (Одесса; 1964–1965), «Шинника» (Ярославль; 1966), сборной СССР (1961); чемпион СССР (1960); скончался 14 января на 56-м году жизни;

Петр Старостин — игрок «Пищевика» (Москва; 1926–1930), «Промкооперации» (Москва; 1931, 1934), «Дуката» (Москва; 1932–1933), «Спартака» (Москва; 1935–1938); чемпион СССР (1936, 1938); скончался 10 марта на 84-м году жизни; похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве;

Владимир Щербаков — игрок ЦСКА (Москва; 1962–1963), «Торпедо» (Москва; 1964–1968), «Политотдела» (Ташкентская область; 1970–1971), «Шинника» (Ярославль; 1971), сборной СССР (1965); чемпион СССР (1965); скончался на 48-м году жизни.

1994

Гиви Чохели — игрок «Динамо» (Тбилиси; 1956–1964), сборной СССР (1960–1962); тренер «Динамо» (Тбилиси; 1966–1972, 1974); скончался 25 февраля на 57-м году жизни;

Владимир Поликарпов — игрок ЦСКА (Москва; 1961–1974); чемпион СССР (1970); скончался 23 мая на 52-м году жизни;

Николай Дементьев — игрок «Динамо» (Ленинград; 1934–1939), «Динамо» (Москва; 1940–1945), «Спартака» (Москва; 1946–1954); чемпион СССР (1940, 1952–1953), обладатель Кубка СССР (1946–1947, 1950); скончался 5 июня на 79-м году жизни;

Игорь Численко — игрок «Динамо» (Москва; 1957–1970), сборной СССР (1959–1968); чемпион СССР (1959, 1963), обладатель Кубка СССР (1967); скончался 22 сентября на 56-м году жизни;

Альберт Шестернев — игрок ЦСКА (Москва; 1959–1972), сборной СССР (1963–1971, капитан — 1966–1971); чемпион СССР (1970); тренер ЦСКА (Москва; 1974, 1981–1982); скончался 5 ноября на 54-м году жизни;

Эдуард Козинкевич — игрок СКА (Львов; 1968–1969), «Шахтера» (Донецк; 1970–1971), «Карпат» (Львов; 1972–1974, 1976–1978), «Динамо» (Москва; 1975), сборной СССР (1972); погиб в автокатастрофе 16 ноября на 46-м году жизни.

1995

Вахтанг Челидзе — игрок «Динамо» (Тбилиси; 1963–1976, капитан — 1976); обладатель Кубка СССР (1976); скончался 22 марта на 51-м году жизни;

Юрий Седов — игрок «Спартака» (Москва; 1947–1959), сборной СССР (1954–1955); чемпион СССР (1952–1953, 1958), обладатель Кубка СССР (1950, 1958); скончался 4 апреля на 67-м году жизни;

Юрий Заболотный — игрок «Черноморца» (Одесса; 1959–1962, 1964–1967, капитан — 1962, 1964–1967), «Динамо» (Киев; 1963); скончался 6 апреля на 56-м году жизни;

Виктор Гетманов — игрок СКА (Ростов-на-Дону; 1962–1969, 1970–1972, капитан — 1968), сборной СССР (1965–1966); скончался 23 апреля на 55-м году жизни;

Владимир Бутурлакин — игрок «Торпедо» (Москва; 1968–1981, капитан — 1981), «Кубани» (Краснодар; 1982); чемпион СССР (1976), обладатель Кубка СССР (1972); скончался 11 мая на 45-м году жизни;

Гавриил Качалин — игрок «Динамо» (Москва; 1936–1942); чемпион СССР (1937, 1940), обладатель Кубка СССР (1937); тренер — сборной СССР (1955–1958, привел сборную СССР к победе на Олимпиаде-56), «Локомотива» (Москва; 1949–1952), «Пахтакора» (Ташкент; 1963), «Динамо» (Тбилиси; 1964–1965, 1971–1972), «Динамо» (Москва; 1973–1974); скончался 23 мая на 84-м году жизни;

Виктор Науменко — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1964–1969); скончался 25 июля на 56-м году жизни;

Лев Ольшанский — игрок «Старта» (Москва; 1932–1935), «Динамо» (Ленинград; 1936–1938), «Пищевика» (Москва; 1939); тренер «Спартака» (Ашхабад; 1950–1952), «Пахтакора» (Ташкент; 1956–1957, 1963, команда заняла 6-е место в чемпионате СССР — высшее достижение «Пахтакора»); скончался 9 августа на 81-м году жизни;

Игорь Малиновский — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1962–1965); скончался 25 сентября, спустя три дня после своего 55-летия;

Виктор Юрковский — игрок «Таврии» (Симферополь; 1974–1976, 1980–1983), «Динамо» (Киев; 1977–1979); чемпион СССР (1977), обладатель Кубка СССР (1978); погиб в автокатастрофе 1 октября, не дожив трех недель до своего 41-летия;

Константин Малинин — игрок ЦДКА (Москва; 1935–1938), «Спартака» (Москва; 1939–1950); чемпион СССР (1939),

обладатель Кубка СССР (1939, 1946–1947); скончался 11 октября на 80-м году жизни;

Владимир Ларин — игрок «Динамо» (Москва; 1965–1967, 1968–1973), «Локомотива» (Москва; 1967); обладатель Кубка СССР (1970); скончался 18 октября на 48-м году жизни;

Олег Макаров — игрок «Динамо» (Киев; 1948–1963); чемпион СССР (1961), обладатель Кубка СССР (1954); скончался 8 ноября на 67-м году жизни.

1996

Николай Старостин — игрок «Красной Пресни» (Москва; 1923–1925), «Пищевика» (Москва; 1926–1930), «Дуката» (Москва; 1932–1933), «Промкооперации» (Москва; 1931, 1934), «Спартака» (Москва; 1935–1936); чемпион СССР (1933); один из основателей спортивного общества «Спартак»; скончался 17 февраля на 94-м году жизни; похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве;

Василий Калинов — игрок «Спартака» (Москва; 1969–1972), «Искры» (Смоленск; 1973–1974), чемпион СССР (1969); скончался 19 января на 48-м году жизни;

Иван Вишневский — игрок «Нивы» (Винница; 1980–1981, 1983–1984), «Спартака» (Москва; 1982), «Днепра» (Днепропетровск; 1984–1989), сборной СССР (1985–1988); чемпион СССР (1988), обладатель Кубка СССР (1989); скончался 11 мая на 40-м году жизни;

Аркадий Галинский — спортивный журналист, телекомментатор, работал в «Литературной газете» (1950–1956), «Советском спорте» (1957–1968), журнале «Физкультура и спорт» (1971–1972), на ЦТ (комментатор отдела спорта в 1969–1970); скончался 3 июня на 75-м году жизни;

Евгений Рогов — игрок «Локомотива» (Москва; 1953–1961, капитан — 1955); обладатель Кубка СССР (1957); тренер «Локомотива» (Москва; 1965, 1971–1972); скончался 6 июля на 68-м году жизни;

Вячеслав Соловьев — игрок «Локомотива» (Москва; 1944), ЦДКА (Москва; 1945–1952), ВВС (Москва; 1953), «Торпедо» (Москва; 1953–1954); чемпион СССР (1946–1948, 1950–1951), обладатель Кубка СССР (1948, 1951); тренер «Динамо» (Киев; 1959–1962), олимпийской сборной СССР (1962–1964), ЦСКА (Москва; 1963–1964), «Динамо» (Москва; 1965–1966), «Динамо» (Тбилиси; 1967–1968), «Пахтакора» (Ташкент; 1972–1975) и др.; скончался 7 сентября на 72-м году жизни;

Владимир Ерохин — игрок «Динамо» (Киев; 1953–1961), «Авангарда» (Тернополь; 1962–1965), сборной СССР (1958); скончался 6 октября на 67-м году жизни;

Вадим Иванов — игрок «Динамо» (Москва; 1962–1968), «Спартака» (Москва; 1969–1971), «Днепра» (Днепропетровск; 1972–1973), сборной СССР (1971); чемпион СССР (1969), обладатель Кубка СССР (1967, 1971); скончался 6 ноября на 54-м году жизни.

1997

Михаил Якушин — игрок «Динамо» (Москва; 1933–1944, капитан — 1939–1941); чемпион СССР (1936–1937, 1940), обладатель Кубка СССР (1937); хоккеист, игрок «Динамо» (Москва); чемпион СССР (1947); тренер (футбольный) «Динамо» (Москва; 1944–1950, 1953–1960), «Динамо» (Тбилиси; 1950–1953, 1962–1964), «Пахта кора» (Ташкент; 1965–1966, 1969–1970), «Локомотива» (Москва; 1973), сборной СССР (1952, 1957–1959); скончался 3 февраля на 87-м году жизни;

Александр Иванов — игрок «Зенита» (Ленинград; 1950–1960, капитан — 1958–1960), сборной СССР (1958–1959); скончался 29 марта, спустя три недели после своего 69-летия;

Лев Лебедев — спортивный журналист, сотрудник газет «Московская правда», «Вечерняя Москва», «Труд» (1962–1966), «Правда» (1966–1992); скончался 16 сентября на 63-м году жизни;

Сергей Ильин — игрок ЦДКА (Москва; 1929–1931), «Динамо» (Москва; 1931–1945, капитан — 1935–1939), сборной СССР (1930–1935); чемпион СССР (1936–1937, 1940), обладатель Кубка СССР (1937); скончался 14 октября на 92-м году жизни;

Федор Медвидь — игрок «Динамо» (Киев; 1962–1972), сборной СССР (1966–1968); чемпион СССР (1966–1968, 1971), обладатель Кубка СССР (1964, 1966); скончался 8 ноября на 55-м году жизни;

Анатолий Банишевский — игрок «Нефтчи» (Баку; 1963–1973, 1975–1978), сборной СССР (1965–1968, 1971–1972); скончался 10 декабря в Баку на 52-м году жизни;

Заур Калоев — игрок «Спартака» (Тбилиси; 1950–1951), «Динамо» (Тбилиси; 1952–1956, 1959–1964), «Локомотива» (Москва; 1957–1958), олимпийской сборной СССР (1959); обладатель Кубка СССР (1957); скончался 23 декабря на 66-м году жизни;

Георгий Гавашели — игрок «Динамо» (Тбилиси; 1965, 1967–1976), «Локомотива» (Тбилиси; 1966–1967); трагически погиб 25 декабря на 51-м году жизни.

1998

Слава Метревели — игрок «Торпедо» (Москва; 1956–1962), «Динамо» (Тбилиси; 1963–1971, капитан — 1967–1971), сборной СССР (1958–1966, 1969–1970); чемпион СССР (1960, 1964), обладатель Кубка СССР (1960), Кубка Европы (1960); скончался 8 января на 62-м году жизни в Тбилиси;

Алексей Леонтьев — игрок «Спартака» (Москва; 1940–1941, 1942–1949), «Крыльев Советов» (Москва; 1941); обладатель Кубка СССР (1946–1947); скончался 9 января на 80-м году жизни;

Борис Татушин — игрок «Спартака» (Москва; 1952–1958, 1961), «Молдовы» (Кишинев; 1962–1963), сборной СССР (1954–1957); чемпион СССР (1953, 1956); скончался 15 января на 65-м году жизни;

Нодар Ахалкаци — игрок СКВО (Тбилиси; 1957–1959), «Локомотива» (Тбилиси; 1960–1966); главный тренер «Динамо» (Тбилиси; 1976–1983, 1985–1986, обладатель Кубка СССР (1976, 1979), чемпион СССР в 1978, обладатель Кубка обладателей кубков (1981), сборной СССР (1981–1982), президент Федерации футбола Грузии (1990–1998); скончался 25 января на 61-м году жизни;

Геннадий Еврюжихин — игрок «Ракеты» (Казань; 1962–1963), «Динамо» (Ленинград; 1965–1966), «Динамо» (Москва; 1966–1976), сборной СССР (1966–1973); чемпион СССР (1976), обладатель Кубка СССР (1967, 1970); скончался 15 марта на 55-м году жизни;

Борис Левин-Коган — игрок «Зенита» (Ленинград; 1941, 1944–1951); обладатель Кубка СССР (1944); скончался 10 мая на 80-м году жизни;

Петр Дементьев — игрок «Динамо» (Ленинград; 1932–1939, 1949–1952), «Крыльев Советов» (Москва; 1944–1946), «Динамо» (Киев; 1947–1948), сборной СССР (1933–1935); кумир спортивных болельщиков 40-х годов, известный под прозвищем Пека (герой популярного в довоенные годы рассказа Льва Кассиля «Пекины бутсы»); скончался 10 ноября на 85-м году жизни;

Станислав Стадник — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1960–1965); скончался 19 декабря на 59-м году жизни.

1999

Николай Латышев — футбольный арбитр 30–60-х годов; скончался 17 февраля на 86-м году жизни;

Игорь Нетто — игрок «Спартака» (Москва; 1948–1966), сборной СССР (1952–1965; капитан в 1954–1963); чемпион СССР (1952, 1953, 1956, 1958, 1962), обладатель Кубка СССР (1950, 1958, 1963); чемпион Европы (1960), чемпион Олимпийских игр (1956); скончался 30 марта на 70-м году жизни;

Зафар Расулов — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1967–1968); скончался 8 августа на 54-м году жизни;

Юрий Чесноков — игрок «Локомотива» (Москва), ЦСКА (Москва), сборной СССР (1976–1979), кумир спортивных болельщиков 70-х годов; скончался от сердечного приступа 21 ноября на 48-м году жизни.

2000

Виктор Колотов — игрок «Трудовых резервов» (Казань; 1968), «Рубина» (Казань; 1969–1970), «Динамо» (Киев; 1971–1981), сборной СССР (1970–1979); чемпион СССР (1971, 1974, 1975, 1977), обладатель Кубка СССР (1974, 1978); скончался от сердечного приступа 3 января на 51-м году жизни;

Виктор Варюхин — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1968–1976); скончался 26 марта на 52-м году жизни;

Виталий Старухин — игрок «Спутника» (Минск; 1966–1967), СКА (Одесса; 1968–1970), «Шахтера» (Донецк; 1973–1981), серебряный призер чемпионата СССР (1975, 1979), обладатель Кубка СССР (1980); скончался от двустороннего воспаления легких 9 августа на 52-м году жизни.

2001

Виктор Банников — игрок «Динамо» (Киев; 1961–1969), «Торпедо» (Москва; 1970–1973), сборной СССР (1966, 1972); чемпион СССР (1967, 1968), обладатель Кубка СССР (1964, 1966, 1972); скончался 25 апреля на 63-м году жизни;

Вячеслав Кольцов — игрок (вратарь) «Пахтакора» (Ташкент; 1960); скончался 22 августа на 64-м году жизни;

Сергей Перхун — вратарь ЦСКА (Москва); скончался 28 августа на 24-м году жизни в результате травмы, полученной в игре чемпионата России;

Давид Кипиани — игрок «Динамо» (Тбилиси; 1968–1969, 1971–1982), «Локомотива» (Тбилиси; 1970), сборной СССР (1974, 1977–1981); чемпион СССР (1978), обладатель Кубка СССР (1976, 1979), Кубка обладателей кубков (1981); погиб в автомобильной катастрофе 17 сентября на 50-м году жизни;

Павел Садырин — тренер футбольного клуба ЦСКА (1990–2001), сборной России по футболу (1994); скончался 1 декабря на 60-м году жизни от рака;

Юрий Беляков — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1957–1964); скончался на 65-м году жизни.

2002

Алексей Еськов — игрок СКА (Ростов-на-Дону), «Торпедо» (Москва), сборной СССР в 60–70-х годах; скончался 18 марта на 58-м году жизни;

Валерий Лобановский — игрок «Динамо» (Киев; 1957–1964), «Черноморца» (Одесса; 1965–1967), «Шахтера» (Донецк; 1967–1968), сборной СССР (1960–1961); чемпион СССР (1961); тренер «Динамо» (Киев; 1973–2002); чемпион СССР (1974–1975, 1977, 1980–1981, 1985–1986, 1990), обладатель Кубка СССР (1974, 1978, 1982, 1985, 1987, 1990), обладатель Кубка обладателей кубков (1975, 1986), Суперкубка (1975), тренер сборной СССР (1975–1976, 1981–1982, 1988 — завоевала 3-е место на Олимпиаде-76, 2-е место на чемпионате Европы — 88); скончался 13 мая на 64-м году жизни; похоронен на Байковом кладбище в Киеве;

Вячеслав Бекташев — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1966–1970); скончался 3 августа на 55-м году жизни;

Валерий Мухин — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1961–1966); скончался 27 августа на 65-м году жизни.

2003

Юрий Тишков — игрок «Торпедо» (Москва; 1987–1992), «Динамо» (Москва; 1993–1997), затем — футбольный агент; убит 11 января на 32-м году жизни;

Юрий Войнов — игрок «Зенита» (Ленинград; 1951–1955), «Динамо» (Киев; 1956–1964), сборной СССР (1954–1960); чемпион СССР (1961), чемпион Европы (1960); скончался 22 апреля на 72-м году жизни.

2004

Александр Иванков — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1972–1977); скончался 6 июня на 55-м году жизни;

Борис Левин — спортивный журналист; скончался после автокатастрофы 25 августа на 72-м году жизни;

Леонид Соловьев — игрок «Динамо» (Минск; 1939–1941), «Динамо» (Москва; 1944–1953, капитан — 1947–1950); чемпион СССР (1945, 1949); скончался 22 ноября на 88-м году жизни.

2005

Александр Прохоров — игрок (вратарь) «Динамо» (Минск; 1966–1967), «Металлурга» (Запорожье; 1968–1970), «Динамо» (Киев; 1970–1971), «Спартака» (Москва; 1972–1978), сборной СССР (1974–1976); скончался 7 января на 59-м году жизни;

Юрий Морозов — игрок «Зенита» (Ленинград; 1954, 1957–1958), «Адмиралтейца» (Ленинград; 1958–1961), «Динамо» (Ленинград; 1962–1964); главный тренер «Зенита» (Ленинград; 1978–1982, 1991–1992), сборной СССР (1974–1976) и др.; скончался 16 февраля на 71-м году жизни;

Дмитрий Быстров — игрок «Локомотива» (Москва), ЦСКА (Москва), «Зенита» (Ленинград), «Шинника» (Ярославль); скончался 1 июня на 38-м году жизни;

Николай Абрамов — игрок «Спартака» (Москва; 1968–1976), сборной СССР (1971–1972, 1976); чемпион СССР (1969), обладатель Кубка СССР (1971); скончался 6 августа на 56-м году жизни;

Анатолий Родионов — игрок ЦДСА (Москва; 1950–1952), «Динамо» (Москва; 1953–1957) и др.; чемпион СССР (1954, 1955), обладатель Кубка СССР (1953); скончался 7 сентября на 81-м году жизни;

Юрий Ныркov — игрок ЦДКА (Москва; 1947–1952, 1954), МВО (1953), сборной СССР (1952); чемпион СССР (1950, 1951), обладатель Кубка СССР (1948, 1951); скончался 20 декабря на 82-м году жизни;

Генрих Федосов — игрок «Динамо» (Москва; 1954–1961), «Шинника» (Ярославль; 1963–1964), сборной СССР (1957–1959); чемпион СССР (1955, 1957, 1959); скончался 21 декабря на 74-м году жизни;

Виталий Виткалов — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1956–1960); скончался 26 декабря на 73-м году жизни.

2006

Сергей Доценко — игрок «Пахтакора» (Ташкент; 1967–1976); скончался 3 февраля на 59-м году жизни;

Анатолий Пузач — игрок СКА (Львов; 1962–1964), «Динамо» (Киев; 1965–1973), сборной СССР (1969–1972); чемпион СССР (1966–1968, 1971), обладатель Кубка СССР (1966); скончался 19 марта на 65-м году жизни;

Адамас Голодец — игрок «Динамо» (Москва; 1953–1957), «Динамо» (Киев; 1958–1959), «Нефтяника» (Баку; 1960–1964), тренер «Динамо» (Москва; 1968–1972, 1977–1978, 1980–1983, 1985–1988, 1991–1998); скончался 7 апреля на 73-м году жизни;

Константин Бесков — игрок «Динамо» (Москва; 1941–1954), сборной СССР (1952); чемпион СССР (1945, 1949), обладатель Кубка СССР (1953); тренер сборной СССР (1955, 1963–1964–2-е место на чемпионате Европы — 64, 1981–1982), главный тренер «Спартака» (Москва) (1977–1988); скончался 6 мая на 86-м году жизни; похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве;

Евгений Кучеревский — игрок (вратарь) «Спартака» (Херсон; 1958–1961), СКА (Одесса; 1962–1965), «Судостроителя» (Николаев; 1965–1970); тренер «Ротора» (Волгоград), «Торпедо-ЗИЛ» (Москва) и др.; скончался 26 августа на 66-м году жизни.

2007

Геннадий Шалимов — игрок «Торпедо» (Москва; 1966–1973), «Динамо» (Волгоград; 1974–1980), олимпийской сборной СССР (1971); обладатель Кубка СССР (1968, 1972); скончался 14 января на 60-м году жизни;

Владимир Белоусов — игрок «Зари» (Ворошиловград), чемпион СССР (1972); скончался 16 февраля на 60-м году жизни;

Игорь Фролов — игрок «Спартака» (Москва), чемпион СССР (1962); скончался 6 апреля на 69-м году жизни;

Виктор Чанов — игрок (вратарь) ЦДКА, родоначальник знаменитой вратарской династии; скончался 14 мая на 85-м году жизни;

Наум Дымарский — спортивный журналист, комментатор; скончался 18 июня на 86-м году жизни;

Ленар Гильмуллин — игрок «Рубина» (Казань); погиб в автокатастрофе 22 июня на 23-м году жизни;

Виктор Марьенко — игрок «Торпедо» (Москва; 1954–1959); тренер (1964–1966); скончался 9 июля на 78-м году жизни;

Виктор Прокопенко — игрок «Черноморца» (Одесса; 1969–1970, 1974–1975), тренер (1978–1981, 1982–1986, 1989–1994), игрок «Шахтера» (Донецк; 1971–1973); скончался 18 августа на 63-м году жизни;

Владимир Пронин — вратарь «Зенита» (Ленинград; 1971–1973), «Динамо» (Москва); скончался 10 октября на 63-м году жизни;

Александр Погорелов — игрок «Черноморца» (Одесса; 1976–1979); чемпион СССР в составе «Днепра» (Днепропетровск; 1983); скончался 17 октября на 56-м году жизни;

Эдуард Тимошенко — игрок «Металлурга» (Запорожье), «Черноморца» (Одесса); скончался 13 ноября на 54-м году жизни;

Александр Ткаченко — игрок «Кубани» (Краснодар) в начале 1970-х; автор книги «Футболь» (1998) и др.; скончался 6 декабря на 63-м году жизни.

2008

Вячеслав Амбарцумян — игрок «Спартака» (Москва), ЦСКА (Москва), «Торпедо» (Кутаиси), сборной СССР; чемпион СССР (1971) в составе «Спартака»; трагически погиб (попал под автомобиль) 4 января на 68-м году жизни;

Сейран Осипов — игрок «Динамо» (Ставрополь), «Арарата» (Ереван); скончался 13 января на 47-м году жизни;

Анатолий Васильев — игрок «Зенита» (Ленинград) в 50–60-х, тренер; скончался 27 января на 76-м году жизни;

Алексей Варнавский — игрок «Шахтера» (Донецк; 1977–1986), обладатель Кубка СССР (1980, 1983); трагически погиб (замерз на улице) 28 февраля на 52-м году жизни;

Александр Тенягин — игрок «Динамо» (Москва; 1951–1953), сборной СССР (1952); скончался 26 марта на 81-м году жизни;

Рустам Булатов — игрок «Рубина» (Казань), ЦСКА (Москва) и др.; скончался 31 мая на 35-м году жизни;

Николай Есин — футболист, тренер; скончался 8 июня на 79-м году жизни;

Лазарь Кравец — футболист; скончался 14 июня на 84-м году жизни;

Владимир Щегольков — игрок «Динамо» (Киев; 1961–1967), «Шахтера» (Донецк; 1968); чемпион СССР (1961, 1966–1967), обладатель Кубка СССР (1964, 1966); скончался 22 октября на 72-м году жизни;

Валентин Бубукин — игрок «Локомотива» (Москва; 1953–1960, 1962–1965, капитан — 1964–1965), ЦСКА (Москва; 1961), сборной СССР (1959–1961; чемпион Европы — 60); скончался 31 октября на 76-м году жизни;

Владимир Гончаров — скончался 10 ноября на 62-м году жизни;

Георгий Вьюн — скончался 29 ноября на 65-м году жизни.

2009

Юрий Авруцкий — игрок «Динамо» (Москва; 1962–1971), «Шахтера» (Донецк; 1971), «Нефтчи» (Баку; 1972), олимпийской сборной СССР (1971); обладатель Кубка СССР (1970); скончался 30 января на 65-м году жизни;

Владимир Янишевский — обладатель Кубка СССР; скончался 9 февраля на 67-м году жизни;

Игорь Уткин — спортивный фотокорреспондент; скончался 25 февраля на 68-м году жизни;

Валерий Брошин — игрок «Зенита» (Ленинград; 1979–1985; Санкт-Петербург; 1995), ЦСКА (Москва; 1986–1991, 1993–1994), сборной СССР (1987, 1990); чемпион СССР (1984, 1991), обладатель Кубка СССР (1991); скончался от рака языка и гортани 5 марта на 47-м году жизни;

Владимир Федотов — игрок ЦСКА (1960–1975), сборной СССР (1970–1974); чемпион СССР (1970); тренер ЦСКА (1978–1980, 1984, 1995–1996), сборной СССР (1981–1982) и др.; скончался 29 марта на 67-м году жизни; похоронен на Новодевичьем кладбище;

Андрей Иванов — игрок «Спартака» (Москва; 1984–1985, 1988–1989, 1990–1995), ЦСКА (Москва; 1996); чемпион России (1992–1993), обладатель Кубка России (1992); скончался 19 мая на 43-м году жизни;

Лев Броварский — игрок «Карпат» (Львов; 1968–1980, капитан — 1973–1980); обладатель Кубка СССР (1969); скончался 4 июня на 61-м году жизни;

Вячеслав Алябьев — игрок «Шахтера» (Донецк; 1956–1964), «Металлурга» (Запорожье; 1965–1966); обладатель Кубка СССР (1961–1962); скончался 11 июня на 76-м году жизни;

Владимир Ильин — игрок «Динамо» (Москва; 1946–1957); тренер (1965–1970, 1975–1976); чемпион СССР (1949, 1954–1955), обладатель Кубка СССР (1953); скончался 17 июля на 83-м году жизни;

Юрий Зерчанинов — спортивный журналист; скончался 14 сентября на 77-м году жизни;

Валентин Николаев — игрок ЦДКА (Москва; 1940–1952), сборной СССР (1952); чемпион СССР (1946–1948, 1950–1951), обладатель Кубка СССР (1945, 1948, 1951); тренер ЦСКА (Москва; 1964–1965, 1970–1973), сборной СССР (1970–1971) и др.; скончался 9 октября на 89-м году жизни;

Александр Сорокалет — игрок «Зари» (Ворошиловград; 1974–1979), «Динамо» (Киев; 1980–1983), «Днепра»

(Днепропетровск; 1985–1989, 1991), олимпийской сборной СССР (1983); чемпион СССР (1988), обладатель Кубка СССР (1982, 1989); скончался 6 ноября на 53-м году жизни.

2010

Галимзян Хусаинов — игрок «Крыльев Советов» (Куйбышев; 1957–1960), «Спартака» (Москва; 1961–1973), сборной СССР (1960–1966, 1969); чемпион СССР (1962, 1969), обладатель Кубка СССР (1963, 1965, 1971), серебряный призер чемпионата Европы (1964); скончался 5 февраля на 73-м году жизни;

Юрий Севидов — игрок «Молдовы» (Кишинев; 1959–1960), «Спартака» (Москва; 1960–1965), «Кайрата» (Алма-Ата; 1970–1971), «Шахтера» (Донецк; 1972), «Спартака» (Рязань; 1974), олимпийской сборной СССР (1964); чемпион СССР (1962), обладатель Кубка СССР (1963, 1965); спортивный журналист; скончался во время служебной командировки в Марбелье (Испания) от сердечного приступа на 68-м году жизни;

Василий Москаленко — игрок «Черноморца» (Одесса; 1963–1970, 1973); скончался 1 марта на 72-м году жизни;

Александр Минаев — игрок «Торпедо» (Москва; 1980–1981), «Факела» (Воронеж; 1983–1989), «Текстильщика» (Камышин; 1992–1995); скончался 12 марта на 52-м году жизни;

Николай Мокшинов — тренер «Зенита» (Ленинград; 1947–1948, 1954–1955); скончался 18 марта на 95-м году жизни;

Олег Копаев — игрок ЦСК МО (1957), СКА (Ростов-на-Дону; 1959–1968), олимпийской сборной СССР (1964), сборной СССР (1965–1966); скончался 2 апреля на 73-м году жизни;

Олег Жуков — игрок «Шахтера» (Донецк; 50-е годы), тренер «Шахтера» (Донецк; 1958–1960); скончался в апреле на 90-м году жизни;

Владимир Сараев — игрок «Торпедо» (Москва; 1964–1968), сборной СССР (1965, 1967); скончался 18 апреля на 74-м году жизни;

Юрий Вшивцев — игрок «Динамо» (Москва; 1962–1968), ЦСКА (1969), «Динамо» (Барнаул; 1970–1972); скончался 26 апреля на 71-м году жизни;

Владимир Плоскина — игрок «Динамо» (Киев; 1971–1974), «Черноморца» (Одесса; 1975–1988); тренер «Шахтера» (Донецк; 1993–2003); скончался 10 мая на 56-м году жизни;

Валерий Кораблев — игрок «Крыльев Советов» (Куйбышев; 1970–1974); скончался 14 мая на 62-м году жизни;

Геннадий Попович — игрок «Кривбасса» (1991–1993), «Зенита» (Санкт-Петербург; 1997–2001); скончался 4 июня на 38-м году жизни;

Арсений Найденов — игрок «Динамо» (Киев), «Андижана» (Узбекистан), тренер «Колхозчи» (Узбекистан; 1985); скончался 7

июня на 69-м году жизни;

Василий Евсеев — игрок «Зари» (Ворошиловград; 1980–1982), «Динамо» (Киев; 1983–1987), «Шахтера» (Донецк; 1988–1991), «Уралана» (Элиста; 1996), тренер «Уралана» (1997); скончался 26 июня на 48-м году жизни;

Сергей Савченко — игрок «Нистру» (Кишинев; 1983–1984, 1988), ЦСКА (1985–1987), «Сатурна» (Раменское; 1994); скончался 3 июля на 44-м году жизни;

Юрий Шишлов — игрок СКА (Ростов-на-Дону; 1964–1966), «Трактора» (Волгоград; 1967–1971), «Уралана» (Элиста; 1972–1976); скончался от травм, нанесенных неизвестными 5 августа на 66-м году жизни;

Фридрих Марютин — игрок «Зенита» (Ленинград; 1946–1956), сборной СССР (1952), тренер «Зенита» (Ленинград; 1968–1969); скончался 10 сентября на 86-м году жизни;

Андрей Тимошенко — игрок «Динамо» (Москва; 1986–1988, 1991), «Динамо» (Минск; 1989); скончался 10 сентября на 42-м году жизни;

Валерий Николаев — игрок «Спартака» (Москва; 1970–1977), «Спартака» (Рязань; 1977, 1980–1982); скончался 14 сентября на 58-м году жизни;

Виталий Голубев — игрок «Рубина» (Казань; 1961–1966); скончался в сентябре на 76-м году жизни;

Вячеслав Царев — игрок «Динамо» (Москва; 1988–1994, 1997), «Локомотива» (Москва; 1995–1996), «Уралана» (Элиста; 1998); олимпийской сборной СССР; обладатель Кубка России (1996); скончался 22 сентября на 40-м году жизни;

Валентин Емышев — игрок «Спартака» (Москва; 1946–1953), ЦДСА (1954–1958), «Торпедо» (Москва; 1959), «Локомотива» (Москва; 1959–1960); тренер «Локомотива» (Москва; 1968–1969); скончался 14 ноября на 82-м году жизни;

Валентин Ивакин — игрок «Даугавы» (Рига; 1953–1954), ЦДСА (1955–1956), «Спартака» (Москва; 1957–1962), «Шинника» (Ярославль; 1963–1967), сборной СССР (1959); скончался 24 ноября на 81-м году жизни;

Владимир Маслаченко — игрок (вратарь) «Спартака» (Кривой Рог; 1952–1953), «Металлурга» (Днепропетровск; 1953–1956), «Локомотива» (Москва; 1957–1962), «Спартака» (Москва; 1962–1968), сборной СССР (1957–1962); золотой призер чемпионата Европы — 1960; с 1970 работал спортивным комментатором на ТВ (в последние годы на канале НТВ-плюс); скончался 28 ноября на 75-м году жизни;

Шамиль Бурзиев — игрок «Анжи» (Махачкала; 2003–2004, 2010); погиб в автокатастрофе 5 декабря на 26-м году жизни;

Александр Коваленко — игрок «Днепра» (Днепропетровск; 1996–1998), «Шахтера» (Донецк; 1998–1999); покончил с собой в декабре на 35-м году жизни;

Петр Буянов — старейший игрок «Шахтера» (Донецк; 50–60-е годы); скончался в декабре на 93-м году жизни.

2011

Виктор Каплацкий — игрок «Локомотива» (Москва; 1969–1972), «Искры» (Смоленск; 1973–1974), «Динамо» (Москва; 1975), «Шинника» (Ярославль; 1976–1980); скончался 5 февраля на 60-м году жизни;

Николай Линяев — игрок ЦСКА (1957–1963), олимпийской сборной СССР (1959); скончался 6 февраля на 74-м году жизни;

Йожеф Беца — игрок ЦСК МО (1955–1958), сборной СССР (1955–1956), тренер СКА (Ростов-на-Дону; 1964–1968, 1975), «Арарата» (Ереван; 1979–1981); скончался 24 февраля на 82-м году жизни;

Виктор Ворошилов — игрок «Крыльев Советов» (Куйбышев; 1948–1956), «Локомотива» (Москва; 1956–1962, капитан команды в 1957–1962), сборной СССР (1958), олимпийской сборной СССР (1959); скончался 5 марта на 85-м году жизни;

Евгений Лядин — игрок «Локомотива» (Москва; 1948–1956), тренер юношеской сборной СССР (1965–1972, 1979–1982); скончался 3 апреля на 85-м году жизни;

Сергей Котрикадзе — игрок (вратарь) «Динамо» (Тбилиси; 1955–1968, 1970), «Торпедо» (Кутаиси; 1968–1969), олимпийской сборной СССР (1963); тренер «Динамо» (Тбилиси; 1973–1974); чемпион СССР (1964), «Лучший вратарь 1962 года», «Лучший вратарь Грузии»; скончался 3 мая на 75-м году жизни;

Борис Сочинава — игрок «Динамо» (Тбилиси; 1958–1967), тренер «Динамо» (Тбилиси; 1994–1995); чемпион СССР (1964); скончался 17 мая на 75-м году жизни;

Александр Распутин — игрок СКА (Ростов-на-Дону; 1975–1976), «Зенита» (Ленинград; 1977–1979); тренер «Спартака» (Йошкар-Ола; 2000); скончался 19 мая на 59-м году жизни;

Владимир Рыжкин — игрок ЦДСА (1951–1952), «Динамо» (Москва; 1953–1961), сборной СССР (1956–1957); чемпион СССР (1954, 1955, 1957), олимпийский чемпион (1956), обладатель Кубка СССР (1956); скончался 19 мая на 81-м году жизни;

Владимир Шалин — игрок «Динамо» (Москва; 1981–1987), «Факела» (Воронеж; 1987–1988); скончался 9 июня на 46-м году жизни;

Джемал Зеинклишвили — игрок «Динамо» (Тбилиси; 1959–1965); чемпион СССР (1964); скончался 1 сентября на 75-м году жизни;

Алексей Мамыкин — игрок «Динамо» (Москва; 1955–1958), ЦСК МО (1959–1963), сборной СССР (1961–1962); чемпион СССР (1957); тренер ЦСКА (1967–1971, 1976–1977); скончался 20

сентября на 76-м году жизни;

Жак Суприкян — игрок «Арарата» (Ереван; 60-е годы); скончался в сентябре на 72-м году жизни;

Валентин Иванов — игрок «Торпедо» (Москва; 1952–1966), сборной СССР (1955–1965); олимпийский чемпион (1956), чемпион Европы (1960); тренер «Торпедо» (Москва; 1967–1970, 1973–1978, 1980–1991, 1994–1996, 1998); скончался 8 ноября на 87-м году жизни;

Сергей Мосягин — футболист, тренер юношеской сборной СССР (1975–1978), СССР (1979), «Пахтакора» (Ташкент; 1980); скончался 25 ноября на 74-м году жизни;

Геннадий Логофет — игрок «Спартака» (Москва; 1960–1975), сборной СССР (1963–1970); чемпион СССР (1962, 1969), обладатель Кубка СССР (1963, 1965, 1971); тренер сборной СССР (1980–1982), «Спартака» (Москва; 2001); скончался 5 декабря на 70-м году жизни;

Евгений Рудаков — игрок «Динамо» (Киев; 1963–1977), сборной СССР (1968–1978); чемпион СССР (1966, 1967, 1968, 1971, 1974, 1975, 1977), обладатель Кубка СССР (1964, 1966, 1974), обладатель Кубка обладателей кубков УЕФА (1975) и Суперкубка (1975); скончался 21 декабря на 70-м году жизни;

Николай Кольцов — игрок «Динамо» (Киев; 1961–1963); чемпион СССР (1961); скончался 27 декабря на 76-м году жизни.

2012

Петр Василевский — игрок «Динамо» (Минск; 1973–1984), «Пахтакора» (Ташкент; 1979); чемпион СССР (1982); скончался 9 января на 56-м году жизни;

Валентин Трояновский — игрок «Динамо» (Киев; 1960–1964); чемпион СССР (1961); скончался 18 января на 73-м году жизни;

Эдуард Зарембо — игрок «Динамо» (Минск; 1963–1969), бронзовый призер чемпионата СССР (1963); скончался 3 марта на 75-м году жизни;

Рамаз Урушадзе — игрок (вратарь) «Динамо» (Тбилиси; 1959–1960, 1965–1971), сборной СССР (1963–1964), серебряный призер Кубка Европы (1964);

Николай Абросимов — игрок «Зенита» (Ленинград; 1945–1947); скончался 25 марта на 95-м году жизни;

Анатолий Кикин — игрок «Крыльев Советов» (Куйбышев, 1962–1968), «Торпедо» (Тольятти, 1970–1972); скончался 27 марта на 72-м году жизни;

Владимир Чеботарев — игрок «Кайрата» (Алма-Ата; 1969–1977); скончался 27 марта на 62-м году жизни;

Виктор Вотоловский — игрок «Динамо» (Москва; 1965–1968), «Зенита» (Ленинград; 1969), «Металлурга» (Липецк; 1971–1974); скончался 9 апреля на 65-м году жизни;

Владимир Астаповский — игрок (вратарь) ЦСКА (1969–1980), сборной СССР (1975–1977), бронзовый призер Олимпийских игр (1976); скончался 12 апреля на 66-м году жизни;

Кирилл Доронин — игрок «Торпедо» (Москва; 1959–1960), ЦСКА (1961–1962), «Политотдела» (Ташкентская область, 1969), чемпион СССР и обладатель Кубка СССР (1960); скончался 4 мая на 74-м году жизни;

Юрий Суслопаров — игрок «Карпат» (Львов; 1977–1980), «Торпедо» (Москва; 1981–1985), «Спартака» (Москва; 1986–1990), сборной СССР (1981–1982), чемпион СССР (1987, 1989), чемпион чемпионата Европы среди молодежи; скончался 28 мая на 54-м году жизни;

Рамаз Шенгелия — игрок «Торпедо» (Кутаиси; 1973–1976), «Динамо» (Тбилиси; 1977–1988), сборной СССР (1979–1983); скончался от сердечного приступа у себя на даче 21 июня на 56-м году жизни;

Антонин Сочнев — игрок «Торпедо» (Москва; 1947–1952); скончался 27 июня на 89-м году жизни;

Александр Чумаков — игрок «Торпедо» (Москва; 1966–1972), сборной СССР (1968–1969); скончался 8 июля на 65-м году жизни;

Сергей Жарков — игрок «Черноморца» (Одесса; 1980–1988); скончался 26 июля на 55-м году жизни;

Борис Разинский — игрок (вратарь) ЦСКА (1954–1961), «Арарата» (Ереван; 1970), сборной СССР (1956–1959), чемпион Олимпийских игр (1956); скончался 6 августа на 80-м году жизни;

Владимир Кобзев — игрок «Торпедо» (Москва; 1983–1988), «Пахтакора» (Ташкент; 1989); скончался 7 августа на 53-м году жизни;

Геннадий Абрамович — игрок «Динамо» (Минск), бронзовый призер чемпионата СССР (1954); скончался 17 августа на 85-м году жизни;

Александр Максименков — игрок «Торпедо» (Москва; 1974–1975), «Динамо» (Москва; 1976–1981), сборной СССР (1977–1979), чемпион СССР (1976, весна), обладатель Кубка СССР (1977); скончался 7 сентября на 61-м году жизни;

Павел Казаков — футбольный арбитр, работал на Олимпийских играх (1972), на чемпионате мира (1974), на финале Кубка УЕФА (1973); скончался 15 сентября на 85-м году жизни;

Виктор Соколов — игрок «Локомотива» (Москва; 1955–1963), сборной СССР (1959); скончался 23 ноября на 81-м году жизни;

Александр Иванов — игрок «Ростсельмаша» (1973–1976, 1983–1985), «Зари» (Ворошиловград; 1979); скончался 12 декабря на 60-м году жизни;

Николай Паршин — игрок «Спартака» (Москва; 1949–1958), сборной СССР (1955), чемпион СССР (1952, 1953, 1956); скончался 16 декабря на 84-м году жизни.

2013

Вильгельм Теллингер — игрок ЦСКА (1972–1976), СКА (Ростов-на-Дону; 1976–1977), молодежной сборной СССР (1972–1973); скончался 24 января на 63-м году жизни;

Вячеслав Мазалов — игрок «Крыльев Советов» (Куйбышев; 1977–1979); скончался 7 февраля на 58-м году жизни;

Валерий Горшкодеря — игрок «Шахтера» (Донецк; 1981, 1984–1990); скончался (выпал из окна) 13 марта на 54-м году жизни;

Арсен Чилангарян — игрок «Арарата» (Ереван; 1984–1987); скончался 14 мая на 48-м году жизни;

Владимир Востроилов — игрок (вратарь) «Локомотива» (Москва; 1954–1957), ЦСКА (1961), «Зенита» (Ленинград; 1962–1967); скончался 15 мая на 78-м году жизни;

Альмир Каюмов — игрок «Спартака» (Москва; 1984–1987, 1991–1992), чемпион СССР (1987); погиб (сбит автомобилем) 7 августа на 49-м году жизни;

Виктор Киктев — игрок (вратарь) СКА (Ростов-на-Дону; 1957–1962); скончался 19 августа на 78-м году жизни;

Анатолий Паров — игрок «Динамо» (Москва; 1976–1980), «Локомотива» (Москва; 1981–1984), сборной СССР (1976), чемпион СССР (1976, весна), обладатель Кубка СССР (1977); скончался 28 сентября на 58-м году жизни;

Анатолий Родин — игрок «Шахтера» (Донецк; 1961–1965); скончался 9 октября на 77-м году жизни;

Леонид Барановский — игрок «Черноморца» (Одесса; 1972–1975); скончался 8 декабря на 61-м году жизни.

2014

Бахтияр Гуламов — игрок «Нефтчи» (Баку; 1972–1978); скончался 7 января на 65-м году жизни;

Геннадий Матвеев — игрок СКА (Ростов-на-Дону; 1959–1968), сборной СССР (1963–1966); скончался 15 января на 77-м году жизни;

Олег Имреков — игрок ЦСКА (1984), «Черноморца» (Одесса; 1988–1990), «Спартака» (Москва; 1990–1991); скончался 26 января на 52-м году жизни;

Геннадий Черевченко — игрок «Памира» (Душанбе; 1969–1986), провел 563 матча (рекорд), забил 22 гола; скончался 18 марта на 67-м году жизни;

Станислав Костюк — игрок «Авангарда» (Харьков), тренер «Металлиста» (Харьков), «Маяка» (Харьков); скончался 4 апреля на 78-м году жизни;

Эдуард Косолапов — игрок «Динамо» (Москва; 1997–1998), «Динамо» (Брянск; 2003–2005), «Мордовия» (2006–2008); покончил жизнь самоубийством 18 апреля, выстрелив себе в голову;

Владимир Смирнов — игрок «Кубани» (Краснодар; 1965–1967), «Динамо» (Москва; 1968–1971); «Лучший дебютант сезона» (1968), обладатель Кубка СССР (1970); скончался 8 мая на 68-м году жизни;

Виктор Ерохин — игрок «Уралмаша» (1960–1963, 1966–1972), «Днепра» (Днепропетровск; 1964–1965); тренер («Уралмаш», 1983–1988); скончался 10 мая на 75-м году жизни;

Анатолий Миронов — игрок «Кубани» (Краснодар; 1963, 1965–1968), чемпион РСФСР (1962), тренер; скончался 31 мая на 78-м году жизни;

Геннадий Гусаров — игрок «Торпедо» (Москва; 1957–1962), «Динамо» (Москва; 1963–1968), «Динамо» (Барнаул; 1969–1971), сборной СССР (1961–1964); чемпион СССР (1960, 1963), обладатель Кубка СССР (1959/60, 1966/67), финалист чемпионата Европы (1964), член клуба Григория Федотова (113 мячей), в списках 33 лучших футболистов сезона в СССР (6): № 2–1958, 1960, 1961, 1962, 1967; № 3–1963, лучший бомбардир чемпионата СССР (1960, 1961); скончался 2 июня на 78-м году жизни;

Геннадий Рютин — игрок «СКА-Энергии» (Хабаровск; 1974–1986); скончался 4 июня на 61-м году жизни;

Геннадий Костюченко — игрок «Шахтера» (Караганда, 60-е годы); скончался 8 июня на 77-м году жизни;

Николай Карташов — игрок клуба «Томь» (1957–1963); скончался 11 июня на 88-м году жизни;

Анатолий Васильев — игрок «Динамо» (Минск; 1966–1973), «Карпат» (Львов; 1974), «Торпедо» (Жодино; 1974–1975), олимпийской сборной СССР (1971), тренер; скончался 3 июля на 70-м году жизни;

Викторас Бридайтис — игрок «Жальгириса» (1987–1989); погиб на рыбалке на реке Нямунас вместе с братом 4 июля на 50-м году жизни;

Игорь Шустиков — игрок «Динамо» (Минск; 1989), «Бобруйска» (1992–1995), «Белшина» (1995–1999); скончался 14 июля на 43-м году жизни;

Юрий Васильев — игрок «Салют-Энергии» (Белгород; 1968–1971, 1974 и 1976), «Искры» (Смоленск; 1973); скончался 23 июля на 66-м году жизни;

Алекпер Мамедов — игрок «Нефтяника» (Баку; 1948–1953, 1960–1962), «Динамо» (Москва; 1954–1959), сборной СССР (1958–1959), тренер «Нефтяника» (1963–1965), «Нефтчи» (1971–1972); скончался 28 июля на 85-м году жизни;

Вячеслав Алексеев — игрок «Спартака» (Орел) и «Молдовы» (Кишинев); скончался 29 июля на 75-м году жизни;

Валентин Белькевич — игрок «Динамо» (Минск; 1991–1996), «Динамо» (Киев; 1996–2007), «Интера» (Баку; 2008–2009), сборной Белоруссии (1992–2005), тренер «Динамо» (Киев; 2010–2014); скончался 1 августа от тромбоэмболии на 42-м году жизни;

Виктор Копыл — игрок «Карпат» (Львов; конец 80-х); скончался 8 августа на 55-м году жизни;

Андрей Сафронов — игрок «Кристалла» (Смоленск; 1998–2001, 2003 и 2005–2007); скончался 9 августа на 39-м году жизни;

Андрей Баль — игрок «Карпат» (Львов; 1977–1980), «Динамо» (Киев; 1981–1990), сборной СССР (1981–1989), «Маккаби» (Тель-Авив; 1990–1991), тренер; чемпион Европы среди юниоров (1976), чемпион мира среди юниоров (1977), чемпион Европы среди молодежных команд (1980), четырехкратный чемпион СССР (1981, 1985, 1986, 1990), четырехкратный обладатель Кубка СССР (1982, 1984/85, 1986/87, 1989/90), обладатель Кубка обладателей Кубков УЕФА (1986); скончался 9 августа в возрасте 56 лет во время матча ветеранских команд на стадионе имени Банникова в Киеве;

Юрий Москалец — игрок «Ворсклы» (1964–1982); скончался 20 августа на 68-м году жизни;

Андрей Гусин — игрок «Авангарда» (Жидачов), «Карпат» (Львов; 1992–1993), «Динамо» (Киев; 1993–2005), сборной Украины (1993–2006), тренер; погиб в автокатастрофе (разбился

на мотоцикле) 17 сентября на 42-м году жизни;

Владимир Долбоносов — игрок «Динамо» (Москва; 1967–1975), «Пахтакора» (Ташкент; 1976); чемпион Европы среди юношей (1967), обладатель Кубка СССР (1970), бронзовый призер чемпионата СССР (1973); скончался 25 сентября на 66-м году жизни;

Виталий Дмитренко — игрок «Кривбасса» (1976–1988); скончался 1 октября на 64-м году жизни;

Федор Черенков — игрок «Спартака» (Москва; 1977–1990, 1991), сборной СССР (1979–1990), «Ред стар» (Франция; 1990–1991); чемпион СССР (1979, 1987, 1989), бронзовый призер Олимпиады (1980), обладатель Кубка Федерации футбола СССР (1987), чемпион России (1993), обладатель Кубка России (1994), обладатель Кубка чемпионов Содружества: (1993), член клуба бомбардиров Григория Федотова (141 гол), рекордсмен по количеству игр за московский «Спартака» — 515, в списках 33 лучших футболистов СССР 9 раз, из них № 1 (1983, 1985, 1987 и 1989) — 4 раза, № 2 (1980, 1982 и 1988), № 3 (1981 и 1984); в чемпионатах СССР и России провел 398 матчей, забил 95 мячей; скончался 4 октября от опухоли мозга на 56-м году жизни;

Анатолий Чертков — игрок СКА (Ростов-на-Дону; 1958–1967), «Ростсельмаша» (1968), серебряный призер чемпионата СССР (1966); скончался 22 октября на 79-м году жизни;

Виктор Серебряников — игрок «Динамо» (Киев; 1959–1971), сборной СССР (1963–1970); чемпион СССР (1961, 1966, 1967, 1968, 1971), обладатель Кубка СССР (1964, 1966), в списках 33 лучших футболистов СССР 9 раз, из них № 1 (1968 и 1969) — 2 раза, № 2 (1962, 1964 и 1965), № 3 (1960, 1961 и 1963) и б/н (1967); скончался 12 ноября на 75-м году жизни;

Григорий Амбарцумян — игрок «Спартака» (Ереван; 1953–1964), первый футболист из Армении, попавший в список 33 лучших футболистов сезона в СССР в 1961 году, № 2 (на месте правого крайнего защитника), в 1962 году привлекался в сборную СССР (на чемпионат мира в Чили), но выбыл из-за травмы; скончался 21 ноября на 82-м году жизни;

Сергей Веньков — игрок «Текстильщика» (Иваново; 1970–1971, 1972–1973, 1975–1978), «Черноморца» (Одесса; 1972), «Торпедо» (Москва; 1974); скончался 22 ноября на 65-м году жизни;

Юрий Забродин — игрок «Зенита» (Ленинград; 1948–1949), тренер «Текстильщика» (Иваново; 1962–1974); скончался 10 декабря на 88-м году жизни;

Игорь Надеин — игрок «Нистру» (Кишинев; 1972–1977), «Колоса» (Никополь; 1978–1981), «Днепра» (Днепропетровск;

1981–1982), тренер; скончался 25 декабря на 67-м году жизни.

2015

Виктор Шеховцев — игрок «Крыльев Советов» (Куйбышев; 1962–1963), «Авангарда» (Харьков; 1964), «Судостроителя» (Николаев; 1966–1973); скончался 1 февраля на 75-м году жизни;

Роман Сидоров — игрок СКА (Одесса; 1976), «Крыльев Советов» (Куйбышев; 1979; 31 матч, 6 голов), «Нефтчи» (Баку; 1980); скончался 8 февраля на 60-м году жизни;

Эдуард Шаповаленко — игрок (вратарь) «Торпедо» (Москва; 1956–1958, 1964–1967), ЦСКА (1958–1961), «Зенита» (Ленинград; 1968–1972), «Металлурга» (Липецк; 1972); чемпион СССР (1965), серебряный призер чемпионата СССР (1964); скончался 3 февраля на 75-м году жизни;

Михаил Коман — игрок «Динамо» (Киев; 1949–1959), серебряный призер чемпионата СССР (1952), обладатель Кубка СССР (1954), в списке 33 лучших футболистов сезона в СССР (3): № 2 (1957), № 3 (1955, 1956), тренер «Динамо» (Киев; 1960–1973); скончался 21 февраля на 87-м году жизни;

Евгений Титов — игрок «Строителя» (Череповец; 1981–1985), «Динамо» (Вологда; 1987–1988), «Жемчужины» (Сочи; 1993–1994) и др.; скончался 27 февраля на 52-м году жизни;

Валерий Самохин — игрок «Кривбасса» (1970–1971), «Динамо» (Киев; 1972–1975), «Локомотива» (Москва; 1976–1979) и др.; обладатель Кубка СССР (1974), серебряный призер чемпионата СССР (1972, 1973); скончался 27 февраля на 68-м году жизни;

Бауржан Баймухамедов — игрок «Кайрата» (Алма-Ата; 1969–1970; 34 игры, 1 гол) и др., тренер; скончался 5 апреля на 68-м году жизни;

Евгений Логвиненко — игрок «Зари» (Ворошиловград; 1967–1969), «Черноморца» (Одесса; 1974–1980) и др.; в 2001 защитник был включен в число лучших футболистов Одессы XX века; скончался 16 апреля на 67-м году жизни;

Арутюн Кегеян — игрок «Спартака» (Ереван; 1949–1954, 1956–1961), «Спартака» (Москва; 1955), тренер «Арарата» (Ереван; 1971–1974); скончался 17 апреля на 86-м году жизни;

Виктор Спиридонов — игрок «Зенита» (Ленинград; 1962–1967; 91 игра, 4 гола); скончался 21 апреля на 78-м году жизни;

Виктор Борисов — игрок «Янгиера» (Янгиер; начало 60-х), тренер «Пахтакора» (1988–1990), сборной Узбекистана и др.; скончался 16 мая на 74-м году жизни;

Ахмед Алескеров — игрок «Нефтяника» (Баку; 1955–1965), тренер «Нефтяника/Нефтчи» (1966–1970, 1980–1982),

«Черноморца» (Одесса; 1973–1977); скончался 19 мая на 80-м году жизни;

Василий Жупиков — игрок «Торпедо» (Москва; 1977–1985), «Динамо» (Москва; 1986), «Спорта» (Таллин; 1987–1988), сборной СССР (1977–1984); бронзовый призер чемпионата СССР (1977), обладатель Кубка СССР (1986), 3 раза входил в число 33 лучших игроков СССР (№ 2–1977, 1978; № 3–1983); скончался 7 июня на 62-м году жизни;

Александр Кочетков — игрок СКА (Хабаровск; 1957–1960), тренер «Пахтакора» (Ташкент; 1977–1979) и др.; скончался 1 июля на 82-м году жизни;

Валерий Шевлюк — игрок «Шахтера» (Донецк; 1970–1971, 1974–1977), «Зари» (Ворошиловград; 1978–1981) и др.; скончался 9 июля на 67-м году жизни;

Эльдар Касымов — игрок «Бухары» (2001–2005), сборной Узбекистана (2000); скончался 12 августа на 38-м году жизни;

Юрий Ананченко — игрок «Шахтера» (Донецк; 1959–1967), обладатель Кубка СССР (1961); скончался 21 сентября на 75-м году жизни;

Александр Колповский — игрок СКА (Хабаровск; 1972–1975, 1984–1987), ЦСКА (1976–1979), «Айнхайта» (ГДР, Науэн; 1980–1982); скончался 23 сентября на 63-м году жизни;

Сергей Пасечник — игрок СКА (Львов; 1978), ЦСКА (1979–1984), СКА-«Карпаты» (Львов; 1985–1987); скончался 24 октября на 58-м году жизни.

Источники

Книги: «Российский футбол за 100 лет» (Энциклопедия), А. Горбунов. «Спартак» (Фотоальбом), Б. Пирогов. «Футбол» (Хроника. События. Факты), В. Сафаров. «Пахтакор»: Летопись полувека», Р. Дасаев, А. Львов. «Команда начинается с вратаря».

Газеты: «Советский спорт», «Футбол-хоккей», «Спорт-экспресс», «Бульвар Гордона».

Автор выражает благодарность всем журналистам, писавшим в разное время о героях этой книги и бравшим у них интервью. Среди этих журналистов: В. Сафаров, А. Нилин, Б. Коньков, Ю. Голышак, А. Кружков, А. Матвеев, Ю. Юрис, О. Кучеренко.

Интернет-ресурсы: Википедия, fc-dynamo.ru.